

Преподобный Нил Синайский

Творения

*По благословию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси
Алексия II*

© Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. 2000.

Содержание

Преподобный Нил постник, Синайский, и его творения

К монаху Агафию

Отделение 1. Введение

Отделение 2. О воздержании

Отделение 3. О тщеславии

Отделение 4. О чтении и молитве

**Отделение 5. О том, что душам пристрастных к богатству, как
животолюбивым, при смерти трудно расставаться с жизнью**

Отделение 6. О том, что справедливо наказываются

собственность свою передающие во владение кому случится

**Отделение 7. О тех, которые во время кончины не прилагают
попечения о своем спасении, но пишут завещания и отдают
приказы о том, над чем не имеют власти**

**Отделение 8. О том, что страждущие при жизни беспечно и
во время кончины, вместо того чтобы позаботиться о самих
себе, прилагают старание о том, как передать имение свое
наследникам**

Отделение 9. Обличение пишущих завещания

Отделение 10. О житии блаженных и злоумии Дьявола

**Отделение 11. Об Иосифе и Сусанне и о том, что подвиг Иосифов
выше подвига блаженной Сусанны**

**Отделение 12. Притча о винограднике и о делателях, нанятых в
разные часы**

Слово о молитве

Предисловие

Слово о молитве, разделенное на 153 главы

О восьми лукавых духах

О чревоугодии

О блуде

О сребролюбии

О гневе

О печали

Об унынии

О тщеславии

О гордости

К Евлогию монаху

Слово 1

К Елогию монаху

Слово 2

О пороках, противоположных добродетелям

О различных лукавых помыслах 27 глав

Слово на евангельское изречение: Иже иматъ влагалище, да возмет, такожде и мех: а иже не иматъ, да продаст ризу свою и купит нож (Лк. 22, 36)

Сказания об избииении монахов на горе Синайской и о пленении Феодула, сына Нилова

Сказание первое

Сказание второе

Сказание третье

Сказание четвертое

Сказание пятое

Сказание шестое

Сказание седьмое

Похвальное слово Алвиану

Слово подвижническое

К досточтимейшей Магне, диаконисе Анкирской, слово нестяжательности

О том, что пребывающие на безмолвии в пустынях преимуществуют пред живущими в городах, хотя многие из неопытных противного сему мнения

Разные главы или мысли

Мысли, которые могут человека отводить от тленного и прилепляют к нетленному

Преподобный Нил постник, Синайский, и его творения

Преподобный Нил Постник, называемый также «Синайским», – один из великих восточных, византийских подвижников и церковных писателей IV-V веков. Родился он в Константинополе во второй половине IV века в знатной, богатой семье и получил превосходное образование. По складу своего характера да и по воспитанию, Нил проводил жизнь добродетельную и богоугодную. После достижения совершеннолетия юноша вступил в брак со столь же добропорядочной девицей, светлого ума и прекрасных душевных качеств. Супруги имели двух детей – сына и дочь.

В кратком Житии святого Нила говорится: «Преподобный Нил... вероятно... тогда, как святой <Иоанн> Златоуст был проповедником в Антиохии (то есть еще в сане пресвитера и, значит, до 397 года. – В. О.), был слушателем и учеником его»¹. Это обстоятельство непременно подчеркивается в различных изданиях творений и житий святого Нила.

---

¹ Добротолюбие. 2-е изд. М., 1895. Т. 2. С. 203-204.

Казалось бы, знатному и богатому юноше в силу его общественного положения была уготована блестящая светская карьера. И сначала так оно и было. Молодой человек, благородного происхождения, со многими достоинствами, со способностями к государственной службе, был назначен на весьма высокую должность – префекта² Константинополя, византийской столицы (столичным префектом было должностное лицо, в подчинении которого находились все, если говорить современным языком, полицейские службы города).

Нил с супругой были близки к императорскому двору – их окружал блеск придворной жизни, они имели постоянное (но, правда, по обязанности) общение как с самим императором, так и с его семейством и ближайшими к монарху царедворцами, с различными высокопоставленными чиновниками, однако светская жизнь тяготила и Нила, и его супругу. И подобное настроение в их душах только укреплялось осознанием суетности всего земного. Это – удивительное явление, говорящее о неоднозначности житейских обстоятельств. Очевидно, что молодые супруги имели все необходимое (и даже более того) в своей повседневной жизни. Но пороки, к прискорбию распространенные в столице, в том числе и при императорском дворе, отягощали христианскую совесть Нила. Он стремился так или иначе защититься от всех «прелестей» и соблазнов великосветской жизни, как бы отгородиться, уйти от них.

Кстати сказать, спустя несколько лет порочность, распущенность столичных и придворных нравов нелицеприятно и гласно обличал святитель Иоанн Златоуст, после возведения его на архиепископскую кафедру стольного града. Его обличительные проповеди вызвали злобу императрицы и самого императора. И монарх жестоко расправился со святителем: изгнал его из столицы и отправил в ссылку.

Святой Нил давно проникся убеждением в том, *что весь мир лежит во зле* (1 Ин. 5, 19) и что «в нем нет ничего постоянного, ничего вечного и справедливого, но все извращено, исполнено неправды. Нил стал стремиться к узкому, но спасительному пути, ведущему к Жизни Вечной, исполненной истинного и неизменного веселия и бесконечного блаженства»³.

---

² Или епарха. Епарх – это начальник города или области. О Ниле как префекте говорится в книге 3-й (ноябрь) Четиих Миней святителя Димитрия Ростовского и во 2-м томе «Добротолюбия»; о нем же как о епархе сказано в книге 5-й (январь) Четиих Миней и в некоторых других изданиях.

³ Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четиих Миней святителя Димитрия Ростовского. Кн. 3: Ноябрь. М.: Синодальная типография, 1905. С. 304–305.

Позже, подвизаясь уже на Синайской горе⁴, в пустыне, преподобный Нил напишет: «Путь к добродетели – бегство от мира – путь благой и краткий <короткий>. Вожделевшему <возжелавшему> нетленного надлежит ни во что вменять все тленное... Возненавидь настоящую жизнь, ибо видишь, как беспорядочно вращается ее колесо. Не вожделевай <не желай> благ, которыми пользование преходит и обладание утрачивается... Всему предпочитай душу, и путь добродетели потечет тогда без труда, ибо все тленно, а душа бессмертна; тленному же надлежит предпочитать бессмертное»⁵.

Не сразу, но тем не менее довольно скоро и сам Нил, и его супруга (под благотворным воздействием преподобного) приняли твердое решение оставить совместную жизнь, удалиться из мира и вступить на монашескую стезю. Это событие в жизни супругов произошло около 390 года.

Вне сомнения, оно было вызвано не только желанием самого Нила, но и тем исключительным влиянием, которое оказал на преподобного святитель Иоанн Златоуст, – великий вселенский Отец и учитель Церкви, боговдохновенный проповедник, дивный подвижник, молитвенник, святость которого была явлена Богом всем людям.

Из Жития преподобного Нила мы узнаём и о том, что благочестивые супруги раздали свое имущество нищим и всем нуждавшимся, отпустили на свободу рабов и рабынь. Что же касается детей, то родители поделили ответственность за них между собой: дочь осталась с матерью, тогда как Нил принял на себя попечение о сыне, Феодуле (имена супруги и дочери Нила в Житии не названы).

Мать с дочерью ушла в одну из египетских женских обителей, там приняла монашество и стала усердно служить Господу, совершая дела благочестия.

Нил с Феодулом покинули Константинополь и направились на Синайскую гору.

Преподобный Нил вместе с сыном поселились в пещере, которую они выкопали своими же руками. В этой пещере святой Нил подвизался затем в продолжение сорока лет. Отшельники питались даже не хлебом: их пищей были дикие горькие травы. Нил стремился подражать жизни преподобных Отцов-пустынников строгим постом, молитвенными бдениями, богомыслием – возношением мыслей к Богу, чтением и изучением Священного Писания, другими иноческими трудами.

Многие отшельники, христианские подвижники разных времен, удаляясь от мира с его соблазнами и суетой, с «беспорядочным вращением колеса» жизни, тем не менее не перерывали связующих нитей с теми, кто по-прежнему пребывал в миру. «Оставля, однако же,

---

⁴ Гора Синай, «Синайская гора», – находится на Синайском полуострове, на его южной оконечности. Полуостров расположен в северной части Красного моря, между заливами Суэцким и Акаба. На горе Синай святому пророку Моисею Самим Господом были переданы «Скрижали завета» – каменные доски с написанными на них заповедями Божиими (см.: Исх. 31, 18). На Синае, в пещерах и в близлежащих пустынях, издревле подвизались многие христианские постники и молитвенники; здесь находится прославленный монастырь святой великомученицы Екатерины (основан в VI веке).

⁵ Добротолюбие. Т. 2. С. 279–280.

мир, преподобный Нил не оставил общения с людьми. Из всех мест и всякого рода лица обращались к нему (и писали, и приходили. – *В. О.*) со своими духовными нуждами, и никто не был оставлен без потребного вразумления и назидания. И царь (император Аркадий. – *В. О.*) писал к нему, прося молитв, и он писал к царю...»⁶

В своем пустынном уединении преподобный Нил много времени уделял плодотворному литературному труду. Его боголюбивые сочинения разнообразны и о них отдельно будет сказано ниже. Здесь же упомянем лишь о письмах, посланиях святого Нила, адресованных различным лицам, и, в частности, – самому императору Аркадию. Как только святой подвижник узнал о том, что император подверг святителя Иоанна Златоуста изгнанию из Константинополя, он немедленно отправил императору послание, в котором безбоязненно и гневно обличал монарха за жестокость и несправедливость, проявленные по отношению к святителю.

Пустынничество ошибочно представлять как некий покой, как «отдохновение» от дел мирских, от мирской сумятицы и суеты. Жизнь пустытника – это особое состояние духа: непрерывное, соединенное с молитвой бодрствование и телом, и душой; это и непрерывные демонские искушения через внушение подвижнику «помыслов» (в данном случае – сомнительных, подчас греховных мыслей, ложных, неверных чувств, желаний, намерений), и постоянное противостояние этим помыслам; это – стремление к добродетели и непрерывные труды ради добродетели. Такие труды по силам далеко не всякому делающему и ищущему пустынного уединения. Преподобный Нил пишет: «Старцы очень одобряют отшельничество, когда оно бывает в свое время, – то есть когда кто приступает к нему, усовершенствовавшись в добродетели в общежитии (в монашеском общежитии – в монастыре. – *В. О.*). И такой пусть сначала испытает себя, может ли с успехом жить в отшельничестве; и если найдет сие для себя невозможным, по недостатку сил, пусть возвратится в общежитие, чтобы иначе, не имея сил противостоять ухищрениям помыслов, не лишиться рассудка»⁷. И далее – о трудах ради добродетели: «Как велик этот труд, знают те, которые, будучи преобладаемы <побеждаемы> привычкой, принуждены бывают худой навык преобразовать в добрый. Велик труд, но не жалеющие себя преуспевают в нем благодатию Божией»⁸.

Сама жизнь пустытников нередко подвергалась опасности, иногда – смертельной. И преподобный Нил претерпел в пустыне немало невзгод. Одно из испытаний, ниспосланных ему Господом, было для него особенно тяжелым.

В православном месяцеслове 14 (27) января указана память «преподобных Отцов, в Синае и Раифе избиенных» и названы под этим числом имена семнадцати Отцов – Исаии, Саввы, Моисея и иных подвижников.

«Избиений» было описано два. Преподобные Отцы в обоих случаях подвергались нападениям арабских кочевых племен сарацин и влеммиан – они грабили и разоряли иноческие пещеры и обители горы Синайской и близко к ней расположенной пустыни Раифы. Кочевники

⁶ Добротолюбие. Т. 2. С. 203.

⁷ Добротолюбие. Т. 2. С. 292.

⁸ Там же. С. 301.

зверски, с лютой свирепостью мучили подвижников и затем с ужасающей жестокостью их убивали. «Первое избиение произошло около 312 года. Оно было описано Аммонием, египетским иноком, очевидцем гибели сорока святых Отцов синайских. В то же время арабы избили <то есть убили> тридцать девять Отцов в Раифе. Вторичное избиение совершено через сто лет и описано также очевидцем, чудом избежавшим гибели, – преподобным Нилом Постником»⁹. «Сказания (их семь. – В. О.) об избиении монахов на горе Синайской и о пленении Феодула, сына Нилова», составленные преподобным Нилом Постником, публикуются в настоящем издании его творений.

По Промыслу Божию, во время сего, второго, избиения святых Отцов синайских и раифских преподобный Нил оказался на вершине горы, труднодоступной для варваров и находившейся в некотором отдалении от места их нападения на иноческие пещеры и обители, и потому был избавлен от неминуемой гибели. «Сын же его, Феодул, остался в руках варваров. Так как он был весьма красив лицом, то они не убили его, а связав, взяли его с собой, с тем чтобы принести его в жертву утренней заре, которую почитали вместо Бога... Нил Постник, взирая с вершины горы на отведение в плен сына (и с ним некоторых Отцов-пустынников. – В. О.) и на жестокую смерть преподобных Отцов, безутешно рыдал...»¹⁰.

Но так случилось, что Господь сохранил жизнь Феодула. Преподобный Нил узнал о том, «что сын его жив. Он был продан в Емесу¹¹ (Емеса, Емес – город в Сирии. – В. О.), епископ же этого города выкупил его и сделал своим клириком (посвятив затем во пресвитера. – В. О.). О всем этом сам преподобный Нил Постник подробно говорит в своем слове. Придя туда, преподобный нашел своего сына невредимым и здоровым. Весьма утешенный этим, он благодарил Бога. Епископ принял его с любовью, убедил его принять пресвитерский сан и потом обоих их – преподобного Нила и сына его Феодула – с честью отпустил... домой. Они пошли на Синайскую гору, к своему прежнему местопребыванию, и прожили там немало лет, усердно служа своему Владыке, Господу нашему Иисусу Христу, пред Которым сподобились потом, вместе с ликами (с сонмом, со множеством. – В. О.) преподобных Отцов, предстать на Небесах...»¹².

«Сказание седьмое», последнее из всех семи «Сказаний об избиении...», – это, по существу, диалог отца – преподобного Нила – и его сына – Феодула, это трогательное, волнующее повествование обо всем ими пережитом во время Феодулова пленения, об их страхах и надеждах, о твердом уповании на Господа, Который являет верным рабам Своим *дивную милость Свою* (ср.: Пс. 16, 7). «“Ты, сын мой, – говорит святой Нил, – в своем злострадании перенес тысячи опасностей и в ожидании претерпел не одну смерть, хотя, по милости Божией, и не изведal ее на опыте. А чаять себе верной смерти и сознать ее на опыте – одно и то же. Можно же сказать, что первое тяжелее последнего,

---

⁹ Настольная книга священнослужителя. М.: Издательство Московской Патриархии, 1978. Т. 2. С. 500.

¹⁰ Жития святых... Кн. 5: Январь. С. 447.

¹¹ В «Добротолюбии» и в «Сказаниях об избиении...» указан город Елуза.

¹² Жития святых... Кн. 5: Январь. С. 452.

потому что не столько боли причиняет усечение, сколько предшествующее ему ожидание, которое продолжительным страхом усиливает мучительность печали и делает <так>, что чаемая боль длится более действительной. А я во время этой скорби отверз уста мои ко Владыке и дал Ему обет работать в строгом воздержании и всяком злострадании, если только возвращен мне будешь живой"... "И я, родитель мой, – сказал он (Феодул. – В. О.), – охотно прииму долю в труде с тобою, буду соучастником в обете, потому что был соучастником в милости и еще больше облагодетельствован. Ты избавился от плача, а я от вкушения смерти. Если бы и тебе одному в пользу служил дар Божий, то мне, принося благодарение Богу за отца, должно было бы и благодаяние, и воздаяние за него принять на себя, хотя бы за милость сию надлежало потерпеть и что-либо горестное"»¹³.

После возвращения на гору Синайскую преподобный Нил продолжил свои подвиги и труды, в том числе и письменные, каковые он неумоимо совершал в своем уединении и до Феодулова пленения, и после него.

«Преподобный Нил, подобно великому учителю своему, святителю Иоанну Златоусту, много занимался толкованием Священного Писания, также изъяснением догматов веры и особенно известен аскетическими творениями... Все сочинения преподобного Нила, при высоком достоинстве содержания их, отличаются чистотой и изяществом языка, дышат искренностью чувства и исполнены силы мысли, всегда ясной, как свет Божий»¹⁴.

Творения преподобного Нила в переводах с греческого языка на русский были опубликованы в 1858 году в известной патристической серии, имеющей следующее название: «Творения Святых Отцов в русском переводе, издаваемые при Московской Духовной Академии». Из этого издания и взяты труды святого Нила, вошедшие в настоящий сборник. Довольно значительная часть подвижнических писаний святого Нила помещена во втором томе также весьма известного собрания отеческих творений на русском языке – многотомного «Добротолюбия».

Во второй том «Добротолюбия» (наряду с творениями других святых Отцов) вошли «Аскетические наставления преподобного Нила»: 1. Слово о молитве. 2. Об осьми духах зла. 3. Увещательные главы. 4. Мысли, отводящие человека от тленного и прилепляющие к нетленному. 5. Подобные же мысли и увещания, извлеченные из других писаний преподобного Нила. 6. Увещание к монахам. Глава 4-я помещена и в настоящем издании, но в несколько иной редакции: объясняется это и разными по времени (очевидно, и по месту) переводами творений святого Нила Постника, и тем, что все тексты святого Нила, помещенные в «Добротолюбии», переработаны святителем Феофаном Затворником.

В предисловии ко второму тому «Добротолюбия» сказано, что этот том является собранием «богомудрых отеческих наставлений преимущественно о борьбе со страстями для очищения сердца – последней цели подвижничества».

---

¹³ Настоящее издание. С. 232.

¹⁴ Жития святых... Кн. 3: Ноябрь. С. 306–307.

Если же мы просмотрим содержание данной книги, то увидим, что собранные и здесь наставления святого Нила Постника отвечают той же цели – дать духовное руководство всякому ищущему пути к преодолению и самих страстей, и склонности к ним человеческой природы. Действительно, все разделы (основные здесь названы «отделениями»), слова, мысли, увещания, сказания, – все они приводят человека к осознанию необходимости иметь во главе угла стремление к доброделанию и совершение самых дел добра, так же как и к постоянному очищению души и сердца от всяческой скверны.

Так, если святой Нил говорит о воздержании, то он называет его началом и основанием «всех прочих добродетелей, потому что тело, как молодого резвого коня, <воздержание> укрощает и приучает... к благочинию, постепенно усмиряя, сокращая игривость скудостию, обуздывая и делая скромными те страсти, которые роскошь доводит до упрямства и необузданности...»¹⁵ «...И чрево, и море – одно и то же; и то и другое ненасытно зияют <дабы> поглотить вливающиеся потоки, и <все> входящее в них истребляют, одно – перевариванием, а другое – осолением, и снова алчут <желают, требуют> иной пищи, никогда не замыкают зева, не утоляют алчности непрестанным и непрерывным влиянием»¹⁶.

Если святой Нил ведет речь о тщеславии, то он называет какой-либо поступок тщеславным в том случае, «когда сердце имеет в виду сделать это <этот поступок> напоказ. А пока не обращает оно взоров на уловление человеческой славы, хотя добродетель сияет яснее света (ей, как свету, и должно блистать собственными своими лучами), дотоле <до тех пор, пока> в произволении остается желание быть неизвестным и незаметным, оно делает угодное только одному Богу, не обращает внимания на смотрящих, видят ли, хвалят ли они, почитает суетным и напрасным все, что не споспешествует к приобретению вечной награды...»¹⁷

Чтение и молитву (имеется в виду чтение Священного Писания и книг духовно-нравственного содержания. – В. О.) преподобный Нил называет делом «прекрасным», ибо и то и другое «значительно и весьма много содействует жизни целомудренной». Чтение и молитва насыщают «разум словесами Божиими», услаждают «его созерцаниями, заключающими в себе беспримесную приятность и навсегда остающуюся пользу, когда сказаниями о мужах древних путеводится ум к соревнованию (к «соревнованию», то есть к подражанию. – В. О.) их добродетели, с них напечатлевает в себе спасительный образ благочестного жития, и, окрыляемый созерцаниями, воспаряет до Божественного веселия, и, отрешаемый от сопребывания в дольном <земном>, возводит взор горе, к Небесному, восходит к самому блаженному естеству, и, сколько может пребывать в сем состоянии, вкушает то наслаждение, какое вкушают Серафимы, непрестанно окружающие Престол <Божий>. Но молитва, может быть, в отношении к пользе имеет в себе и нечто большее; она приуготовляет к собеседованию с Богом и долговременным навыком вводит с Ним в содружество, потому что некоторым образом производит и соблюдает в

¹⁵ Настоящее издание. С. 17.

¹⁶ Там же. С. 19.

¹⁷ Настоящее издание. С. 20.

нас добрые расположения к Богу, Который и ничтожных людей приемлет в любовь и не стыдится дружественного сближения с ними, пока пребывающая в них любовь дает им <на то> дерзновение»¹⁸.

Из всего преподобным Нилом Постником «написанного видно, как обширны и глубоки были его познания и как неутомим труд его в сем деле»¹⁹.

Глубина мысли этого дивного святого Отца сочетается с мягкой и одновременно светлой печалью, столь свойственной многим православным подвижникам; обширность его познаний соединяется с искренним смирением и осознанием суетности человеческого бытия; неоспоримая логика, сила его собственных суждений как бы оттеняются строгой мыслью древних Пророков и мудрецов, святых Отцов и учителей Церкви и скрепляются словом наивысшей мудрости – словом Священного Писания, словом Божиим. Точность формулировок всегда, особенно – в тех случаях, когда речь идет о догматах, об истинах Православной Церкви, характерная для всех отеческих творений, присуща и наставлениям преподобного Нила Постника.

Пустыннический подвиг святого Нила находится в ряду постнических, молитвенных и всех иных трудов преподобных Отцов горы Синайской. В нашем православном российском месяцеслове (см. «Православный церковный календарь» издания Московской Патриархии) содержатся не только имена преподобного Нила Постника и «преподобных Отцов, в Синае и Раифе избиенных», но также имена еще семи (и это далеко не все!) синайских подвижников: преподобного Акакия Синайского (VI век; память 7 (20) июля и 29 ноября [12 декабря]); святителей Григория (†593) и Анастасия Синаита (†599), Патриархов Антиохийских, и преподобного Анастасия, игумена Синайской горы (†685) (их память – 20 апреля [3 мая]); преподобного Григория Синаита (XIV век; память 8 (21) августа); преподобного Мины Синайского (VI век; память 5 (18) января); преподобного Иоанна Лествичника (†649) (память 30 марта (12 апреля) и в Неделю 4-ю Великого поста).

Имя преподобного Нила Постника – в ряду достославных и святых имен Отцов и учителей Церкви как «золотой эпохи» Вселенских Соборов (IV–VIII века), так и всех времен. Духовно-нравственные писания преподобного Нила входят в православное священное предание – в великую сокровищницу богомудрых отеческих творений нашей Святой Церкви.

Преподобный Нил Постник подвизался в пустыне почти 60 лет и скончался около 450 года. После кончины его сподвижника, сомолитвенника и сына – достославного пресвитера Феодула – честные тела обоих подвижников были перенесены императором Иустином (Юстином) Младшим (2-я половина VI века. – В. О.) в Константинополь – в храм Святых Апостолов в Орфанотрофии, то есть в Странноприимном доме²⁰. Память преподобного Нила Постника совершается 12 (25) ноября. А на следующий день Церковь творит память святителя Иоанна Златоуста. Столь удивительно оказались рядом две памяти – учителя и наставника и ученика и верного последователя.

¹⁸ Там же. С. 22–23.

¹⁹ Добротолюбие. Т. 2. С. 203.

²⁰ См.: Жития святых... Кн. 5: Январь. С. 452.

Святитель Иоанн Златоуст именуется в церковных песнопениях «Церкве утверждением», «добродетелей сокровищем», «мудрости глубиной», «лжи обличителем», «учителем покаяния». Преподобный Нил Постник также удостоен Церковью великих похвал. В Службе, ему составленной, он назван «чашей мудрости и знания», «молебником крепчайшим», «законов богоданных искуснейшим толковником», «догмАтов богодуховных вЕдателем», «Ангелов собеседником, преподобных сопричастником и праведных»²¹.

Святая Церковь именует преподобного Нила «монахов множества наставником». Действительно, подвижнические творения сего Отца Церкви предназначены по преимуществу тем, кто переступил порог монашеской обители и принял или намерен принять иноческий образ. Однако каждый православный человек, и не монах, в той или иной мере сведущий «в церковных писаниях» и ищущий большей полноты духовного вразумления, может и должен черпать боговдохновенную мудрость из сего светлого и чистого источника. По слову святителя Филарета, митрополита Московского и Коломенского (†1867), если «Церковь дает нам молитвы, взяв <их> из уст святых, чтобы молитвы были хороши и чувством, и примером, и разумом», то и творения Отцов Церкви, исшедшие из сердец чистых и из рук благоговейных и непорочных, точно так же приносят читающим несомненную пользу – и их уму, и душе, и сердцу.

Вячеслав Овсянников, кандидат богословия

К монаху Агафию

Отделение 1. Введение

Глава 1. Имея обычай, известный и тебе, досточестнейший Агафий, уклоняться по большей части от бесполезных сходбищ с людьми скучными и, когда нужда заставляет выходить из дому, проводить время в местах наиболее тихих, и вчера прохаживался я за городом. И вид рощи, и приятное пение стройно оглашающих ее птиц, и чистое веяние свежего ветра успокаивали меня, подобно зыбкой колыбели. В это время идешь ко мне ты, впрочем, нерешительно, уподобляясь человеку, который непрестанно то припадает на колени, то привстает. По задумчивости моей заключил ты, что мое уединение (в чем и действительная была правда) не даром.

«Этому безмолвию, – рассуждал ты, – непременно есть важная какая-нибудь причина; не бывает такого безмолвия без дела, если ум не приведен в самоуглубление чем-либо достойным размышления». Но, заметив, что подаю тебе знак и поджидаю тебя не без удовольствия, подходишь ты, приветствуешь меня, идешь со мною и спрашиваешь о причине моей задумчивости; потом, узнав, что занят и озабочен я исследованием вопроса, о котором пишу, берешь мою руку, подносишь к устам, целуешь и, улыбаясь весьма весело, говоришь мне: «А я вот принес тебе новую заботу: хочу указать предмет, который стоит, чтобы

---

²¹ Минея. М.: Издательство Московской Патриархии, 1980. Кн. 3: Ноябрь. Ч. 1. С. 365–367.

о нем написать, многим может принести пользу, многих от усилившейся ныне роскоши – обратить к жизни целомудренной».

Глава 2. Имея у себя достаточное по силам моим занятие – псалмы, по какой-то алчности не упускать случая о чем-либо писать не без заботливости спросил я у тебя, что же это за предмет? Что такое могло бы доставить пользу и нынешним, и будущим читателям? Широко раскинула повсюду всеуловляющие сети суетность, всех она захватила, всех даже и без сети держит в своей власти; как силки расставила кругом богатство, чины, господство, забавы, непристойные наслаждения; каждый остается в порабощении той страсти, к какой суетность нашла его наиболее склонным.

Она не только понуждает его услуживать чреву или другой какой телесной потребности, но заставляет еще сокровищницы свои наполнять несправедливо приобретенным имуществом, приневоливает, когда другие истаивают от голода, тщательно сберегать худо накопленное, и сберегать, может быть, для тех, которые не употребят сего во благо; почему собирающий осужден будет на сугубое наказание, и как обижавший немощных, вместо того чтобы им помогать, и как отнятым у них приготовивший средство к распутной жизни тем, которые при умеренном достатке могли бы нередко прожить целомудренно. Ибо изобилие, возможностью тратить много увеличивая в человеке привязанность к наслаждениям непозволенным и постепенно доводя его до крайнего предела невоздержности, научает величаться делами непристойными.

Глава 3. Но ты стал с жаром описывать мне Перистерию, женщину, как гласит молва, знаменитую по сану, а как ты утверждал, еще более знаменитую по душевным добродетелям; и ты перечислял в ней множество высоких добрых качеств: ее воздержание, нищелюбие, непрестанное поучение в словесах Божиих, прилежную и умиленную молитву, щедрую расточительность имения на нуждающихся, целомудрие даже во взоре и в самом помышлении, почтительную попечительность о скончавшихся странниках и убогих, сострадательность ко всем, по какой бы то ни было причине бедствующим, уважение к богочестивым, заботливость о приивших на себя жизнь иноческую, общительность с ними в потребном для нужд телесных, чтобы и ей, хотя супружеское иго препятствует вместе с ними безмолвствовать и трудиться, участвовать, однако же, в жизни их, услуживая им в необходимом для жизни и тем как их освобождая от житейских попечений, так и себе уделяя часть их не развлекаемого ничем служения Богу. Пересказав же все это и еще большее, вслед за тем сообщил ты, что часто, по козням диавола, впадает она в искушения и скорби, давая чрез это разуметь, что подвигу ее есть сильный противоборник.

Глава 4. Сначала недоумевал я, действительно ли в нашем роде возможно произрастать такому насаждению, о каком сказываешь ты; у нас, говоря по сущей правде, вместо деревьев садовых и плодовых наполнено все бесплодным и диким лесом; и в нем растут и зеленеют новые ветви; он незыблемо стоит, держась глубоко пущенными в землю корнями, необъятно в ширину раскинул длинные сучья и, покрытый густыми листьями, дает такую тень, что лучу доброй мысли никак уже

не согреть никогда глубину сердца, омраченную грехом, проникнувшим собою дела наши.

Потом, обдумав и признав излишним доведываться в точности, есть ли такой человек на земле или и нет подобного, с готовностью приступил я к сочинению, уверившись, что предмет полезен сам по себе, хотя бы и не нашлось никого, подтверждающего это своими делами. Ибо, когда слово в свою пользу имеет свидетельство в самом существе дела, тогда убеждает оно скоро, и слушателя к удостоверению в доказываемом без всякого примера приводит истинность и основательность доказываемого, не давая возможности противоречить даже и крайне привыкшему к прекословиям.

Глава 5. Как никто не сомневается, что и на облачном небе есть солнце и совершает свое течение, что и в зимнее время заключается в растении плод, потому что достойным уважения учителем имеет он для себя предшествующий опыт, так и прекрасное все бесприкословно признают прекрасным. Хотя худой навык поддерживает по-видимому в душе привязанность к дурному, однако же совесть стыдится с упорством уклоняться от признания истины, гнусным и крайне предосудительным для себя почитает оспаривать очевидное.

Рассудил я и с другой стороны: что для кого-либо возможно было древле, то и ныне возможно для желающих; потому что одно и то же естество и тогда было, и теперь продолжает быть во всех одинаковым, и не дает благовидного предлога ссылаться на бессилие тем, которые по собственному долговременному навыку не делают ничего служащего к пользе почитают невозможным преуспеть в добродетели мужей и жен, живших древле. Не признал я основательным вовсе не верить, что возможно кому-нибудь возбудить в себе решимость к соревнованию оным блаженным в строгом по закону житии и произращать плоды добродетели, потому что сила естества, какая была в них, достаточна к тому, чтобы и от застарелого пня произвести новые и цветущие отрасли.

Глава 6. Если Ной из всего современного рода, осужденного на конечную гибель в потопе и всецело истребленного потопными водами, один оказался благоугодившим Богу; если среди варваров, по долговременному навыку косневших в беззаконии, как белая лилия среди разросшихся всюду терний, процвел правдивейший и истинный человек Иов; если и Содомская страна, сожженная молниеносным огнем, имела в себе удостоившегося Божией милости страннлюбца Лота; если различные времена произвели и Раав, и Девору, и Есфирь, и Иудифь, Фиву и Прискиллу, Серну и Лидию, и многих других; если во всяком роде отличался кто-нибудь житием, вновь живописуя в себе светлыми красками изглаженный временем образ естественного благородства, чтобы, совершенно и вконец угаснув, начало древнего доброго жития не заставило признавать вовсе невероятным и того, что писано о живших хорошо; то не странно ли будет отрицать, что как в другие времена были подобные люди, так и ныне (хотя по причине преобладающего обольщения кажется сие несбыточным) найдется такая душа, которая добрыми своими делами засвидетельствует сродство свое с оными древними и украшается преимуществами, какие исчислены тобою, о любезная глава?

Отделение 2. О воздержании

Глава 1. Прекрасно воздержание – это начало и основание всех прочих добродетелей, потому что тело, как молодого резвого коня, укрощает и приучает оно к благочинию, постепенно усмиряя, сокращая игривость скудостью, обуздывая и делая скромными те страсти, которые роскошь доводит до упрямства и необузданности, так что они бьют ногами, рвутся из рук, в большие затруднения поставляют браздодержца – рассудок, и он едва уже бывает в силах удерживать и куда угодно ему направлять стремительные их порывы. О сем-то, кажется, Екклезиаст преподает урок всем людям, когда, беседуя с телом, которое прежде, при умеренном образе жизни, было кротко и благопокорно, говорит: *Прииди убо, да тя искушу в веселии* (Еккл. 2, 1) – и, дознав, что опыт неудачен, с трудом уже владея теми движениями плоти, которыми прежде владел удобно, обращает речь к утучняющему животную нашу часть веселию: *Что сие твориши?* (Еккл. 2, 2).

Против обычая, к чему бы не хотел я, влечешь ты произволение, восхитив сердце, тобою угнетаемое и как бы услаждаемое несколько, носишь его по стремнинам, по краям пропастей и бездн, частию отказывающийся и частию соглашающийся рассудок без принуждения заставляешь избирать дела постыдные, не против собственной его воли, самочинствуешь над ним, и он не без удовольствия терпит твое самоуправство.

Глава 2. Ибо таковы вступающие в борьбу с услаждающим, восстающие против приятного, чтобы не отдаться ему в плен. Тому и уступают они, против чего восстают; на то и соглашаются, против чего по видимому спорят; тем и увлекаются, чему противятся; к тому и бегут, чего не хотят; к тому и спешат с увлечением, что признают враждебным; иногда, хотя и крепко их держат, убегают, а иногда, хотя и неприятно им это, сами сдаются; в ином случае идут по принуждению, а в ином бегут охотно; соглашаются как бы не по собственному изволению и с намерением уступают над собою победу, произвольно терпят поражение и, как бы не зная этого, радуются сему.

И вероятно, об этом именно говорит Павел: *Соуслаждаюся бо закону Божию по внутреннему человеку: вижду же ин закон во удах моих, противу воюющъ закону ума моего и пленяющъ мя законом греховным, сущим во удах моих* (Рим. 7, 22 и 23); и еще: *Не еже бо хощу, сие творю, но еже ненавижду, то соделоваю* (Рим. 7, 15). Говоря же это, Апостол не допускает, что закон греховный врожден, и не учит, что владычество плотского мудрования полномочно. Ибо в таком случае всем человекам должно быть рабами греха и не иметь никакой возможности свергнуть с себя иго его; знаем же, что теперь, кто хочет, не только свободен от сего мудрования, но даже порабощает тело, господствует над страстями и самым делом доказывает самовластие воли в избрании свободы или рабства.

Глава 3. Пока пища утучняет тело, восстает и самовластвует плотское мудрование, узаконяя подвластным, что ему угодно. Но как скоро оно смирено умерщвлениями и жестоковейностью тела рабски подчиняется и убеждается покорствовать лучшим законам, тогда не вовлекает уже оно рассудка в погибель, но скорее само приводится им к спасительной благопокорности. И в этом каждый сам себе свидетелем, зная, о чем помышлять принуждает пресыщение чрева и о чем

рассуждать советует скудное насыщение. Одно возбуждает к непомерным пожеланиям, а другое сокращает и пожелания умеренные и, если когда ревут они зверски, укрощает, приводит в покорность; и громким, всюду раздающимся гласом взывает сказанное Богом Иову: *Се, зверие у тебе, траву аки волове ядят* (Иов. 40, 10), означая сим, что страсти свою зверскую жестокость пременили на состояние скотское и подчиненное и укрощены на время, хотя и кажутся еще дышащими, а у иных и совершенно преданы смерти, умерщвленные воздержанием.

Глава 4. Так Иаиль убила Сисару челюстью, умертвив враждебные мудрования, потому что челюсть не доставляет уже изобильно пищу для страсти, но с умеренностью дает ей, сколько необходимо, потребное к поддержанию жизни, так что кажется она существующею в возможности, но не существующею в действительности. Так Самсон ослиною челюстью поразил филистимлян; а иначе, может быть, он не был бы в состоянии сделать сего, если бы не овладел этою оказывающею услуги гортани и чреву челюстью, захватив ее деятельностью руки и как бы сжав горстию, то есть заключив в тесные пределы, чтобы не рассеивалась обольстительностью и ненасытностью вожделений; потому что служительницею и помощницею чрева природа соделала челюсть, которая грызущими зубами, как кирками, раздробляет снеди, корневыми зубами, как настоящими жерновами, измельчает их, а гортанью, как водопроводною трубою, готовую уже пищу пересылает в это ненаполняемое море – чрево и тем провозглашает сказанное Соломоном: *Вси потоцы идут в море, и море несть насыщаемо* (Еккл. 1, 7).

И чрево, и море – одно и то же; и то и другое ненасытно зияют поглотить вливающиеся потоки, и входящее в них истребляют, одно – перевариванием, а другое – осолением, и снова алчут иной пищи, никогда не замыкают зева, не утоляют алчности непрерывным и непрерывным влиянием.

Глава 5. Поэтому прекрасно воздержание; оно подавляет до чрезмерности надмевающую воспалительность страстей, сколько надлежит, смиряет и успокаивает их волнение, утишает бурю порывистых ветров среди жизни роскошной, безветрием жизни скудной обуздывая, укрощая и в благодатишие приводя взволнованное. И хотя при недостатке служащего к наслаждению удобнее как-то овладевать понемногу чревом (ибо чего нет, не столько раздражает, как то, что есть и видом своим возбуждает желание в алчущем); однако же воздержание при избытке всего служащего к жизни роскошной, когда это отовсюду обильно стекается и скопляется, заслуживает похвалу как высокое любомудрие, если только не подает сие повода тунеядцам подозревать при избытке в скупости и очернять сие похвальное дело осуждением в низости сердечного расположения.

Одинаково трудно: наполненное водами море и волнующуюся глубокую пучину перейти как посуху немокрыми стопами и провести строго правильную жизнь, довольствующуюся самым скудным содержанием, и с одной стороны не наводняемую ни одним пожеланием, тогда как с другой стекаются к ней все удобства к наслаждениям. Посему-то Соломон, восхваляя решимость души воздержной, говорит: *Украшены ланиты твоя яко горлицы* (Песн. 1, 9);

потому что челюсть²², как орудие питания, украшается воздержанием, обличая гнусное обжорство и приготовление изысканных снедей.

Отделение 3. О тщеславии

Глава 1. Но ланита тогда украшается, как горлица, когда тщательно скрывает и утаивает добродетель, сколько можно, стараясь отклонить от себя похвалу видящих, подобно горлице, завесою содеянного избирая пустыню, твердо содержа в намерении утаить, хотя все громогласно взывают о деле. Ибо поступок тогда бывает тщеславным, когда сердце имеет в виду сделать это напоказ. А пока не обращает оно взоров на уловление человеческой славы, хотя добродетель сияет яснее света (ей, как свету, и должно блистать собственными своими лучами), дотоле в произволении остается желание быть неизвестным и незаметным, оно делает угодное только одному Богу, не обращает внимания на смотрящих, видят ли, хвалят ли они, почитает суетным и напрасным все, что не споспешествует к приобретению вечной награды, хотя рукоплескания восхваляющих оглашают воздух, касаясь самых облаков и эфира, откуда ниспадают они опять долу, как промчавшийся звук голоса, оканчивающийся вместе с шумным сотрясением в гортани и не доставляющий душе никакой вознаграждающей пользы, а еще делающий ей весьма великий вред.

Похвалы надмевают до безумия и своею усладительностью уничтожают в деле то, чем заслуживало оно награду. Сему научая, Пророк сказал: *Блажащий вас льстят вы и стези ног ваших возмущают* (Ис. 3, 12), то есть внушают такое о себе мнение, которое препятствует преуспеянию в делах добрых. И Господь в поучительной речи Своей, то запрещая делать доброе напоказ, говорит: *Да не увести шуйца твоя, что творит десница твоя* (Мф. 6, 3), то повелевая делать доброе, присовокупляет: *Да просветится свет ваш пред человеки* (Мф. 5, 16). Ибо, если не может град укрытись верху горы стоя (Мф. 5, 14), и путие праведных подобне свету светятся (ср.: Притч. 4, 18), то для чего прекрасные труды, которые могут вскоре просиять сами собою, всенародно выставлять напоказ, спеша скорее сделать их видимыми и прежде времени усладить свое честолюбие?

Глава 2. Кто желает славы (что впрочем неразумно), тому должно ждать, чтобы слава сама последовала за делом, а не предварять ее самовольно, трубя о сделанном и домогаясь должной за сие почести. Ибо Изрекший: *Да просветится свет ваш пред человеки* – повелел делу вопиять о себе, а не делающим провозглашать о нем, чтобы и добродетель была славна, и намерение не было укоризненно, избрав доброе не ради человеческой славы, но ради награды от Бога, если не достигло оно того предела совершенства, чтобы не иметь нужды и в последней; потому что святое дело избирать доброе не ради чего иного, но ради самого добра.

Последнее состояние свойственно сынам, а первое – наемникам; и хотя оно выше состояния рабов, потому что рабы делают все из страха наказания, однако же делать не из любви к добру, но в ожидании награды – ниже состояния сынов. Кто с вожделением берется за дело,

---

²² В греческом языке и ланита, и челюсть означаются одним словом: ἡ σιαγόνη.

тот любимое сие дело вменяет себе в наслаждение, в самом труде находя удовольствие и самое утомление ради возлюбленного им почитая воздаянием и преимущественною наградою. Легко и удобно все делаемое с любовью, хотя бы оно было и крайне затруднительно, потому что расположение к сему делающего скрадывает трудность и уравнивает негладкости для удобного исполнения. Усердие всегда препобеждает обременительность труда, став выше всех неудобств в деле, а сопровождающим оное удовольствием ослабляя ощущение трудности, так что труд делается более приятностию, нежели трудом, и мнимое неудобство доставляет радость.

Глава 3. А что злокозненные страсти во многих умерщвлены и совершенно умерли, дает сие видеть великий Павел, во-первых, себя самого представляя в пример, а потом и другим предписывая то же, в чем сам преуспел, и доказывая опытом, что сие возможно, потому что сделано уже им. Ибо говорит: *Христови сраспяхся: живу же не ктому аз* (Гал. 2, 19–20); непоползновенность к страстям называет он смертью своею и сие же умерщвление, какому подверг себя, предписывает всем: *Умертвите уды ваша, яже на земли: блуд, нечистоту, студодеяние, страсть, похоть злую* (ср.: Кол. 3, 5). Как воздержанием ослабляются склонности тела к чему-либо подобному, так рассудком обуздываются безвременные его устремления. Должно же, по словам одного внешнего мудреца, не ошейник только сделать твердым, но и пса тощим, чтобы его можно было влечь, потянув слегка, а не сам он, укрепившись, мог влечь, куда ему угодно.

Отделение 4. О чтении и молитве

Глава 1. В сравнении со сказанным не менее, лучше же сказать, еще более прекрасны чтение и молитва, потому что значительно и весьма много содействуют жизни целомудренной. Как скоро ум при помощи чувств ознакомится с образами предметов чувственных, приняв в себя чрез чувства и очертания, и цвет, и величину вещей видимых, тогда и во время успокоения привыкнет восстанавливать их представления, образуя в памяти множество предметов, частью бесполезных, а частью и крайне вредных, и возбуждая в себе неуместный мятеж помыслов, так что в уме не останется и возможности возбудиться какой-либо полезной мысли, но утеснен он будет множеством наперед занявших уже его понятий и заграждающих вход понятиям степенным и полезным.

Поэтому прекрасны молитва и чтение: они прекращают суетное скитание мыслей, связуя помысл, кружащийся над чем не должно, и с пользою удерживая его при себе нимало не развлекаемым в сем прекрасном занятии. И подлинно, что равно или подобно сему – насыщать разум словесами Божиими, услаждать его созерцаниями, заключающими в себе беспримесную приятность и навсегда остающуюся пользу, когда сказаниями о мужах древних путеводится ум к соревнованию их добродетели, с них напечатлевает в себе спасительный образ благочестного жития, и, окрыляемый созерцаниями, воспаряет до Божественного веселия, и, отрешаемый от сопребывания в дольном, возводит взор горе, к Небесному, восходит к самому блаженному естеству, и, сколько может пребывать в сем

состоянии, вкушает то наслаждение, какое вкушают Серафимы, непрестанно окружающие Престол.

Глава 2. Но молитва, может быть, в отношении к пользе имеет в себе и нечто большее: она приуготовляет к собеседованию с Богом и долговременным навыком вводит с Ним в содружество, потому что некоторым образом производит и соблюдает в нас добрые расположения к Богу, Который и ничтожных людей приемлет в любовь и не стыдится дружественного сближения с ними, пока пребывающая в них любовь дает им дерзновение. Ибо если рабов, простирающих виды на господство и в горделивой кичливости замышляющих сохранить доверенное им полномочие, утверждают в этой надежде полученные ими прежде залогов благоволения, то кольми паче в живущих хорошо увеличивает дерзновение пред Богом их житие, согласное с определением и изволением Самого Бога, Который не столько требует рабского трепета, производимого страхом, сколько любит спокойное дерзновение, внушаемое любовью.

Глава 3. Чтение соделало, что *мурин евнух* наименован *мужем* (см.: Деян. 8, 27); оно сподобило его встречи с Апостолом, указало ему путь к познанию Христа и привело к благодати Крещения. Чтение – закон и древнее предписание. Моисей говорит: *поучайся-де сидя в дому твоем, и идый путем, и лежа и востая* (Втор. 6, 7), большую часть времени уделяя на прилежное занятие словом Божиим для упражнения душевных сил, малую же некую часть оставляя на крайне необходимое употребление телу; поставив для себя правилом иначе услуживать госпоже и иначе рабе, попечение о первой распространяя на продолжительное время, а занятие для последней соразмеряя с требуемою обстоятельством нуждой, чтобы и в этом душа явно имела преимущество, а тело нимало не величалось равночестием с душою и не имело благовидного предлога присвоить себе равные с нею права.

Чтение прежде всего ублажается в псалмах и именуется обильным орошением разума для плодоношения добродетели. Кто *в законе* Господнем поучается *день и ночь*, тот блажен, тот подобен древу, насажденному *при исходящих вод* (ср.: Пс. 1, 2-3), до благолепия украшен листвою – досточестною тихостию нрава, и втайне исполнен плодов благочестия, потому что всегдашнее поучение, как некое непрестанно вкушаемое питье, делает его всегда цветущим и естественным образом вместе с видимым возвращает и сокровенное.

Глава 4. Как листья служат покровом и украшением растению и охранением плоду, так благоговейное состояние и тело делает досточестным, и внутрь души сокрытые красоты приосеняет скромностию, соблюдая плод делателю и охранителю Богу и не позволяя прикасаться к нему губительным зверям. Ибо тщеславие есть *вепрь от дубравы, и уединенный дивий* (Пс. 79, 14) и ногами и зубами губит насаждение, если не окружает его ограда смиренномудрия и не защищает от нашествий тщеславия.

И таковы преимущества поучения в словах Божиих: оно уничтожает всякое срамное и вредное представление, начертывает на картине священнолепные образы, делает, что душа хранит в себе достойные Бога памятники. А молитва отрешает ум от всякого помышления о чувственном, возводит к Самому над всеми сущему Богу, чтобы с Ним собеседовать и у Него с дерзновением испрашивать все,

что угодно; и таким образом делает, что человек проводит жизнь в чистоте, как бывший уже в общении с Богом и вскоре потом снова готовящийся к сему общению.

Глава 5. Посему Павел учит пребывать *в молитве* (Рим. 12, 12), продолжительным пребыванием утверждая в себе навык; и еще повелевает творить *молитвы на всяцем месте* (1 Тим. 2, 8), чтобы ни один нерадивый к молитве не мог извиняться тем, что живет далеко от молитвенного храма. Всякое место пригодно для молитвы, потому что чистота святилища не принесла ни малой пользы иудеям, которые приступали к молитве с оскверненными руками и чистый храм сквернили мерзкими делами. Как от молящихся таким образом, хотя молятся они в самом святилище храма, тщательно объемля очистилище и руки свои соплетая с крылами Херувимов, отвращается Бог, гнушаясь ими как нечестивыми и говоря: *Егда прострете руки (ваша) ко Мне, отвращу очи Мои от вас: и еще умножите моление, не услышу вас: руки бо ваша исполнены крове* (Ис. 1, 15), так приемлет Бог призывающих Его с чистым сердцем и праведными делами и всячески выслушивает моление их, взирая на расположение, хотя бы место, где призывают Его, по нашему мнению, ничем не отличалось.

Глава 6. Так Корнилию, молившемуся в языческом доме, когда храм не утратил еще своей досточтимости, Ангел, пришедши, сказал: *Молитвы твоя и милостыни твоя въздоша на память пред Бога* (Деян. 10, 4), – *въздоша*, не несомненною святостию храма воспользовавшись для сего восхождения, но на крылах благого намерения воспарив прямо к Тому, Кто приял их с благоволением и милостиво. Так молитва Ионы, на полных ветрилах устремившись из глубины к Небу, достигла Божия слуха и не обуревалась великим волнением вод, тогда как молитва фарисея потерпела крушение во храме и погрязла в водах, потопленная со всем грузом, потому что не могла держаться на волнах и удобно плавать, переполнившись водою, не в силах была подняться из вод от тяжести горделивого мудрования, когда и нос ладии погрузился в восставших высоко волнах кичливости и высокомерия, и корма залита была ими.

Молитва, в печи сопровождающая трех отроков, заставляет пламень обратиться в бегство и вне печи отыскивать тех, которые умыслили зло против юношей. Ибо огонь, место свое в печи уступив молитве и оставив угли лишенными попяляющей силы, открыл себе обширную пажить и пожег находившихся около печи халдеев; внутри печи удержал он свою действенность из уважения к телам, облеченным молитвою, а вне ее показал свою деятельность на телах, как на веществе утлом и сухом. Молитва соделала воздержанными львов, томимых голодом во рву. Чрево их сетовало на семидневное лишение пищи, но молитва убедила, по предложении готовой снеди, пребыть в любомудренном терпении; львы избрали лучше перенести мучительность голода, нежели причинить обиду отданному им святому Даниилу, которого на такую смерть осудили незаконные варвары, – эти люди, оказавшиеся свирепейшими зверей, неумолимейшими в сравнении с кровожадными и в то же время обличение неправды своей нашедшие в правдивости львов, которые по естественному суду спасли Даниила, осужденного ими на бедственную и самую жалкую смерть.

Глава 7. Молитва Илию почтила богоподобием, не только в том, что восхищен он на Небо, подъятый четырьмя конями на огненной колеснице, так как земля стала недостойною его пребывания на ней и справедливость требовала обитать ему в эфире и в самом Небе, но и в том, что словом приводил он в повиновение те стихии, которые словом Создателя приведены в бытие: однажды низвел Небесный огонь на жертвы, назначенные во всеожжение, в другой раз поразил молниею военачальников Охозии, а в иное время властным словом заключил небо, на три года и шесть месяцев лишил плодоношения землю, воспретил обычное произрастание всякой травы, какое, по истечении известного времени, производилось Божиим повелением, естественно истекавшим из повеления первоначального.

И стихий от немедленного повиновения не удержал ни малейший знак Божия негодования, по которому можно было бы видеть, что Пророк по неразумию в самозабвении отваживается на нечто превышающее собственное его достоинство; напротив того, со всем тщанием служили они Пророку, как другу Сотворшего, Который дает повеления служителям друга, как своим собственным, – служили, справедливо убедившись, что равно обязаны подобострастно оказывать всякую услугу и Богу, и другу Божию; потому что, по пословице, у друзей все общее, и одинаковую имеют они власть над принадлежащим тому и другому, по причине любви, уравнивающей преимущества при различии достоинств и узаконяющей равночестие.

Глава 8. Молитва Моисеева разделила море, соделала, что небо произращало манну, из сухого камня извела потоки вод и воздеянием рук целый народ, вступивший в брань, обратила в бегство. Молитва Елисеева на целое воинство наложила слепоту и пришедших погубить Пророка отвела пленниками; не только не в состоянии были они учинить замышленное ими зло, но даже не могли помочь сами себе, потому что вместе с помогающим телу зрением приведены были в бездействие и оружие, и руки. Всего немощнее слепота: она не в состоянии причинить обиду тому, кого не видит, и невозбранно терпит обиду, потому что не видит также нападающего и не может отмстить ему. Посему обычай лишенных очей справедливо наименовал убогими, потому что телесных членов своих не могут употреблять, на что им угодно, хотя силою и крепостию превосходят даже тех, которые со всем прилежанием упражнялись в телесных подвигах. Молитва Петрова разрешила узы, отверзла двери темницы, отворила ночью железные врата.

И когда Павел с Силою молились *в полунощи* (Деян. 16, 25), потряслась темница, в одно мгновение спали со всех узы, воссиял в здании внезапный свет и темничного стража соделал просителем стерегомого, заставил припасть к ногам и молить о спасении, убедил, отложив безумную страсть к корысти, позаботиться о пользе душевной, после великого навыка мучить привел внезапно в великую кротость. Страж перестал ежедневный свой доход вымучивать бичами, облагать данию жалких узников, собираемое подаянием – это горькое утешение – называя своею десятиною и бедным прибавляя новые, ничем не облегчаемые бедствия, перестал уже налагать цепи на шею, узы на ноги, связывать руки, заключать в непроницаемую тьму, увеличивая тем проклятый свой доход, какой соглашался доставлять ему каждый

бедняк, предпочитая лучше истаивать голодом, нежели переносить злострадание в узах и тьме.

Глава 9. Всему этому вдруг обучился темничный страж: немедленно показал он сострадание к узникам; страх чудесного землетрясения соделал его совершенно иным. Ибо как скоро, во время молитвы Апостолов, поколебались основания темницы, воссиял в здании свет, *ослабеша всем юзы, отверзошася двери вся*; темничный страж, который один беззаботно спал, когда все узники от тяжких у каждого забот пребывали в бодрствовании, *возбуждся, и просив свечи вскочи, и трепетен быв, припаде к ногам Апостолов, говоря: Господие, что ми подобает творити, да спасуся?* (ср.: Деян. 16, 26–30). Господами назвал и владыками наименовал тех, которых прежде чуда устрашал без сомнения суровым взглядом и грубым голосом, называя преступниками, осужденными, достойными казни; припал к ногам, которые *заби в кладе* (Деян. 16, 24); великими почестями преклонял на милость тех, которых, *всади во внутреннюю темницу* (Деян. 16, 24), заключил во тьме; и чествовал их потому, что молитва необычайным образом вполне обнаружила достоинство оскорбленных заключением в темницу по подозрению в злых делах.

Одним словом, велика сила молитвы! Но ради скучающих и неохотно выслушивающих длинные повествования, хотя они и полезны, умолчу о многом. Сам Господень человек, Господь всего, возымел нужду в молитве, когда ожидал нашествия иудеев и Креста, или находился в подвиге, потому что воистину был человек, так как понес на Себе и иные многие человеческие немощи, уверяя тем в Своем Домостроительстве, или научая людей во всякое время прилежно молиться. Ибо не теперь только, когда приблизилось время страданий, по необходимости молится, но многократно делает это и во время безопасности, наедине молясь на горе, чтобы мы научились, и прежде скорбей, и в самых скорбях, пребывать в молитвах, которые могут уничтожать затруднительность представляющихся опасностей и прежде искушений вполне благоугодить Тому, Кто в нуждах отвращается от предающихся беспечной рассеянности, как будто никогда не будет им необходима помощь.

Глава 10. Посему-то и Апостолам сказал Господь: *Молитесь, да не ввидите в напасть* (Лк. 22, 40), зная, что добровольная молитва прежде искушения преклоняет помощника Бога во время нужды исполнять скоро прошения издавна умоляющего просителя, и долговременностью приобретшего право получить просимое. Ибо если неправедного судию, который ни Бога не боялся, ни людей не срамился, неотступная настоятельность вдовы принудила оказать ей согласную со справедливостию защиту (см.: Лк. 18, 3) и если спавшего друга, когда дверь была уже затворена и он отказывался дать хлеба по обычной спящим лени, неотступность и настойчивость заставили удовлетворить потребности (см.: Лк. 11, 5–8), то человеколюбивого Бога непрестанная молитва не заставит ли благоволительно снизойти на всякое прошение?

Ибо невозможно умолчать о том, что Бог готовее людей на благодеяния. И Господь говорит в одном месте: *Кто есть от вас человек, егоже аще воспросит сын его хлеба, еда камень подаст ему? Или аще рыбы просит, еда змию подаст ему?* (Мф. 7, 9–10). И, сравнительно

показывая превосходство Божией благодати, присовокупляет, говоря: *Аще убо вы, лукави суще, умеете даяния блага даяти чадом вашим, кольми паче Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него* (Мф. 7, 11).

Глава 11. И в другом месте Сам Спаситель, с намерением подтвердить это и желая уверить сомневающихся, не превосходит ли Божия милосердия естественная приверженность или не препобеждает ли оного человеческая сострадательность, говорит: *Еда забудет жена отроча свое, еже не помиловати изчадия чрева своего?* (Ис. 49, 15). И, сказав об этом отличительном свойстве природы, как она научает добровольной попечительности и заботливости, чтобы самый пример, как нередко случается с иными, не ввел в сомнение о достоверности сказанного о Промысле и слабым подобием не повредил самому достоинству истины, вслед за сим говорит: *Аще же и забудет сих жена, но Аз не забуду тебе, глаголет Господь* (Ис. 49, 15).

Он не допустит, чтобы недостаток естества простерся и на Него, потому что страсть не касается естества Божия, как бывает это с бранными людьми, когда неразумная или, может быть, и имеющая какое-либо основание ненависть угасила в них естественно господствующее расположение, производя в родителях забвение о рожденных ими и отчуждение от них, как будто нет даже и признаков родства между ними. Но у людей и эти великие и чудные примеры добрых дел в сравнении с прочими их делами оказываются малыми и крайне незначительными, потому что простираются на одно лицо, которое само делает то же, и близко к ним, а не на всех или на многих; между тем человеку надлежит быть существом общественным и дружелюбным, а не одиноким и необщительным, доставлять другим пользу, чем только в силах, возможною попечительностию доказывать свою сострадательность, подражая телесным членам во взаимном их содействии общей пользе.

Глава 12. В теле каждый член не отдельно сам о себе печется, но разделяет общую деятельность в заботливости друг о друге, по закону естества услуживает один другому и каждый всем; и рука служит телу, и ноги, переходя с места на место, переносят с собою и тело, и глаз при путеказании света ведет его непреткновенно, доставляя удобство во всякой работе. Иные члены способствуют сидению, иные наклонению тела, трудом своим облегчая труды других членов; иные же, подобно каким-то мельникам и хлебникам, оказывают тщательную и заботливую услужливость. Челюсть измельчает пищу, гортань служит ей проводником, чрево приемником, желудок переделывает ее в сок, печень обращает в кровь и посредством кровеносных жил орошает весь телесный состав.

По видимому каждый член трудится для других, но в самой действительности делает это для собственной своей пользы, от общего труда собирая приличную для себя пищу, и заимствованное претворяет в однокачественное с собою, производя так называемое у ученых врачей извлечение, то есть претворение разных снедей в кровь, из крови в плоть и потом в единокачественное с каждым членом, между тем как привходящее в каждый член качество разлагается силою питательною, видоизменяющею и растительною, делается одним в одном и другим в другом члене. Входящее в глаз уподобляется глазу,

присовокупленное к костям и к волосам принимает на себя один с ними вид цвета, усвоенное плотию видоизменяется в плоть, и перешедшее в кости одебелевает до твердости костей, поступившее во внутренности с ними смешивается – одним словом, все (и во все претворяясь), искусством природы из одного вещества сней прелагаемое в многовидное разнообразие, изменяется в то, чем бывает усвоено и что всегда сохраняет один и тот же образ человеческого остова, подобно потоку ежедневно меняет состав всего смешения, так что видимое нами есть вместе и то же и не то же.

Глава 13. Так каждый из нас ни в чем не достаточен сам по себе, но во всем имеет нужду в других. И это премудро устроил прекрасно Распоряжающийся нашею жизнью, чтобы, по крайней мере, необходимость потребного приводила в согласие необузданность одержимых безумием, когда самые родственные связи нимало не побудили их к взаимному союзу. Ибо человек высокомерный, распаляемый кичливым самомнением, по причине своего богатства, занятый всегда тем, чтобы суровым обхождением сохранить в других почтительность и доверенность к нему, снизошел ли бы когда добровольно до собеседования с ремесленником, униженным бедностью, если бы не заставила его нужда вступить с ним в разговор и не подорожить пред ним языком своим, впрочем, не оставляя великой надменности в той мысли, что причиняет тяжкое оскорбление величию своего сана, снисходя до равенства с человеком неизвестным и незнатным? А теперь нужда уравнивает неравное, униженное возвышает до несущегося ввысь и возвышенное низводит до пресмыкающегося по земле, долговременным навыком производя срастворение нравов и уравнивание в образе мыслей.

Поэтому и плотник, и земледелец, и служащий на корабле, и купец, и всякий занимающийся рукоделием является на глаза достигшим высших достоинств и говорит с ними смело, будучи для них необходим, не по единству рода, но по своему искусству; и кого не сопряг закон природы, тех свела необходимость. А если искусство и хитрость знакомят работника с богачом, то почему же сострадательность произносящей суд истины не знакомит с ним нищего и не приводит к нему неимущего, чтобы призван был разделить с ним иногда избытки или, по крайней мере, получить какое-либо утешение в удовлетворяющей необходимой потребности. Ибо многие почитают для себя срамным и обидным вместе жить с теми и по высокомерию, внушаемому богатством, стыдятся допускать на свои пиршества тех, о которых Господь Иисус провозглашает, что вместо Себя поставит их на Суде, сказав: «Что делали вы им, то делали Мне» (см.: Мф. 25, 40). Но мы не обратим и внимания на алчущего, истаивающего от голода, пройдем мимо нагого, цепенеющего от стужи, и мертвеца, как нечистое какое животное, оставим брошенным, не отдав телу долга природы, не покрыв по обычаю землю общее бесчестие – предавшиеся тлению и гниющие тела, источающие из себя гной. Безмерно же нежим самих себя, сверх нужды стараемся, чтобы угождали нам, украшая земной кумир, заботясь об этой сложенной персти, чтобы блистать на торжище, сияя цветностью одежд, и утучнять себя лакомыми приготовлениями поваров, из всего извлекая всякое удовольствие.

Глава 14. *Облачашеся некогда в порфиру и виссон* (Лк. 16, 19) и упоминаемый в Евангелии безымянный богач, до преизбытка насыщался за сибаритской трапезой, а мимо Лазаря, лежащего у ворот и желающего крупиц, проходил без сострадания, без сомнения, и взор очей, если когда склонялся к нему, заботливо отвращая в другую сторону, чтобы воспоминание о струпях его не возбуждало отвращения во время пира, производя тошноту и рвоту представлением виденного. Богач не отгонял, впрочем, Лазаря от дверей по Божию смотрению, устроившему, чтобы Лазарь, лежа при входе, непрестанно представлял собою жалкое зрелище и богач со временем смягчился и сжалился или не имел уже благовидного предлога к оправданию бесчеловечия в том, будто бы не видал. Он и не пожалел лежащего, обнаруживая тем жестокость и свирепость своего сердца, и давал видеть, что он не сострадательнее псов, по злему нраву отрекшись от естественной кротости и презирая того, кому услуживали животные, непричастные человеколюбивых помыслов, и признавая, может быть, что Лазарь в сродстве с ними как вожделевавший тех крупиц, которых и они иногда удостаиваются, а иногда бывают лишены.

Но когда для богача и для Лазаря, – для одного в радостных, для другого в скорбных представлениях, – протекло сонное видение этой жизни и сложили они с себя личины здешнего зрелища, тогда в противное и крайне различное для них изменилось состояние действительных вещей. Одного по кратковременном наслаждении прияла в себя огненная, как обыкновенно, мучительная печь, а другого после краткой скорби обрело вечное веселие, и снова было между ними неравенство, но не такое, как прежде, а противоположное тому, в каком находились дотоле, потому что Лазаря или, лучше сказать, Авраама, на лоне которого был он, возопив усердно, умолял богач; а просить Лазаря, может быть, и стыдился он по причине прежнего пренебрежения, почему, оставив его, умолял патриарха, говоря: *Отче Аврааме, помилуй мя и послы Лазаря, да омочит конец перста своего в воде и устудит язык мой, яко стражду во пламени сем* (Лк. 16, 24).

О, как велико страдание! Сколько смиренным высокомерного и бесстыдным надменного соделала нужда терпеть мучение! Как не устыдился просить, чтобы для облегчения мучений послан был тот, кого не жалел он томимого голодом, страдавшего от струпов? Как осмелился неуклонным оком смотреть на того, на кого в жизни не удостаивал обратить когда-либо и косвенного взгляда? Как отважился сказать, что нужен ему перст, которым гнушался прежде, как источающим гной? Как не стыдно было просить капли воды ему, который нищего, когда был в нужде, не удостаивал крупиц! Но так бесстыдным голосом возопил он из пламени: *Послы Лазаря* (Лк. 16, 24), как будто Лазарь обязан был вознаградить его за благодеяния, какими сам часто пользовался. Такова-то необходимость; она принуждает бесстыдно отваживаться на все, ухитряясь, где бы то ни было, найти избавление от беды.

Глава 15. И почему же великий патриарх по своему правдолюбию не сказал ему: «Теперь-то, несчастный, дознал ты пользу милосердия, когда отовсюду объял тебя горящий пламень! Теперь-то признаешь, что хороша сострадательность, когда сам имеешь в ней нужду? А почему же жестокосерд ты был к злостраждущим? Теперь узнаешь ты Лазаря, а

когда лежал он на земле, не знал его, и входя и выходя! Миновалось ослепление кичливости, и ясно видишь истину; прошла мрачная туманная ночь жизни, и при дневном свете усматриваешь, каковы вещи в естестве своем; под землею оставил ты сонные мечтания, и видишь самую действительность своего положения. Тогда должен ты был подумать о милосердии, когда имел у себя средства, пригодные для благотворения, – богатство, когда была у тебя возможность подать кусок нуждающемуся, когда в состоянии ты был прикрыть нагого, который, не имея под собою гнилой доски, цепенел от стужи, когда в твоей было воле приложить попечение о больном, когда обилие запасов богатства давало способы к благотворению. Милость, оказываемая здесь, есть добрый плод тамошнего сеяния.

А ты домогаешься теперь пожать, чего не сеял, собрать, чего не расточал, и взять, *егоже не положил еси* (Лк. 19, 21), прося милости, которой не оказывал нуждающемуся, и жалости, которой не уделял ближнему, и сострадательного сердца, которое заключил для ближнего. При дверях был врач, который бы исцелил тебя от жестокосердия, – ты не уврачевался, когда болезнь, еще не застаревшаяся, могла уступить при поданных пособиях. Теперь не позволяет время прилагать руки к отчаянно больным, потому что недуг стал упорен, требует уже не припарок, не производящих боли, но мучительного сечения, сильных прижиганий. Говоришь: *Посли Лазаря* (Лк. 16, 24). Скажи мне: пошлю ли его к тебе на такое расстояние? Ты никогда не склонился к нему, хотя всегда был близ него. Скажу ли ему, по словам твоим, чтобы омочил перст в воде и остудил пылающий язык твой? Но ты и крупницами его – алчущего – не утешил. Когда говоришь, что страждешь, ужели думаешь убедить его этим и получить милость? Но и он был в страданиях, а ты не пожалел его; теперь страждешь ты в печи огненной, а он страдал в печи бедности; нищета же угрызает не менее огня, так же мучит внутренность недостатком, как и огонь опалает поверхность тела. Если бы тогда сжалился ты над истаивающим от голода, то и теперь, сгорая в огне, был бы помилован. Если бы тогда оказал ты сострадание к страждущему от алчбы и язв, то и теперь, мучаясь в пламени, нашел бы себе пощаду, лучше же сказать, и не увидел бы места теперешнего твоего мучения, но пребывал бы с Лазарем на лоне моем в таком же, как он, упокоении».

Ибо такова сила благотворения нуждающимся, что не только изводит из скорбей, но и веселящимся поставляет в местах светлых. Теперь же в молчании терпи мучение, потому что, по произнесении Божественного приговора, нисколько не помогают мольбы осужденного. То было время помилования и прощения, а это – время неподкупного и праведного суда; то было время снисхождения, а это – время воздаяния за содеянное хорошо или худо. Там были поприще, подвиги, ристалище – здесь вознаграждение за труды: одержавший победу там приемлет здесь венцы; побежденный не вступает снова в борьбу, чтобы загладить свои падения в настоящей жизни, потому что подвиг кончен, исправление погрешностей прекратилось. Там покаяние заглаживало грехи, молитвы и слезы убеждали Судию оказать благоволение. Теперь нет места помилованию, но строгий и беспощадный суд немилосердно ввергает жестокосердых в мучение,

потому что, по слову Божию, *суд бо без милости не сотворшему милости* (Иак. 2, 13).

Глава 16. Ничего такого не сказал просителю праведник, признавая излишним словесное напоминание, когда убеждают самые дела; изрек же одно, и все тем объяснил ему, именно сказал: *Помяни, яко восприял еси благая твоя в животе твоём, и Лазарь такожде злая* (Лк. 16, 25). «Порфира и виссон, – говорит Авраам, – казались тебе прекрасными для благолепия, ежедневные веселые пиры почитал ты благами, утешался наслаждением приятностей житейских, предаваясь пресыщению вожделенным. Почему же теперь почитаешь благовременным желать, чего тогда не вожделевал и во сне? Восприял и Лазарь злая (Лк. 16, 25), не он почитал это злом, потому что, перенося в молчании, любил как добро; но ты признавал в этом зло. А признавшему одно добром необходимо почитать другое злом, предпочтением услаждающего показывая, что противоположное тому бесполезно и худо. Если бы тогда принимал ты участие в презренном тобою страдальце, то и теперь имел бы возможность участвовать с ним в его покое. Если бы тогда облегчил его скудость, то и теперь не было бы тебе нужды в этих словах, потому что, если бы ты и молчал, вознаградил бы он тебя за сострадание. И это действительная правда: вот называешь меня отцом, одним сим именованием воздавая мне честь, и немедленно слышишь: «Чадо», приемля в этом обильное воздаяние, соответствующее именованию, каким почтил ты меня. Если бы там самым делом воздавал ты почтение и Лазарю, то непременно на самом деле получил бы вознаграждение, за благовременную милость приемля должную мзду. Но может быть, надмилло тебя особенное счастье, и в величии суетной славы мечтал ты, что, после такой знаменитости, не будешь подлежать наказанию. Настоящее не знает тамошнего достоинства, не со славою встречает приходящих оттуда, всех равночестно принимает на суде, и достоинства познает не по общему мнению, но по тому, что действительно произошло от добродетели.

Поэтому и о тебе рассуждено, что ты свирепее зверей, потому что псы – звери, но ручные и домашние, а ты думал, что вовсе никогда ни в чем не будешь иметь нужды. Псы то же самое врачебное искусство, какое заняли у природы, научившись языком лечить свои раны, употребили и над беспомощным, облизывая нарастающую нечистоту, чтобы струп, освобождаясь от накапливающегося гноя, делался чистым. И тебе надлежало доставлять возможное утешение своему единоплеменнику и подаянием необходимого восполнять его недостатки, чтобы и тебе, хотя со псами наравне, воздавалась честь, как равное с ними попечение прилагавшему о Лазаре, потому что тебя, кажется побуждая к благочестию, часто приходили псы к сему нищему.

Так как не могли научить словом, что тебе делать, то самым делом зывали: «Поелику усердно употребили мы в дело врачевание, какому навыкли, то, значит, что готовы бы мы были и к прочему, если бы имели возможность снабжать необходимым. А как пищи доставлять мы не в состоянии, и сами надолго оставаясь голодными да и питаюсь иногда по нужде тем, что не позволено есть людям, то доставляем утешение, какое только можем, оказываем сострадание и малым служением

обнаруживаем готовность служить всем, если бы только была у нас возможность”».

Глава 17. Если тщательно приводится в исполнение, что доступно пока по мере сил, то сим доказывается готовность и на прочее и делается явным, что и в рассуждении того, о чем не прилагается попечения, причина недеятельности не в расположении, а в недостатке средств. Но этот жестокосердый бесчеловечный просит из милости капли, когда не давал из милости и крупницы, просит не потому, чтоб достаточно было капли остудить оный пламень (и вылитая река не угасит огня, уготованного в наказание), но чтобы ясно мы видели, что несострадательный здесь, прося и этой малости, не получит ее в Будущей Жизни, и чтобы, дознав строгость и тяжесть суда, благодеяниями нуждающимся ныне приобрели себе в награду обещанные блага, с пользою внесли в тамошнюю сокровищницу истлевающее здесь, как долга требуя у Судии того, что дано в залог нищим, а не довольствуясь принятием подаяния – одним освобождением от мучения.

Ибо если, по сказанному в Соломоновой притче, *милуяй нища взаим дает Богу* (Притч. 19, 17), то дающий займы, имея благопризвательного Воздаятеля долгов, пусть отдает все, что имеет, чтобы во много крат умноженным найти все там, ничего такого не оставив суетности, что привело бы к раскаянию, как оставленное худо. Ибо все, отданное не на благотворение, действительно бывает напрасно и бесполезно, не сопровождает нас туда, не предваряет нас там. Если кто наименует самых близких родных, сыновей, и братьев, и связанных прочими узами родства, то, без сомнения, если только не вовсе скуден, найдет их готовыми наследовать имение. Почему каждому надлежит, распростившись с многочисленными сродниками и друзьями, самому стать родным и другом своим, туда все унеся с собою или предпославши, куда сам переселяется, чтобы, позванному в переселение, идти туда охотно, видя, что там собрал себе великий запас нетленных имуществ, и не останавливаться в перехождении, с жалостию оставляя вещественное богатство, к которому напрасно пристрастен был в настоящей жизни.

Отделение 5. О том, что душам пристрастных к богатству, как животолюбивым, при смерти трудно расставаться с жизнью

Глава 1. Поэтому души пристрастных к богатству, разлучаясь с телом, много мучаются, и исходят, и назад возвращаются, будучи изъяты из тела, снова в нем скрываются; в доказательство же борьбы, с какою противятся отторжению от тела, представляют проливаемый пот, и как велико их пристрастие к настоящему, ясно показывают, непрестанно обращаясь к оставляемому и, по привязанности к здешнему, с трудом отходя отсюда. Но если бы призывало их туда желание видимого там стяжания, то, без сомнения, поспешили бы устремиться к нему, усматривая, что будущее привлекательнее оставляемого, по блистательности тамошнего презрев остающееся здесь. Таков был другой богач, в котором плодоносие поля увеличивало болезнь ненасытности: непрестанно разорял он житницы и созидал большие, потому что не было места, где положить плоды земледелия;

прежние кладовые переполнены были старыми урожаями, потребное же для нуждающихся ограждал он для безопасности крепко построенными прикрытиями для стражей и, ни с кем не разделявший своей трапезы, говорил душе, предрекая ей не обманчивое наслаждение на многие годы, а как показало Божественное определение, не предусматривая и того, что будет на следующий день (см.: Лк. 12, 16–21).

Ибо действительно справедливо было, чтобы замысливший никого не принимать в участники наслаждения и сам не вкусил мечтаемого удовольствия, но насильно был взят и повлечен на суд за бесчеловечие. Что же? Не было разве тогда нищих, изнуренных голодом, и потому стало нужно с такою безрассудностью собирать в житницы земные плоды? Не было разве нуждающихся в необходимом, которым можно было бы больше доверять, нежели тле, позволить, чтобы в употреблении хлеба предварили неблагодарных сотрапезников – червей и с большим правом расходовали то, что в скором времени без благодарности истребили бы черви – эти как бы жестокие и свирепые какие-то матереубийцы, по недостатку другой пищи посядающие родивших их, после незаконного пира выползающие из житниц и всенародно являющиеся непризванными свидетелями безумия хранившего свою пшеницу, потому что так определил Праведный Судия, чтобы и худо собранное погибло, и собиравший не имел благовидного предлога порицать Промысл.

Поелику один присвоил себе общий всех избыток, замками и запорами тщательно обезопасив ниспосланный свыше дар, предположив себе долговременное и многолетнее наслаждение всем этим, то справедливо Бог изъял из житниц дарованное Им, нимало не повредив сделанного собственными трудами богача, потому что целыми оставил ему житницы, которые сам он построил. А сколько употребив тщания, готовился выпустить на свет эту пшеницу, напоказ всем возя по улицам, этот, к осмеянию и посрамлению своему измысливший тысячи средств, чтобы долгое время без повреждения сохранялось у него служащее к наслаждению, тесаными плитами выстав пол, обмазав густою известью стены и сквозь окна проведя внешний воздух, чтобы проветривалось хранящееся в житницах и при постоянном движении воздуха не терпело ущерба от загниения!

Глава 2. Но никакое искусное предприятие не перехитрит Божия изволения, и человеческое примышление не препобедит непреложного суда, в ничто обращающего усилия думающих, будто бы могут в чем-либо успеть рачительностью собственных сил своих. Вот ничего не оставил не сделанным для безопасности безумец и обманулся в надежде: житницы целы, а положенного в них нет; замки и печати не повреждены, а пшеница ушла; стена не подкопана, кровля не снята, а житницы пусты.

Все служившее к безопасности цело и ни в чем не потерпело ущерба, а запасы разошлись вне, возбуждают удивление в видящих и великий стыд причиняют собиравшему, который никак не может утаить обличения своего в неразумии, столь многочисленными обличителями бесчеловечия имея зерна пшеницы, по Божью мановению необычайным образом явно рассыпанные в виде малого количества праха и оставившие внутри памятники бесчувственности для

всегдашнего напоминания собиравшему об его безумии, чтобы, смотря на оставшийся прах, дознал, что человеческое промышление не дальновидно, и не говорил более, что сказано им прежде: *Душе, имаши многа блага, лежаща на лета многа: яждь, пий и веселися* (ср.: Лк. 12, 19), но по самому исходу дела нашел истинным то, что изрек вдохновенный и богоносный Исаия: *Якоже во сне жаждай аки пияй, воспрянув же еще жаждет, душа же его вотще надеяся: тако будет богатство* (Ис. 29, 8) нечестивых, возвеваемое и рассеваемое, как прах, хотя бы промышлением о сохранении положено было в местах самых недоступных.

Ибо заботящимся о сем так говорит Сам Бог: *Призресте на многа, и быша мала, и внесосте я в храм, и отдунух я* (Агг. 1, 9). Лучше же сказать, и того, случилось ли это или нет, не узнал предположивший себя долговечным, потому что, исхищенный преждевременно, предварил утрату собранного; едва задумал о долговременном веселии, как в ту же ночь без отлагательства потребована у него душа, и не успел он сказать, кого хочет признать господином оставляемого им. Ибо за неимением господина, должно было наконец сделаться общим, что полновластно удерживал у себя один, не делясь с другими, хотя сие одинаково предлагалось во власть каждому для его употребления. И поелику не предположил он по собственному изволению иметь это общим с нуждающимися и не был расположен добровольно уступать то в дар, что должен был утратить поневоле, то, отрезвившись от мечтательного упоения, по необходимости подвергается вечному мучению.

Глава 3. Если нищелюбцы подаваемое нищим воспримут во сто крат, а сверх того наследуют нескончаемую жизнь, то, без сомнения, и те, которые проходят мимо скорбящего не утешив его, во-первых, терпят ущерб в том, что необлагодетельствованный никогда не благодарит сих несправедливых, а потом предаются мучению, еще более испытываемого страдания терзаемые совестью, что это самое имущество, которое чрез благотворительность нуждающимся должно было послужить к искуплению души их, скупостию обращено в причину осуждения, и справедливо по делам своим услышат они грозный и страшный этот приговор: *Идите во огонь вечный, уготованный диаволу и аггелом его: взалкахся бо, и не дасте Ми ясти: возжадахся, и не напоисте Мене* (ср.: Мф. 25, 41-42).

И мне кажется, не столько жалки они как подвергшиеся наказанию, сколько смешны по своему неразумию, потому что, пожалев истратить маловажное, предпочли сему столь тяжкое мучение; и тем, что готовили для наслаждения, не воспользовались столько времени, сколько мечтали, а за оставленное ими здесь понесли страшное и грозное осуждение, потому что имущества своего не обратили в собственное свое утешение, с бремениносцами нищими все предпослав туда, где стали бы не мучиться, а наслаждаться, и потому что другим трудами своими доставили возможность жить непотребно, почему справедливо и несут за них наказание.

Отделение 6. О том, что справедливо наказываются собственность свою передающие во владение кому случится

Глава 1. Наследовавшие имение при недостаточном содержании могли не сделать тех грехов, к свободному совершению которых привело их обилие в деньгах, стремлению произвола ко всему, что нравится, проложив удобный путь возможностью удовлетворять оному самым делом. И ни один суеслов да не выставляет мне с важностью этого давнего предлога, говоря, что бережет деньги для спокойной жизни детям и внукам, потому что опыт заграждает всякие уста, выставляющие этот предлог, на самом деле показывая, что суетна такая заботливость родителей. Сколь многие, имев бедных предков, так разбогатели, что для людей, обольщающихся суетным, кажутся достойными зависти? И сколько примеров, что дети, получившие от отцов огромное имение, приходят в крайнюю нужду, или подвергшись насилию людей сильных и вместе лишившись всякого достояния, или расточив свое имение понемногу в беспутной жизни и на срамные вознаграждения, а впоследствии с трудом добывая необходимое пропитание?

Посему для всякого делается явным, как недалекovidна предусмотрительность собирающего, и предшествующие примеры убеждают оставить такой напрасный труд, думать же о своем спасении, а внуков предоставить смотрению Самого Бога, Который и их благоустроит, как признает за лучшее, или из низких сделает высокими, или соблюдет в том достоинстве, в каком оставлены родителями.

А если прочность оставляемого детям неизвестна, польза же благотворения всеми признана, то почему не всеми отдается предпочтение явному пред неизвестным в том убеждении, что семена должно сеять там, где есть надежда на большее и несомненное плодоношение? Но если бы наследники оставленным имуществом могли обладать прочно и неоспоримо, кто в такой мере будет врагом и наветником себе самому, что ради того, чтобы происшедшим от него передать обильные средства к наслаждению, сам для себя изберет вечное мучение и своему спасению не отдаст предпочтения пред успокоением других или, по крайней мере своего собственного не поставит наравне с тем, что, как гласит истина, чуждо и ни к чему не служит в будущем?

Для всякого ничто не равняется душе его, потому что каждый, когда будет судим, один должен отвечать за себя и не будет ему пред Судиею никакой защиты от родства или дружбы. Почему, так как милостыни и благотворения дают дерзновение пред оным судилищем, о них должно прилагать попечение, менее заботясь о сострадании к родственникам, потому что иметь о всех попечение принадлежит Богу, благоустрояющему жизнь каждого, как для кого полезно. Иначе будем вести себя в этом хуже бессловесных, себе присвоая дело Божия Промысла в своей мнимой попечительности о детях, которая, как сказано, часто не достигает цели, потому что многие, получив большое имущество, остаются нагими и вовсе бесприютными. Ибо, если сами себя не обучили мы целомудренному рассуждению, то должно нам и этому, как и многому другому, учиться у бессловесных.

У зверей, у пресмыкающихся, у птиц и всех животных домашних природа бывает учителем в том, сколько должно заботиться о потомстве, обучая прилагать попечение о малых детях и птенцах, пока нет у них своих сил добывать себе пищу, а когда будут на это силы, прекращая родственную попечительность и предоставляя каждому полную свободу искать себе корма. И сие делает природа, может быть, в посрамление тем, которые одарены словом, но ведут себя бесчувственнее бессловесных и оскорбляют Бога, как будто не может Он иметь достаточного Промышления о собственных Своих делах, все попечение о потомстве берут на себя, нимало не пекутся о своем спасении, как будто они не ближе сами к себе, нежели к потомкам, и им приличнее иметь попечение о полезном не для них, но для потомков.

Глава 2. Родство есть тесная плотская связь, до тех пор поддерживающая сии неразрывные узы, пока не разорвана эта плотская цепь, по порядку связующая преемственно зависящих друг от друга. А как скоро смерть расторгла этот связующий союз, права взаимного родства уничтожаются. Каждый за собственные свои дела влечется на суд и тогда узнает то одиночество, какое приуготовил себе, когда ниоткуда невозможно придумать себе помощи, потому что вместе и способов не стало, и миновало вспоможение. *Брат не избавит* (Пс. 48, 8) брата от этой нужды, отец не спасет сына от мучения, мать не умолит за наказуемого сына, дети не извлекут родителей – бездейственными делаются сии отношения и прекращаются, препобеждаемые страхом суда. Пред этим судилищем муж не узнает жены, которую, может быть, и сильно любил, когда утратил ее; не думает жена о муже, которого провожала с крепкою и пламенною любовью, потому что превозмогающее томление духа изглаживает страстные воспоминания о плотских привязанностях.

И хотя нередко получивший прародительское достояние и прекрасно распорядившийся им на пособие нуждающимся, представ пред Судиею, слышит похвалы за соделанное им, и с веселым лицом приемлет обетования, однако же оставивший ему имение без милосердия влечется на мучения, потому что этот жалкий человек ничего доброго из имуществ своих не сделал для нуждающихся, добытое собственными трудами оставив средством ко спасению для другого, а сам для себя не извлеки из собственности своей ни малой пользы. Прекрасно премудрый Соломон говорит: *Умножая богатство свое с лихвами и прибыли милующему нищия собирает е* (Притч. 28, 8), став виновником для себя мучений за любостяжательность, а для других виною благих воздаяний за благотворительность. И если сие действительно так, то в каком безумии сии безрассудные, даже и во время смерти не помышляющие о страшном судилище.

Отделение 7. О тех, которые во время кончины не прилагают попечения о своем спасении, но пишут завещания и отдают приказы о том, над чем не имеют власти

Глава 1. Положим, что сим гордецам поводом к забвению полезного для них во время жизни была небоязненность, но почему же и при исшествии отсюда остаются они бесчувственными? При сем

исшествии страшная неотступность требующих души содержит ее в трепете, ужасает страшными видами, все еще побуждая ее о положении своем приять целомудренный и полезный в будущем помысел, а укоряющие за грех демоны с угрозами влекут ее к себе в места печальные и унылые, так что одного представления об ужасном истязании достаточно для мучения, и совесть, обыкшая обращать взор на содеянные грехи, трепещет сего мучения, ожидающего ее по достоинству грехов. От сего-то тело лежит, орошенное потом, льющиеся с него потоки показывают внутреннее томление; видимое служит доказательством тайного смятения. Но и тогда, может быть, своих покровителей, друзей и родственников, при виде оставляемого ими, домогающиеся у них бесполезного уже благоволения, ободряют надеждою жизни.

А может быть, и действительно признают это долгом своим, почитая добрым делом, чтобы все, что, как они думают, не последует за переселяющимся туда, оставлено было упомянутым выше на добрую память, впрочем бесполезную уже для наказуемых. Ибо находящемуся в нестерпимых муках что пользы в похвале за милости, когда этими благодарственными воззваниями не может он облегчить своей неутолимой скорби? Но могло бы и это, хотя бы и не было предпослано, последовать за тем, кто оставил бы сие бедным, и принесшему с собою туда доставило бы великое утешение там, где отшедшему туда с пустыми руками невозможно ни взять в заем, ни получить из милости, ни как-либо иначе приобрести от благодетеля.

Глава 2. Сие вместе с неблагоприятным богачом дают видеть и пять юродивых дев. Тот, сгорая в пламени, просил капли на язык, они же просили елея, которого не принесли и никто из имевших не дал, так как они могли его иметь при себе, но не имели. А потому Екклесиаст и дает совет, говоря: *Посли хлеб твой на лице нуждающегося, яко во множестве дний твоих обрящеши его* (Еккл. 11, 1); и Апостол говорит: *Дондеже время имамы, да делаим благое: во время бо свое пожнем, не ослабеюще* (ср.: Гал. 6, 10, 9). И Господь изрек: *Скрывайте же себе сокровище на Небеси* (Мф. 6, 20).

Так советуют делать сие прежде постигшей нужды, чтобы, по неведению полезного, не потерпеть кому ущерба в будущем веселии, отшедши туда без потребного для жизни, не только оставаясь там бесприютным, но претерпевая великую скорбь оттого, что увидит других наслаждающимися.

Ибо недостаток несильно печалит нераздражаемого наслаждением других: в нем пожелание как бы молчит, потому что нечему извне возбудить болезненного напоминания, но, когда пир перед глазами и пирующие с заздравными чашами весело приветствуют друг друга, тогда вожделение производит страшное беспокойство, воззрением на приятные снеди и пития возбуждая пожелание и желанием вкусить их причиняя весьма жестокую скорбь. Когда же рассудит, что по его безрассудности сделалось невозможным, что было возможно, и по собственному своему неразумию лишается наслаждения, какое позволить себе властны другие, тогда огорчение более усилится, потому что к исправлению ошибки окажется недостаточным раскаяние и не найдет он средства к тому, чтобы открылась возможность

воспользоваться случаем хорошо устроить, что прежде предположено было худо.

Отделение 8. О том, что страждущие при жизни беспечно и во время кончины, вместо того чтобы позаботиться о самих себе, прилагают старание о том, как передать имение свое наследникам

Многие, не обращая и на сие внимания, делают завещания в пользу родственников, на письме предавая позору свое неразумие и полагая, что в попечительности должно других предпочитать себе самим.

Хотя закон природы и сблизил детей с родителями, однако же желание спасения научает каждого иметь большую заботливость о себе, приводя на мысль время суда, в которое каждый с ужасом выслушивает собственный свой приговор, нимало не ожидая ниоткуда помощи, если дела его худы. *Живу Аз, глаголет Господь: если будут там Даниил и Иов, не избавят ни сынов, ни дочерей своих, но тии едины спасутся* (ср.: Иез. 14, 18), грешник же во грехе своем умрет.

Но сии непоколебимые в беспечности о себе самих, даже дознав, что никто ни от кого не имеет тогда помощи и что каждый за собственные свои дела спасается или погибает, оставив попечение о себе и, как будто бы принадлежали уже они к числу спасаемых, перестав о сем заботиться, прилагают старание о том, как передать имение наследникам, которые на печальных лицах, конечно, показывают уныние, а внутренне с веселым расположением помышляют о наслаждении оставленным. И наследники сии после погребения веселятся, пресыщаясь собранным чужими трудами, а собиравшие, при непрестанной мучительности наказания, предаются подлинно мрачному унынию.

Отделение 9. Обличение пишущих завещания

Глава 1. И с какою важностию всякий раз начинается их завещание! «О, если бы продлилась моя жизнь, – говорится в завещании, – и владеть мне своею собственностью прежде, нежели поступит в дар!» Так выразив, что делают сие неохотно, прежде, нежели окажут милость, изъявляя желание жить и владеть собственностью, дают видеть, что уступают необходимости, а не произволению; и, поелику желание их безуспешно, передают, кому пришлось, все, чего взять или удержать у себя, хотя бы и желали, не могут. «О, если бы продлилась жизнь моя!» – «Да, – справедливо скажет ему сама истина. – О, если бы продлилась жизнь твоя, о человек!» Ибо, живя доньше, что сделал ты полезного для жизни? Напитал ли хотя одного алчущего? Укрыл ли у себя хотя одного бесприютного? Освободил ли какого притесняемого должниками? Избавил ли из-под власти господ кого-либо сетующего на жестокость тяжкого рабства? Утешил ли кого, впадшего в бедность из богатого состояния, облегчив для него, хотя отчасти, тяжесть нищеты? Говоришь, тебе хочется, чтобы продлилась жизнь твоя, но почему же никто другой не говорит о тебе этого?

Без сомнения, сказали бы многие, если бы в предшествовавшее время был ты добр и всякий был убежден, что снова найдет тебя таким же, каким был ты для него прежде. «О, если бы продлилась жизнь

твоя!» А для чего? Чтобы имение свое раздать бедным? Чтобы сделать теперь, чего не сделал прежде? Чтобы, наконец, соразмерно с потребностями каждого недостатка его восполнить твоими избытками? Это можно сделать тебе и при кончине, и многих заставить молиться о твоём упокоении, лучше сказать, если и никто не станет молиться и просить за тебя Бога, самое дело соделает тебя пред Судиею достойным помилования и вместе с напитавшими алчущего и нищего приведет к уготованному Царству.

Или для того желаешь жить, чтобы, приобретши и иное нечто, хотя долго сам ты в роскоши наслаждался удовольствиями и многое остается у тебя твоим наследникам, снова владеть тебе всем этим? Почему же до настоящего времени владел ты худо, при таком богатстве не облегчив ничьей нужды? Да и почему называешь своим, что дано на употребление в здешней жизни и на общее благоустройство нуждающихся? Откуда принес ты то, что называешь своим, но что старше твоего бытия на свете? Не из иного ли какого места принес ты это с собою, вступая в жизнь? Не вместе ли с тобою, родившимся, появилось и это? Не вышел ли ты из матерного чрева, имея у себя это, чтобы как привык говорить о теле, так и это называть тебе своим? Нашел ты, что было тебе современно, попользовался этим и оставляешь? Почему же называешь своим, что было прежде тебя и что после тебя равно предлагается во власть всякому?

Твоим бы стало это, если бы приобрел ты сие подаянием. Закрепил бы ты это за собою, если бы, подавая милостыню, внес в Небесную сокровищницу. Когда же смерть полагает конец твоему праву на раздел, напрасный уже ты распределитель того, над чем время, против воли твоей, отнимает у тебя власть. Посему поспешай и скорее проходи немногие дни маловременной жизни, чтобы не давать отчета на суде за многие дни жизни продолжительной. Для чего готовишь себе долгое и тяжкое мучение, желая до глубокой старости продлить грешную жизнь, чтобы за долгое пребывание здесь приять великое и продолжительное истязание?

Глава 2. Потом пишут в завещании: «Желательно, и весьма желательно мне» – и за сим излагают свои распоряжения, выказывают великую щедрость к родным в разделе того, что уже не их собственность; и в той, может быть, мысли, что останутся в живых, многое назначают покровителям своим и друзьям, и, решение свое в предотвращение подлога утвердив печатью, умирают с искаженным лицом. Как привыкшие уверять о всем с важностью ложно говорят, будто бы смеются над здешним, по сущей же правде приходят в ужас при внезапно открывшейся им страшной и печальной стране. Ибо признаком насмешки служит улыбка, и ей надлежало бы обнаруживаться на лице умирающих, если бы над тем, что оставляют, смеялись они как над достойным смеха.

А теперь, как принявшие горькое врачевство, морщат они от неприятности лицо, ибо душа по тому расположению, какое ощутила при открывшихся там опасностях, образовала отличительные черты на лице и видимою наружностью явно выразила сокровенную свою печаль. Природа соделала лицо наше зеркалом души, оттеняющим на себе образы, подобные расположению, какие душа возбуждает внутри себя, страдания свои доводя до явных признаков. Так, скорбь обличается

грустным лицом, радость узнается по лицу веселому, раздражение выражается суровостью – и невозможно на лице изобразиться другому виду, кроме того, какого требует то, чем занят ум.

Глава 3. Ухищрение вскоре делается для всех известным, потому что лицемерие не может в точности представить образа истины и не в состоянии, когда обладает одна страсть, долго выражать на лице свойственное другой страсти. Ибо хотя усиливается отличительные черты одной заменить чертами другой, однако же не имеет сил долго сохранять притворный вид, потому что лицо быстро изменяется и принимает тот образ, какой по сострастию дает ему живущая внутри страсть.

Думаю, что и пять дев, которых Священное Писание наименовало юродивыми, принадлежат к сему разряду. Имели они при себе светильники девства, но не принесли в сосудах елея, который влажностью своею питает обыкновенно светильню светильника; и за сие справедливо получили наименование юродивых, потому что, преуспев в трудном и почти невозможном – в девстве, вознерадели о малом и крайне удобном, боролись с преобладающею силой естества, обуздали неистовое вожделение, угасили пылающий пламень сластолюбия, мудрование плоти подчинили закону духа, невреديم попрали горящие угли – напоминания страсти непотребства, но пребыли бесчувственными в сострадании к нуждающимся, где не требовалось ни труда, ни пота, ни утомления, но одно изволение без изнурения сил могло привести мысль в исполнение. Превозмогли они страсть, с трудом одолеваемую и многих приводящую в борение, но пали там, где одна сила произволения без труда совершила бы предположенное, и светлость девства затмили мраком любостяжания. Посему в смятении бегали по торжищам, тогда ища елея, когда продающие заперли двери.

Ибо какая уже купля по окончании ее, когда не осталось имеющих в чем-либо потребность и никто не делает выгодного договора с требующим елея, – потому что торговля кончена и продажа необходимого каждому сделалась невозможною? Если же для дев столь многие труды охранения чистоты, поелику не было милостыни, сделались бесполезными, и остались они вне брачного чертога, взывая жалобным голосом: *Господи, Господи, отверзи нам*, и услышали, что жених внутри, как бы раздраженный, изрек гневное слово: «*Аминь глаголю вам, не вем вас* (Мф. 25, 11, 12), откуда вы», то какое, по справедливости, слово (и каким гневным и суровым голосом произнесенное) услышат те, которые кроме немилосердия одержимы тысячами других пороков? Конечно, сие, столь грозно людям подобного рода изрекаемое слово: *Идите во огонь вечный, уготованный диаволу и аггелом его: взалкахся бо, и не дасте Ми ясти* (ср.: Мф. 25, 41, 42).

Для дев достаточным наказанием служило заключение для них брачного чертога; сие-то одно, что не вместе они с мудрыми девами, мучило их; болезненной была для них самая мысль, когда рассуждали, какое наслаждение внутри чертога. А сии вместе с тем, что лишены всякого доброго утешения, потерпят неизбежное и тяжкое мучение, наказуемые сугубыми муками, – с одной стороны, мучением в огне неугасимом, а с другой – скорбию раскаяния, какую обыкновенно блаженство других производит в имевших возможность вкусить сие

блаженство, но не вкусивших по собственному нерадению, а такая скорбь терзает душу не меньше внешнего мучения, истязующего тело огнем.

Глава 4. О, сколько возвышало милостивых сострадание! О, сколько унижало немилостивых жестокосердие! Первых вводило в Царство Ангелов, последних низвергало вместе с демонами и с диаволом в геенну огненную. Так полезно уделять другим, так вредно не делиться ни с кем! И это весьма справедливо, потому что первое близко к Божию человеколюбию, второе же недалеко от сатанинской зависти. Кто не оказывает жалости к единоплеменнику, алчущему, угнетаемому и теснимому жадными ростовщиками-заимодавцами, тот не пришел ли уже в состояние демонов и не справедливо ли осуждается с ними на общее мучение, став сообщником злобы тех, с которыми не имел общего естества? Так сотворенный по образу Божию человек именуется и скотом, и зверем, и пресмыкающимся, в лукавом навыке поревновав тому, чем не был он по природе, и из естественного благородства перешедши в неестественное неблагородство.

Видишь ты, человек, что одинаковый с тобою по роду лежит на земле, среди торжища, бездомный, бесприютный, без куска хлеба, не имеет ни под собою, на земле, под иссохшими боками подостланного рубища, ни вверху покровы, защищающего от стужи или зноя, на открытом воздухе равно принимает на себя и падающий снег, и солнечные лучи, принужден обнажать пред всеми тайны естества, не может от долгого неядения к выражению прошений употребить в дело голос, но движением руки и мановением едва уже движущихся бровей объясняет знаками свою просьбу, от оскудения тяжело дышит и едва переводит дух, – видишь и проходишь мимо, побуждаемый к поспешности, может быть, наступившим временем принятия пищи, и ощущаемая тобою потребность не преклоняет тебя к состраданию, не побуждает снизойти к голодному собственным твой голод, который твоими огорчениями, впрочем не достигающими до подобной нужды, научает тебя и чужим страданиям.

У тебя, может быть, не прошло вчерашнее опьянение, в ненасытном чреве не испарились во множестве наполнившие его яства, но отрываешь еще зловоние, тот один плод справедливо приобретаешь от предшествовавшего удовольствия, что сам ощущаешь неприятность выдыхаемых испарений, потому что Создатель такое устройство дал естественным отправлениям нашего тела, что запах, выходящий из уст, принимает в себя ближайшее к устам – обоняние; и сам человек прежде других исполняется от себя неприятного ощущения. А его после многодневной скудости на встретившуюся случайно пищу заставляет неудержимо кидаться голод, который должен тотчас удовольствоваться одним куском, потому что с давнего времени отучен он от обильного продовольствия и по необходимости недостатка понемногу приобрел невольную способность ограничиваться малым. Притом не рассуждаешь ты, что он для тебя – Лазарь, не рассуждаешь, потому что не позван ты еще на суд и не видишь его на лоне патриарха; впрочем, увидишь, не сомневайся в этом. Ибо и одинаково подвизавшиеся приемлют в удел одни и те же места, и предавшиеся одинаковым беззакониям осуждаются на одни и те же истязания. А ты нечестуешь более и самого богача. Он позволял, по крайней мере, Лазарю спокойно

лежать, не отгоняя от дверей своих, терпеливо имел всегда пред глазами неприятный вид покрытого струпями и смрадного тела, представляющего гнусное зрелище непрерывными истечениями гноя, который с жадностью лизать сбегались псы и затруднительным делали проход входившему в дом богачу, никогда не отгонявшему ни их, ни того, для кого собираясь, затесняли они дорогу.

Ибо если бы делал он и это, как и прочее, то было бы сие написано. Поелику же не поступал он так, то умолчено о сем в показание, что и в весьма порочных людях есть светлая искра естественного благородства, сияющая собственным блеском, и хотя мрак порочных навыков омрачает ее, однако же не вовсе она угасает. А у тебя жезлоносцы одетому в рубища не позволяют и приблизиться даже к воротам, не дают ему места присесть или прилечь, почитая нищего предвещателем перемены на худшее и испрашивающий подаяния голос признавая зловещим предзнаменованием.

Глава 5. И что говорю о Лазаре, умаляя достоинство нищего? Христос сказал, что в лице нищего приходит Сам Он и делаемое нищему усваивает Себе. Ибо говорит: *Понеже сотвористе единому сих, Мне сотвористе* (ср.: Мф. 25, 40). И чего же ожидает себе всякий отгоняющий и с бесчестием препровождающий от себя нищего, а в лице его – Самого Христа? Презирает он рубища, неблаголепно прикрывающие снаружи, и не видит сокровенной багряницы, означающей, что под нею Сам Царь? Смеется над малоценностью одежды, а не примечает достоинства образа? Берет во внимание нечистоту телесную, а не помышляет о чистоте душевной? Христос не сказал бы, что Сам Он в лице нищего, если бы в нищем не видел великого внутреннего достоинства.

Да и ты, если бы увидел, что царь облекся в одежду простолюдина, устроив что-либо полезное, и достоинство свое сокрыл под смиренную наружность, то употребил бы все усилия и приложил всякое возможное старание, чтобы дарами и многими услугами сделать себя известным ему, хотя бы потребовалось пожертвовать ему всем имуществом и остаться лишенным всего достояния, зная, что милость при нужде удостаивается со временем великого вознаграждения. Почему же не умилоствляешь Судию твоего, Который желает ныне в благотворениях нуждающимся принять от тебя дары, чтобы тогда судить тебя снисходительно, за тайное даяние даруя явное спасение, подобно князю, который по снисходительности судится за деньги и явно представляет судящему его, чего надеется? И не ложный свидетель сему Господь, Который и молящемуся, и подающему милостыню говорит: *Не воструби пред собою, якоже лицемери*, но делай добро в клети твоей, и Отец видяй в тайне, воздаст яве (ср.: Мф. 6, 2, 4), не скрывает в молчании тайных даяний, но провозглашает о них всей твари и признает, что Им Самим взято полученное нищим, который употреблен в посредники, как домашний и знакомый. *Понеже сотвористе единому сих, Мне сотвористе* (ср.: Мф. 25, 40), – открыто сказал Сам Судия.

И делается сие не по человеческому закону, но вопреки господствующему у нас порядку. В настоящем веке и князь при нужде отказывается от дара, предвидя опасность, потому что это есть татьба, и навлекает осуждение, и признавшийся, что отважился на сие,

делается преступником, подлежащим наказанию. У нас и судящий – раб, и закон также рабский. А там и Судия судит со властью, как Владыка, не возбраняет Себе отменить наказание, положенное за вину, и признание во грехе прекрасно, потому что за признанием следует прощение, а не наказание, и дара не скрывают от Судии, потому что по превосходству Престола никто не может клеветать на человеколюбие, будто бы оказано оное несправедливо, и признать татьбою принятие дара, который в благодеяние и посредствующему нищему, и давшему подсудимому для того и дан, чтобы у одного удовлетворена была телесная потребность, а у другого исправлен был душевный недостаток и за немилосердие не был он немилосердно осужден на нескончаемое мучение.

Или, конечно, как вымышленной басне, смеешься ты угрозе судом будущим? Но не будешь смеяться, испытав, хотя и посмеваешься теперь, слыша. Тогда встретит тебя наказание и постигнет безотрадное мучение, когда оплакивающий свое безрассудство нисколько не поможет себе, увидев, что предвозвещенное истинно, и усмотрев, что неоткуда уже ему примыслить себе помощь, как и тем, которые здесь на целой земле рукоплескали себе, что имеют власть беспрепятственно наслаждаться, и говорили: *Да не прейдет цвет весны: увенчаим нас шипковыми цветами: вина дражайшего и мира исполнимся: везде оставим знамение веселия* (ср.: Прем. 2, 7-9).

Глава 6. Таковы подавившие в себе предошущие будущего: они хотят невозбранно иметь в своей власти все, что им по сердцу, опрометчиво отваживаясь на то, что им представится, потому что нет у них рассудка, удерживающего несправедливые стремления. Но по преставлении отсюда на суд дознают, какая страшная там ответственность за содеянное здесь, увидят, что обижаемый ими праведный нищий имеет великое дерзновение пред Судией, и с раскаянием начнут иную болезненную песнь. Ибо, как сказано, *рекут в себе кающиеся: сей бе, егоже имехом в посмех и в притчу поношения. Мы, безумнии, житие его вменихом неистово и кончину его безчестну: како вменися в сынех Божиих, и во святых жребий его?* (ср.: Прем. 5, 3-5).

Так говорящими представило их Божественное Писание, сим и последователей их вразумляя и научая иметь великое попечение о нищих как о праведных. Ибо надобно убедиться, что подлинно праведны те, которых Господь не удостоил признать равночестными Ему, может быть, и для того, чтобы, приведя сим в стыд горделивых, преклонить их к состраданию, когда не склонила их к милосердию однородность. «Если, – говорит Господь, – не милуешь его по естеству как сродственного тебе, то послужи Мне по достоинству». Так досточтимостию собственного лица делает досточестным и униженного нищего, побуждает к усердию в благотворительности, оказываемой не кому-нибудь неизвестному и неславному, но благородному, достойному уважения, другу Его Самого. Как жалкий вид просящего не побуждает к скорому подаению или делает, что оно бывает скудно и соразмерно с состоянием принимающего, так признанное по наружности достойным уважения вызывает на щедрую милость, чтобы несоответственною малостию дара не оскорбилось оказавшееся достойным внимания.

И все Апостолы, Пророки, праведники, а паче всех Господь, заботливо увещевая, повелевают творить милостыню. Одни говорят: *Раздробляй алчущим хлеб твой и нищия безкровныя введи в дом твой: аще видиши нага, одей, и от свойственных племени твоего не презри* (Ис. 58, 7); другие же: *Доброе же творяще, да нестужаем си: во время бо свое пожнем* (Гал. 6, 9); один говорит: *Грехи твоя милостынями искупи* (Дан. 4, 24); а другой: *Милуяй нища взаим дает Богу* (Притч. 19, 17); и Господь сказал: *Сотворите себе други от мамоны неправды* (Лк. 16, 9); и еще: *Блажени милостивии: яко тии помиловани будут* (Мф. 5, 7). Но о милостыне не радят, как будто никто ничего не сказал о ней, и глубокому забвению предается она: потому, может быть, что многие почитают себя непричастными никаким грехам и, как во всем преуспевшие, не имеющими нужды в милости. Но если бы сие было справедливо, то мечтающие о безгрешности должны были бы уподобляться в человеколюбии Богу и оказывать милосердие всякому в роде человеческого, по какой бы то ни было причине бедствующему, если не в чаянии вознаграждения, то по побуждению доброго навыка, потому что Бог, ни в чем не имеющий нужды, ради нашей пользы прилагает ничем не вознаградимое попечение, по естественному милосердию милуя всякого, имеющего нужду в милости, *солнце свое сияя на злыя и благия и дождя на праведныя и неправедныя* (ср.: Мф. 5, 45), а равным образом научая и тому, что надлежит оказывать милость без различия всем, каковы бы они ни были: злы или добры.

Ибо нуждающегося в благотворении должно удовлетворить во всем потребном, что для него нужно, а не судить о нем, вправе ли или не вправе получить он это. Вместе с праведными и неправедный как пользуется солнцем и дождями, так удостоивается и милости от людей, потому что и в неправедных, при самом устроении их, всеяно нечто Божественное и сим научают они оказывать благодать, подобную Создательной.

Глава 7. Но в жизни нашей никакого нет единообразия. Одни не довольствуются заботами о богатстве, от великой попечительности об имуществе не имеют времени для сна, по слову сказавшего: *Насытившагося богатством земли не оставляет оно уснути* (ср.: Еккл. 5, 11): всячески высчитывает он доходы, расчисляет месячный рост, все продолжение ночи употребляет на то, чтобы, опустив что из памяти, не утратить и малой какой выгоды. Другие не имеют в достатке и необходимого, пребывая без пищи, с пренебрежением к этому предаются сну, и великое для них приобретение продлить беспробудность сна, оставаться нечувствительными к своей скудости.

У одних позлащенные огромные дома стоят пустыми, без людей, служа обширным обиталищем воронов и сов, а может быть, и губительных демонов, а у других для укрытия нет и в три локтя помещения. У одних служит даже на бесчестные потребности серебро, перекованное в тяжеловесные сосуды, назначаемые для принятия в себя мочи и нечистот чрева, а у других нет и глиняного черепка, в котором бы в жажде поднести воду к устам. У одних по варварскому безумию гниет дорогая одежда, а у других для прикрытия срама нет и рубища из лоскутков. У одних тесно на столе от снедей всякого рода, и земных, и воздушных, и водяных, ибо нет ничего такого, чего не вкушало бы сластолюбие, всюду распростершее всеуловляющие сети, в

которые вовлекает обитающих в глубинах и близ самого эфира и уготовляет из них обильное наслаждение сластолюбцам, между тем как жалкое чрево отчаивается в возможности насыщения, оказывается уже недостаточным к тому, чтобы служить ненасытности неудовлетворимого пожелания, которого в неудержимом стремлении не останавливает наполнение внутренних сосудов, потому что пределом потребности почитает не удовлетворение оной, но одно то, чтобы не оставить ничего приготовленного.

Почему как приемлющие сосуды при сем расторгаются и не выносят тяжести пресыщения, то сластолюбие при всем обилии остается неудовлетворенным, мучаясь жадностью при виде оставленного и жалуясь на малый объем чрева, не способного вмещать в такой мере, в какой оно желает, и всего того, что оно в неудержимом стремлении зияет жадно поглотить. А у других пожелание ограничивается одним куском, и отчасти удовлетворить потребности почитают они роскошью, потому что пресыщение заставляет примышлять многие новые одно за другим изобретенные удовольствия, даже и ненадолго не пользуясь удовольствиями привычными, если в том, что услаждает, не будет частых и непрерывных перемен, которые, поражая необычайностью, привлекают к себе ни на чем не останавливающееся пожелание и услаждают вкус то тем, то другим качеством; напротив того, скудость убеждает одно полезное признавать любимым, повелевая наполнять пустоту, а не услаждать вожделение.

Поэтому ужели теперь кто из людей столько немилосердных, что проходили мимо и больных, которые лежали на распутиях, и тех, которые ходили по улицам, принужденные без стыда приступать к чужим дверям, и тех, которые, по непривычке просить, стыдились объявить о постигшей их превратности и решались втайне терпеть голод, но не соглашались показаться знакомым в несоответственном достоинству своему виде, – и тех, которые злострадали в рудокопнях и темницах, обремененные узами, принужденные тесать камни, и тех, которые в гробах на утесистых горах истощились в силах от падучей болезни и одни, предполагая, что болезнь их возбудит отвращение, не осмеливались входить в города и села из страха, что над ними не сжалятся и замечут их камнями, соблюдая себя от сей немощи, а другие, не имея и ног, чтобы ходить, и рук, чтобы ползать, безмолвно оставались все дома, подобясь древесным стволам, не имеющим сучьев, будучи лишены членов, потребных для всякого движения, – ужели кто, видя и их из такого злострадания переселенными в покой, и себя, из такой роскоши перешедшим на мучение, не скажет, что суд Владычный праведен? И может ли прийти ему на мысль с молением своим обратиться к Судии, когда сам он нечувствителен был к мольбам нуждающихся, всегда поступал с ними жестоко и самая совесть еще прежде Судии осуждает его в прежнем бесчеловечии?

Но этот человек, который делает насилия, грабит, самоуправствует, поядает, скрывает, гонит, заточает, преследует клеветой, уводит, уносит, поработывает, повсюду возмущает жизнь всякого, не оставляет не приведенным в действие ни одного вида зла, пока власть и сила позволяют ему делать это, без сомнения, стремглав низвергнется на самое дно тартара, обличение в стольких грехах признавая для себя тягостнейшим мучительных истязаний. Подлинно, это приличный

конец для тех, которые могущество свое употребляли не на благодеяние, но во зло ближнему, стяжания свои оставили другим на препровождение роскошной жизни, а себе приобрели вечное мучение.

Глава 8. Какое неразумие! Какое бессмыслие! Что доставляет любостяжательность, кроме веселия, не скажу, кроме необходимой потребности для желающих к облегчению телесной немощи сделать что-либо в угодность и вожделению? А мы для сего в желании всем обладать обходим целую землю, бываем у бриттов, еспериан, мавров, на востоке же простираемся в Фивы и в страну индов, отовсюду привозим для своего употребления служащее к роскоши, собираем бесчисленные сокровища для заготовления товаров, потому что частью собственными земными произведениями, а частью добываемым с торжища надобно нам уразноображивать трапезу, делать ее многоценною и избыточествующею всем, что могло бы наполнить всегда отверстый, подобный чаше зев чрева; и у многих действительно оный и всегда отверст, и ненаполним если не по обширности сосуда, то по ненасытности желания, всегда алчного и никогда не удовлетворяющегося похотения, зияющего схватить все, что показывает зрение.

Для этого клеветы и самоуправства, для этого татьбы и грабежи, для этого один делает насилие другому, а ему опять другой, по мере того как в имеющих большую и большую степень могущества возрастает самоуправство, которое приводит к тому, что обижающие ныне слабого в скором времени сами потерпят обиду от сильнейших, и примышляет непостыдные по видимому предлоги к хищению, потому что в любостяжательных замыслах служит оно искусным советником, подавая советы, убеждающие в мнимой благовидности хищения. Так Иезавель, услышавшую, что муж ее Ахав пожелал виноградника, принадлежавшего Навуфею, настроила с таким усилием и ухищрением устремиться к предположенному хищению, чтобы и желаемое было получено, и не стало, кому бы сетовать на хищение; оклеветав Навуфея в хуле на Бога и царя, предала она смерти владевшего виноградником и, когда не стало у него владельца, взяла себе; и некому уже было объяснить обиду для не знавших дела, когда не стало на свете того, кто мог бы вопиять о ней.

Но ныне люди отваживаются на большие еще злодеяния, усовершенствовавшись со временем в опытности делать обиды и по навыку преуспев в этом искусстве. Дети еще при жизни лишаются отеческого достояния, братья отчуждаются от наследства после братьев, жены по кончине мужей, как ни вопиют на беззаконие, не бывают услышаны и не получают имения. Ибо в каждом из сих насильственных поступков мнимым оправданием причиняемого вреда служит пример царских даров. Царь, может быть, по праву мог отдавать просящим оставшееся без владетеля, ибо и ему невозможно было собственность одних обращать справедливо в дар другим, передавая чужим следовавшее на долю законным наследникам, что должно переходить от умерших по порядку: преемственно по родственному праву.

Глава 9. Но любостяжательность страшно ухитряется убеждать всем, обольщает царей околичными прошениями, берет благовидную власть, над кем только хочет, переставляет и сверху вниз, и обратно

снизу вверх, всегда делаясь для многих причиною нестерпимых бедствий.

Посему многие из обиженных на опыте оказались бесстыдными нищими, лишившись значительного имущества и возымев нужду в благотворительности других, обратились к тому, что описывают свои бедствия, трогательно изображают страдания, потоками слез доказывают свою нужду и уверяют, что иные им, ничего не имущим, едва дают на хлеб, говоря, будто бы у просящих милостыни в обычае выдумывать такие рассказы, многое увеличивать для обмана, присвоить себе благородство, которого не имеют, жаловаться на небывалую потерю денег, подробно рассказывать о выдуманных кораблекрушениях, сочинять целые повести о нападениях разбойников, о побеге рабов, которые ограбили их и оставили в этом непристойном виде, как показывает бедное и слез достойное одеяние, и как последнее средство вымолить себе значительнейшее подавание – присовокуплять такие слова: «Отняты у нас земля, усадьба, имение; лишились мы денег, приличного содержания, домашней прислуги, ниоткуда не видим себе утешения, даже еще смеются над нами, бедными, думая, что рассказываемое о наших бедствиях – небылица и ложь». Ибо действительно подозревается всегда во лжи рассказываемое о прежнем благополучии по видимому и правдоподобное: если кто говорит, как кажется, и правду, но не имеет никакого доказательства в подтверждение слов своих, настоящее же его положение нисколько ни в чем не согласуется с его словами. Посему таковые принуждены бывают в молчании переносить тяжесть бедности, почитая неблагоприятным открывать о своем положении тем, которые не хотят верить, слова их обращают скорее в предлог к посмеянию, нежели к состраданию.

И одни из них скитаются, меняя отечества одно за другим в той мысли, что неизвестное пока для них, может быть, окажется и удобным для благоустроения жизни; иные же остаются в тех местах, где застигнуты бедствием, не решаясь на переселения, то по немогице сил, то по неизвестности будущего, настоящее и опытом изведенное не без основания предпочитая сомнительному, будет ли оно хуже или лучше, и утешая себя, по крайней мере, тем, что, хотя вследствие сделанного им насилия лишены они всех прочих имуществ, однако же имеют невозбранное право пользоваться стихиями свободными и делать из них такое же употребление, какое делают и надмевающиеся своим могуществом, потому что от Создателя прияли сие неотъемлемое достояние, чтобы не впасть им в совершенное уныние, как не имеющим власти ни над какою частию целого творения.

Поэтому, где хотят, дышат этим никому не возбраняемым воздухом, черпают в источниках, реках, озерах сколько угодно, пользуясь изобильным питием и с полною свободою омываясь водами, если не в городах и селениях (там воды, разделенной для орошения, может быть, и не дадут им как не имеющим своей собственности), то в пустынях и местах невозделанных, с небоязненностию наслаждаясь, в какой только хотят мере, и ни от кого не видя себе препятствия. Сияние солнца приемлют и очами, и всем телом; и никто, если бы и захотел, не в состоянии остановить истекающих из него лучей, по преимуществу богатого пред нищим уделить первому больше, нежели сколько достаточно последнему по его смирению.

Ибо, в чем есть что-либо по природе своей уделемое по частям, в том преимуществуют богатые, не позволяя, чтобы у других было то же, что стараются иметь они сами. А что не допускает раздела, то в общее употребление равно дается всем, и в обладании этим один перед другим не имеет никакого преимущества, потому что природа равно уделяет это всем и желающим иметь у себя много не дает поводов к раздору.

Глава 10. Кто по превосходству сил, отделив себе участок воздуха, как участок земли или денег, мог удержать у себя эту отделенную часть, когда воздух непрестанно разливается на все части творения? Кто, наподобие денег или драгоценностей, укрывал солнечный свет или солнечную теплоту в собственной своей сокровищнице, наслаждаясь сим один, когда ночь скроет солнце под землю или облака закроют его во время течения по небосклону? Вода, почерпаемая в сосудах, хотя делится по видимому на многие части, делаясь собственностью каждого из почерпающих во время самого черпания, однако же по обилию потока употребление ее делает для многих бесспорным подобно вещам неуделяемым, утоляя желание обладания, потому что всякий, у кого есть рассудок, конечно, признает излишним и напрасным стараться присвоить себе, что природа как нечто общее дает всем; и как предоставляет всякому равные права на употребление, так всякого одинаково лишает права владеть одному и прятать то, чем всякий и всегда обильно и удобно может пользоваться и что сею готовностью служить к наслаждению каждого приводит в бездейственность пожелание приобретения; потому что редко находимое и с трудом приобретаемое раздражает желание, заставляя употреблять усилие, чтобы не было это прежде взято другим, но не возбуждает сего пожелания презираемое по тому самому, что всегда этого много.

Отделение 10. О житии блаженных и злоумии Дявола

Глава 1. Итак, поелику дела, как сказано, друг, в таком положении и столько беззакония на свете, что все подражают в жизни рыбам, поглощают меньших и сами поглощаются сильнейшими, то надобно найти или какого-либо великого Моисея, который бы то поражал египтянина, наносящего удары израильтянину, то увещевал примириться борющихся единоплеменников и говорил: «Вы – братья, для чего же обижаете друг друга?» (см.: Исх. 2, 12–13), или Аввакума, который вовсе не имеет сил отмстить, но обращается с молитвою к Богу помочь утружденным против водворившегося тогда беззакония и дерзновением пред Богом доказывает ревность, ибо говорит: *Доколе, Господи, воззову, и не услышиши? возопию к Тебе обидимь, и не избавиши?* (Авв. 1, 2), молясь не о своем лице (потому что был Пророк и ничто не могло ему вредить), но, по ненависти к пороку, прося отмстить за обиду, нанесенную другим. Почему вслед за сим присовокупляет, говоря: *Вскую мне показал еси труды и болезни, смотрили страсть и нечестие? яко нечестивый преобидит праведнаго* (Авв. 1, 3–4). *И сотвориши человеки яко рыбы морския и яко гады не имущия старейшины* (Авв. 1, 14).

Сколько было бы добра и сколько утешения приносило бы обиженным, когда горести их облегчались бы состраданием скорбящего с ними? Как поступать самоуправно, делать вред и насмехаться, так людей недостаточных лишать принадлежащего им, – есть обида.

Каждый обижает всех тех, кому может благодетельствовать и не помогает. И Господь, показуя справедливость сего, не тех одних, которые делают обиды и любостыжательны, но и тех, которые не напитаи алчущего нищего, не ввели в дом свой странника, не посетили больного, не приходили к заключенному и нимало, ни словом ни делом, не утешали узника, – предал огню вечному, признав самую великою и тяжкою неправдою – не употреблять сил своих на благотворение нуждающимся. Ибо если бы Закон Божий и не предписывал ясно творить милостыню, то сама природа соделалась бы наставницею, – безмолвным повелением узаконив сострадательность, по причине подобострастия.

А когда и Закон, начертанный в Священных Книгах, напоминает об естественной силе, возбуждая и изоцряя склонность к благодетельству нуждающимся, не достоин ли осуждения на мучение, тягчайшее даже огненного, кто ни тем ни другим не побуждается к человеколюбию, и извне обличаемый, и внутренне укоряемый за неделание добра, но остающийся совершенно холодным и нерасположенным к благотворительности или по скупости, или по жестокосердию?

Но если кто вводит в дом свой странников, подобно Аврааму, с дороги привлекает к себе путников, подобно Лоту, питает сирот и нуждающихся вдов, снабжает тем, чего у них нет, для всякого недостаточного делается тем именно, что восполняет его недостаток, по мере сил, соображаясь с потребностями каждого, подобно великому Иову, погребают тела брошенных мертвецов, как, по сказанию истории, делал праведный Товия, пришедшему страннику уделяет *горницу, одр и трапезу* (ср.: 4 Цар. 4, 10), подобно сонамитянке, препровождающим жизнь уединенную в кущах и вертепах услуживает необходимым, подобно Авдию, в крайней нужде и детям своим предпочитает нуждающегося праведника, закон природы поставляя на втором месте после добродетели, подобно сарептской вдовице, имевшей у себя одну горсть муки, и ту, когда любимейшие дети в скудости истаивали от голода, уступившей пророку Илии, никогда не оставляет поучения в Божием слове, подобно евнуху, читающему и на колеснице и таким попечением о сем деле доказывающему свою рачительность к оному, дома творит молитвы и милостыни, подобно Корнилию, которому представший Ангел сказал: *Молитвы твоя и милостыни твоя взыдоша на память пред Бога* (Деян. 10, 4), благовествуя сим делателю, что дела сии достойны Божия воззрения, – усердно постится, соревнуя Павлу, который, поставляя сие *в части похвалы*, говорит: *В пощениих многажды, во алчбе и жажде* (ср.: 2 Кор. 11, 17, 27), хвалясь терпением во время этого сугубого мучительного страдания – алчбы и жажды, в научение нерадивых в деле воздержания, по навыку к сластолюбию, поработившихся этому сборщику даней – чреву, чтобы если не привлекло их к этому желание любомудрия, то, по крайней мере, подвигло желание похвал, потому что достойное похвал, без сомнения, не лишено и похвал, – то почему же такового не признать равночестным всем поименованным выше, как усвоившего себе преимущество каждого и в одном лице соделавшегося тем, чем все они были взятые в совокупности, в собственной жизни своей сочетавшего все превосходные качества и доказавшего достоверность древних сказаний не убедительностью доводов, но свидетельством самих дел?

Что в повествовании по необычайности нередко кажется невероятным, то, будучи подтверждено самым делом, становится несомненным, не давая более и места вопросу о возможности или невозможности.

Глава 2. И почему же тебе было бы желательно, чтобы сияющая добрым житием жена²³ укрылась от ненавистника добра диавола, хотелось бы, чтобы, подавая ему столько поводов, вызывающих на борьбу, сама пребыла не подвизавшеюся в борьбе с искушениями? Ибо если каждый из преуспевающих в каком-либо добром деле, даже не из числа первых, видел против себя великие усилия врага, то ей, многопобедной, подвизавшейся вдруг подвигами всех, должно ли было оставаться неозабоченною? Стоять на поприще и не иметь противоборника, быть умашенною и не вступить в борьбу, поднять пыль на месте ратоборства и не раздражить против себя сопротивника, войти с ним в состязание и не побудить тем к противоборству, упражняться в добродетели и не огорчить виновника всякого зла, угождать Богу и не возбудить зависти в змие, обихшем ненавидеть преуспевающих в той чести, с которой ниспал он из гордости?

Поэтому все святые терпят от него нападения и из предпринявших сделать или совершивших что-либо угодное Богу нет ни одного, кому бы не противодействовал он, не злоумышлял против ревнующего о сем и не был ему врагом, как потому только, что делает правду (ибо ревнующие о сем вступают в содружество с Спасителем Христом, а его оставляют одного), так еще и потому, что, весьма с немногими осужденный на вечное мучение, желал бы он многих, или и всех, увлечь с собою. А может быть, этот проклятый думает и себе увидеть пощаду вместе со всеми, если целый род человеческий окажется повинным терпеть мучение: потоп не убедил его в строгости приговора, не преклонившейся к состраданию, но все множество людей признавшей подлежащим за грех наказанию.

По крайней мере, почитает он для себя утешением быть наказанным со многими, потому, без сомнения, что мучение участием в нем многих, по его мнению, облегчается, хотя и в этом, как и во всем, ошибается враг. Ибо что пользы страждущему в великом числе разделяющих то же страдание, когда у каждого своя нескончаемая и неразделяемая с другими болезнь? Но ненавистнику к укреплению своему в страдании достаточно, может быть, и одной гибели многих, хотя бы от этого вовсе не было никакой выгоды ему самому. Ибо ненависти свойственно желать ненавидимым бедствия и перехода из состояния досточестного в бесчестное, желать без всякого для себя утешения в своем злополучии, кроме разве того одного, что, если достигнет желаемого, ненависть успокаивается, увеселяясь превратностию в благополучии ненавидимого, которое прежде мучило и иссушало ее.

Глава 3. Так новозданного еще Адама, едва только сподобившегося Божия образа и приявшего владычество над тварию, приступив к нему с лестию и коварством, когда не имел еще ясной причины привести в исполнение завистливое свое намерение, потому что Адам помнил и заповедь, и честь, как недавно ему данные, обольстил он лживыми внушениями, обещав ему Божескую честь, чтобы лишить и чести

---

²³ Сие говорится о Перистерии (см. выше, с. 15-16).

дарованной. Не было у него оружия, которым бы мог покорить не издевавшего еще брани Адама, не было ни любодееяния, потому что не раздражалось еще сластолюбие ни зрением, ни страстию, ни любостязательностью, да и нечему было возбуждать в нем пожелания к приобретению и зависти, не было ни тщеславия, ни ненависти, ни коварства, а равно не было и тех, против кого возбудились бы страсти сии, как вскоре начали оперяться они в Каине, побужденные к ревности похвалою Авелю. Враг в одном только видел содействие себе к устроению ухищренного замысла: в любви и в пожелании большей чести, потому что страсть сия древня и современна человеку, но дана не на оскорбление, а для благоговейного чествования Почтившего.

И то достоинство, какое, как бог, обещал сей, в первый раз изрекший имя многобожия и чистое понятие единоначалия омрачивший наименованием богов, приобреталось человеку прилежным упражнением в добродетели, а не могло быть восхищено преступлением заповеди, так как свойство греха лишать чести, а не придавать честь. И с Адама за оскорбление Почтившего, немедленно по преступлении им заповеди, совлекается достоинство, отъемлется у него начальство, слагается с него честь образа, возвращается он в то же низкое состояние, из которого едва только поднялся, снова без образа Божия, данного в удел перстному составу, именуется землею и перстию. И после этого справедливо стал он бояться ярости зверей, яда пресмыкающихся, нападения животных сильных, и для которых (сам по власти своей недавно был страшен) тем самым соделавшись подвластным, за непокорство Богу лишился всего, чем обладал пред тем за послушание.

Ибо и вместо всех законов Создатель наложил на него послушание, предписав воздержание от одного растения, потому что, как сказано, не было ничего иного к упражнению в законном подчинении того, кто по тому самому, что господствовал над всем прочим, необходимо должен был иметь для себя какое-либо предписанное ему правило, указывавшее на его иго рабства, чтобы, когда высоко возмечтает о своем владычестве над тварями и начальстве над многими и сильными животными, сокращал надмевающееся властью сердце тем, что и сам он под Законом и что лежит на нем заповедь, потому что страх, внушаемый высшим начальством, обыкновенно приучает низших к некичливости, как надмение сердца в отношении к подначальным уцеломудривая и смиряя мысль о предержавшей власти, так и оскорбительное иногда высокомерие удерживая напоминанием о взыскании за то высшим начальством.

Глава 4. Но не так рассудил о том, что ему делать, земной паче, нежели богоподобный, Адам, всецело предавшись советуемому предпочесть высшую почесть и презреть заповедь, когда лучше было, сохраняя оную, обладать естеству приличествующею честью, нежели, в неизвестности ожидая той, которая выше естества, утратить ту, какую уже имел, обладая настоящим, отринуть это в чаянии вовсе невозможного. Но внявшие слову Господа: *Будите убо вы совершени, якоже Отец ваш Небесный совершен есть* (Мф. 5, 48) и потщавшиеся последовательно восходить путем, вводящим в сие совершенство чрез подражание всесовершенному Отцу в частных добродетелях, то есть делаясь сперва щедролюбивыми, человеколюбивыми,

сострадательными, милостивыми (ибо сие возводит к совершенству Отца), не без причины вместе с образом воспринимают первобытное достоинство и вожденное наименование, не от солгавшего древле праотцу нашего рода, но от вЕдущего всегда истинствовать Бога, – приемлют в сказанном Им: *Аз рех: бози есте, и сынове Вышняго вси* (Пс. 81, 6).

Так к сему был предназначен человек, но, не приобретши еще вЕдения, Кто Податель сего дара, естественным образом обманулся в надежде, поверив беззаконному, внушавшему, как достигнуть оной чести. Не уразумел он хитрости обманщика, который, устрояя, чтобы человек не достиг той чести, какую обещал ему, дал совет достигать ее, как невозможно было и достигнуть, невозможностью способа уготовляя ему безуспешность в возможном, чтобы то, что по всей вероятности мог иметь у себя, утратил по неразумному совершению дела, хитро обманутый ухищряющимся всегда направлять все ко вреду поверивших ему.

Глава 5. И что тогда зверей приводили в подчинение черты Божия образа, – сие показали время и действительный опыт. Ибо все то, что губительно ныне для грешных, из уважения к праведным спешит сократить тлетворную силу. Так огонь вавилонской печи не коснулся даже и кожи на теле святых, а на нечестивых изверг пламень, который на расстоянии сорока девяти локтей мог пожрать встретившихся там халдеев, поедая их, как сухую солому и сухие дрова, горящие же угли оставил внизу охладевшими, бездейственными, подобно брению и камням, так что не могли они причинить боли попиравшим их ногам.

Ибо юноши вышли из печи, имея и ризы не изменившими своего цвета и свободными от самого дымного запаха, немощным и бранным телом препобедив всепоедающую силу огня. Так и львы во рву, томимые голодом (потому что семь дней хранимы были без пищи, и варвары думали сим лишением возбудить естественную их свирепость), не дерзнули и приблизиться к Даниилу, чтобы даже видом страшного своего устремления не огорчить праведника, и, когда он вкушал принесенную Аввакумом пищу, пребыли воздержными, и при этом не подвигшись к непозволенной снеди. Ибо Тот, Кто в продолжение сорока дней подкреплял Моисея и Илию, так что не возымели они нужды в пище, устроил, что несший снесь Аввакум, по превыспреннему воздуху перенесенный Ангелом, прибыл из Иудеи в страну вавилонскую не для того, чтобы напитать алчущего праведника, но – чтобы явилось великое и крайне необычайное чудо, провозглашающее львов любомудрыми хранителями поста, не прекращающими многодневного пребывания в оскудении, когда в глазах их вкушал пищу человек и перед ними была обычная для них и любимая ими пища – плоть человеческая, так как это служило им обыкновенною снедию: каждый день получали они два тела (см.: Дан. 14, 32) осуждаемых на смерть.

Так непрерывность Чермного моря разделилась от берега до берега, и естество текучее и скользящее уподобилось телу твердому, образовав из себя по ту и другую сторону высокие стены и наскоро Моисеевою верою проложенную посреди необычайную стезю обратив в широкий путь народу, – потому что Божий образ повсюду внушает уважение к служителям Божиим и во всем делает их достойными внимания.

Глава 6. Итак, почему подвижников огорчает упражнение в подвигах, которое научает знанию подвижничества, не допускает до опасностей, продолжительные труды облегчает трудом кратковременным и не дает козням делаться вредоносными? Но может быть, и не огорчает оно тех, которые знают пользу его по следующему апостольскому наставлению: *Скорбь терпение соделовает, искусство же упование: упование же не посрамит* (Рим. 5, 3-5), непременно принесет с собою и то, чего надеемся, и ожидание сделает не напрасным.

Огорчает же тех, которые не расположены к подвижническому труду, по лености и по малодушию своему остаются только зрителями чужих подвигов, как слово Божие и жену великого Иова представляет неспособною даже и видеть те страдания, какие переносил Иов; почему и говорит она подвизающемуся мужу: *Доколе терпиши?* (Иов. 2, 9). Ибо слова *доколе терпиши* показывают, что ей трудно было смотреть на те искушения, которые терпел он. Не говорит она: «Долго ли тебе страдать, или мучиться и утруждаться, но: *Доколе терпиши?*» Ни болезни его не состраждет, ни мужеству не удивляется, но порицает терпение, как напрасное и ни с чем не сообразное, советует сетовать на продолжительность страдания, а не разделяет скорби страждущего. Таковы люди слабые и женоподобные: впад в трудное положение, не только подвизающихся не поощряют они к мужеству словами, которые нередко и ослабевшему в духе придают бодрость, но сокрушают и уничтожают последнюю бодрость, жалуясь на страдания как на нестерпимые; и кого должны были по справедливости ублажать, о тех жалеют и плачут как о людях жалких. Не слышал ли ты, что говорит Божие слово: «Муж неискушенный не искусен пред Богом» (см.: Иак. 1, 12)?

Почему же дивишься, что искушаются благоугождающие Богу? Разве не убедили тебя примеры прежде живших праведников, которых жизнь полна скорбей и подвижнических потов? Не знаешь разве благочестия Иовлева и козней врага? Не напоказ, не славу имея в виду, Иов сам описал свои преуспевания, но, призывая слушающих к ревностному подражанию, изобразил свое усердие к странным, говоря: *Вне не водворяшеся странник, дверь же моя всякому приходящему отверста бе* (Иов. 31, 32); изобразил попечение свое о вдовах и сиротах: *Аще же и хлеб мой ядох един и сирому не преподах от него* (Иов. 31, 17), и вдовица не отходила никогда от дверей с пустым недром; изобразил и покровительство обиженным: *Распрю же, еяже не ведях, изследих: сотрох же членовныя неправедных, от среды же зубов их грабление изъях* (Иов. 29, 16-17); изобразил сострадание к рабскому роду, который преобладание, расторгнув естественный союз, поработило себе и, как слабейший, силою подчинило преизбыточествующему силою: *Аще же презрех суд раба моего или рабыни, прящымся им предо мною* (Иов. 31, 13), нимало не отвергал и прав их из презрения к их низости, но давал возможность защищать себя, ободрением вызывал на то, чтобы говорили свободно и чтобы подчиненный, из страха соблюдая молчание, не был осужден властным словом; и при сем высказывает побудительную причину, говоря: *Еда не якоже и аз бех во чреве, и тии быша? бехом же в томже чреве* (Иов. 31, 15).

Так равночестность рождения основательно приемлет за равночестность достоинства, кичащихся в безумии увещевая единоестественных с нами не утруждать без пощады, наподобие вьючных животных, приказаниями свыше их сил и советуя по собственным силам заключать об их силах. Ибо во всех одинакова немощь естества, и живое существо от непомерных трудов вскоре умирает. Почему и труд должен быть соразмерен с силами, и за трудом следовать отдых, достаточный к восстановлению утомленной силы, чтобы к новым трудам приступала она уже обновленную и укрепленную. А чтобы в словах праведника нельзя было подозревать человеческой похвалы, то Сам нелживый Бог делается свидетелем сказанного им, Сам словом Своим запечатлевает слова его и говорит: *Бе человек он истинен, непорочен, праведен, благочестив, удаляясь от всякия лукавыя вещи* (Иов. 1, 1).

Глава 7. Но поелику справедливость требует, чтобы искусный подвижник не в том только всегда упражнялся, чтобы бить руками по воздуху, но в доказательство мужества своего на самом деле представил опыт телесных упражнений, то приходит к подвигоположнику противоборник, по видимости крепкий силами и высоковоинный, и словами своими уничижает подвижника, напрасною и детской игре подобною называет борьбу без состязания с противником и говорит, что упражняться в борьбе наедине есть призрак мужества, а вовсе не мужество, требует вывести его на битву, вызывает на поприще и прежде опыта, подобно Голиафу, хвалится неоспоримую победою. И Голиаф в науке высокомерия – ученик врага, а враг – учитель Голиафов, оба в делах ниже своих обещаний, на словах величавы и щедры, а в самой битве нетверды, бессильнее самых нерадивых.

Враг осмеивает и презирает Иова, как уже побежденного, говорит, что в благополучии он благодарен, предсказывает, что окажется ругателем, будучи лишен того, что делает его знаменитым, клеветает, что иной он наружно и иной в самой действительности, благочестие называет притворством, благоговение – личиною, говорит, что добрые дела – воздаяние за милости, какими пользуется, всячески старается очернить святого, думая, что клевета найдет себе место пред Богом. Так в другое время клеветал он человеку и на Бога, будто бы позавидовал ему в знании добра и потому запретил вкушать плод, доставляющий сие знание, чтобы и человек не соделался²⁴, как Бог, вЕдущим доброе и лукавое.

Но ни в чем не успел враг, солгав пред Богом, потому что имел дело не как тогда, не с человеком, которого мог обмануть. Отдан ему подвижник, как просил: он извел его на поприще, поставил на песке, пустил в него стрелы свои, предначиная тем битву; лишил его имущества и нашел, что не раб он этого; отнял у него сонм детей и узнал, что выше он естества; лишил царского сана и увидел, что превыше он и славы; покрыл тело гниющими язвами и дознал, как любомудренно переносит он страдания плоти; истощил все вымыслы искусства и не одолел неподдающегося; употребил в дело всякие приемы к обольщению и не увлек непреклонного; изнемог, поражая искушениями, и не оказалось даже следа ударов; истощил свой колчан

---

²⁴ Вместо: ἵνα γένηται по списку Синодальной библиотеки за № 338 должно читать ἵνα μή γένηται.

и не уязвил доблестного ратоборца; не осталось и страданий для готового на все страдальца, а изобретавший сии страдания был в затруднении, недоумевая уже, что еще примыслить и как удачнее напасть на победителя; и справедливо стыдясь после своего поражения, когда увидел, что за то, чем до борьбы так много хвалился, преодолевший его терпением и страданием доказавший непреклонность мужества приемлет венцы и победные награды и предстоит с ними, подобно препоясанным и помогающим почестей борцам, громогласно взывая: «Вот близок мой суд; знаю, что окажусь правым; кто меня осудит и заставит теперь молчать?»

То есть: противник пал, враг побежден, неприязненный низложен и лежит, покрытый стыдом; кто же осудит меня и заставит теперь молчать, когда победа дает право взывать, когда дело свидетельствует об истине слов, после опыта делая обещание несомненным? Велеречие врага, с каким вступил он в ратоборство со мною, став теперь обличением непререкаемого легкомыслия и опрометчивости, предает его позору, а мое тогдашнее молчание побуждает говорить теперь и поведать дела, подтверждаемые очевидностью, а не какими-либо недознанными на опыте провозглашениями дающих сомнительное и неверное обещание.

Отделение 11. Об Иосифе и Сусанне и о том, что подвиг Иосифов выше подвига блаженной Сусанны

Глава 1. Что же Иосифа, блиставшего красотой телесною и душевною, ввергло в темницу и заставило исчерпать всевозможные в ней злострадания? Не попечение ли о целомудрии стало для него причиною всего этого, когда неуспевшая в том, чего домогалась, ласкательство любви изменив в свирепую ярость, в гневе за неудавшееся прелюбодеяние пред неразумным мужем вооружилась обвинениями? Одежда, которую представила она как подвергавшаяся насилию, действительно служила обличением насилия, хотя нанесенного не ей, но ею причиненного юноше, оставившему одежду²⁵, за которую привлекала, только бы спастись ему бегством от поругания греха.

Ибо после неудачи если и от похоти, и от гнева предавалась неистовству, то находила для себя полезным истребить поступившего с нею, как казалось ей, нагло, чтобы, издеваясь над нею, не стал и пред всеми также позорить неистовой похотливости. И Сусанну такой же смертной опасности подвергал приговор обманутого клеветой суда, потому что и здесь беззаконные похотники и судии справедливо почитали для себя тяжким видеть живую знавшую о таком их поступке, за который весьма справедливо будут осмеяны на недостойное и возраста, и сана дело отважившиеся в глубокой старости, потому что, когда порывы вожделения утихают и ослабевают, по естественному порядку сами собою теряя силу, тогда, перезрев и выжив из лет, предались они постыдному неистовству, воспламенившись любовью к целомудренной. Но я, усматривая разность в этой многими, может быть, признаваемой тождественности, нахожу нужным и в том, что, по

---

²⁵ По списку Синодальной библиотеки за № 338 не читаются слова: *ἵνα καὶ τῆς δεβομένης ἀποοτέρῃσιν τὴν ψ.*

мнимому сходству, представляется как бы тождественным, сделать различие, не для того, чтобы жены не смели хвалиться тем же, чем хвалятся мужи, но для того, чтобы каждый, читающий Божественные Писания, едва будучи в состоянии и при великой наблюдательности и внимательности доходить до истины, не упускал из внимания в кажущемся сходстве сокрытых разностей.

Действительно, кто из не понимающих вполне дела и не разыскивающих тщательно причины одного не скажет, что Сусанна подвизалась в том же, в чем и Иосиф, хотя, если судить о деле, не принимая в рассмотрение намерения, подвиг ее был не один и тот же с Иосифовым, но гораздо ниже? Ибо намерение может в обоих быть одно и то же относительно к целомудрию, хотя бы поступок не имел того же достоинства, лишаясь равной ценности по случайным обстоятельствам, а не по нравственному настроению души; так что нельзя признать клеветой на добродетель целомудренной, если сказать, что в награде за свой подвиг, в предположении больших наград, она утратила нечто пред другими. Ибо, может быть, имела она силу и для более совершенных преуспеваний, хотя видим, что предлежавший ей и совершенный ею подвиг меньше в сравнении с открывшимся для Иосифа.

Что равного в этом, когда старцы хотят обесчестить юную и когда юная юного же принуждает к падению? Что равного между почтенными по сединам и цветущею по красоте? Между внушающими видом своим стыдливость и уважение и между воспламеняющею страсть своим лицезрением? Между незнакомыми и между тою, которая всегда вместе проводит время? Между являющимися неожиданно и между тою, которая каждый день нападает, привлекая и словами, и злободейными телодвижениями, грозит смертью и обещает свободу? Между теми, которые могут привести в ужас своим нападением, и между тою, у которой достаточно было сил, чтобы очаровать ласками и умягчить услужливостью даже не склоняющееся к согласию сердце? Между теми, которые возмущают смятением, страхом и, скорее, ослабляют раздражительность похотения, нежели побуждают оставаться в покое, и между тою, которая мольбами привлекает даже вовсе не расположенную к страсти мысль? Всего же сильнее к внушению склонности или отвращения сходство и несходство возраста. Сусанна не покорилась старикам, в которых не было ничего приятного, а юный Иосиф отринул юную жену, которая могла удовлетворить тому, к чему принуждала.

Глава 2. В подобных случаях, как и естественно, ничто не производит столько взаимного согласия, как одинаковость возраста и привычка друг к другу. Возраст убеждает сверстных годами мужчину и женщину к взаимной доверчивости; привычка друг к другу долговременным знакомством умягчает и крайне суровые нравы и взаимно чуждающихся побуждает к приязни. А устаревшее и утратившее прелесть свежести не увеселяет блистающего еще красотою, хотя само и увеселяется сим, потому что ненравящееся не имеет ничего привлекательного, чем могло бы уловить.

Найдешь, что многие другие ради добродетели переносили испытания в весьма многих обстоятельствах: одни прилагали старание о благочестии и о том, чтобы свято служить Богу; другие обучались

благоговению, скромности и вообще стремились к нравственному своему образованию; иные же поползнувшись по неведению для суждения о том, что хорошо, объяснили остававшееся для них сокровенным и снабдили полезными советами, чтобы жизнь их исправилась на пользу. По слову Павлову, *все же хотящие благочестно жити о Христе Иисусе, гоними будут* (2 Тим. 3, 12). Для незаконных тяжело то самое, что поступают они справедливо, несносен самый вид их, и за сие бывают они гонимы, потому что и молча обличают лукавство, противоположностью своей жизни выставляя каждому на зрелище худую жизнь людей порочных.

И Господь, предрекая Апостолам, что будет с ними, говорит: *Аще Мене изгнаша, и вас изженут* (Ин. 15, 20); и: *От сонмищ ижденут вы* (Ин. 16, 2); и: *Пронесут имя ваше яко зло* (Лк. 6, 22), чтобы, приуготовившись с усердием к предвозвещенным скорбям, легко переносили их, размышлением о страдании соделав для себя нетрудным испытание страданий. И подлинно, вскоре последовали сонмища фарисеев, узы, темницы, клеветы, оскорбления, поругания, побои, смертные опасности; и ничто не смущало их, ничто не заставило умалить дерзновения. Ибо имели в виду испытать страдания еще большие тех, какими угрожали им. И готовность произволения делала, что пренебрегали всякое бедствие. Посему хотя числом было их двенадцать, но к целому неистовствовавшему народу свободно обращали речь, то говоря: *Не можем бо мы, яже видехом и слышахом, не глаголати* (Деян. 4, 20), то: *Аще праведно есть пред Богом вас послушати паче, нежели Бога, судите* (Деян. 4, 19). Иногда и до справедливых доходили укоризн противящимся истине; немногие – многим, немощные, по мнению людей, сильным говорили так: *Жестоковейнии и необрезанныи сердца и уши, вы присно Духу Святому противитесь, якоже отцы ваши, тако и вы* (Деян. 7, 51).

Ибо такова справедливая ревность: не смотрит на множество имеющих силу делать неправду, не рассуждает о ярости и могуществе противников, не внимает угрозам, не знает опасности. К одному усердно устремлена: изрекать истину, явною для всех делать ложь, чтобы не овладела тайно кем-либо из людей простосердечных.

Глава 3. Поэтому поступающему справедливо какое зло причинят скорби, отовсюду его затопляющие, страшно восстающие и легко сокрушаемые, сильно ударяющие и с великим стремлением проносящиеся мимо, нагло вторгающиеся и смело отражаемые, внезапно находящие и не производящие крушения, разжигающие золото и делающие его более добротным? Так в Песни Песней совершенная душа, твердо полагаясь на терпение, испытанное в искушениях, призывает ветры, говоря: *Востани, севере, и гряди, юже, и повеи во вертограде моем, и да потекут ароматы* (Песн. 4, 16), ибо убеждена, что благоухание добродетели тогда делается большим, когда приводится в движение множеством искушений, возбуждающих покоившееся дотоле расположение к деятельности и чрез обнаружение делающих ее более славною.

Так воссиявала добродетель каждого из святых, которая могла бы таиться, если бы не была обнаружена испытанием, и сокрывалась бы под спудом, если бы не была поставлена на *свещнике*, в делах просиявая блистательным светом внутреннего расположения. Кто

узнал бы благочестие великого Авраама, если бы послушание повелению о заклании сына не провозвестило его мужества, с каким вооружил он отеческую руку на единокровного, простирая ее на возлюбленного сына и даже унылым взором не показывая горького страдания души, но пребывая с таким же веселым духом, с каким бы пребыл при благодарных молитвах принося Богу в жертву козла, или тельца, или агнца? Кто дознал бы любомудрие Иова при отнятии у него разными способами собственности его, если бы благодарение его при каждой потере не взывало ясно об его великодушии?

Злотворный же враг не за один раз расхитил у него все, чтобы, одним ударом повергнув его в бедствие, не соделать одновременную и сокращенную болезнь, которая могла принять на себя многие виды от получаемых одна за другою вестей и выслушивающему оные причинить жесточайшую скорбь. Не прежде всего ниспровергает дом, в котором пировали любезнейшие Иову, сокрушением сим обращая здание в гроб, растворяя с яствами кровь, смешивая вместе и плоти, и камни, чтобы большим страданием не соделать чувства притупленным для страданий меньших. Но во всем простирается постепенно от одного к другому, от менее важного восходя к более драгоценному и за одною вестью приготавливая другую, более скорбную и по количеству и по качеству утраты, чтобы бедствие, возрастая понемногу, причинило великую и жестокую язву печали.

Такой от начала соблюдал он порядок, пока не нанес последнего удара, который и показал любомудрие мужа. Как скоро узнал Иов о падении дома и гибели детей, получив уже прежде известие о потере всего прочего, *растерза ризы своя и остриже власы главы своея* (Иов. 1, 20), взявшему прочее отдавая и то, чего не мог он взять, и естественным любомудрием предваряя евангельский совет. Ибо сказано: *Хотящему ризу твою взять, отпусти ему и срачицу* (Мф. 5, 40). И совет сей предварительно исполнил Иов, добровольным приятием бедствий доказывая, что не печалится, подвергшись оным по видимому невольно, и тем, что стало видимо, обнаружил сокровенную дотоле силу духа.

Глава 4. Кто взявшему насильно отдает еще и то, что у него не отнято, тот второю щедростию дает видеть, что и первое, хотя взято с нуждою, уступил он не по нужде, без насилия воли своей, хотя употребившие насилие по видимому поступили самоуправно, взяв то, что мог он и не отдать, но отдал по произволению, свободно уступая, что по видимости признается отъемлемым у него против воли. В неизвестности оставались бы и Иосиф, и Сусанна, и Иефай, которые приобрели себе славу – первые за целомудрие, последний за верность слову. Ибо Иефай, за доблестный успех в брани дав обет, если преодолее врагов, славившихся и многочисленностью, и воинскою опытностью, принести во всесожжение, что из собственности его прежде всего иного попадет навстречу, когда случайно встретилась единокровная и безмерно любимая дочь, не изменил обету, природе предпочтя благочестие и пожертвовав отеческою любовью, только бы не нарушить завета с Богом, хотя смерть дочери причиняла ему невыносимое страдание.

И если заслуги других, будучи всем известны при самом действии, приобрели себе явную и открытую похвалу, то для Иосифа и Сусанны за

трудом и доблестным подвигом следовало постыдное осуждение, не только скрывавшее чудную высоту их добродетели, но даже налагавшее на них укоризну в непотребстве. А сие причиняет великую скорбь любомудрствующему, когда бесславят его за то самое, за что надлежало бы прославлять. Но великую и несравнимую славу и честь приобретает он у Бога за то, что в добром деле подъял великий труд и худое о себе мнение, и притом несправедливое, перенес скромно как действительно справедливое.

Посему, облегчая трудность такого великодушия, Господь сказал: *Блажени есте, егда поносят вам и ижденут и рекут всяк зол глагол* (Мф. 5, 11) и прочее, за сугубую добродетель назначив и сугубую награду и в утешение за безотрадный труд предлагая соответствующее труду воздаяние. Ибо, когда смиренномудрого укоряют в гордости, щедроподающего в хищении²⁶, целомудренного в похотливости, воздержного в многоядении, скромного в дерзости, степенного в малодушии, сокрушенного духом в лицемерии, тогда весьма прилично сугубое возмездие, и одно из них увенчивает подвижника за самое дело, а другое – за клевету.

Глава 5. Таков был великий Иов; и добродетели свои знает он, и, когда друзья порицали за противоположные им пороки, не усиливается опровергать сии ложные и неблагоприятные упреки, но с готовностью соглашается на оные и подтверждает их. Ибо говорит: *Воистинну вем, яко тако есть* – и старается доказать, что это действительно так, говоря далее: *Како же будет праведен человек у Господа?* (ср.: Иов. 9, 2)... *или в делах своих без порока муж?* (Иов. 4, 17). Так общую по видимому вину целого рода сделал он своею собственною, чтобы не подать мысли, будто бы свободен от приписанных ему пороков. Почему справедливо и воспринял все сугубо, иное – потому что ограблен был хищником, а иное в вознаграждение за любомудрие при утратах.

Так скорби не только не причиняют вреда, но даже доставляют весьма великую пользу, делая оскорбляемого славным, если будет он терпелив. Но Правитель жизни нашей и скорбям не попускает продолжаться до крайней опасности, и подвигу не позволяет превышать силы подвизающегося. Если же и соизволяет иногда на сие, устрояя что-либо необычайное, то совершает великое чудо, Сам содействием благодати восполняя оскудевающее по немощи естества, подобно тому, как приучающие плавать неопытных, плывя подле, поддерживают ослабевших, помогая то одной, то другой рукою, пока истощенные силы не восстановятся, и чрез это как обучают искусству, так не дают при нужде и утонуть.

Так Павел в одном месте говорит: *Верен же Бог, Иже не оставит вас искуситься паче, еже можете, но сотворит со искушением и избытие, яко возмоги вам понести* (1 Кор. 10, 13), а в другом: *Не хочу вас, братие, не ведети о скорби бывшей во Азии, яко по премногу и паче силы отяготихомся, яко не надеяться нам и жити* (ср.: 2 Кор. 1, 8). Словами же *избытие* и *паче силы* Апостол выражает, что Божие содействие дает силу, чтоб были и продолжение²⁷ искушений сносное, и

---

²⁶ Сии слова дополнены по рукописи, в которой читается: καί ὁ μέγα βωτικός αρπαγῆν.

²⁷ Вместо: τὴν λύσιν по рукописи читается: τὴν ὕμνην.

спасение в самых отчаянных опасностях необычайное и почти невероятное.

Глава 6. Сарра, чужеземка и пришлая, впав в руки любострастного царя, ниоткуда не надеялась себе иной помощи, кроме Божией свыше. Бывший с нею муж, который должен был оказать сию помощь, столько был для этого бессилен, что и брак скрыл, и выставил одно родство, боясь смерти, назвал супругу сестрою, разделявшую с ним ложе – единокровною, ибо знал, что приведенные в неистовство красотою чужой жены почитают непримиримыми врагами подозреваемых в соискательстве любви и о том стараются, решаясь даже на убийство, чтобы не иметь человека, который бы мысли любимой ими привлекал к себе и спокойное сожителство мог возмущать заботливою ревностью.

Когда же пришло в совершенное бездействие все, что справедливо и по всем правам могло служить к защите Сарры, тогда с самого ложа спаслась она непоруганною, потому что царя болезнь внутренностей удержала от любодейного общения и чрезмерные страдания охладили в нем неистовое пожелание. На царском ложе после объятий чего, кроме поругания, могла, наконец, ожидать себе Сарра, когда страсть в варваре, по причине великого невоздержания, была неукротима, красота раздражала похоть, похоть возбуждала неистовое стремление к незаконному наслаждению, а воспламенявшая все это была в руках, хотя и желала избежать насилия, но чтобы воспротивиться оному недоставало у ней ни сил телесных, ни убедительности слов: потому что однажды возбужденная в сластолюбце страсть ничему не уступает, нет у него рассудка, способного внять словам и убедиться ими.

Но добродетель этой жены и в столь затруднительных обстоятельствах нашла способ, как соблюсти себя неоскверненною, остановив беззаконника собственными его страданиями и мучительною болью внутренностей угасив воспламеняющий его тайный огонь похотения.

Глава 7. О Давиде и Гедоне. Как кротчайший и незлобивый Давид, многократно попадавшийся кровожадному Саулу, сверх всякого чаяния выходил из рук его ничего не потерпевшим, в разные времена различно спасаясь и не умея дать себе верного отчета в своем спасении, потому что каждый раз чудо сие препобеждало всякое примышление и рассудка, и разума? Как отцеубийца Авессалом осужден за незаконное присвоение власти, не быв и пойман руками человеческими?

Дуб, взяв за волосы, восхитил его бежавшего и повесил в виду у всех на высоте, всякому, кто желал отмстить за оскорбление нежно любящего отца, выдавая его на убиение готовым и нимало не способным защищать себя и за безрассудное предприятие понесшим это достойное наказание, так что выдан на смерть неразумным и неодушевленным растением. Как Гедон, с тремьями пеших воинов, предал смерти целый народ мадиамский, многочисленностию уподоблявшийся песку и крепкий силами, не имел даже никакого благовидного повода к тому, чтобы вступать в сражение? Совершенно естественно было, по многочисленности неприятелей, не осмеливаться и подумать о сем предприятии, если бы рассказ о сновидении не поощрил его. Не с боязнию ли и нехотением, когда повелел Бог, пошел он слушать в неприятельский стан, где придана ему твердость духа,

когда, как не изведавший на опыте споборничества Божия, не имел он убеждения по вере?

Ибо от одного пересказывающего услышал он, что катающееся тесто ячменных хлебов ниспровергло мадиамские кущи (см.: Суд. 7, 13), а другой благоразумно сделал еще применение и сказал, что это – меч Гедеона и пришедшего с ним войска; и Гедеон, выслушав сие, одушевился доброю надеждою, уразумев мысленно малозначительность своего войска под ячменными хлебами, которые, катаясь, без труда приведут в смятение вражеский стан, не сами собственною рукою низлагая противника, но приемля в себя крепость от Божией силы, вращающей и катящей их. Ибо катящееся по видимому давит и преодолевает попираемое, причину же сего имеет в силе того, что катит и толкает с усилием.

Глава 8. О Самсоне и Езекии. Как Самсон тысячу вооруженных поразил один и одною ослиною челюстью, от утомления же в этом побоище ощутив жажду, когда не оказалось нигде ни источника, ни ручья, из одного зуба в челюсти получил обильно истекшую влагу, в одном и том же и нашедши оружие против иноплеменников, и обретши источник к утолению томившей после победы жажды?

Как Езекия, который не мог терпеливо видеть, что опустошаема была вся земля внезапно во множестве покрывшим ее ассирийским войском, помолившись дома, увидел наутро врагов мертвыми, не двинув копья, не оградив себя щитом, не натянув лука, не брав в руки меча, не оказав никакого воинского действия; потому что один Ангел по одному мановению безмолвно совершил такое поражение и не истребил всех единственно потому, что и в намерении было погубить не целый народ, а такое число, какого достаточно было привести прочих в страх и ужас и побудить к бегству? Кто вместо стрел на вражеские ряды ниспослал беспрепятственно каменный град из облаков и привел их в смятение, так что восстали они друг против друга, как бы против неожиданно наступивших неприятелей, и в той мысли, что умерщвляют противников, совершили избиение своих, доставив чрез сие без битвы победу благочестивому тогда²⁸ народу?

Глава 9. Об Елисее и израильтянах. Как пророк Елисей укрылся от ищущих его врагов, ходил среди них и не был ими видим, привел их в свою землю и не узнан ими, был путеводителем злых и мог скорее им сделать, нежели от них потерпеть, вред; потому что омрачено было зрение их и естественно погрешало при отыскивании его? Как израильтяне не впали во власть преследовавших египтян, когда имели позади себя расположившихся станом египтян, а против себя – великое море, с той и другой стороны омывающее непроходимые пустыни, невосходимые горы, при невозможности спастись бегством, подобно уловленным в мрежу рыбам, отовсюду заключены были в руках у врагов?

Как расступилось море? Как от суши до суши стала вода, оставив глубокий песок сухим для удобного шествия коней и колесниц? Как волны отвердели крепче литой меди? Как водное естество, обыкшее течь вниз по склону, стеновидно стало, подъявшись на такую высоту, и дало необычайный путь гонимым, для одних без всякого препятствия с той и другой стороны удерживая отдельные части моря, а других

---

²⁸ Вместо *пότε* по рукописи читается *τότε*.

покрыв водами при возобновившемся их течении и всем им вместе, и животным, и людям, устроив наскоро глубокий гроб? Как небо в пустыне дождало им без возделывания земли уготованную пищу, ниспосылая то манну, то перепелов – эту безбедную и не требующую приготовлений трапезу? Как твердый и лишенный влаги утес из бесплодных чресл в утоление долговременной жажды изверг потоки воды, принося такую дань, какой не давал никогда прежде?

Как Иордан, подражая морю, разделил свой ток, противопоставлявший преграду путешествующим, одной части вод дав волю стекать к морю, а другую остановив (трудно сказать), заставив ли течь назад или прекратив течение в самых источниках? Ибо никто не в состоянии истолковать Божие чудо, которое, обыкновенно, вовсе выходит из пределов всякого естественного порядка и препобеждает правдоподобные умствования хитрословов. Как, изострив естественное свое вооружение – жала, сражались за народ шершни, чтобы, отняв страну у семи владевших ею народов (см.: Исх. 23, 28), отдать умирную землю во владение предводительствуемых Богом и, с одной стороны, побежденным не оставить благовидного предложения причину поражения своего объяснять тем, что побеждены множеством войска и тяжкою силою, а с другой – наследовавших достояние изгнанных предохранить от кичения, потому что получили во владение города по милости, не заслуженной трудами, а не в награду за доблесть – как завоеванные оружием.

Глава 10. *О трех отроках: о Данииле, Ионе и Аароне.* Как все поедающая сила огня своей пополающей действенности не простерла на трех отроков, не дозволив и жару приблизиться к бранным телам; вне печи показала свою мощь, а внутри печи необычайным образом пребыла недействующею?

Как львы пред Даниилом возобладали над двумя равно естественными страстями: и зверством, и голодом, в этой части любомудрия превзошедши людей и сохраняя семидневное воздержание от пищи, даже по предложении снеди, тогда как одаренные разумом, если готово что-либо снадное и есть возможность вкусить невозбранно, не терпят и однодневного поста? Как китово чрево, которое переваривает и камни и разлагает все в него попадающее скорее, чем произносится слово, Иону в месте столь влажном и жарком в продолжение трех дней и стольких же ночей соблюло невредимым, живущего на суше сделав морским, и удобоистребимого – неистребимым, и обыкшее поддерживать жизнь свою вдыханием воздуха естество превратив в естество рыб, вопреки обычаю вместо обыкновенной и привычной стихии – воздуха – втягивающее ноздрями воду?

Как и жезл Ааронов, лишенный коры, влаги, сухой, давно утративший силу прозябания, когда потребовала нужда подтвердить знаменiem священство, в котором сомневались, необычайным образом вдруг восприял все: и кору, и цвет, и ветви, и листья, и плоды, и жизненную силу (скорее, нежели во мгновение, разлив ее на все это) – и тот жезл, который незадолго пред тем видели в руках опиравшегося на него, соделав цветущею и плодами обремененною ветвию?

Глава 11. *Об Апостолах и о Богородице.* Как запертые тщательно темницы предоставляли Апостолам беспрепятственный выход, отбросив

дверные запоры и отворив двери? Как узы на руках и ногах до того раздалились и расширились, что и рукам и ногам доставили возможность освободиться от них? И, что более всех чудес и превышает всякое слово, – как ни в чем не востисмый и все объемлющий величием силы Бог Слово соблаговолил востиситься в девической утробе? Как чрево образовало в себе и произвело на свет зачатое бессеменно и оно, сохранив невредимыми знамения девства, по слову Иова, прошло *вратами чрева* (ср.: Иов. 3, 10), не оставив и признака ишшествия? Ибо как в другое время вошел к ученикам затворенными дверьми, так и тогда ишшел, родотворную храмину естества оставив такую же, какою обрел, и нимало не повредив таинственных связей оных, затворов, чтобы сими назнаменованиями показывалось поистине чудесное и Божественное Рождение. Все сие, и еще большее сего, было, и приемлется верою, а доказательством имеет несомненную верность соделавшего сие Бога, и неизъяснимо для разума, у которого недостает сил истолковать необычайные дела сии и который приходит в изнеможение при недомыслимости таковых чудес.

Глава 12. Посему если добродетель (хотя подвергается нападениям), однако же, одерживает не нашими заботами приобретаемую победу, потому что Ангелы, и иные Божественные Силы, и Сам Владыка охраняют праведника (сказано: *Ополчится Ангел Господень окрест боящихся Его и избавит их* (Пс. 33, 8); и Сам Бог изрек Аврааму: *Не бойся, Авраме: Аз защищаю тя* (Быт. 15, 1); и Иеремии сказал: *Се, положих тя днесь аки град тверд, и аки стену медяну, крепку всем царем Иудиным и князем его, и ратовати будут на тя и не премогут тя, яко с тобою Аз есмь, да избавлю тя* [ср.: Иер. 1, 18–19]), то почему же приходишь в волнение, негодуешь на проливаемый подвижниками пот, завидуя, как будто по незнанию, венцам их? Взираешь на страдания и не помышляешь о наградах? Упадаешь духом, смотря на труды, и не ободряешь себя надеждою на воздаяния? Сетуешь на скорби настоящие и не радуешься паче наградам будущим? Ибо, обыкновенно, блага ожидаемые всегда облегчают настоящие труды, и мысль о приобретении делает легкою затруднительность дела, при большей пользе не представляя неудобства в меньшем. Не слышал ты разве, как пестун Павел обращает речь к боримым настоящими скорбями и ожидаемым возбуждает от множества напастей ослабевающее усердие, когда говорит: *Недостойны страсти нынешняго времени к хотящей славе явитися в нас* (Рим. 8, 18)?

Не слышал разве, как он в утешение страждущих повествует о собственных своих страданиях, чтобы не ослабевали в подвиге думающие о себе только, что они терпят чрезмерно, как никто не терпел? Ибо, не славы своей желая, описывает подвиги свои тот, кто говорит: *Аще бо бых еще человеком угождал, Христов раб не бых убо был* (Гал. 1, 10); и не мучится он, по примеру болезнующих языком, желанием сказать то, чего не может покрыть молчанием. Напротив того, зная, что страждущие утешаются слышанием о страдавших уже (и, дознав, что и с другими прежде бывало то же, что теперь совершается с ними, научаются переносить сие терпеливо как убедившиеся, что другими перенесено это мужественно), Апостол решается объявить и то, что старался утаивать, и о преуспеваниях своих возвещает, и не надмевает ума видимыми похвалами, имеет же в виду

единственно пользу многих, домогается всех соделать ревнителями добра и того достигнуть, чтобы в бедах за благочестие один соревновал другому.

Глава 13. Поэтому-то Павел, как будто человек велеречивый и славолюбивый, похваляясь, с великою свободою описывает свои подвиги, говоря: *В трудах множае, в смертех многаши, во алчбе и жажде, в зиме и нагоде, многократно в бедах, трищи палицами биен бых, единою каменью наметан бых, трикраты корабль опровержеся, ночь и день во глубине сотворих* (ср.: 2 Кор. 11, 23, 27, 25).

Так, ревнуя об истине, старается показать великие свои преуспевания, чтобы трудолюбцы и имели ревность подражать ему, и, не достигая в меру оной добродетели и во многом оставаясь назади, умеряли мысль о себе самих. Ибо если сам он о тех, для кого было обязанностию состязаться с Павлом в добрых делах, говорит, что потрудился *паче всех их* (1 Кор. 15, 10), то осмелится ли хвалиться с ним равночестием кто-либо из живущих ныне, когда для многих трудно не только сделать сие, но и поверить, что было сие совершено?

Якова ми быша, – говорит еще Павел, – *во Антиохии, (и) во Иконии, якова изгнания приях, и от всех сих избавил есть Господь* (ср.: 2 Тим. 3, 11); выражение *избавил есть* употребил он как приманку идти смело на опасности, чтобы каждый, ободряемый надеждою, что не злопостраждет в искушениях, благодушно встречал их и не ослабевал в деле, в Апостоле, уже избавленном от бед, усматривая достаточный залог того, что и сам он будет так же избавлен. И еще, нападая на тех, которые отрицают воскресение и говорят, что здешнее злострадание напрасно, потому что нет и времени, когда бы подвизавшимся насладиться за понесенные труды, Апостол говорит так: *Аще (бо) по человеку со зверем боряхся в Ефесе, кая ми польза, аще мертвии не встают?* (1 Кор. 15, 32). Сим напоминанием о пакибытии мертвых показал он, что не напрасно подвизался, не вотще претерпел столько скорбей, но в надежде и чаянии воздаяния по воскресении страдал и терпел не без основательной причины, за временные скорби ожидая нескончаемого веселия.

Глава 14. Почему всем после себя дает прекрасное повеление, говоря: *Доброе же творяще, да не стужаем си: во время бо свое пожнем, не ослабеюще* (Гал. 6, 9), – и надеждою собрать рукояти ободряет к трудам, необходимым при сеянии. И везде не престаёт преследовать страсть самомнения, чтобы и доброе совершалось и чтобы в добром не находило себе пищи высокомерие, которое всегда любит прививаться к оказываемым преуспеваниям, если не трезвятся ревнующие о сем делании.

Ибо Апостол (как своим ухищрением побудить слушающих к подражанию), будучи вынужден говорить о собственных своих преимуществах, такую похвалу себе наименовал *безумием* (ср.: 2 Кор. 11, 17) и повествованием о себе показал, сколько достойны соревнования дела, а тем, что похвалу сию укоризненно назвал *безумием*, воспретив велеречие о делах, так говоря, что *задняя забывает, а в предняя простирается* (ср.: Флп. 3, 13), даёт то же самое наставление иным способом. Кто смотрит на то, что уже совершено, тот, обыкновенно, надмевается сим до безрассудства. А кто взирает на то, что остается еще совершить, тот необходимо бывает смирен и

скромен, самым сильным побуждением к смирению мудрию имея неизвестность, достигнет ли, к чему стремится.

Посему, чтобы преуспевающие в добре были всегда скромных и некичливых о себе мыслей, Апостол советует взирать не на то, что сделано, но на то, сколько остается еще сделать, потому что ум, к сему устремленный и сокрушаемый заботливостью о том, что составляет предмет его ревности, не будет иметь и времени подумать о своих преуспеяниях и впасть в последующее за тем безумие. И тем, кто в таком состоянии духа, служат всегда Ангелы, спасая их от всякого посрамления; при тех Попечителем о всем для них потребном Владыка Бог, так что подвиг их совершается благоуспешно и без затруднения стремятся они *к почести вышнего звания*, не воспреемые развлечением в заботах о нуждах телесных.

Глава 15. *Об Иакове.* Ибо так по многим опытам сказал великий Иаков: *Бог, Иже питает мя измлада. Ангел, иже мя избавляет от всех зол* (ср.: Быт. 48, 15–16), испытал то и другое в Месопотамии, куда отправился с одним жезлом и откуда с великим имением возвратился домой, *избавленный от всех зол*, как сам говорит, споборением Божией силы. Когда, убоившись угроз Исавовых, Иаков нашел спасение в бегстве и возвращался опять, боясь еще жестокосердного врага, – тогда, как сказуется, Бог не словом ободрял его к твердости в духе, как являлся вещавшим Аврааму и Иеремии, но в действительности самым делом внушал ему, что превзойдет он крепостью всякого вознамерившегося злоумышлять против него; и устрояет, что перед утром борется с ним Божественное видение в образе мужа, когда был он в бодрственном состоянии, видимо преодолеваемое в борьбе и уступающее ему мнимую победу после борьбы, чтобы, убежденный препобеждением явившейся ему и боровшейся с ним Силы, благодушно шел он против людей, в твердой уверенности, что превозможет всякое злоумышление.

А чтобы в этом смысле понял он домостроительство видения, при удалении говорит ему: *Укрепился еси с Богом и с человеки силен будеши* (Быт. 32, 28), выражая сим: иди-де, смело надеясь на сию крепость; ибо кто из людей станет против силы, укрепившейся, чтобы бороться с Богом? Посему-то и твердый упованием Давид, когда преследовал его Авессалом с избранными воинами целого народа, с уверенностью сказал: *Не убоюсь от тем людей, окрест нападающих на мя* (Пс. 3, 7), зная, что охранение Божией силы могущественнее окружающих врагов; и еще говорит: *В мире вкупе усну и почию, яко ты, Господи, единого на уповании вселил мя еси* (Пс. 4, 9).

Ибо так укрепляем был упованием лучшего, что один не убоился такого множества врагов и беззаботно лег и уснул, тогда как враги бодрствовали и тревожились заботою, как им, многим, одолеть одного. И весьма справедливо.

Глава 16. Ибо если, по сказанному, *ополчится Ангел Господень окрест боящихся* (Пс. 33, 8), то для чего утруждают себя окружающие праведника, извне ничем не пользующегося, когда внутренне окружен он надежною стражею, возбраняющею внешние нападения? Чем отяготительна бедность для любомудрствующего и подвижника, у которого нет и заботы о хранении суетного и который, когда хочет, имеет у себя потребное, потому что вся тварь служит ему, как Владыке

всего, и усердно приносит ему в дар желаемое, тогда как у наиболее гордящихся богатством недостает и самого потребного для необходимого пропитания? Какие богатства не истощались во время гладов, о которых повествуется в Божественном Писании?

Какие житницы не оскудели земными произведениями, когда пророческие уста привели в отвердение небо и облака, а вместе и целую землю? Жилы источников иссохли в самых сокровенностях своих, ни дождь, ни роса не падали сверху на землю; поля от долговременной засухи окаменели, не произращая более ни злака, ни травы, ни весенних цветов, когда горы и пропасти наполнились мертвыми телами скотов, зверей и птиц.

Жалка и бедственна была смерть постепенно увядающих, юных и старых, людей; неприятен и несносен вид уже умерших, потому что трупы гнили на улицах, источали кровавые капли и тягчайшею смерти делали жизнь для живых, которые не это только видели, но и страдания умирающих, матерей, оплакивающих любимых ими, в объятиях их борющихся со смертью, детей, сидящих подле отцов, и отцов подле детей, умирающих от недостатка пищи, друзей при последнем издыхании, возведших неподвижный взор к предстоящим друзьям и не получающих себе никакой пощады, когда, может быть, один кусок мог бы воззвать к жизни прерывающееся дыхание!

Столько-то нужда во время голода заставляет заботиться каждого больше о себе, нежели о других, и если тронутому страданием и имеющему еще у себя несколько пищи показывает жалкую гибель кончающегося, то он и воздыхает из сострадания об умирающем, и представляет собственную свою неизбежную потребность, и рассуждает, что необходимее приложить попечение о себе, нежели о ближнем. Имевшим у себя много золота что помогли тогда сокровищницы с деньгами, когда нигде не было в продаже хлеба? На что стали пригодны счеты на многие таланты серебра, брошенные по недостатку припасов? Ибо все это не утоляло голода, не могло уврачевать оскудения. Без дела оставалось искусство поваров; не на чем было показать свою опытность виночерпиям, прекратилась суетливость прочей прислуги, нечего стало делать хлебопекарям, не стало дела у приготовлявших медовые сласти, не при деле были лики поющих под свирель и гусли. Все они об одном горевали вместе, о недостатке, об одном воздыхали, об оскудении пищи. И в то же время какой вред причинило добровольное лишение себя веществ многоценных праведникам, которые везде, где хотели, находили готовую и безбедную трапезу!

Глава 17. Был тогда царь Ахав, были и пророки Илия и Елисей. Первый владел большим пространством земли, в сокровищницах его, как в царских, много было денег; у последних же вовсе ничего не было, ни крова, ни денег. Первый облакался в багряницу, и вокруг его было все царское убранство, а последние прикрывались милотью и не имели у себя ни одного служителя. И первый ходил по горам и долинам, отыскивая злаков, чтобы хотя травую утолить свой голод – последние, где застигало их время принятия пищи, там и находили в обилии приличные снеди: велели вдове принести им пищу и вдова, имея в доме одну горсть муки, несмотря на многих голодных детей, испекла из горсти опреснок и принесла им. Не было жатвы, но у них водонос стал

гумном. Поле не засеяно, а им доставило муку; земля бесплодна, а в водоносе процвела нива; оскудели полные хлеба житницы, а горсть муки не оскудевала.

В пути находясь, они засыпали, и после сна Ангелы предлагали им необходимую пищу: хлеб и воду; лучше же сказать, уснув, пробуждаемы были Святыми Силами, как господа, приставленными на таковые потребности служителями приглашаемые на готовый пир. Вселялись они в пустыню, и вОроны приносили им из обитаемых мест хлеб утром, а вечером – мяса. Откуда же брали вОроны? Такую пищу и всегда, особенно же во время голода, нелегко доставать птицам, которым обычно довольствоваться ядением трупов и тех едва иметь в достатке к своему насыщению. И что всего удивительнее, при недостатке необходимого так щедро угощали они других, не о себе только заботясь в такое время, когда вскоре сделалось бы трудным или и вовсе невозможным добыть пищу, если и то, что пока оставалось, истребят другие; но они и на многих других щедро распростирали дар, будучи уверены, что, пока живы праведники, никогда не оскудеют дары благодати, которая благоискусна в снабжении подобными вещами и вменяет себе в долг, как оброк или дань, давать достойным нужное для тела.

Ибо Господь учит: *Не пецытесь о сем, глаголюще: что ямы, или что пием, или чим одеждемся? вестъ бо Отец ваш Небесный, яко требуете сих всех* (ср.: Мф. 6, 31-32) – и делающему доброе дает сие как долг, а не дар.

Глава 18. Ибо присовокупляет к сказанному: *Достоин бо есть делатель пищи своя* (Мф. 10, 10). Пророки однажды напители сто мужей, имея у себя десять²⁹ только хлебов, которых по расчету мало было для насыщения такого числа и которые, однако же, насытили, засвидетельствовав о насыщении остатками. Ибо, когда служителю было сказано: «Предложи, предложи *людem* хлебы, да ядят» и он, обратив внимание более на вероятность дела, нежели на достоверность приказывающего, сказал: «*Что дам сие* такому числу людей?», тогда учредители пира, укрепляемые верою, прекрасно говорят: *Дажь, да ядят, и остане. И ядоша, и оста по глаголу Господню* (ср.: 4 Цар. 4, 42-44), чтобы чудо раба предварило и проложило путь к приятию Владычного чуда. Ибо образы истины всегда предваряют, заграждая уста неблагодарным иудеям, чтобы, когда вознамерятся клеветать о чудесах Господних, что они невероятны или невозможны, чудесами прежде бывшими принуждены были прекратить неблагоприятное упорство и усрамились бесстыдно восставать на Владычное чудо, после того как предшественники их без противоречия приняли прообразования оно, на рабах совершившиеся.

Глава 19. *О Сыне Приснодевы.* Так иудеям, готовым возражать и соплетать благовидные несколько умствования против Рождения Девы, будто бы природа не может привести в состав зародыш плода без вложения оплодотворяющих семян, – не позволяет сего земля, в начале бессеменно произрастившая всякого рода плоды: потому что в обоих случаях семенем было Божие Слово. Земле сказано: *Да прорастит земля былие травное, сеющее семя по роду* (Быт. 1, 11); и повеление превратила она для себя в природу: немедленно, без всякой иной

---

²⁹ По обыкновенному чтению: *двадцать* (4 Цар. 4, 42).

предшествующей причины, кроме Слова, произрастив плоды, какие извело повеление. И Дева, сказав: *Како будет Мне сие, идеже мужа не знаю*, – услышала: *Дух Святый найдет на Тя, и сила Вышняго осенит Тя* (Лк. 1, 34-35); и без труда соделалось, что *Слово – стало плотию* (ср.: Ин. 1, 14) и глаголом создан Божий храм.

Так и Иона, после трехдневного пребывания в ките исшедший невредимым, заграждает уста иудеям, когда хотят утверждать, что Господне по трех днях Воскресение невозможно, уверяя их в подобном подобным и любителям споров не позволяя бесстыдно восставать против нового чуда, возбраня такое явное бесстыдство чудом древним.

Глава 20. Так, чтобы не сказали иудеи, будто бы чудо пяти хлебов, которыми насытились пять тысяч, невозможно, рабы предварительно напители сто мужей десятью хлебами, пока малым чудом ручаясь за большее и показывая, что однажды сделавшееся возможным в малом виде возможно и в большем, потому что, когда нужно было наплатить и большим малое и меньшим большее число, вещество одинаково было послушно умножающей благодати, действенность свою обнаруживающей для всех не количеством, но силою. Но довольно об иудейских прекословиях.

Пророки, наплатившие тогда десятью хлебами сто мужей, в другое время, когда голод был еще силен, велели служителям сварить в котле множество зелий. И как впоследствии варение оказалось крайне горьким на вкус, без сомнения, от примешанного к варению ядовитого зелия, что и дал разуместь сказавший: *Смерть в конобе, человеце Божий* (4 Цар. 4, 40), – повелевают вложить во все одну горсть муки, и что незадолго пред тем для утружденных казалось по причине горечи негодным в пищу, делают удобоснедным и весьма полезным к утолению голода изнемогших от скудости. О них-то прекрасно взывал песнописец Давид, говоря: *Богатии обнищаша и взалкаша: взыскающий же Господа не лишится всякаго блага* (Пс. 33, 11); и сказанное пред сим служит несомненным свидетельством и подтверждением истины слова сего.

И Господь сказал, запечатлевая сие: *Воззрите на птицы небесныя, яко не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы, и Отец ваш Небесный питает их. И о одежди что печетесь? Смотрите крин селных, како растут: не труждаются, ни прядут: глаголю же вам, яко ни Соломон во всей славе своей облечется, яко един от сих* (Мф. 6, 26, 28 и 29). Так из ежедневно видимого дает уразуметь, что возможно проводить жизнь беспечальную и безбедную. Ибо говорит: *Ищите Царствия, и сия вся приложатся вам* (ср.: Лк. 12, 31). И чтобы не подумал кто, будто бы один пустой гром слов и нечто похожее на суесловие в сказанном: *Не пецытеся, что ясте, или что пиете, или во что облечетесь* (ср.: Мф. 6, 25), Господь подтверждает совет Свой примером лилий и птиц (которые от промысла Всесовершенного приемлют: одни – благолепие одежды, а другие – пищу, снискиваемую без труда и заботы), а вместе напоминает нам о жизни, обетованной Адаму до преслушания, чтобы никто, взирая на настоящее злострадание при снискивании необходимого и не обращая внимания на питающихся без труда зверей, на жизнь пресмыкающихся и птиц, которые научают нас нелживости Узаконившего тогдашнюю жизнь, не смел не верить возможности обетования, что будет иметь пищу, не возделывая, как ныне, землю, не трудясь и безбедно.

Посему-то и растения, возделываемые руками человеческими, ежегодно посеваемые и орошаемые земледельцем, но при великом попечении едва достигающие желаемого совершенства, слабее диких былий, которые, произросши однажды, по Божию повелению, прозябают от прежних корней, питают рослые и всегда зеленеющие стебли в неопровержимое доказательство, что и наши насаждения для непреслушавших Бога могут процветать таким же образом и сами собою доставлять нам невозбранное наслаждение.

Глава 21. Посему Господь, вводя желающих в сию беспечальную жизнь, увещевает их делать добро и не заботиться о потребности телесной, говоря: *Вестъ бо Отец ваш Небесный, яко требуете сих всех* (Мф. 6, 32); и: *Достоин бо есть делатель пищи своя* (Мф. 10, 10); и не оставляет в этом никакого предлога к неверию, что делающий Божие дело возымеет нужду в чем-либо потребном. Как подвижник, вступивший в подвиг благочестия и каждый день подвигающийся законно, в оброк за настоящий век получает он от Подвигоположника пропитание для жизни во плоти и венцов чаает по совершении поприща в Веке Будущем, ожидая, что глава будет украшена не оливковой, плющевой и лавровой ветвями, но диадемою благолепия и прекрасно сплетенным венцом славы и чести, как говорит Давид: *Славою и честию венчал еси его* (Пс. 8, 6).

И в награду за все сие примет Вечную Жизнь и наслаждение райскими утехами, *ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша* (1 Кор. 2, 9). Ибо таково то, что уготовал Бог любящим Его, по преизбытку светлости, подлинно неизреченно, незримо и выше всякого помышления. Ибо, что великое и чудное ни постарался бы кто примыслить для наслаждения, без сомнения представится сие меньшим и гораздо низшим в сравнении с уготованным в наслаждение святым, потому что ум обык образовать в себе подобия познанного с помощью чувства. Желая же представить то, для чего образов не получил от чувств, составляет неопределенные облики, представляя в пустоте исчезающие и неосуществленные помышления, так что иногда появляется новый образ и уничтожает предшествовавший, потому что нет ясного образца, который бы мог остановить этот блуждающий образ.

Глава 22. Если данная в пустыне манна, и осязаемая, и видимая, оставляла место сомнению, что она такое, как не сравнимая по виду и качеству ни с чем из изведенного на опыте и производившая ощущение новое и отличное от всех обыкновенных, то может ли кто справедливо угадать и определить то, что в несравненной мере превосходит манну и выше всякого чувственного постижения, ожидающими же сего ныне познано будет тогда, когда опыт научит преимуществу сего наслаждения, ясно покажет, и как малы труды пред величием плода, и сколько встретившееся блаженство выше уповаемых наград? И никто из не радевших донныне о добре да не представляет мне в предлог, что для него прошло уже время, и да не удерживается от сего делания тем, что ему, как начинающему, поздно, трудно или и вовсе невозможно достигнуть совершенства добродетели. Правда, скажу это и я, поприще велико и длинно расстояние пути, ведущего к сему совершенству.

Но при неослабном тщании можно совершить оный скоро, даже опередить тех, которые с юного возраста вступили на сей путь и

шествуют медленно, и настолько оставить их позади, насколько усердие поспешит поступить вперед, так что, пока мало успели пройти или и вовсе нимало не прошли с того места, на котором были настигнуты сии очень медленно и тихо движущие ноги свои, стремящийся к предположенному с быстротою птиц необходимо или бывает близко к цели, или совершенно достигает ее, подобно кораблю, который стремится прямо в пристань и несется на полных ветрилах, между тем как другие корабли, пустившись с того же места, по нерадению кормчих блуждают по морю, а недра ветрил часто бывают пусты от косвенных туда и сюда поворотов: потому что когда благоприятный ветер дует прямо с кормы вдоль корабля, если кормчий не хранит ветрил всегда полными и не держится одного направления с дуновением ветра, то необходимо ладия замедляет свой ход, постоянно уклоняясь и убегая от порывов гонящего ветра.

Глава 23. Посему прекрасно Павел совершающим течение на поприще возглашает, взывая: *Тако тецыте, да постигнете* (1 Кор. 9, 24), а сим повелевает так усиливать скорость и стеснительность времени преодолевать самым напряженным стремлением, чтобы путь, требующий долгого времени, при неослабном и постоянном тщании бегущего совершаем был как можно скорее. Сию-то долготу пути усмотрев, быстротечный Давид, сказавший: *Путь заповедий Твоих текох* (Пс. 118, 32), просил и умолял Бога сделать ему известным, сколько времени остается ему для жизни и достаточно ли ему оно к достижению желаемого.

Ибо говорит: *Скажи ми, Господи, кончину мою и число дний моих, кое есть, да разумею, что лишаюся аз* (Пс. 38, 5). Потом уразумев, что остался он далеко позади и остающееся время жизни его несоразмерно с тем, что впереди³⁰, хотя бы от первой преграды до конца поприща, не переводя дыхания понесся он по воздуху, и, отчаиваясь в быстроте ног своих, вступает в состязание с птицами и природами высокопарящими, и говорит: *Кто даст ми криле яко голубине? и полещу, и почию* (Пс. 54, 7). Так, сколько можно было гадать, соразмеряя время с расстоянием, Давид познал, что один только способ достигнуть ему цели: поднявшись ввысь на высоту доброго жития и окрылившись рачительностью, перелететь разделяющее пространство и таким образом коснуться желаемого предела совершенства.

Отделение 12. Притча о винограднике и о делателях, нанятых в разные часы

Глава 1. И притча о винограднике, в который в разные часы дня приходили имевшие возделывать оный, один за другим, нанимаясь с утра до вечера, как позволяло кому время, кажется согласно с сказанным доселе. Ибо все получили одну и ту же плату, все удостоились от домовладыки одной и той же чести, лучше же сказать, – последние предпочтены первым, с делавшими от утра взяв и равное количество серебра, и даже прежде их, и в этом, как иной подумает, воспользовавшись щедростью давшего, в самой же действительности прирав должную честь.

---

³⁰ Вместо: *πρός τό φθάσαι* по рукописи читается: *πρός τό φθάσαι*.

Если бы они, будучи позваны вместе с роптавшими, не послушались, а потом, раскаявшись, – последними приступили к делу, то заслуживали бы плату только за время, в которое делали. Если же, как скоро были наняты, показали усердие, почему обвинять их в произвольной праздности? Из последующей рачительности видна и та, какую и прежде имели бы, если бы находились при деле. Сие-то выражая, домовладыка в оправдание свое сказал тем, которые укоряли их и не радовались собственной своей чести, терзались же честью, наравне с ними оказанною другим: *Друже, не обижу тебе: не по пенязю ли совещал еси со мною? возми твое и иди: хочу же и сему последнему дати, якоже и тебе: или несть ми леть сотворити, еже хочу, во своих ми? аще око твое лукаво есть, яко аз благ есмь?* (Мф. 20, 13–15).

Сим и несправедливую обличил ревность роптавших, и показал, что благодать его исполнила правду, потому что невольной вине в праздности не попустил сделаться для них причиною ущерба, принимая во внимание намерение, а не исполнение, так как праздность произошла, без сомнения, не от нерадения, а от случая. Сказанное ими: *Никто же нас наят* (Мф. 20, 7) – освобождает их от подозрения в лени, показывает, что готовы они были заняться делом, и слагает вину их бездействия на недостаток нанимающих. И если воздающий каждому по делам его делавшим одну часть дня дал полную плату, равно как и целый день проводившим в деле, то самым делом, а не словами, дал разуметь, что достойны были сего остававшиеся несколько часов до дела праздными, не по нерадению, но по необходимости, так как не было призывающего к делу. И делом благодати, а может быть, и справедливости домовладыки было не оставить в ущербе тех, которым причинило ущерб время, и не попустить, чтобы уступили они преимущество, когда не имел права обвинять в произвольной праздности тех³¹, которые с утра готовы были к делу и, может быть, пришедши после всех и приложив великое старание, в несколько часов совершили дело целого дня.

И то рассуждено справедливо, что совершившие дело, стоящее динария, получают не меньше динария, хотя работали и не целый день. Ибо тот, кто, нанимая их, сказал: *Идите и вы в виноград (мой) и делайте, и еже будет праведно*, дам вам (ср.: Мф. 20, 7), дав динарий, не солгал; ибо дал, что было справедливо, и не напрасно подарил, но по справедливости соразмерил плату с трудом, а не с временем. Ибо по сей причине предпочел их прочим и за то, что равное приняли участие в деле, признал стоящими равной платы, а за то, что в краткий срок сравнялись с теми, которым продолжение целого дня давало свободу работать неусильно³², как рачительных призвал первых к получению воздаяний, чтобы и им оказанною честью, и обличением роптавших и в ленивых возбудить усердие к рачительности о добром делании. Ибо знал, что честь, оказанная одним, обратит к труду и других, из любви к славе берущихся за труд, даже превышающий силы.

О, как бессмысленна страсть зависти! Ничем не обиженные завидуют удостоенным чести, приобретение других почитают

---

³¹ По рукописи читается: μηδέ συνχωρησαι, πλεονεξίαν αὐτοῦς ὑποστηναι, ἀβούλητον ἀργίαν ἐγκαλεῖν οὐκ ἔχοντος δίκαιον τοῖς ἐξ ὀρθρου и прочее.

³² По рукописи читается: πρὸς ἀδειαν ἀνειμένης ἐργασίας.

собственной своею утратою, ничего не потеряв, ропщут; благоуспешность других уязвляет их: лишаются сил и истаивают, видя, что не их хвалят, и говорят: «Сии последние, и равных нам сотворил их еси, понесшим тяготу дне и вар (Мф. 20, 12)»; выставляют продолжительность времени, не смея, как вероятно, в защиту свою указать на преимущество пред ними в деле; думают похвалиться тем, за что достойны осуждения, измеряют время и не рассуждают, что со временем не соразмерно дело.

Глава 2. Опаленные зноем, если делали они нерадиво и небрежно, какую пользу доставили домовладыке, требовавшему дела, а не бесполезного утомления, попечения о винограднике, а не того, чтобы напрасно тратить в нем часы целого дня? Это самое, что превратил он порядок делавших: первых сделал последними, а последних – первыми, показывает не иное что, как рачительность одних и леность других.

А если бы и те и другие показали одинаковую рачительность и сделанное ими было соразмерно времени, то имели ли бы какой благовидный предлог к ропоту, получив условленную по договору плату, хотя бы дано было другим во много крат и больше, если бы не печаливала их зависть, огорчающая многих других, а преимущественно тех, которым больно видеть почести, возданные другим? Думаю, не стали бы они роптать, если бы работали без последних, и одни получили договоренную плату, не имея к кому выказать завистливое свое расположение.

Теперь же честь соперникам возбудила страсть зависти, которая не возбудилась бы, если бы не казались предпочтенными другие, которые, в сравнении с собственными их трудами, потрудились, судя по времени, мало; и ту договорную плату за дело, которую, если бы никто не раздражил их зависти предпочтением, приняли бы они с радостью, берут теперь с ропотом, уязвляясь единственно тем, что признаны низшими других, которые не только стали участниками в плате, но даже оказались лучшими, потому что за маловременное делание получили равноценную награду. Ты получил свое, человек! Почему же огорчает тебя другой, получивший то же? Твоя плата не уменьшена. Почему же оскорбляет тебя, что другой, по твоему мнению, получил больше твоего? Если бы не знал ты, что другой получил столько же, сколько ты сам, то с охотою принял бы привычную плату. Но поелику с тобою получил другой, твое показалось тебе малым. Не получил ты лишнего? Но и не условливался, и не ожидал получить.

Почему же, не быв обижен, жалуешься голосом обиженных? Почему сетуешь на ущерб, ничего не утратив? Почему щедрость домовладыки оуждаешь как несправедливую? Почему милость к имеющим нужду в сострадании, как подумал бы иной, называешь неправильным разделом? Если бы другому прибавил, отняв из следовавшего по условию тебе, то подлинно поступил бы несправедливо, отдав одному принадлежащее другому и из чужой собственности показав неубыточное великодушие. Если же и тебе отдал долг сполна, и им из своего дал по долгу или по милости, то почему подвергаешь порицанию вместе с благодетельствованным и благодетельствовавшего, по дурному расположению сердца очерняя не подавших благовидного предлога к порицанию, собственную страсть свою вменяя в вину другим, осуждая вместе и оказавшего благодеяние,

и (каким бы то ни было образом) воспользовавшегося оным, только бы не подавить в себе неразумной страсти, признав для себя святым делом не завидовать чужому добру и не унывать, когда веселятся другие? Такова зависть: радость веселящихся обращает для себя в плач, сама всегда проводит время в муках, как скоро не удастся ей возбудивших ее видеть в тех бедствиях, в каких бы ей хотелось.

А ты желал бы, чтобы и делатель стоял всегда вне виноградника праздным, и подвижник оставался вовсе не подвизающимся без противоборца, и от тех, кому должно учиться, скрывающим, что нужно человеку, чтобы иметь силу. Ты желал бы, чтоб и воин, который может показаться доблестным в битвах со врагами, сидя и нежась у себя под крышей, рос подобно девам; не желательно тебе, чтобы врожденное мужество проявлялось в делах, и ты, завидуя венцам, щадишь от трудов.

Глава 3. А я победоносному подвижнику даю совет быть готовым ко всем родам подвигов: потому что мужеством называю то, которое мужи дают видеть в подвигах своих, несмотря на немощь тела, принимая же во внимание благородство души, когда враг различно нападает, вовлекая в искушение различно встречающего козни, и человек умеет приспособительно действовать при каждом нападении.

Ибо Павел, зная, что враг многое, и против всех, замышляет, хочет, чтобы к низложению его ухищрения все, по примеру Павлову жительствующие, готовы были противостать нападениям врага, и иногда вооружает щитом веры, бронею правды, шлемом спасения, мечом духовным, а иногда как борцов умащает на подвиг и говорит: *Несть наша брань к крови и плоти, но к началом, и ко властем (и) к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы* (Еф. 6, 12), чтобы подвизающиеся, узнав многочисленность врагов и то, что ведут они брань во тьме и по природе невидимы, трезвились, всегда бодрствуя и не выпуская из рук оружия, но имея оное совершенно готовым к отражению. Поелику, по словам премудрого Соломона, *отимется сон у врагов, и не спят, и не уснут, аще зла не сотворят* (ср.: Притч. 4, 16), то бдительное око, как говорит Апостол, да имеют воины, наблюдая за устремлением неприятелей, чтобы от беззаботности не потерпеть чего-либо неприятного. И советует как можно скорее поспешать *к почести вышняго звания* и охранять вместе стремящегося, чтобы не преткнулся где от него и вместе идущий; когда нет противоборников, иметь в ратоборном движении руки, сим упражнением приучая себя к опытности, а когда враги налицо и вступят в битву, тогда не в пустом воздухе вращать оружие, какое есть в руках, но стараться рассечь им самую голову врагов и терзать их ногтями.

А поелику противоборники, как миродержители тьмы, обыкли *состреляти во мраце правыя сердцем* (Пс. 10, 2) – и всякий умысел, чтобы трудно или вовсе невозможно было предостеречься, приводят в исполнение во тьме, достигая сим того, что злоумышляют, и вредят, будучи невидимы, то Господь говорит: *Да будут чресла ваша препоясана, и светильницы горящие* (Лк. 12, 35), желая поясом доставить нам удобство к скорому шествию, а горящим светильником охранить от вредного столкновения с идущим вместе. Ибо сие сказал Павел: *Аз убо тако теку, не яко безвестно* (1 Кор. 9, 26), то есть пользуясь светом как путеводителем в добром непреткновенном шествии.

И Давид говорит: *Светильник ногама моима закон Твой, и свет стезям моим* (Пс. 118, 105); и путь заповедей Твоих прохожу-де уже неукоризненно, а какие соприкосновенно с ними лежат на стезе соблазны, частью осмотрительно уклоняюсь от них, а частью в быстром стремлении своего течения переносюсь чрез них, однажды преуспев в парении разума и потом безопасно обозревая повсюду предстоящие на пути преткновения.

Глава 4. Как угрызенного змией пугает лежащая на земле изогнутая вервь, потому что страх придает ей вид, возбуждающий подозрение, и наводит мысль на испытанное прежде, так и Давида после грехопадения приводило в ужас и невоспрещенное употребление вожделеваемого. Он боялся, не скрывается ли в этом какая-либо хитрость врага, предложившего как обольстительную приманку ко греху то самое, что дозволено, и ухищряющегося привлечь тем к чему-либо запрещенному, как прежде воззрением на жену вовлек в сеть, доведя до непозволенного прелюбодеяния.

И сие же дает он видеть, когда, во время войны пожелав воды вифлеемской, воды принесенной не захотел пить, чем и в сильной жажде своей признался, и показал воздержание, рассудив, что если не подавит необузданного вожделения, то откроет ему удобный путь ко всякому сластолюбию. А некто другой из богомудрых Апостолов именует врага и львом, потому что под всякою другою более досточестною наружностью не успел, как ни старался в злоумышлении своем, и не без причины уже для устрашения принимает на себя образ звериный; и кому уподобляется в жестокости, у того и заимствует вид, которым может приводить в страх.

Ибо Апостол говорит: *Супостат наш диавол, яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити: емуже противитесь мужественно* (ср.: 1 Пет. 5, 8-9) – и рыканием означает вредоносное неистовство врага, а словами *противитесь мужественно* показывает, какую силу должны приобрести от подвига борющиеся со зверем, частыми упражнениями ежедневно укрепляя естественную свою силу. Ибо не сказал: «Убегайте или уклоняйтесь от скрежещущего зубами зверя», но повелел противостоять ему, бодро идти против него, зная, что всякий имеет силу защитить свою безопасность и для этой защиты у всех есть природные и неотъемлемые оружия.

Глава 5. Еще Павел внушает, говоря: *Представляйте уды ваша оружия правды Богу* (Рим. 6, 13), и сими словами научает сведущих низлагать противника тем самым, чем он низлагает неразумных, чтобы око вело брань со всем, что может обольщать посредством зрения; слух боролся с худыми беседами, способными растлить добрые нравы; обоняние тщательно отвращалось от испарений, обыкновенно изнеживающих и расслабляющих душевную твердость; вкус отказывался от изысканно для большей сладости приправленных соков; осязание не останавливалось на телах, приятно очаровывающих мягкостью и гладкостью; и любостыжательная рука простиралась для подаяния; и ноги, по слову Соломонову, текущие *на зло* (Притч. 1, 16), поспешно текли путем заповедей; и хульный язык вещал благодарственные глаголы.

Так оружиями правды делаются оружия греха, обратно устремленные на того, кто прежде злоупотреблял ими на погибель

приобретших. Поэтому, с жестокостью и дыша яростью, восстает мучитель на оставивших его и приложившихся к Богу, спеша возвратить себе спасающееся от него бегством, как по долгой привычке соделавшееся ему подручным, и подвергает различным искушениям, воздвигая повсюду скорби, повсюду напасти, чтобы жизнь порочная, по безмятежности будучи признана сносною, расположила, как в неволнуемую пристань, возвратиться к покою того, кто, как бы в море, обуреваемый искушениями и говорит, конечно, словами злостраждущих в пустыне: *Лучше бо бяше нам работати египтяном, нежели умерети в пустыни сей* (Исх. 14, 12). Ибо, кто любит недеятельность, тот признает для себя предпочтительнейшим слушаться вождельней, нежели бороться с ними, когда видит, что путь добродетели негладок и неудобопроходим и повсюду много на нем причиняющих скорби, как прежних друзей, сделавшихся напоследок врагами и желающих гнаться вслед и поработить, так и врагов истинных и незнаемых, встречающихся на пути и препятствующих доброму успеху в предположенном.

Так многие неизвестные дотоле народы, сколько могли, задерживали израильтян в прехождении и, завидуя их шествию к полезному для них, говорили: «*Не пройдеши сквозе* (Чис. 20, 18) нас». А фараон как, имея еще их в своей власти, когда замыслили бегство, содействующим ему в этом говорил: *Да отягчатся дела людей сих* (Исх. 5, 9), думая, что свобода от дел служила для них побуждением к продерзости, так со тщанием погнался вслед за удалившимися, не соглашаясь, чтобы они стали свободны, как хотелось им и какими родились они, но спеша снова сделать рабами тех, которые и были, и всегда могли быть высокородными и свободными. И одни, с твердою решимостию духа избежав сего рабства, терпеливо переносили всякое встречавшееся им озлобление, пока не достигли желанного совершенства, а другие, оставив рабство не вполне обдуманно, не перенеся затруднительности начатков добродетели (начало же всякого дела, а тем паче затруднительного, тяжело и неприятно, прежде навыка к нему), замыслили возвратиться в Египет, снова избирая себе владыкой того, кто некогда хорошо был ими оценен, как оказавшийся неприязненным и достойным великой ненависти.

Ибо говорили: *Поставим себе старейшину, и возвратимся во Египет* (Чис. 14, 4), почитая легким возвращение с пути, совершенного с великим трудом, и прибавляя еще по недеятельности своей: *За еже не быти гробом во Египте, вышли мы умереть в пустыне* (Исх. 14, 11). А недеятельность – рубеж между добродетелию и пороком. Кто уклонился от последнего, тот не беспрекословно еще в добре. Кто держится еще между тем и другим, тот до тех пор, пока не освободился совершенно от одного, не утвердит незыблемо обоих колен в другом, не хромая уже более, как прежде, и перестав то клониться на одну сторону, то перевешивать на другую.

Глава 6. Таков отстающий от худой привычки: сильно увлекается он назад, хотя поступает и вперед, и преуспевая в том, в чем старается, и бывая принужден с переменною побуждений уклоняться часто туда и сюда, пока и многим упражнением, и долгим временем не отучит себя от прежнего и не обратит себе в навык последнего, подобно пришедшему из отроческого возраста в мужеский и сделавшемуся не

способным, если бы и хотел, перейти из настоящего состояния в прошедшее. Ибо ни с чем не сообразно телу, по закону природы, последовательно переменять возрасты, переходя от возраста детского до старческой сановитости, внушать доверие сединою, по самому состоянию делаться важным и почтенным, а душе не преуспевать ей свойственным преуспеянием в добре и в добродетели не совершать узаконенных возрастов, переходя из одного в другой и таким образом достигая вожделенного совершенства, но оставаться в неразумном детском состоянии или в возрасте, следующем за детством, охотно предающемуся юношеским вожделениям, и в преклонном старческом теле еще юнеть и цвести, непрестанно увеселяясь теми предосудительными вещами, которыми недолго забавлялись и трезвенные отроки.

А что и душа меняет различия возрастов, восходя от младенчества к совершенству, сему научает Павел, говоря в одном месте: *Яко младенцев о Христе млеко вы напоих, а не брашном* (ср.: 1 Кор. 3, 1-2); и в другом: *Дондеже достигнем в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова* (Еф. 4, 13); и еще: *Егда бех младенец, яко младенец глаголах, яко младенец мудрствовах, яко младенец смыслях: егда же бых муж, отвергох младенческая* (1 Кор. 13, 11). Апостол знает, что иные, родившись однажды, имеют нужду в ином еще рождении и снова из жизни сей возвращаются в утробу; потому им говорит: *Чадца моя, имиже паки болезную, дондеже вообразится Христос в вас* (Гал. 4, 19). Так носящим на себе по видимости достославные черты Христовы, но не приившим еще на себя полного образа Апостол снова желает соделаться зачавшимися во чреве, чтобы, сложив с себя безобразие, изменились они в совершенный и целостный вид, став подобными Родившему и быв признаны подлинными, а не подложными и незаконными Его чадами.

Но душе с БОльшим еще удобством должно переходить сии состояния, нежели телу – возрасты. Тело на все это время поработчено необходимости и подлежит законам природы, не имеет власти перейти в состояние, в которое не приводит время, и не может вступить в ближайший возраст и пройти оный скорее надлежащего, потому что каждый возраст дает ему определенное время и не позволяет прежде срока³³ окончить оный и перейти в смежный с ним. Душа же, по произволению оставаясь в настоящем состоянии сколько хочет и переходя в другое когда хочет, когда бы ни пожелала, имеет невозбранное право на сие переходение; если даже заблагорассудит миновать средние состояния, возможно ей легким скачком от одного края перенестись в другой и, едва вступив, вдруг достигнуть совершенства, как скоро решимость воли и тщательность твердым и непоколебимым помыслом переступят от того, что осуждено душою, к тому, что предположено ею.

Глава 7. *О последовавших Моисееву предложению.* Так, подобно Моисею вожделевавшие свободы, непреложным терпением утвердившись в своем намерении, преодолели все непрестанно встречавшиеся им горести, не убоявшись необозримого множества врагов, голод же и жажду, властвующие над телом, перенося неослабно: потому что несомненная вера в чаемое наслаждение

---

³³ Вместо: *πρό ὧρας* в рукописи читается: *προῶρος*.

облегчала пока для них предстоящий труд, благим ожиданием утешая при испытании настоящих скорбей и ощущаемые печали срастворяя веселием грядущих благ.

Ибо ум, занятый радостными помыслами, не принимает сильно к чувству возмущающих его неприятностей и умеет настоящие трудности притуплять размышлением о благах, которыми будет обладать впоследствии. Поэтому, сообразно с их потребностями, претворялась тварь, море отвердело для преследуемых, разделились воды, открыв сухой путь, и, пока не перешли спасаемые, с обеих сторон рассеченные воды отвесно подъяло в высоту, окаменив их ток и отливы держа в прямом положении оледеневающими притоками³⁴; твердый и лишенный влаги камень образовал вокруг себя озеро и море, источая из глубины обильные потоки удобопиемой и сладкой воды.

Небо вместо земли произращало манну, в виде снега ниспосылая несеянный плод и наскоро изготовляя алчущим безбедную трапезу, не только восполняющую оскудение чрева, но даже переменою качества удовлетворяющую пожеланию всякого, ибо к какой снеди, воспоминанием о ней, получал кто влечение, вкус ее находил в одном и том же, думая, что вкушает он то самое, чего вожделевал, и одно вещество служивало различным пожеланиям всех, уподобляясь во вкусе ощущению всякого качества. Горькая вода усладились, мгновенно переменяв одно качество в другое, из питья, незадолго пред тем тяжелого и неприятного на вкус, сделавшись питием сладким. Воздух, не умея произвести яйца, породил готового перепела и, гоня его сильным ветром, столпил к самым кушам требующих пищи, отдавая им в руки птиц – без сетей уловляемую добычу.

В день превращалась ночь, освещаемая столпом огненным; солнечный зной дня умерялся облаком, которое, носясь над народом, служило средою между ним и лучами, льющимися с небесного свода, чтобы, пешествуя под открытым небом, не опаляемы они были в пути, но отенялись густым покровом облака, удобно совершая пешествие, как бы находясь под кровлею, а не идя по обнаженной отовсюду и не имеющей тени пустыне. Не ветшали у них ни одежда, ни обувь, сорок лет постоянно бывшая на теле; не погибал вьючный скот, обыкновенно не живущий столько времени; не нападали на них ни болезнь, ни расслабление, ни жар, ни озноб, ни другой какой недуг из поражающих обыкновенно тело, ибо *не бе в коленех их боляй* (Пс. 104, 37), – по благодати Божией препобедили они природу, став выше сродной ей немощи, и отреклись от сопряженных с телом страданий.

Страшные в битве полчища врагов одно за другим падали, низложенные неуязвленными в знамение споборающей руки. Стены рушились сами собою без содействия руки человеческой, ниспроверженные Божиим мановением. Многие многочисленные народы истреблены сокровенною силою, израильтянам оставив после себя землю и не занятое никем и не требующее забот место жительства.

Глава 8. И сие-то самое сказал впоследствии песнописец Давид: *Рука Твоя языки потреби, и насадил я еси: Не бо мечем своим наследиша землю, и мышца их не спасе их, но десница Твоя и мышца*

---

³⁴ По рукописи читается του ύδατος τμήματα πρὸς ύψος ήγειρεν όρθρα πετρώσασα τά ρειθρα καί την παλίρ οiαν έπiλoυσα άποκρήμυνως и прочее.

Твоя и просвещение лица Твоего, яко благоволил еси в них (Пс. 43, 3–4). Так описывает Давид безопасность во всем благоугождающих Богу, и то, как достигается ими все, что для них полезно, как по правдивому Божию Промыслению пользуются они попечением о них свыше и по надежде на Спасающего повсюду бестрепетны.

Они-то говорят: *Не убоимся, внегда смущается земля, и прелегаются горы в сердца морская* (Пс. 45, 3); если-де и вся тварь, поколебавшись, придет в смятение и возмутится, окружаемая непрерывным рядом бедствий, не усташимся и не затрепещем, подобно тем, которые, будучи поражены ожиданием какого-либо несчастья, всякий шум и принесшийся звук представляют себе применительно к тому, что подозревают, потому что всего немогшее совесть, уязвляемая памятованием худого поступка: все почитает она враждебным, неприязненным, готовым мстить, по всегдашнему за худые дела ожиданию наказания, какое имеет внутри себя, хотя бы и никто не знал и не мог обличить³⁵, и думает, что всем известны ее сокроуенности.

Но не такова совесть, свободная от лукавства; много имеет она в себе уверенности, ни в чем не усматривая основательной причины к осуждению и твердо надеясь, что всегда для всех будет неодолима, напутствием к дерзновению имея невинность и говоря иногда: *Аще ополчится на мя полк, не убоится сердце мое* (Пс. 26, 3); а иногда: *Не убоюсь от тем людей, окрест нападающих на мя* (Пс. 3, 7). И что таков в словах и делах надеющийся на Бога, видно сие на самом сказавшем это Давиде, который с сим упованием смело выходит против славного Голиафа, без воинских орудий – против огражденного оружием, юноша – против исполина, как на псов, взяв только жезл и несколько камней и, как пса, низложив его одним метанием камня, не телесною крепостию, но силою, как сказал он, невидимого оружия – досточтимого имени Божия.

Ибо, на сию полагаясь защиту, выходит на брань и решимость свою выражает словами, говоря: *Ты идеши на мя с мечем и с копием и щитом, аз же иду на тя во имя Господа Бога Саваофа, Бога ополчения Израилева* (1 Цар. 17, 45); с этим одним оружием выступил он против такого вооружения; им и брошенный камень направил к назначенной цели и пробил медный шлем, сокрушил бесстыдное чело, низверг высокомерного, низложил на землю превозносившегося мыслю.

Глава 9. И поелику таковы были у Давида дела руки детской, у которой стало сил сделать, что едва ли бы могли произвести камень, какой можно поднять рукою, пущенный из метательного снаряда, или стенобитное орудие, действующее с великою быстротою, то и преследуемый врагами, каков был в вере, таким оказался и на опыте, нимало не терпя того, чему старались подвергнуть его гонители, но всегда превозмогая всякие козни, и без забот спасаясь из неодолимых опасностей. Так Давида, гонимого некогда Саулом, прикрыл камень, обеими сторонами наложив тень на того и другого и разделив и ищущего и искомого, чтобы невредимым сохранился Давид, который мог потерпеть обиду от многолюдства. Так застигнутый в лесу неприязненным сыном Авессаломом, когда не было у него войска, соразмерного наступающей силе, потому что с малочисленной

---

³⁵ По рукописи читается: *κάν μηδεῖς συνείδη μηδέ ἐλέγχειν δύνηται*.

дружиной вынужден был вступать в битву с целым народом, сподобниками против ополчившихся беззаконно употребил самые деревья в дубраве, каждое дерево вооружив к отражению бранной силы нападающих и посредством деревьев совершив то, что могло совершить множество опытных в военном деле рук.

Ибо сказано: *Умножи дубрава поядати людей, паче неже их пояде мечь* (2 Цар. 18, 8). И после поворота в успехе битвы один дуб восхитил бегущего отцеубийцу, ухватив за волосы и сняв с несущего его мула: как военачальник в знамение победы задержал он пленного юношу, с торжеством выставляя всем на позор сего нечестивца, решившегося на безумную дерзость; все же другие дубы, в других местах и повсюду, уязвляли неприятелей, вместо мечей употребив в дело сучья. Так и в другом случае, окруженный отовсюду множеством неприятелей, Давид беззаботно спал, в знак и неоспоримое доказательство того, что не заботится об окруживших, желающим дознать твердость его надежды показывая небоязненный сон.

Посему, хвалясь однажды, сказал: *Аз уснух и спях, яко Господь заступит мя* (Пс. 3, 6) – во время сна вверил тело Заступнику и вскоре на деле дознал силу сего Заступника, потому что, восстав, нашел себя в безопасном охранении стража, как Самого Бога. Иногда же говорит: *Вси языцы обыдоша мя, и именем Господним противляхся им* (Пс. 117, 10), тем же опять оружием воспользовавшись против нападающих, какое употребил прежде против Голиафа и имел действительный опыт силы, когда, без усилия бросив из пращи камень, мощным ударом низложил противника. Ему соревнуя, следовавшие Давиду прекрасно вещали Богу: *О имени Твоем уничижим востающыя на ны* (Пс. 43, 6), посмеваясь и издеваясь над врагами, потому что с ними была Божия помощь и уготовляла посрамление врагам.

А что за уничижение себя стали они достойными прийти в общение с Богом, сие показывает также Давид, говоря: *Аще бо и пойду посреде сени смертныя, не убоюся, яко Ты со мною еси* (Пс. 22, 4), потому что смертные опасности тогда потопляют нас, когда далеко мы от Бога как действительно недостойные помощи. А став близкими и своими Ему по вере и делам, мы выше всякой козни и всякого вреда, потому что высокая рука подъемлет нас на высоту над опасностями от владычествующих долу и не сильных коснуться тех, которые по своей жизни стали выше всякого такого вреда. Приблизившимся к таковому состоянию Бог изрек: *Аще преходиши сквозе воду, реки не покрывают тебе: и аще сквозе огонь пройдеши, пламень не опалит тебе, яко с тобою есмь Аз Господь Бог* (ср.: Ис. 43, 2-3).

Так Бог тем самым, что живое существо нимало не терпит вреда от скоро губящих стихий, из которых одна посредством вдыхания воспаляет внутренности, а другая, посредством того же вдыхания вовлекаемая, прекращает самое дыхание, показывает могущество силы Своей, прелагающей пределы естества и гибельное делающей спасительным, когда некоторые, будучи достойны благодеяния, идут по сим стихиям.

Глава 10. Если же, приблизившись к Богу, пользуемся такою милостию в попечении о нас, а удалившись от Бога, как беспомощные, от всего можем терпеть вред, то должно заботиться нам о праведности, приближающей нас к Богу и доставляющей нам освобождение от

страданий и небоязненность, потому что, по слову премудрого Соломона, *праведник яко лев упоает* (ср.: Притч. 28, 1), в свободе жизни воспользовавшись естественным благородством и неустрашимостью сего животного и смело противопостав всякому бедствию в той уверенности, что близко к нему Споборник, Который имеющим нужду в помощи и по грубости нравов далеко отстоящим от Помощника Бога говорит: *Еда не может рука Моя спасти? или отягчил есмь слух Мой, еже не услышати? Но греси ваши разлучают между вами и между Мною* (ср.: Ис. 59, 1-2).

Сими словами Бог показал Свое расположение, что готов Он на защиту, но присовокупил и причину, Его удерживающую, сказав: *Греси ваши разлучают между вами и Мною*, чтобы за то, что не приходит Он Помощником, не подлежать упреку; говорит, что в требующих помощи нет состояния достойного, чтобы помогать им, потому что к приближающимся к Богу, а не к тем, которые далеко отступили от Него, имеет обычай приходить помощь Его³⁶. Сие и патриарх Авраам сказал требующему помощи богачу: *Пропать велика утвердися между нами и вами* (ср.: Лк. 16, 26), сим ясно показывая, что неправедные весьма удалены не только от Бога, но и от мужей праведных и не могут получить никакой пользы от человеколюбия, потому что нравами далеко отстоят от сродства с человеколюбием. А какое состояние близко к Богу, научает Давид: *Близ Господь сокрушенных сердцем, и смиренныя духом спасет* (Пс. 33, 19).

Ибо всего угоднее Богу скромный образ мыслей, особливо когда в преуспеваниях есть повод к тому, чтобы надмиться до безрассудности, но помысел остается не выходящим из умеренности, не заносится высоко, возвеваемый воспоминаниями о совершенных добрых делах, обыкновенно приводящими его в парение, не доводит до превозношения и совесть теми добрыми делами, какие, как помнит, совершены в душе. Таков тот, кто по законному предписанию совершает пасху ночью; таков тот, кто снедает самый опреснок. Один достоин похвалы, стараясь как во тьме укрыться в том, что делает по Господнему совету, утаивая в клети то, что, будучи узно, приносит славу святости; другой и по совершении дела пребывает таким скромным и некичливым, каким был до совершения.

Ибо таков опреснок: не расширяется в объеме, подобно квасному хлебу, когда бывает приближен к огню, но и в это время остается в смиренном виде и означает смиренномудрого, когда преуспевает он в добродетели. Как огонь закваску, если не смешана она с опресноком, поднимает вверх и делает, что, раздуваясь, принимает она всякий, какой угодно, вид, так добродетель вызывает душу на высокоумие, если твердое суждение не приуготовит ее к тому, чтобы данное ей соблюсти незбылемым.

Глава 11. Такова та, которой говорит Божие слово: *Выя твоя яко мониеты* (Песн. 1, 9), свидетельствуя и о самом множестве добродетелей, и о смирении при всех сих добродетелях, означая же *выею* правоту и высоту жития, а *монистами* образ мыслей. Ибо как выю горделивого называет *жилою железною* (ср.: Ис. 48, 4) за

---

³⁶ По рукописи читается: ὅπως της ἐπί μή παραγενέσθαι βοηθός μέμψεως εἰη ἀπῆλλαγμένους, της βοηθείσθαι καταστάσεως ἀξίας οὐκ ούσης ἐν δεομοις της βοηθείας, τοις πλησιάζουσι Θεω и прочее.

непреклонность и за то, что по самомнению подымается в высоту и ожесточается от высокомерия, так выю добродетельного и смиренномудрого именует золотым монистом, давая судить по виду сего украшения о состоянии души, а по веществу одного об ее достоинстве, потому что монисто из прямой нити сгибается в круг и правый по жизни преклоняется к смирению.

Ибо Изрекший теперь невесте: *Вья твоя яко монисты* (Песн. 1, 9) вскоре за сим говорит: *Яко столп Давидов вья твоя* (Песн. 4, 4); и еще: *Вья твоя яко столп слоновый* (Песн. 7, 4), означая сим то восхождение добродетели в высоту и возбужденную деятельность в жизни, то смиренный образ мыслей, то недоступность к помыслам самомнения. Ибо по слоновому столпу ничто не может идти или ползти вверх, не имея за что ухватиться и при самом прикосновении скользя по причине гладкости, – так и горделивый помысел не может прикасаться к скромному образу мыслей, в котором всюду сглажены все неровности тщеславия, потому что тщеславие, по привычке к человекоугодию насакая в душе возвышенности и ступеньки, доставляет удобное восхождение высокоумию, внушая самомнение и кичливость мнимыми преуспеяниями человека. Посему-то Господь говорит иногда: *Блаженны смиренные сердцем* (ср.: Мф. 5, 8), а иногда: *Егда сотворите вся повеленная вам, глаголите, яко раби неключими есмы: еже должны бехом сотворити, сотворихом* (Лк. 17, 10). А сим побуждает при светильнике блаженства посредством таковой добродетели приобретать полезное и приобучает размышлением об употребленных Им смиренных речениях умерять мысль о себе.

Ибо, кто всегда называет себя *рабом неключимым* и рассуждает, что приказанное Владеющим исполнил он как необходимый долг, тот никогда не возмечтает о себе ничего высокого, не осмелится когда-либо причислять себя к сынам, в соделанном воздав только долг предписанного ему служения, а не добровольную показав щедрость. Добродетель сия есть ограда, стена прочих добродетелей: сокровища души хранит она неокрадываемыми, за нее терпят скорби и нападения все святые, а равно и те, которые соревнуют их жизни, принуждаемые, по причине неприятелей, осаждающих стену сию, всегда бодрствовать и трезвиться, чтобы враги, разрушив стену и ворвавшись внутрь, не расхитили мгновенно богатства, приобретенного долгим временем. Но не причиняют они вреда тем, которые бодрственно сидят за зубцами стен и наступающие помыслы высокоумия, как стрелами, отражают этими словами: *Раби неключими есмы: еже должны бехом сотворити, сотворихом*.

Действительно, никак не позволяют они страсти гордыни войти внутрь, потому что расхищает она все приобретенное, а наконец и ум, много потрудившийся о сем приобретении, по собственному изволению отводит пленником. У разбойников не в обычае раскапывать развалины, под которыми ничего не спрятано в земле, и производящим морские разбои несносно нападать на корабли, не нагруженные множеством денег, да и обыскивающие не берутся понапрасну обыскивать кладовые, в которых нет богатства, и принимать на себя пустой труд. Посему и о том, кому причиняют скорби и кого беспокоят враги, рассуждай, что тем более богат он добрыми делами, чем больше наносящих ему беспокойство.

И поэтому радуйся более, нежели унывай, о том, что возлюбленные из переселения сего отойдут в Отечество с великим стяжанием и увенчанными предстанут пред Богом, не только за то, что мужественно подвизались и с подвига возвращаются богатыми, но и за то, что, подвизаясь, старались во время подвигов укрываться от здешних зрителей, сохранив себе полное одобрение в будущем и неизреченной оной славы не умалив похвалами человеческими.

Глава 12. О славе, уготованной творящим милостыню. Сколько доставит тогда благовременно накормленный нищий! Сколько и каких воздаяний, при рукоплескании всего естества, принесут другие добрые дела! Когда и прикрытый одеждою на стуже, и преданный могиле по смерти, и пользовавшийся уходом во время долговременной болезни, и введенный в дом странник, и утешенный в темнице явятся пред судилищем к Ведающему, что они потерпели, признавая своего благодетеля и им признаваемые, когда Страшный всем Судия, присвоив Себе милость, оказанную благодетельствованным, скажет: «Что им вы соделали, то *Мне сотвористе* (Мф. 25, 40)», тогда, скажи мне, какие богатства сравнятся с этим сладостным и благоволительным гласом?

Какие похвалы почтешь равными тому славному провозглашению, когда вся тварь увидит его восхваленным и не позавидует (тогда не время будет зависти), а будет дивиться ему и ублажать его по причине благ, каких он удостоился? Наименуешь ли какое подобное веселие в этой жизни, которое могло бы столько возбуждать к радованию? Найдешь ли какую радость столько сильную, чтобы сравниться ей с этою радостью? Или какое удовольствие, имеющее хотя след этого удовольствия?

Или какую славу, хотя сколько-нибудь приближающуюся к этому прославлению? Если укажешь на самое царство, то сколько ни представляется блистательным царство земное, не уподобляется оно тому, в которое вводится этот указуемый Божиим словом, как исполненное скорбей не уподобляется непричастному оных, несвободное от смятений и страха – дающему мир и безмятежие. Прекрасно воспользоваться сим богатством. Это значит – приобрести имущество, а не быть стражем сокровища, соблюдаемого для других; это значит – в подлинном смысле сделать своею собственностью, что дотоле почиталось только собственностью; это значит – себя соделать наследником и преемником оных трудов, а не тем уступить приобретенное, которые ни малой не окажут пользы в нужде на суде. Это значит – земное преложить на Небо, тленное сделать постоянным, временное пременить в служащее к вечному наслаждению. Это значит – подлинно стать домостроителем мамоны, приобрести друзей от мамоны, которые по смерти приемлют в кровы, – здесь бесприютные, а там странноприимные, в настоящем веке не укрытые от воздушных перемен, а тогда приемлющие в чудные храмины того, кто утешал их здесь в скудости и облегчал от зноя нужды общением в потребном для тела.

Глава 13. Это значит – быть мудрым домостроителем данных от Бога имуществ, на сребреники, изъедаемые ржавчиною, купить нескончаемое Царство, на настоящее – будущее, имение разделить тем, в чьей собственности достоверным поручителем Сам Владыка всяческих Бог, Который благовременно отдает долг с ростом, не в сотую

долю, но во сто крат, когда получение данного в заем полезно и употребление пригодно для долговременного наслаждения в Беспредельном Веке. Это значит – собирать сокровище на Небеси, уготовить себе там великое утешение, делать добро тайно, а славу воспринять явно при всей твари, смиренномудрием охранять земное богатство и не выдавать его тщеславием в руки хищникам. Что для безопасного хранения денег кладовые, двери и запоры, то для добрых дел скромный образ мыслей, прикрывающий их и подкапывателям стен не подающий никакого случая к похищению. Добродетель сия и приобретенное сохраняет, и научает, как приобрести еще не приобретенное. Она учит за все благодарить Бога и в настоящих скорбях утешает ожиданием будущих благ. Она удерживает раздражительность, устремляющуюся на отмщение врагам, усмиряя ее, как хищного пса, скромным помыслом. Она известность и незнатность почитает равночестными с пребывающим всегда достоинством души, а не с брэнною ничтожностью, которая не надолго кажется торжествующею.

Она убеждает почитать мужа главою и владыкою, как научающая подчиненный член повиноваться во всем члену владычествующему. Ибо так и Создатель говорит Еве: *Той тобою обладати будет* (Быт. 3, 16); и Павел сказал: *Жена да боится мужа* (Еф. 5, 33). И убежденная в этом Сарра называла Авраама господином, почитая того, кого почитать повелел Законоположник. Она советует иметь попечение о слуге и обходиться с ним как с единоплеменником, и, кого владычество держит под игом службы, тому давать ослабу в труде побуждениями вести себя свободно, и боязливой всегда совести повелевает внушать умеренную отважность, чтобы не оставаться ей совершенно унылою и в бедственной доле своей не обвинять Бога, попустившего сие неравенство состояний.

Она внушает сострадательно помогать бедствующему в нищете и представляет его Богу совершенным в добродетелях, как царю представляют воина, не имеющего телесных недостатков. У производящих военный набор принимается во внимание телесный возраст и не вносится в список имеющий в чем-либо недостаток – так и Богом отвергается, конечно, тот, кто несовершен во всем надлежащем, пренебрежением о лепоте поругав благообразие прочих добрых дел. Почему должно равно стараться о всех добродетелях и одинаково все сохранять, если только положено в намерении украсить образ согласно с Первообразом, в полном свете осиять его Божественными дарованиями, а не гнусными чертами души, утрачивающей в себе лепоту.

Ибо, по слову Апостола, кто исполнил весь Закон, согрешил же во едином, *бысть всем повинен* (Иак. 2, 10), как и в прочем, что требуется Законом, естественно не достигший совершенства, в котором преуспеть потщимся во славу все и всем подающего Бога. Аминь. *Будите убо вы совершени*, – говорит Спаситель, – *якоже Отец ваш Небесный совершен есть* (Мф. 5, 48). Ему слава веки. Аминь.

Слово о молитве

Предисловие

Распаляемого пламенем нечистых страстей, обыкновенно прохлаждал ты меня прикосновением боголюбивых твоих писаний, утешал до крайности изнемогающий мой ум и блаженно подражал в этом великому наставнику и учителю. И не удивительно: часть твоя всегда была славна, как и благословенного Иакова; потому что, хорошо послужив за Рахиль и получив Лию, домогаешься иметь и возлюбленную, как и за нее исполнивший семилетие. А я (не отрекусь), потрудившись целую ночь, ничего не поймал; и только в твоём слове, опустив мрежу, уловил множество рыб. Не думаю, чтобы они были велики, однако же, их сто пятьдесят и три, и их-то при равночисленности глав, исполнив твое приказание, послал я к тебе в кошице любви.

Дивлюсь же тебе и крайне соревную превосходному твоему расположению, с каким возлюбил ты главы о молитве, ибо не просто желательно тебе иметь их под руками и видеть написанными чернилом на бумаге, но желаешь укоренить в уме любовь и непамятозлобием. Но поелику *вся сугуба, едино противу единаго* (Сир. 42, 25), по слову премудрого Иисуса, то прими их не в букве только, но и в духе и уразумей, что букве непременно предшествует мысль, а без сего не будет и буквы. Посему и вид молитвы двоякий: один – деятельный, другой – созерцательный. Так и в числе: представляющееся с первого взгляда есть количество, а означаемое сим – качество. Поэтому, слово о молитве разделив на сто пятьдесят три главы, послали мы тебе евангельский оброк, чтобы ты отыскал в нем приятность иносказательного числа; и очертание треугольника и шестиугольника, дающее видеть и благочестивое вЕдение Троицы, а вместе и описание сего устройства. Число сто само по себе четырехугольно, а число пятьдесят три – треугольно и сферично, потому что число двадцать восемь – треугольно, а число двадцать пять – сферично³⁷, ибо пятью

---

³⁷ Святой Нил число 153 делит на три числа – 100, 28, 25, которые в совокупности дают число 153, и называет число 100 четырехугольным, числа 28 и 153 треугольными, а число 25 сферическим. Числами четырехугольными называются все числа квадратные, потому что могут быть расположены в виде четырехугольника, например, квадратные числа 4, 9; первое в сем виде: , а второе в виде: ; так и число 100, если расположить в каждом из 10 рядов по 10 единиц, составит четырехугольник.

Посему общий вид чисел четырехугольных есть m^4m или m^2 , где m означает какое угодно естественное число. Если все числа, начиная от единицы, написать в естественном их порядке: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и т.д., а потом складывать вместе по 2, по 3, по 4 и т.д., то числа, от их сложения происшедшие, как-то: $1+2=3$, $1+2+3=6$, $1+2+3+4=10$ и т.д., называются треугольными, потому что могут быть расположены в виде треугольников: число 3, например, в виде , число 6 в виде .

Общий вид сих чисел изображается чрез $m(m+1)/2$, где m означает последнее число в порядке естественных чисел, которым окончено

пять есть двадцать пять³⁸. Поэтому имеет не только очертание четырехугольника в четверице добродетелей, но и мудрое вЕдение о сем веке, уподобляющемся числу двадцать пять, по сферичности времен; потому что идут седмица за седмицею, месяц за месяцем и год за годом, обращается время, и годовые перемены, как видим, следуют одна за другою по движению солнца, луны: весна, лето и т.д. Треугольник же означит для тебя вЕдение Святой Троицы; а еще: если чрез прибавление чисел дойдешь до числа сто пятьдесят три, которое также треугольно, то надлежит тебе разуместь вЕдение деятельное, естественное, богословское, или вЕдение веры, надежды, любви – золото, серебро, драгоценные камни.

Таково число; краткости же глав не презирай, как умеющий *и насыщаться и лишаться* (Флп. 4, 12) и верно памятующий о Том, Кто и две лепты вдовицы не отверг, но приял предпочтительно богатству многих других. Посему, зная плод благорасположения и любви, сохрани его искренним братьям твоим, внушив им помолиться о недугующем, чтобы стал он здоров и, взяв одр свой, начал ходить по благодати Христа, Истинного Бога нашего. Ему слава во веки веков! Аминь.

Слово о молитве, разделенное на 153 главы

(1). Если кто хочет приуготовить благовонный фимиам, то пусть, по закону, сложит по равной части *стакти, ониха и ливана чистаго* (Исх. 30, 34) кассии; это – четверица добродетелей. Если они полны и уравнены, не будет предан ум.

(2). Душа, очистившись полнотою добродетелей, приводит ум в невозмущаемое устройство, делая его удобоприемлемым к желаемому состоянию.

сложение. Так, положив $m=7$, получим треугольное число $7(7+1)/2=7 \cdot 8/2=7 \cdot 4=28$, а положив $m=17$, получим также треугольное число $17(17+1)/2=17 \cdot 18/2=17 \cdot 9=153$. Числа четырехугольные, которые, по найденному выше, суть квадратные и к которым принадлежит число $25=5 \cdot 5=5^2$, могут быть располагаемы и иным способом, а именно: взяв по порядку естественные числа: 1, 2, 3, 4...(m-1), m, каждое из сих чисел, начиная с m, располагай по окружностям, непрерывно уменьшающимся и наконец сливающимся в точку, в которой найдет себе место единица, и потом каждую из сих постепенно уменьшающихся окружностей накладывай одну на другую так, чтобы чрез сие образовалась поверхность полусферы. Общая сумма чисел, размещенных на сей полусферической поверхности, будет иметь, как очевидно, тот же общий вид, какой имело число треугольное, а именно $m(m+1)/2$, почему две таковые полусферические поверхности изобразятся чрез $m(m+1)/2+m(m+1)/2=m(m+1)=m^2+m$. Но как при взаимном сложении сих поверхностей равные окружности, на которых размещено было по m чисел, совпадут в одну, то явствует, что на целой сферической поверхности размещенных чисел будет только m^2+m-m или m^2 . Так, число $25=1+2+3+4+5+4+3+2+1$, $16=1+2+3+4+3+2+1$, $9=1+2+3+2+1$, $4=1+2+1$.

³⁸ Вместо: κεφάλαια должно читать: εἰκοσι πέντε.

(3). Молитва есть беседа ума с Богом. Посему: какое состояние нужно уму, чтобы иметь возможность³⁹ неподвижно предстоять пред своим Владыкой и беседовать с Ним без всякого посредника?

(4). Если Моисею, покусившемуся приблизиться к горящей на земле купине, воспрещено было сие, пока не снимет *сапоги от ног* (Исх. 3, 5), то как же тебе, желая узреть Того, Кто выше всякого понятия и чувства, и беседовать с Ним, не отрешить себя от всякого страстного помышления!

(5). Прежде всего молись о приобретении слез, чтобы плачем смягчить тебе ту грубость, какая есть в душе твоей, и, исповедав на себя *беззаконие Господеви* (ср.: Пс. 31, 5), получить от Него оставление грехов.

(6). Пользуйся слезами к успешности всякого твоего прошения, потому что Владыка с великою радостью приемлет молитву, принесенную в слезах.

(7). Если во время молитвы своей проливаешь потоки слез, то нимало не превозносись сам в себе, будто бы ты выше многих. Молитва твоя привлекла тебе помощь в том, чтобы мог ты усердно исповедывать грехи свои и умилоствовать Владыку слезами.

(8). Посему не обращай в страсть того, что служит средством от страстей, чтобы не прогневать еще более Даровавшего благодать. Многие, проливая слезы о грехах и забыв цель слез, обезумели и вышли из себя.

(9). Стой неутомимо, молись усиленно, избегай всякой мысли о заботах и житейских расчетах; они смущают и тревожат тебя, чтобы ослабить напряжение сил твоих.

(10). Когда демоны увидят в тебе расположение истинно помолиться, тогда влагают в тебя мысли о чем-нибудь даже нужном и вскоре потом оживляют памятование об этом, побуждая ум к разысканию; и он, не находя искомого, сильно печалится и унывает. Когда же станет человек на молитву, демоны напоминают ему о том, чего он доискивался и о чем помнил, чтобы ум, утомившись дознанием этого, утратил благоплодную молитву.

(11). Старайся ум свой на время молитвы соделать глухим и немым; и тогда сможешь молиться.

(12). Когда встретишь искушение или прекословие или будешь вызван на то, чтобы или, по причине сопротивления, возбудиться гневом к отмщению, или произнести какое-либо сильное слово, тогда вспомни о молитве и суде за нее, и тотчас остановится в тебе беспорядочное движение.

(13). Что ни сделаешь в отмщение брату, оскорбившему тебя, все это во время молитвы послужит тебе в соблазн.

(14). Молитва есть отпрыск кротости и негневливости.

(15). Молитва есть ограждение радости и благодарения.

(16). Молитва есть врачевство от печали и уныния.

(17). *Иди, продаждь имение твое и даждь нищим* (Мф. 19, 21) и, взяв крест, отвергнись себя (см.: Мф. 16, 24), чтобы можно тебе было молиться без развлеченя.

(18). Если хочешь молиться с похвалою, отвергайся себя ежечасно и всякие беды любомудренно терпи за молитву.

---

³⁹ Вместо: ἡσυχίαση по рукописи читается ιοχύση.

(19). Если, претерпевая что-либо тяжкое, пребудешь любомудрым, то плод сего обретешь во время молитвы.

(20). Желая молиться как должно, не печаль душу, иначе тщетен твой подвиг⁴⁰.

(21). Сказано: *Остави дар твой пред олтарем и шед прежде смирися с братом твоим* (Мф. 5, 24), и тогда будешь молиться безмятежно, потому что памятозлобие в молящемся потемняет владычественный ум и помрачает его молитву.

(22). Те, которые, обременив себя печалью и памятозлостью, думают приступить к молитве, подобны черпающим воду и вливающим ее в разбитую бочку.

(23). Если ты терпелив, то всегда будешь молиться с радостью.

(24). Когда молишься должным образом, может встретиться тебе нечто такое, за что, по мнению твоему, справедливо будет непременно поступить гневно. Но гнев на ближнего во всяком случае несправедлив. Ибо если разыщешь, то найдешь, что можно дело и без гнева устроить хорошо. Поэтому употребляй все средства не давать выказываться гневу.

(25). Смотри, чтобы, думая утешать другого, самому не остаться неисцельным и не положить препятствия молитве своей.

(26). Щадя других и не изъявляя им своего гнева, сам найдешь пощаду, в общем мнении покажешься благоразумным и будешь включен в число молящихся.

(27). Вооружаясь против гнева, не прекратишь еще в себе вождения, потому что оно дает пищу гневу, а гнев возмущает умное око, вредя молитвенному состоянию.

(28). Молись, не одними внешними телодвижениями выражая молитву, но с великим страхом обращай ум свой к сочувствию духовной молитвы.

(29). Иногда, внезапно став на молитву, будешь молиться хорошо, а иногда и много потрудившись не достигнешь цели, и сие для того, чтобы тебе еще паче взыскать и, приобретши, иметь уже ненарушимое преуспеяние.

(30). Когда приходит Ангел, мгновенно удаляются все тревожившие нас и ум бывает в полном упокоении, молясь здраво. А иногда не прекращается обычная брань, ум борется, и невозможно ему возвести взора, потому что предваряется различными страстями; впрочем, поискав более, найдет, и толкущему усильно будет отверсто.

(31). Молись не о том, чтобы исполнились твои желания, потому что оные не во всяком случае согласны с Божиею волею, но молись лучше, как научен, говоря: *Да будет воля Твоя* (Мф. 6, 10) во мне. Да и во всяком деле проси у Бога доброго и полезного душе, сам же ты не во всяком случае этого домогаешься.

(32). Молясь, просил я часто себе того, что мне казалось хорошим, и упорствовал в прошении, неразумно принуждая Божию волю и не предоставляя Богу устроить лучше, что Сам Он признает полезным, но, получив просимое, впоследствии крайне скорбел, зачем просил я, чтобы исполнилась лучше моя воля, потому что дело оказывалось для меня не таким, как думал я.

---

⁴⁰ Вместо: *τρέχεις* по рукописи читается: *προσεύχη*, т.е. *напрасна твоя молитва*.

(33). Есть ли иное какое благо, кроме Бога? Поэтому все, касающееся до нас, предоставим Ему, и нам будет хорошо, потому что Благий, без сомнения, есть Податель и благих даров.

(34). Не домогайся немедленно получить просимое, как бы приобретая это силою. Богу угодно, если долго пребудешь в молитве, оказать тебе большее благодеяние. А что выше сего: беседовать с Богом и быть привлекаемым в общение с Ним?

(35). Молитва есть восхождение ума к Богу.

(36). Если желаешь молиться, отрекись от всего, чтобы все наследовать.

(37). Молись, во-первых, об очищении от страстей, во-вторых, об избавлении от неведения и, в-третьих, о спасении от всякого искушения и оставления.

(38). В молитве проси только правды и царствия, то есть добродетели и вЕдения, и прочее все приложится тебе (ср.: Мф. 6, 33).

(39). Справедливо молиться не о собственном только своем очищении, но и об очищении всякого соплеменника, чтобы подражать в этом ангельскому нраву.

(40). Смотри, действительно ли Богу предстал ты во время молитвы своей, или преодолевало тебя желание людской похвалы и ее старался ты уловить, наружную молитву употребив как покров.

(41). Молишься ли с братиею или наедине, старайся молиться не по обычаю, но с чувством.

(42). Молитве обычно размышление с благоговением, сокрушением и душевною болью при исповедании грехопадений с безмолвными вздыханиями.

(43). Если ум твой во время молитвы засматривается на юность, то молится он не как монах, а как еще мирянин, украшая внешнюю скинию.

(44). Молясь, по мере сил охраняй свою память, чтобы не что-либо свое внушала тебе, но возбуждала тебя к разумному продолжению молитвы, потому что ум во время молитвы обыкновенно крайне окрадывается памятью.

(45). Память молящемуся приводит на мысль или представления о чем-либо давнем, или новые заботы, или лицо человека оскорбившего.

(46). Демон крайне завидует молящемуся человеку и употребляет все средства – затруднить его в исполнении намерения, поэтому не престаёт посредством памяти возбуждать мысли о разных вещах и посредством плоти приводить в движение все страсти, чтобы положить ему препоны в превосходном его шествии и преселении к Богу.

(47). Когда вселукавый демон многими усилиями не возможет воспрепятствовать молитве рачительного⁴¹, тогда дает ненадолго ослабу и потом отмщает на самом молившемся: или, воспламенив гневом, уничтожает то прекрасное состояние, какое достигнуто молитвою, или, возбудив к какому-либо неразумному наслаждению, наносит поругание уму.

(48). Помолившись как должно, ожидай, чего и не должно бы ожидать, и стой мужественно, охраняя плод свой, потому что от начала поставлен ты на то, чтобы *делати и хранити* (Быт. 2, 15). Поэтому,

---

⁴¹ Вместо: του σπουδαίου (*рачительного*) по рукописи читается: του δικάίου (*праведного*).

сделав, не оставляй неохраняемым того, над чем трудился; в противном случае, молясь, не получишь никакой пользы.

(49). Всякая брань, восстающая у нас с духами нечистыми, бывает не ради чего иного, как ради духовной молитвы; потому что молитва сия для них крайне неприязненна и весьма ненавистна, а для нас спасительна и весьма благоприятна.

(50). Для чего демонам хочется возбуждать в нас чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, памятозлобие и прочие страсти? Для того, чтобы ум, одевшись от них, не мог молиться как должно, потому что страсти, получив начало в бессловесной нашей части, не позволяют уму действовать словесно и вникать в Божие слово.

(51). Добродетели проходим мы по законам вещей сотворенных, а сии законы – по Закону первоначальному, их осуществившему; этот же Закон обыкновенно открывается в состоянии молитвенном.

(52). Молитвенное состояние есть бесстрастный навык, высочайшею любовью на мысленную высоту восхищающий любомудрый и духовный ум.

(53). Стремящийся к тому, чтобы молиться истинно, должен не только господствовать над раздражительностью и похотию, но не иметь и страстного помышления.

(54). Кто любит Бога, тот всегда беседует с Ним, как с Отцем, уклоняясь от всякого страстного помышления.

(55). Не всякий достигший бесстрастия молится уже истинно, потому что может он останавливаться на голых представлениях, развлекаться их рассмотрением и далеко отстоять от Бога.

(56). Когда ум и не останавливается долго на голых представлениях вещей, и тогда он не вступил еще в область молитвы, потому что может заниматься рассмотрением сих вещей и размышлять о законах их, а все сие (хотя и голые это слова, однако же как действительное представление вещей) дает уму свой образ и далеко отводит его от Бога.

(57). Если ум будет и выше исследований телесной природы, то не узрел он еще совершенного Божия местопребывания, потому что может быть в вЕдении мысленного и различно видоизменяться в отношении к сему вЕдению.

(58). Если хочешь молиться, то необходим для тебя Бог, Который дает молитву молящемуся, поэтому Его призывай, говоря: *Да святится имя Твое: да придет Царствие Твое* (Мф. 6, 9-10), то есть да придет Святой Дух и Единородный Сын Твой. Ибо так научил, говоря: *Духом и истиною достоин кланяться* (Ин. 4, 24) Богу, то есть Отцу; потому что Троица сия – Бог⁴².

(59). Кто молится *духом и истиною*, тот уже не в тварях чествует Создателя, но песнословит Его в Нем Самом.

(60). Если ты богослов, то будешь молиться истинно; и если истинно молиться будешь, то ты богослов.

(61). Когда ум твой, по великой любви к Богу, понемногу отрешается от плоти и отвращается от всяких помышлений, ведущих начало от вожделения, или памятования⁴³, или сопряжения с плотью,

---

⁴² По рукописи не читаются слова ἐπεὶ καὶ τὰ τρία Θεός.

⁴³ Сие слово дополнено по рукописи.

исполняясь вместе и благоговения, и радости, тогда заключай, что близок ты к пределам молитвы.

(62). Святой Дух, из сострадания к нашей немощи, посещает нас, хотя мы и нечисты, и, если находит ум наш правдолюбиво Ему молящимся, нисходит на него, и, побуждая его к делам духовной молитвы, уничтожает все окружающее его полчище помыслов или представлений.

(63). Прочие посредством телесных изменений производят в уме помыслы, представления и усмотрения, а Бог действует противным сему образом. Он нисходит в самый ум, влагает в него вЕдение, какое Ему угодно, и посредством ума усыпляет невоздержность тела.

(64). Кто любит истинную молитву и гневается или памятозлобствует, тот поврежден в уме, потому что уподобляется человеку, который хочет рассмотреть ясно и обращает туда и сюда глаза свои.

(65). Если желаешь молиться, то не делай ничего противного молитве, чтобы Бог приблизился и ходил вместе с тобою.

(66). Молясь, Божества не облакай в себе в образы и не позволяй, чтобы и ум твой принимал на себя какой-либо облик, но невещественным приступай к Невещественному, и придешь в единение.

(67). Остерегайся вражеских сетей, потому что иногда молишься ты чисто и невозмутимо – и вдруг предстанет тебе странный и чудный образ, который вводит тебя в самомнение предположением, что в образе сем видишь Божество, чтобы сим внезапным откровением убедить, будто бы Божество количественно, тогда как Оно не имеет ни количественности, ни очертания.

(68). Когда завистливый демон во время молитвы не возможет возбудить твою память, тогда принуждает телесное сложение произвести в уме какое-либо странное мечтание и, сообразно с оным, настроить ум, а он, по навыку слагать представления, удобно преклоняется и, стремясь к невещественному и не облакаемому в образы вЕдению, обманывается, вместо света удерживая у себя дым.

(69). Стой на страже своей, охраняя ум свой от помышлений, чтобы во время молитвы пребывать тебе в покое своем и чтобы Состраждущий к невЕдущим посетил и тебя; и тогда примешь преславный дар молитвы.

(70). Не возможешь молиться чисто, если связан ты делами вещественными и возмущен непрестанными заботами, потому что молитва есть отложение помышлений.

(71). Связанный не может бежать, и ум, раболепствующий страстям, не увидит области духовной молитвы, потому что увлекается и носится всюду страстным помышлением, а не стоит непоколебимо.

(72). Когда ум молится наконец чисто, неразвлеченно и истинно, тогда демоны приступают уже не с левой, но с правой стороны, представляют ему на вид Божию славу и какой-либо облик, приятный для чувства, так что уму кажется, будто бы он совершенно достиг цели молитвы. Но это, как сказал один чудный и вЕдущий муж, происходит от страсти тщеславия и от того, что демон прикасается к мозговому вместилищу и приводит в сотрясение кровеносные жилы.

(73). Думаю, что демон, прикасаясь к сказанному выше мозговому вместилищу, изменяет свет ума, как ему угодно, и таким образом

возбуждается страсть тщеславия в помысле, который решительно настраивает легкомысленный ум образовать в себе Божественное и существенное вЕдение. И таковой ум, не тревожимый плотскими и нечистыми страстями, но остающийся чистым, никак не предполагает в себе какого-либо вражеского действия, а потому заключает, что Божие это явление, тогда как оно произошло от демона, который посредством мозгового вместилища, по сказанному, изменяет сопряженный с ним свет ума и настраивает самый ум⁴⁴.

(74). Ангел Божий, представ, одним словом прекращает в нас вражеское действие и возбуждает свет ума к непогрешительной деятельности.

(75). Сказанное в Апокалипсисе об Ангеле, приносящем фимиам, *да даст молитвам святых* (Апок. 8, 3), думаю, указывает на сию благодать, подаваемую чрез Ангела, потому что сообщает вЕдение истинной молитвы, так что ум делается уже свободным от всякого волнения, уныния и нерадения.

(76). О фиалах, полных фимиама, говорится, что это суть *молитвы святых*, какие приносят *двадесять и четыре старцы* (Апок. 5, 8).

(77). Под фиалом же разуместь должно содружество с Богом или совершенную и духовную любовь, при которой молитва совершается *духом и истиною*.

(78). Когда представится тебе, что во время молитвы твоей нет тебе нужды проливать слезы за грех, тогда вникни, сколько ты удалился от Бога, в Котором всегда должен ты пребывать, и проливай горячие слезы.

(79). Да, познав меру свою, сладко восплачешь, подобно Исаии, именую себя *окаянным*, потому что, будучи нечист, и *нечисты устне имый*, и живя *посреде* таковых же *людей* (Ис. 6, 5), осмеливаешься предстоять пред лицом Господа Саваофа.

(80). Если будешь молиться истинно, то обретишь великую уверенность, и соберутся к тебе Ангелы, и озарят светом законы того, что происходит.

(81). Знай, что святые Ангелы побуждают нас к молитве и стоят с нами, вместе и радуясь, и молясь о нас. Поэтому если вознерадим и примем в себя противные помыслы, то мы крайне оскорбим их тем, что они столько за нас подвизаются, а мы и за себя не хотим молить Бога, но, пренебрегая их служение и оставляя их Бога и Владыку, входим в общение с нечистыми демонами.

(82). Молись благодушно и несмущенно и пой разумно и стройно, и будешь как орлий птенец, парящий в высоту.

(83). Псалмопение усыпляет страсти и заставляет утихнуть телесную невоздержность, а молитва приуготовляет ум к тому, чтобы приводить ему в действие свою деятельность.

(84). Молитва есть действие, приличное достоинству ума, или лучшее и чистое его употребление⁴⁵.

(85). Псалмопение есть образ многообразной мудрости, а молитва есть начаток невещественного и многообразного вЕдения.

---

⁴⁴ По рукописи читается: διὰ ἐγκεφάλου τό συνεζευγμένον φως άλλοιουντος καί μορφουντος и прочее.

⁴⁵ Вместо: κρίσις по рукописи читается: χρησις.

(86). ВЕдение весьма прекрасно, потому что оно содействует молитве, мысленную силу ума пробуждая к созерцанию Божественного вЕдения.

(87). Если не приял еще ты дара молитвы или псалмопения, то жди неутомимо, и примешь.

(88). *Глаголаше же и притчу к ним, како подобает всегда молиться и не стужати (си)* (Лк. 18, 1). Поэтому не стужай и не унывай, как неприавший еще, потому что примешь впоследствии. В притче присовокупил Господь и сие: *Аще и Бога не боюся и человек не срамляюся: но зане творит ми труды жена сия, отмщу ея* (Лк. 18, 4-5). Поэтому и Бог сотворит также *отмщение вопиющих к Нему день и ночь вскоре* (Лк. 18, 7-8). И ты благодушествуй, с трудолюбивым терпением пребывая в святой молитве.

(89). Желай, чтобы дела твои устроились не как тебе представляется, но как угодно сие Богу, и будешь несмущен и благодарен в молитве своей.

(90). Хотя кажется тебе, что ты уже с Богом, однако же остерегайся демона блуда, потому что он великий обманщик, весьма завистлив, хочет быть деятельнее движения и трезвенности ума твоего и отвлечь его от Бога, даже когда предстоит он Богу с благоговением и страхом.

(91). Если радеешь о молитве, то готовься к нападениям демонов и терпеливо переноси от них удары, потому что, как дикие звери, будут наступать на тебя и терзать все тело твое.

(92). Как опытный боец, будь готов, увидишь ли внезапно мечтание, не колебаться, или – извлеченный на тебя меч или пламенный, держимый у тебя перед лицом, не смущаться, или – какой-нибудь неприятный и окровавленный образ, нимало не упадать духом, но стой, исповедуя доброе свое исповедание, и спокойно будешь смотреть на врагов своих.

(93). Кто переносит печальное, тот сподобится и радостного; и кто терпит неприятности, тот не будет лишен и приятного.

(94). Смотри, чтобы лукавые демоны не обманули тебя каким-либо видением, но, обратясь к молитве, будь благоразумен и моли Бога, чтобы, если мысль от Него, Сам просветил тебя, а если не от Него, скорее отогнал от тебя обольщение. И будь благонадежен – псы не устоят, если ты пламенно занят собеседованием с Богом, ибо тотчас, невидимо и неприметно поражаемые Божию силою, далеко будут прогнаны от тебя.

(95). СтОит твоего внимания знать и эту хитрость: демоны на время действуют друг против друга; и, если вздумаешь просить себе помощи, прочие демоны входят к тебе в ангельском образе, изгоняя вошедших прежде, чтобы обмануть тебя тою мыслию, что это святые Ангелы.

(96). Имей попечение о великом смиренномудрии, и поругание демонское да не коснется души твоей, *рана не приблизится селению твоему, яко Ангелом своим заповесть сохранить тя* (Пс. 90, 10-11), и неприметно отгонят от тебя всю сопротивную силу.

(97). Кто имеет попечение о чистой молитве, тот слышит от демонов и шум, и стук, и голоса, и ругательства, но не падет и не выдаст им помысла, говоря Богу: *Не убоюся зла, яко Ты со мною еси* (Пс. 22, 4), и тому подобное.

(98). Во время таковых искушений употребляй краткую и усиленную молитву.

(99). Если демоны будут угрожать тебе, что явятся внезапно в воздухе, поразят и расхитят ум твой или, как звери, будут терзать тело твое, не бойся их и нимало не заботься об угрозе их, потому что устрашают тебя, искушая, обратишь ли на них полное внимание или совершенно пренебрежешь их.

(100). Если Богу Вседержителю, Творцу и Промыслителю всех, предстал ты в молитве⁴⁶, то почему же предстоял Ему так неразумно, что ничем не превышаемый Божий страх не остановил твоего внимания, а убоялся ты мух и комаров? Или не слышишь Того, Кто говорит: *Господа Бога твоего да убоишися* (Втор. 10, 20); и еще: *Егоже вся боятся, и трепещут от лица силы* Его и так далее (см.: 2 Пар. 36, молитва Манассии)?

(101). Как хлеб служит пищею телу, а добродетель душе, так духовная молитва есть пища ума.

(102). Не как фарисей, но как мытарь молись в священном месте молитвы, чтобы и тебе быть оправданным от Господа.

(103). Старайся никому не просить в молитве зла, чтобы создаваемого тобою не разрушать тебе, делая молитву свою мерзкою.

(104). Задолжавший *тмою талант* (Мф. 18, 24) да научит тебя, что если не простишь должнику долга, то и сам не получишь прощения, ибо сказано: *Предаде его мучителем* (Мф. 18, 34).

(105). Когда стоишь на молитве, отложи в сторону телесные нужды, чтобы укус комара или мухи не лишил тебя величайшего приобретения, доставляемого тебе молитвою.

(106). Сказывали нам, что одному святому, когда он становился на молитву, столько противоборствовал лукавый, что едва воздевает он руки, как демон преображается во льва, поднимает вверх передние ноги, вонзает когти свои в бока подвижнику и не оставляет его, пока не опустит он рук. Но молящийся до тех пор не опускал рук, пока не совершал обычных молитв.

(107). Таков, как известно нам, был безмолвствовавший во рву Иоанн Малый, или, лучше сказать, величайший из монахов, который неподвижным пребыл в соприсутствии Божиим, когда демон в виде дракона обвился вокруг него, пожирал плоть его и изблевывал ему в лицо.

(108). Без сомнения, читал ты жития тавеннисiotских иноков, где говорится, что, когда авва⁴⁷ говорил слово братиям, к ногам его приползли две ехидны, а он, нимало не смущаясь, изогнул ступни как бы сводом, пустил под них ехидн, продолжил слово до конца и тогда уже, показав их братиям, рассказал об этом.

(109). Еще о другом духовном брате читали мы, что, когда он молился, приползла ехидна и коснулась ноги его, и он не прежде опустил руки, как совершив обычную молитву, и никакого вреда не потерпел сей возлюбивший Бога паче себя.

(110). Да не возносится ввысь око твое во время молитвы твоей и, отвергшись плоти и души своей, живи умом.

---

⁴⁶ Сие место исправлено по рукописи.

⁴⁷ По рукописи читается *авва Феодор*.

(111). Другому святому мужу, безмолвствовавшему в пустыне, когда он прилежно молился, явились демоны и в продолжение двух недель играли им как мячом, бросали вверх и подхватывали на рогожу, однако же никак не могли отвлечь ум его от пламенной молитвы.

(112). Иному еще боголюбцу, когда, ходя по пустыне, приуготовлялся он к молитве, явились два Ангела и, став по сторонам, пошли с ним рядом, но он вовсе не обратил на них внимания, чтобы не утратить лучшего, ибо помнил апостольское изречение, в котором сказано: *Ни Ангели, ни Начала, ниже Силы* возмогут нас *разлучити от любви* Христовы (Рим. 8, 38-39).

(113). Монах посредством истинной молитвы делается равноангельным.

(114). Желая узреть лице Отца Небесного, никак не домогайся того, чтобы во время молитвы увидеть тебе образ или облик.

(115). Не желай чувственно видеть Ангелов, или Силы, или Христа, чтобы не впасть в совершенное умопомешательство, приняв за пастыря волка и поклонившись враждебным демонам.

(116). Начало заблуждения – тщеславие ума. Движимый тщеславием ум покушается Божество описать каким-либо обликом и какими-либо очертаниями.

(117). Скажу это мое слово, какое говаривал и младшим. Блажен ум, который во время молитвы приобрел совершенное отрешение от всяких образов.

(118). Блажен ум, который, молясь без развлечения, восприимлет непрестанно большую и большую любовь к Богу.

(119). Блажен ум, который во время молитвы делается невещественным и нестяжательным.

(120). Блажен ум, который во время молитвы приобрел совершенную нечувствительность.

(121). Блажен монах, который признает себя отречиим всех.

(122). Блажен монах, который со всею радостью взирает на спасение и преуспеяние всякого как на свое собственное.

(123). Блажен монах, который всякого человека почитает как бы Богом после Бога.

(124). Тот монах, кто от всех отлучен и со всеми в согласии.

(125). Тот монах, кто себя ставит наряду со всяким, потому что во всяком непрестанно думает видеть себя самого.

(126). Тот совершает молитву, кто всегда каждую первую мысль свою плодотворит Богу.

(127). Всякой лжи и всякой клятвы избегай, как монах и желающий молиться, иначе напрасно принимаешь на себя несвойственный тебе вид.

(128). Если хочешь молиться духом, ничего не заимствуй от плоти, и не будет облака, предшествующего тебе во время молитвы.

(129). Богу вверяй потребность телесную, и не усумнишься, вверяя Ему потребность духовную.

(130). Если сподобишься приять обетования, то будешь царствовать; посему, взирая на оные, охотно будешь переносить настоящую нищету.

(131). Не отказывайся от нищеты и скорби – этой пищи для молитвы нетягостной.

(132). Телесные добродетели пусть сходятся у тебя с душевными, а душевные с духовными, последние же с невещественным вЕдением.

(133). Молясь, замечай в рассуждении помыслов, если без труда они утихнут, отчего произошло это, чтобы не попасться в сеть и в заблуждении не выдать себя врагам.

(134). Иногда демоны внушают тебе помыслы, и снова побуждают тебя молиться об их одолении или прекословить им, и добровольно отступают от тебя, чтобы, обольстившись, подумал ты, что начал препобеждать помыслы и устрашать демонов.

(135). В молитве о преодолении страсти или демона, тревожащих тебя, вспомни того, кто говорит: *Пожену враги моя, и постигну я, и не возвращуся, дондеже скончаются: оскорблю их, и не возмогут стати, падут под ногама моима* (Пс. 17, 38 и 39) и так далее, но скажи сие благовременно, вооружаясь на противников смиренномудрием.

(136). Не думай, что приобрел ты добродетель, если прежде не боролся за нее до крови, ибо, по слову божественного Апостола, должно до смерти стоять *противу греха* (Евр. 12, 4) подвижнически и неукоризненно.

(137). Если сделаешь одному пользу, то потерпишь вред от другого, чтобы, понесши обиду, сказал⁴⁸ или сделал ты что-либо несообразное и худо расточил, что хорошо тобою собрано. В этом и состоит цель лукавых демонов. Потому должно тебе быть разумно внимательным.

(138). Ожидай демонских на тебя устремлений, заботясь о том, как не впасть к ним в рабство.

(139). Ночью демоны сами домогаются смущать духовного учителя, а днем через людей окружают его бедами, клеветами и опасностями.

(140). Не отказывайся терпеть от этих сукновалов: если они, попирая ногами, бьют и, растягивая, терзают, то чрез это чувство твое делается светлее.

(141). Пока не отречешься от страстей и ум твой противится добродетели и истине, до тех пор не найдешь благовонного фимиама в недре своем.

(142). Желаешь ли молиться? Переселившись от всего здешнего, всегда жительствоуй на Небесах, не голым только словом, но ангельскими деяниями и Божественным вЕдением.

(143). Если только при безуспешности воспоминаешь о Судии, сколько Он страшен и нелицеприятен, то не научился ты еще *работать Господеви со страхом, и радоваться Ему со трепетом* (ср.: Пс. 2, 11). Ибо знай, что во время духовных отдохновений и пиршеств наипаче должно служить Ему с благоговением и чествованием.

(144). Благоразумен тот, кто прежде совершенного покаяния дает в себе место скорбному памятованию о грехах своих и об осуждении на вечный огонь в наказание за них.

(145). Кто пребывает во грехах и в раздражительном состоянии и без стыда осмеливается простираться к вЕдению Божественного или восходить до невещественной молитвы, тот да подвергнется апостольскому запрещению, потому что небезопасно ему молиться с обнаженной и непокровенною главою, ибо Апостол говорит: *Должна есть таковая власть имети на главе предстоящих Ангел ради* (1 Кор. 11, 10), то есть должна облечься стыдом и надлежащим смиренномудрием.

---

⁴⁸ Вместо: εἰκῆς по рукописи читается: εἰπής.

(146). Как больному глазами не принесет пользы в самый полдень и при сильном свете долгое и напряженное смотрение на солнце, так уму страстному и нечистому вовсе не доставит пользы изображение страшной и высокой молитвы *духом и истиною*, а напротив того, возбудит Божий на него гнев.

(147). Если пришедшего к алтарю с даром не принял Неимеющий ни в чем нужды и Нелицеприятный, пока не примирился он со скорбевшим на него ближним (см.: Мф. 5, 23), то смотри, сколько потребно осторожности и рассудительности, чтобы принести Богу благоприятный фимиам на алтаре мысленном.

(148). Не будь словоохотен и славолюбив; в противном случае не только *на хребте* твоём, но и на лице твоём будут *делать грешницы* (ср.: Пс. 128, 3), и во время молитвы послужишь для них посмешищем, увлекаемый и уловляемый странными помыслами.

(149). Внимательность, ищущая молитвы, обретает молитву, потому что молитва, как и прочее, следует за внимательностию, о которой и должно стараться.

(150). Как всех чувств лучше зрение, так всех добродетелей Божественнее молитва.

(151). Похвала молитвы – не одно ее количество, но и качество: сие дают видеть и восходившие *во святилище* (Деян. 3, 1), и сказанное: *Молящиеся не лишше глаголите* (Мф. 6, 7) и так далее.

(152). Пока обращаешь внимание на соразмерность тела и ум твой любит украшения скинии, не зрел ты до тех пор еще области молитвы, но далек от тебя блаженный путь ее.

(153). Когда, стоя на молитве, ощущаешь радость, которая выше всякой другой радости, тогда действительно обрел ты молитву.

О восьми лукавых духах

О чревоугодии

Глава 1. Начало плодоносия – цвет, и начало деятельности – воздержание. Владеющий чревом умалляет силу страстей, а преодолеваемый желанием снедей увеличивает силу сластолюбия. Начало язычников – Амалик, и начало страстей – чревоугодие. Пища огню – дрова, а пища чреву – снеди. От множества дров возгорается великий пламень, а множество снедей питает похоть. Пламень ослабевает с оскудением горючего вещества, а скудость снедей приводит в бессилие похоть. Кто овладел челюстью, тот избил иноплеменников и без труда разрешил узы на руках своих (см.: Суд. 15, 14). *Избиение челюстное* (Суд. 15, 17) произвело источник воды, и доведенное до бездействия чревоугодие породило деятельное созерцание. *Кол кушный* (Суд. 4, 21), пронзив челюсть, умертвил врага, а слово воздержания умертвило страсть.

Пожелание снеди породило преслушание, а усладительное вкушение изринуло из рая. Многоценные снеди услаждают гортань, но

питают и неусыпающего червя невоздержания. Отощавшее чрево приуготовляет к тому, чтобы бодрствовать в молитве, а пресыщенное наводит глубокий сон. Трезвенны мысли при сухоядении, а жизнь роскошная погружает ум в глубину. Молитва постника – воспаряющий орлий птенец, а молитва упивающегося, отягчаемая пресыщением, увлекается вниз. Ум постника – светлая звезда на чистом небе, а ум упивающегося – в затмении среди безлунной ночи. Туман скрывает солнечные лучи, а грубые испарения вкушенных снедей омрачают ум.

Глава 2. Замазанное зеркало не передает вполне отобразившегося в нем образа, и сила мышления, притупленная пресыщением, не приемлет в себя вЕдения Божия. Невозделываемая долго земля порождает терния, и ум чревоугодника произращает срамные помыслы. Невозможно найти аромат в гною, и в чревоугоднике – благоуханий созерцания. Око чревоугодника высматривает, где пиршества, а око воздержного – где собрания мудрых. Душа чревоугодника вычисляет дни памяти мучеников, а душа воздержного подражает их жизни. Боязливый воин трепещет от звука трубы, возвещающей битву, а чревоугодник – от проповеди о воздержании. Чревоугодливый монах – данник своего чрева и под бичом выплачивает ежедневный налог. Торопливый путник скоро достигнет города, и воздержный монах – умиренного состояния. Медлительный путник останавливается на ночлег в пустыне под открытым небом, и монах-чревоугодник не придет в дом бесстрастия. Курение фимиама благоуханием наполняет воздух, и молитва воздержного – Божие обоняние.

Если предашься пожеланию снедей, то ничего не будет достаточно к удовлетворению сластолюбия, потому что желание снедей есть огонь, всегда приемлющий горючее вещество и всегда пламенеющий. Достаточная мера наполняет сосуд, а чрево и расседшись не скажет: «Довольно!» Воздеяние рук обратило в бегство Амалика, и возвышенные деяния покоряют плотские страсти.

Глава 3. Истребляй в себе все, что дает дыхание пороку, и с силою умерщвляй плотские члены свои. Как убитый враг не внушает тебе страха, так умерщвленное тело не возмутит твоей души. Мертвое тело не чувствует боли от огня, и воздержный – удовольствия от омертвевшей похоти. Если поразишь египтянина, то скрой его в песке и, по случаю преодоления страсти, не утучняй тела. Ибо как сокрытое в тучной земле дает росток, так в утучненном теле расцветает страсть. Потухающий пламень от вложенных в него сухих сучьев снова делается ярким, и угасшее сластолюбие воспламеняется от пресыщения снедами. Не жалей тела, жалующегося на бессилие, и не утучняй его дорогими снедами.

Если придет оно в силу, то восстанет на тебя и поведет с тобой непримиримую брань, пока не пленит твою душу и не предаст тебя в рабы страсти блуда. Скучно питаемое тело – обузданный конь и никогда не сбросит с себя всадника, потому что конь, стянутый уздой, уступает и повинуется руке возницы, а тело укрощается голодом и бдением и тогда не рвется из рук восседающего на нем помысла, не ржет, движимое страстным устремлением.

О блуде

Глава 4. Воздержанием порождается целомудрие, чревоугодие же мать невоздержности. Елей питает пламень светильника, а обращение с женщинами возжигает огнище сластолюбия. Напором волн обуреваются ненагруженный корабль, а блудным помыслом – невоздержный ум. Блуд возьмет в помощь себе пресыщение, потому что разойдется с умом, станет заодно с противниками и до конца будет сражаться вместе с врагами. Кто любит безмолвие, тот пребывает неуязвлен стрелами врага, а кто вмешивается в толпу, тот часто получает раны. Воззрение на женщину – ядовитая стрела, уязвляет душу, вливает в нее яд и, чем продолжительнее, тем большее производит загноение. Кто охраняет себя от этих стрел, тот не ходит на народные собрания, не предается рассеянию на празднествах.

Ибо лучше спокойно оставаться дома и пребывать в молитвах, нежели, думая почтить праздник, сделаться скорою добычей врагов. Избегай свидания с женщинами, если хочешь быть целомудренным, и не давай им свободы когда-либо доверяться тебе. Ибо вначале или действительно имеют, или лицемерно оказывают уважение, а впоследствии бесстыдно отваживаются на все; при первом свидании поникают они взором долу, говорят кротко, с состраданием проливают слезы, бывают пристойно одеты, горестно воздыхают, предлагают вопросы о чистоте и со тщанием слушают. Видишь их во второй раз, и взор их поднят несколько выше, а в третий – смотрят уже бесстыдно улыбаясь, даже разливаются громким смехом; наконец, приходят нарядные, ясно выказываются пред тобою, такой вид дают взгляду, который возвещает страсть, поднимают брови, не оставляют в покое ресниц, обнажают выю, во всем теле обнаруживают негу, произносят слова, ласкающие страсть, самым выговором стараются обольстить слух, пока всеми силами не оцепят душу.

И делается это для тебя удою, уловляющею в смерть, хитросплетенною сетью, влекущею в погибель. Да не введут же тебя в обман скромными речами, потому что в них сокрыт вредоносный звериный яд!

Глава 5. Подойди лучше к горящему огню, нежели к юной женщине, когда и сам ты юн, потому что, приблизившись к огню и почувствовав боль, тотчас отскочишь прочь, а развежась от женских речей, не вдруг отойдешь. Разрастается трава, растущая при воде, и страсть непотребства – в сообществе с женщинами. Кто наполняет чрево и обещается быть целомудренным, тот подобен утверждающему, что остановит силу огня, пополающего солому.

Как невозможно удержать стремительность огня, разливающегося по соломе, так невозможно остановить стремление к непотребству, воспламеняемое при пресыщении. Столп поддерживается основанием, и страсть блудная упокоевается пресыщением. Обуреваемый корабль поспешает в пристань, и целомудренная душа ищет пустыни. Корабль убегает от морских волн, угрожающих опасностью, а душа – от женских лиц, причиняющих гибель. Вид нарядной женщины потопляет хуже волны. Из волн по любви к жизни можно еще выплыть, а обольстительный вид женщины убеждает пренебречь и самую жизнь. Пустынный куст безвредно избегает огненного пламени, и

целомудренный вдали от женщин не воспламеняется страстию непотребства. Как воспоминание об огне не сожигает мысли, так и страсть не имеет силы, когда нет для нее пищи.

Глава 6. Если помилуешь неприятеля, то будет у тебя враг, и если пощадишь страсть, то восстанет на тебя. Воззрение на женщину невоздержного возбуждает к сластолюбию, а целомудренного располагает к прославлению Бога. Если страсть при свиданиях с женщинами будет оставаться в покое, не верь обещаемому ею бесстрастию. Ибо и пес, окруженный толпою, машет хвостом, а вышедши из толпы, показывает свойственную ему злость. Когда воспоминание о женщине делается бесстрастным, тогда заключай, что вступил ты в пределы целомудрия. А когда представляемый тобою образ ее побуждает к лицезнению и стрелы ее касаются души твоей, тогда думай о себе, что ты еще вне добродетели. Но и в первом случае не останавливайся на таковых помыслах и мысленно не беседуй долго с женским образом, потому что страсть любит возвращаться назад и опасность к ней близка.

Как соразмерное плавление очищает серебро, а продолженное сверх меры производит в нем утрату, так целомудренный навык портит долговременное представление в мыслях женщины. Недолго беседуй с явившимся тебе лицом, чтобы не зажгло в тебе пламени сластолюбия и не запалило гумна души твоей. Как долго остававшаяся в соломе искра производит воспламенение, так продолжительное памятование о женщине возжигает похоть.

О сребролюбии

Глава 7. Сребролюбие – корень всех зол: как худые ветви, питает оно прочие страсти и не дает засыхать тому, что от него процвело. Кто хочет истребить страсти, тот пусть исторгает корень, а пока остается сребролюбие, не сделаешь себе пользы, отсекая ветви, потому что, если и будут отсечены, скоро опять вырастут. Многостяжательный монах – перенагруженный корабль, и легко потопляемый в мятущихся от бури волнах. Как кораблю, в котором открылась течь, прибавляет опасности каждая волна, так многостяжательный больше и больше утопает в заботах. Монах нестяжательный – непричудливый путник, который на всяком месте находит себе пристанище. Монах нестяжательный – высокопарящий орел: тогда только опускается вниз за пищу, когда вынуждает потребность. Таковой выше всякого искушения, смеется над всем настоящим, подымается ввысь, удаляется от всего земного, небожительствует с горными, потому что легки у него крылья, не обременены заботами. Пришла скорбь – и без печали оставляет он место; настигла смерть – благодушно преселяется отселе, потому что никакими земными узами не связал душу.

А многостяжательный связан попечениями и, как пес, привязан цепью: если принужден переселиться, несет с собою тяжкое бремя и бесполезную скорбь – воспоминание об имуществе; уязвляет его печаль, и сильно мучится он в мыслях. Оставил он имущество? Терзает его печаль! Если пришла смерть к нему, с жалостию оставляет настоящее, отдает душу – и глаз не отводит от того, что имеет у себя;

насиленно влекут его, как беглого раба; разлучается с телом, но не разлучается с именем; сильнее влекущих удерживает его страсть.

Глава 8. Море не наполняется, принимая в себя множество рек, и пожелание сребролюбца не удовлетворяется тем, что у него собрано денег; удвоил он это, и желает сделать еще вдвое большим, и никогда не перестает удвоять, пока смерть не прекратит сего бесполезного рачения. Монах благоразумный будет иметь в виду только потребность тела и оскудению чрева удовлетворит хлебом и водой, не употребит ласкательств пред богатыми, чтобы доставить удовольствие чреву, не поработит свободного ума многим властелинам, потому что достаточно одних рук, чтобы услужить телу и во всем удовлетворить естественной необходимости. Нестяжательный монах – не дающийся в руки борец и легкий скороход, скоро достигающий *к почести вышнего звания* (Флп. 3, 14).

Монах многостяжательный радуется многим доходам, а нестяжательный – венцам за преуспеяние. Монах сребролюбивый усилен в работах, а нестяжательный проводит время в молитвах и чтении. Монах сребролюбивый наполняет сокровищницы золотом, а нестяжательный собирает *сокровище на Небеси* (Мф. 6, 20). Проклят, кто делает идола и полагает его *в сокровении* (Втор. 27, 15), а также, кто имеет страсть сребролюбия: тот кланяется бесполезному слитку, а этот мечтание о богатстве носит вместо кумира.

О гневе

Глава 9. Гнев – неистовая страсть, легко выводит из себя даже имеющих вЕдение, зверскою делает душу, заставляет уклоняться от всякого общения. Сильный ветер не колеблет столпа, и душу негневливую не увлечет раздражение. Вода приводится в движение стремительностию ветров, и раздражительный возмущается безрассудными помыслами. Гневливый монах – вебрь пустынный⁴⁹: увидел кого-нибудь – и точит зубы. Распространившийся туман сгущает воздух, возбужденная раздражительность делает грубым разум гневливого. Набежавшее облако омрачает солнце, а помысл памятозlobия – ум. Лев, запертый в зверинец, ни на минуту не оставляет в покое дверных крюков, а раздражительный в келье – гневливых помыслов. Приятное зрелище – спокойное море, но не так приятно, как мирное состояние духа. В тихом море плавают дельфины, а при мирном состоянии духа возникают боголепные помышления.

Долготерпеливый монах – тихий источник, всем доставляющий приятное питье, а разум гневливого всегда возмущен и не дает воды жаждущему; если же и дает, то мутную и негодную. У раздражительного глаза мутны и налиты кровью, возвещают возмущенное сердце, а лицо долготерпеливого спокойно, глаза приятны и смотрят прямо.

Глава 10. Кротость мужа поминается у Бога (см.: Пс. 131, 1), и душа негневливая делается храмом Святаго Духа. Христос приклоняет главу в долготерпеливом духе, и умиранный разум делается обителю Святой Троицы. Лисицы живут в душе злопамятной, и логовищем

⁴⁹ Слова *οὐάυρος ἐρημικός* дополнены по рукописи.

зверей служит сердце смятенное. Честный муж избегает гнусного пристанища, и Бог – злопамятного сердца. Упадший камень возмущает воду, и худое слово – сердце мужа.

Удали гневливые помыслы из души твоей и раздражение да не водворяется в сердце твоём, чтобы не возмущаться тебе во время молитвы. Как дым от тлеющей соломы беспокоит глаза, так и памятозлобие – ум во время молитвы. Помыслы раздраженного – ехиднины порождения, пожирают породившее их сердце. Молитва раздраженного – мерзостное курение, псалмопение гневного – неприятный звук, дар злопамятного – червивая жертва, и да не приближается к очистительным алтарям. Возмущающие сны видит раздраженный, и нападения зверей мечтаются гневливым. Муж долготерпеливый видит в видении соборы святых Ангелов, и непамятозловивый упражняется в духовных словесах, ночью приемлет разрешения таин.

О печали

Глава 11. Опечаленный монах не знает духовного наслаждения, печаль же есть унылость души и бывает следствием гневных помыслов. Раздражительность есть пожелание отмщения, и неуспех в отмщении порождает печаль. Печаль есть львиная пасть и легко поглощает опечаленного. Печаль есть червь в сердце и пожирает родившую его мать. Мучится мать, рождая чадо, а когда родит, освобождается от мук; но печаль, рождаясь, возбуждает великую боль и, оставаясь после болезней рождения, причиняет немалую болезнь. Опечаленный монах не знает духовной радости, как вкуса в меду – страждущий сильною горячкою. Опечаленный монах не подвигнет ума к созерцанию и никогда не восшлет⁵⁰ чистой молитвы, потому что печаль – препятствие всему доброму.

Узы на ногах – препятствие скорому шествию, а печаль – препятствие созерцанию. Пленника варвары оковывают железом, а пленника страстей связывает печаль. Не усиливается печаль, когда нет других страстей, как и узы не вяжут, когда нет связующих. Кто связан печалию, тот побежден страстями, и в обличие своего поражения носит узы, потому что печаль бывает следствием неудачи в плотском пожелании, а пожелание сопрягается со всякою страстию. Кто победил пожелание, тот победил страсть, а кто победил страсти, тем не овладеет печаль. Не печалится воздержный, что не удались снеди, и целомудренный, что не успел в задуманном неразумно непотребстве, и негневливый, что не возмог отмстить, и смиренномудренный, что лишен человеческой почести, и несребролюбец, что потерпел утрату. Они с силою отклонили от себя пожелание всего этого, потому что как одетого в броню не пронзает стрела, так бесстрастного не уязвляет печаль.

Глава 12. Воину доставляет безопасность щит, и городу – стена, но более щита и стены доставляет безопасность монаху бесстрастие. Ибо щит пробивает стремительно летящая стрела, и стена разоряется множеством воителей, а бесстрастия не преодолеет печаль.

---

⁵⁰ Вместо: ἀναπέμψει по рукописи читается: ἀναπέμψαι ποτέ.

Овладевший страстями овладел и печалию, а побежденный сластолюбием не избежит ее уз. Кто часто печалится и приписывает себе бесстрастие, тот подобен больному, притворяющемуся здоровым. Как больной виден по цвету лица, так страстного изобличает печаль. Кто любит мир, тот много будет печалиться. А кто небрежет о том, что в мире, тот всегда будет веселиться.

Сребролюбец, понесши утрату, горько будет печалиться; а пренебрегающий деньги будет беспечален. Славолюбивый опечалится, когда потерпит бесчестие, а смиренномудрый примет его как совоспитанника. Плави́льная печь очищает недобротное серебро, и печаль по Богу – сердце, погрязшее во грехах. Частое плавление убавляет свинец, и мирская печаль умаляет разум. Темнота уменьшает деятельную силу глаз, и печаль расслабляет созерцательный ум. В глубину воды не проходит солнечный свет, и сердца в печали не озаряет созерцание света. Всякому человеку приятен солнечный восход, но и им не услаждается печальная душа. Болезнь желтуха отнимает ощущение вкуса, и печаль отъемлет чувство у души. Но кто пренебрегает мирские удовольствия, того не тревожат печальные помыслы.

Об унынии

Глава 13. Уныние есть изнеможение души, а душа в изнеможении не имеет того, что ей естественно, и не выдерживает мужественно искушений. Что пища для здорового тела, то искушение для мужественной души. Северный ветер питает произрастения, а искушения подкрепляют душевную твердость. Безводное облако уносится ветром, а не имеющий терпения ум – духом уныния. Весенняя роса прибавляет роста полевому плоду, а духовное слово возвышает состояние души. Дух⁵¹ уныния гонит монаха из дому его, а кто имеет терпение, тот всегда пребывает на безмолвии. Предавшийся унынию выставляет в предлог посещение больных, удовлетворяет же собственному своему намерению. Монах в унынии скор на служение и удовлетворение себе самому вменяет в заповедь. Легкий ветерок наклоняет слабое растение, и мысль о странствовании увлекает предавшегося унынию.

Хорошо утвердившееся дерево не колеблется от усилия ветров, и уныние не преклоняет окрепшие души. Бродящий монах – сухой пустынный сук: немного времени побудет на безмолвии и снова нехотя несется дальше. Переносимое с места на место растение не приносит плода, и бродящий монах не приносит плода добродетели. Больной не довольствуется одною пищею, и монах в унынии – одним делом. Сластолюбцу не довольно будет одной жены, и монаху в унынии недостаточно будет одной келлии.

Глава 14. Глаз преданного унынию непрестанно устремлен на двери, и мысль его мечтает о посетителях. Скрипнула дверь – и он вскакивает; слышался голос – и он выглядывает в окно, не отходит от него, пока не оцепенеет сидя. Преданный унынию, читая, часто зеваet и скоро склоняется ко сну, потирает лицо, вытягивает руки и, отворотив

---

⁵¹ Вместо: *εὐρυά* по рукописи читается: *πνεῦμα*.

глаза от книги, пристально смотрит на стену; обратившись снова к книге, почитает немного, переворачивая листы, любопытствует видеть концы слов, считает страницы, делает выкладку о числе целых листов, охуждает почерк и украшения; а напоследок, согнув книгу, кладет под голову и засыпает сном не очень глубоким, потому что уже голод возбуждает его душу и заставляет позаботиться о себе.

Монах в унынии ленив к молитве и иногда не выговаривает молитвенных речений. Как больной не выносит тяжелого бремени, так преданный унынию не сделает прилежно Божия дЕла: то телесными силами расстроен, то ослабел в силах душевных. От уныния врачует постоянство, делание всякого дела с великою внимательностью и со страхом Божиим. Во всяком деле определи себе меру и не оставляй прежде, нежели кончишь, что назначено, также молись разумно и усиленно, и дух уныния бежит от тебя.

О тщеславии

Глава 15. Тщеславие есть неразумная страсть и удобно примешивается ко всякому добродетельному делу. Сливается и черта, проведенная на воде, и добродетельный труд – в душе тщеславной. Бела стала рука, скрытая в недре (см.: Исх. 4, 6), и скрываемое дело просиявает блистательнее света. Цветолистник обвивается около дерева и, когда достигает вершины, сушит корень, а тщеславие растет с добродетелями и не оставляет их, пока не отымет у них силы. Грозд винограда, влачащийся по земле, легко загнивает, и гибнет добродетель, опирающаяся на тщеславие.

Тщеславный монах – бесплатный делатель, несет на себе труд, а награды не получит. Дырявый мешок не сохраняет в себе того, что вложено, и тщеславие губит мзду добродетелей. Воздержание тщеславного – дым из печи, и то и другое рассеивается в воздухе. Ветер замечает след человека, и тщеславие в ничто обращает милостыню. Брошенный камень не достигает до неба, и молитва человекоугодника не взойдет к Богу.

Глава 16. Тщеславие есть подводный камень: если в него ударишься, погубишь груз. Муж благоразумный скрывает сокровище, и смысленный монах – труды добродетели. Тщеславие советует молиться на стогнах, а противящийся тщеславию молится в клети своей. Человек безрассудный всенародно объявляет о своем богатстве и многих возбуждает к злоумышлению против себя. А ты, поелику идешь путем, где есть разбойники, скрывай, что имеешь, пока не придешь в град мира, и там безопасно пользуйся своим добром. Добродетель тщеславного – жертва *сокрушенная* и не приносится на алтарь Божий (см.: Лев. 22, 22).

Уныние ослабляет душевную силу, а тщеславие напрягает ум, отпадший от Бога, болезненного делает здоровым, старика более сильным, нежели каков юноша, если только много свидетелей того, что делается; тогда легки и пост, и бдение, и молитва, потому что похвала многих возбуждает усердие. Но ты не продавай трудов за славу человеческую и не отдавай будущей славы за похвалу, ничего не

стоящую⁵². Слава человеческая пребывает в персти, и хвала ее угасает на земле, а слава добродетели пребывает вовеки.

О гордости

Глава 17. Гордость есть опухоль в душе, наполненная испорченною кровью: если она созреет, то прорвется и причинит большУю неприятность. Блистание молнии преуказует громовый удар, а о гордости возвещает появление тщеславия. На великую высоту восходит душа гордого и оттуда низвергает его в бездну. Гордостью болеет, кто стал отступником от Бога и собственным своим силам приписывает добрые дела. Как ставший на паутину падает и уносится вниз, так падает и полагающийся на собственные свои силы. От многих плодов гнутся древесные ветви, и при многих добродетелях смиряется в человеке образ его мыслей. Согнившийся плод бесполезен земледельцу, а добродетель гордого не потребна Богу. Жердь поддерживает обремененную плодами ветвь, и страх Божий – добродетельную душу. Как тяжесть плода ломит ветвь, так гордость низлагает добродетельную душу.

Не предавай гордости душу свою, и не увидишь страшных мечтаний, потому что душа гордого бывает оставлена Богом и делается порадованием бесов. Гордый ночью воображает множество нападающих зверей, а днем смущается боязливými помыслами; если спит, часто вскакивает и, бодрствуя, боится птичьей тени. Шум листа в ужас приводит гордого, и журчанье воды поражает его душу. Ибо тот, кто недавно противился Богу и отрекался от Его помощи, впоследствии пугается ничтожных призраков.

Глава 18. Гордость Архангела низвергла с Неба и сделала, что он как молния пал на землю. А смиренномудрие человека возводит на Небо и уготовляет к ликостоянию с Ангелами. Что несешься, человек, ввысь и подъемлешься выше облаков, когда ты по естеству брение и гниль? Посмотри на естество свое, ты – земля и пепел, вскоре разрешишься в прах; теперь величав, а вскоре будешь червь! Что подъемлешься выю, которая вскоре сгниет?

Велик человек, когда помогает ему Бог, а как скоро оставлен Богом, познает немощь естества. Нет у тебя ничего доброго⁵³, чего не приял бы ты от Бога. Поэтому для чего величаешься⁵⁴ чужим как своим? Для чего хвалишься благодатию Божиею как собственным своим достоянием? Признай Даровавшего и не превозносись много; ты – тварь Божия, не презирай Сотворшего. Бог помогает тебе, не отрицай Благодетеля. Взошел ты на высоту жития, но путеводил тебя Бог. Преуспел ты в добродетели, но действовал в тебе Бог. Исповедуй Возвысившего, чтобы твердым пребыть тебе на высоте. Признай своего единоплеменника, он одной и той же с тобою сущности. Не отрицай родства по надменности.

Глава 19. Он смирен, а ты превыспрен⁵⁵, но один Зиждитель сотворил обоих. Не пренебрегай смиренного: он стоит тверже тебя, по земле ходит и не скоро падет; а ставший высоко если падет, то

⁵² По рукописи читается: δι' εὐτελὴ εὐφημίαν.

⁵³ Слово *доброго* дополнено по рукописи.

⁵⁴ Вместо: ἐναμβλύνη по рукописи читается: ἐναβρύνη.

⁵⁵ Вместо: σύμμετρος по рукописи читается: σύ μετέωρος.

сокрушится. Гордый монах – дерево, у которого нет корня и которое не может выдержать напора ветра. А некичливый образ мыслей – стенами огражденный город: обитающему в нем нечего будет бояться. Былинка подымается высоко дуновением ветра, а гордого возносит нападение высокоумия. Лопнувший пузырь обращается в ничто, и память гордого погибнет.

Слово смиренного – мягчительная мазь душе, а слово гордого исполнено кичения. Молитва смиренного преклоняет Бога, а прошение гордого оскорбляет Бога. Смирennemудрие – венец дому и вошедшего блюдет в безопасности. Когда восходишь на высоту добродетелей, тогда великая тебе потребность в ограждении. Ибо стоящий на полу, и упав, скоро восстанет, а упавший с высоты подвергается опасности умереть. Драгоценному камню прилична золотая оправка, и смирение мужа блистает многими добродетелями.

К Евлогию монаху. Слово 1

Глава 1. Трудами приобретающие в удел Небесную область не на чрево и попечение о тленном обращают внимание, подобно тем, которые из выгоды творят молитвы, думая, что благочестие доставит им прибыль, но духовным вИдением как ничем не оскверненный сонм, озаряемый светом Божественной славы, причащаются они самого благочестия, питающего умы высокие.

И сам ты, таинник добродетелей, Евлогий, питая священную сущность светозарностию превыспренного, от сонмища помыслов удалил тяготу плоти, зная, что вещество плоти делается пищею помыслов. А как жалом трудов сразивший козни, мне поручаешь стать устами сих дел твоих. Но если бы не дерзко было нарушить повеление любви, то отказался бы я от такого плаванья по сему морю. Поелику же единоклассным повиноваться паче должно, нежели противиться, то ты будь для меня *в тех, яже к Богу* (Рим. 15, 17), *да дастся ми слово во отвержение уст моих* (Еф. 6, 19), и я буду тем, чего требует послушание, да и тебе дано будет пожать плоды сеяния.

Глава 2. Первый из достославных подвигов есть странническая жизнь, особливо когда выходишь на оную как борец, мужественно оставляя и отечество, и род, и имение и один представ на достославные сии подвиги. Если так начнешь по Богу, шествуя в начало путей⁵⁶ пламенною верою, Божественным духом и обречением себя на терпение, соблюдая жизнь сию неизменною, то душа твоя на позлащенных крылах добродетели отлетит⁵⁷ из места своего и поспешит воспарить к самому Небу. Но крыла сего жития старается подрезать отец греха, ту землю, из которой ведет род свой подвижник, представляя ему как в зеркале, особливо во время приключаящихся ему болезненных припадков. И пока пребывает еще на месте, понемногу отвлекает от пламенно желаемого переселения; когда же дознает, что душа изнурена скорбями, тогда этот ночной ворон, наведя ночь помыслов, омрачает в душе луч Совершеннейшего. А если подвижник одиноко вступит в подвиг на поприще пустыни и случится

⁵⁶ По рукописи читается: εἰς ἀρχὴν ὁδῶν βαδίζων.

⁵⁷ Вместо: ἀφίσταμένη по рукописи читается: ἀψισταμένη.

телу быть уязвлену болезнью, то враг тем паче трудною представляет душе странническую жизнь, внушая, что преуспевание в добродетелях зависит не от места, а от образа жизни и что дома, имея утешение от родных, без затруднения сохранит он для себя награды за отречение от мира. Там удобны и пособия против болезни, там нет и злострадания, и мучительного изнеможения, какие терпит теперь, тем паче, что у братии редко бывает старание о странноприимстве.

«Иди и потому еще особенно, – скажет враг, – что радость и славу принесешь с собою родным своим, которых безжалостно покинул предаваться несносному сетованию. Ибо многие, и не бежав из отечества, среди родства своего достигли верха добродетели»⁵⁸. Но кто вступлением в странническую жизнь облачается в порфиру скорбей и увенчивается надеждами на труды, тот верою, терпением и благодарением отразит восстающие внутри его бури сих помыслов. И чем более пронзают они сердце, заставляя возвратиться, тем паче будет возглашать им: *Се, удалихся бегая и водворихся в пустыни* (Пс. 54, 8).

Ибо укоризнами своими причиняют нам скорби и льстиво убеждают возвратиться, чтобы, лишив принятого нами намерения, пресечь и благодарность, оказываемую в терпении, а таким образом с великою уже свободою шире и шире раскидывают сети свои даже и с помощью родных.

Глава 3. Поэтому начинающий упражняться в добродетели пусть взвесит и угрожающую ей брань, чтобы, явившись без предварительного упражнения, как неготовому не быть отвлеченным от дела. Ибо похвально мужество добродетели и во время мира, но еще похвальнее доблесть ее при наставшей брани. Добродетель дает себя видеть не столько в том, что производит, но и в бедствиях, которые борются с нею. Бесстрастен тот, кто победил, пострадав во многих бранях, а тот страстен, кто говорит, что приобрел добродетель без брани. Сообразно с распоряжениями доблестного в трудах военачальника распоряжается и злоба противников. Сердце, у которого нет брани, лишается возможности оказать добродетель, потому что добродетель (*ἀρετή*) есть имя, означающее деятельность, и производится от имени, означающего подвиги (*ἀριστεία*). Добродетель не ищет людской похвалы, не утешается почестию – этою матерью зол. Начало почести – человекоугодие, а конец ее – гордость. Кто домогается почестей, тот возвышает сам себя, а таковой не умеет перенести унижения. Желание почести – мечта, и кто любит почести, тот мечтает получить одобрение. Для тебя пусть будет почестию труд добродетелей, а бесчестием – желаемая похвала. Не ищет славы от плоти, кто низлагает с себя плотские страсти, взыскует же лучшего. Это и для тебя пусть будет славою.

Кто желает, чтобы воздавали ему честь, тот завидует превосходящему славою, а к этому соревнованию присовокупляет и ненависть. Кто препобежден сильным желанием почестей, тот не терпит, чтобы кто-либо был ему предпочтен, но себе восхищает первенство, чтобы не показаться низшим; почитает несносным оказать честь заслуживающему похвалу и в его отсутствие и славу трудов его

---

⁵⁸ По рукописи читается: ἐν μέσῳ τοῦ γένους ἐπέλαβον τό της ἀρετης.

представляет ничего не значащую. Обида славолубивому – самый острый нож: получив ее, никак не избегнет он негодования.

Глава 4. Таковой – в рабстве у жестокой госпожи и продан многим властелинам: превозношению, зависти, ревности и всем упомянутым выше толпам духов. А кто духа чести поражает смирением, тот одолевает целый полк демонов. Кто по смирению делает себя рабом всякого, тот уподобится Смирившему Себя и Приявшему *зрак раба* (Флп. 2, 7). Если себя самого меряешь малою мерою, то не будешь меряться с другим. Кто душевную немощь обнаруживает в слезах, тот не будет высоко думать о трудах своих. Демоны смиренномудренных приводят в унижение и делают им обиды, чтобы, не терпя унижения, оставили они смиренномудрие. Кто по смирению мужественно переносит бесчестия, тот сим самым возносится паче на высоту любомудрия. Оскорбляемый Давид ничего не сказал напротив, но даже остановил мстительность Авессы (см.: 2 Цар. 16, 10). И ты, терпя обиду, не воздавай обидою, но укроти и правдиво отмщающего за тебя. Переноси обиду и губами замкни дверь раздражению – это для тебя преуспевание. Вовсе ничего не отвечай угрожающим, чтобы молчанием укротить уста, дышащие пламенем. Тогда причинишь чувствительную боль угрожающим и обидчикам, когда на челюсти свои наложишь узду. Когда молчишь, обида не поглотит тебя, а обидчик гораздо более терзается при твоём молчании, когда дерзость его переносишь великодушно. Отрывай от своей внутренности похвалу человеческую, чтобы прежде ее отразить кичливый помысел. Блюдись и от самоугодия, особливо пребывай на безмолвии, чтобы, возвеличивая себя пред осмеливающимся говорить свободно, не унижить как-либо и его.

Один из братьев обижен был благоговейным братом и, потерпев обиду, отошел вместе и с радостью и с печалию, с радостью, что обижен несправедливо и не смутился, а с печалию, что благоговейный брат был обманут и обманувший радовался тому. Уразумей и то, что обманщик чувствовал так же и то и другое, без сомнения радовался, что одного смутил, а больше печалился, что другой не смутился.

Глава 5. Когда демоны увидят, что не воспламенились мы при самом нанесении нам обид, тогда, напад в безмолвии, стараются возбудить владычественное в нас, чтобы заочно вооружились мы смелостию против тех, с которыми, быв вместе, блюли мир. Посему, когда кончишь спор или неудовольствие с братом, себя самого почитай погрешившим, чтобы на безмолвии в сердце своем не найти тебе борьбы помыслов, из которых один будет укорять за причинение неудовольствия, а другой за то, что за неприятность не отплатил ты неприятностию же. Когда сильное раздражение огорчает братьев в общежитии, тогда помыслы внушают ублажать живущего в уединении, чтобы, лишив нас долготерпения, удалить и от любви.

Кто гнев отражает от себя долготерпеливостью и печаль – любовью, тот отражает двух злых зверей, побораая их двумя доблестными делами. Кто коленопреклонно умоляет раздражившего, чтобы прекратил гнев, тот обоих отводит от раздражения, потому что примиряющий гневающихся препобеждает самый дух гнева. Но сам придет в негодование, кто содействием своим поощряет к гневу родственников, потому что принял он на себя ссору ближних. Кто ради

мира терпит человека дерзкого, тот усиливается стать сыном мира. Но не между людьми только должно искать союза мира, а и в теле своем, и в духе своем, и в душе своей.

Глава 6. Ибо, когда миром соединишь союз этой тройственности твоей, тогда, как соединенный заповедию Божественной Троицы, услышишь: *Блажени миротворцы: яко тии сынове Божии нарекутся* (Мф. 5, 9). А если и плоть, вожделевающую противного духу, умиришь трудами, то будешь иметь славу блаженств Будущего Века, победив врага, который в теле твоём *противу* воюет *закону ума* твоего и пленяет тебя *законом греховным, сущим во удех* (Рим. 7, 23) твоих. Велик тот союз ума, при котором присоединяется и радость, просвещающая мысленное око к созерцанию Совершеннейшего. Почему если приобретем в трудах мирную радость, то с благодарением отразим ею постигающие нас неприятности и не примем в себя рыкающего демона печали, который наипаче нападает на душу, ослабляя ее скорбями, и уготовляет место духу уныния, чтобы омрачить им душу и придать новые труды.

Поэтому в сердце нашем написанным законом да будет радость мира, которая и печаль удаляет, и гнев тушит⁵⁹, и ненависть изгоняет, и мстительность уничтожает, и унынию полагает конец, и печаль изменяет; потому что, укрываясь в мирном долготерпении, как водами, окружая себя благодарностию и терпением, она есть море добродетелей и крестом потопляет сопротивное диавольское полчище. Но разумеи и то, что бывает противная ей смутная радость, и, обманувшись тенью, не прими одну за другую, потому что демоны подделываются и под духовные дарования, чтобы, введя ум в заблуждение призраком, лишить его смысла. Ибо духовная радость приходит в сердце без всякой внешней причины, потому что находит превыспреннего вождя печали по Богу; потом же предаёт душу и духу печали, потому что соделала ее пленницею духовной радости.

Глава 7. Скажу и то, что одному из братьев внушил сам опыт, а именно: как вместо радования о Господе губитель вводит собственную свою радость, а вместо печали по Богу искушает ум противною ей печалию, чтобы посредством превратных изменений в душе попечениями затмить луч Совершеннейшего. Двоякая греховная печаль сопряжена бывает с каждым деланием: одна происходит в сердце без видимой причины к печали, другая же рождается и вторгается от причин странных.

Печаль по Богу подкрепляет душу слезами, не приемля радости и печали, происходящих от причин противных, заботится же о приближающейся смерти и суде и ожидает сего с терпением и любовью. Неисполнившиеся пожелания насаждают в душе печали, а молитвы и благодарения иссушают их. Гневающихся тревожит взаимная печаль. Если кто из них первый отрезвится, восстанет от страсти и подаст другому руку, то извинением изгоняет горькую печаль. Печаль бывает болезнию души и плоти и душу отводит в плен, а плоть изнуряет, оставляя на месте. Печаль рождается от того, что противно, от печали же происходит негодование, а от них обоих порождается умоисступленное злоречие.

---

⁵⁹ По рукописи читается: ἡ τὴν λύπην ἐξορίζουσα, καὶ τὴν ὀργὴν καταποτίζουσα и прочее.

Если хочешь подавить печаль и негодование, то обойми долготерпеливость любви и облекись в радость незлобия. Радость твоя да не будет печалию для другого. Радующийся о неправде будет плакать о благоволении. И кто переносит печали, терпя несправедливо, тот светло возрадуется, потому что будущее противоположно настоящему.

Глава 8. Наипаче будь благодарен в скорбях, потому что чрез них яснее ощутишь вспомоществующую благодать. Так, в благодарении пересиливая постигающие тебя скорби, не помрачишь блистательной красоты терпения. Когда демон будет поражать плоть твою бичом своим, тогда окажется он для тебя виновником величайшей награды, если удары его примешь в повод к благодарности. Ибо сим и его обратишь в бегство. А чтобы награда твоя еще более излилась на тебя за терпение, для сего терпение твое да ополчится всякими мужественными трудами, потому что и уныние ополчается против тебя всею злобою и, наблюдая за всеми твоими трудами, пытается их. И если найдет оно, что кто-либо не пригвожден терпением, то обременяет его и подклоняет под себя. Если же демон уныния окажется слабым пред терпением в трудах, то преуспеянию снова угрожает зверь высокоумия. Почему если отгонишь его осторожным благоразумием, то отгонишь с ним и тщеславного духа во время Божией службы. Когда нападает на тебя дух уныния, тогда подаст он душе мысль, что псалмопение обременительно, и противоборником тщательности противопоставляет лень, чтобы, усвоив псалмопение, дать плоти отдых, напоминая о том, что по какой-то причине она утомлена.

Поэтому, когда бываем на бдении ночью, не будем во время службы по унынию садиться, чтобы не пришли демоны, не собрали плевелы помыслов и не посеяли их в сердце. Ибо, как скоро потеряем связь псалмопений, собираем мы сонмище помыслов. Проснувшись перед службою, займем сердце помыслами светлыми, чтобы приуготовиться с бодрственною мыслию предстоять на псалмопении.

Глава 9. Иногда псалом на бдении должно читать скоро, а иногда предполагается заняться пением псалма, потому что и нам необходимо преображаться соответственно козням противника; посему, если когда душою владеет уныние, внушается побуждать язык к скорости, а иногда сами враги вызывают на то, чтобы читать нараспев, потому что умное око от света, как от пищи, заимствует силу и ум, долго занятый вИдением чего-либо возвышенного, по примеру Елисееву, приобретает более острозрительное око. Когда восстает помысел, враждебный сердцу твоему, не другого помысла вместо него ищи в молитве, но меч слез изостри против помысла враждебного. Ибо таким образом в борьбе нанесешь сильнейший удар и скорее достигнешь того, что враг отступит от нас.

Люби украшать себя рукоделием, а паче молитвенною памятью⁶⁰, потому что одно не всегда, а другое непрестанно доставляет пользу деланию. Не отлагай воздать молитвенный долг, слушаясь помысла, что пора заняться делом, и не приводи в беспорядок дела, беспокоя тело, чтобы не возмутить вместе и сердце для молитвы. Как внешний наш

---

⁶⁰ По рукописи читается: φιλοκάλει σαυτόν ἐργατῶν χειρῶν, καὶ πολλὸν τῆς εὐχῆς τῇ μνήμῃ.

человек делает своими руками, чтобы не обременить другого, так и внутренний пусть работает, чтобы не обременился ум.

Ибо помыслы тогда предлагают душе собственную свою работу, когда найдут, что не занята она мыслями по Богу; возделывай как рукоделие из человеколюбия, так и мысль умственной силы из любомудрия, чтобы первое служило к препитанию странных и к воспламенению твоему в лености, а другое было вождем к созерцанию и охлаждению помыслов. Смело будем нападать на услаждение помыслами, обращая на них весь гнев, чтобы иначе, с удовольствием принимая доставляемое ими, в той же мере не сделаться нам снисходительными и к самым помыслам.

Глава 10. Приготовь себя быть кротким и браннолюбивым: кротким с соплеменником и браннолюбивым с врагом, ибо на то и может быть употреблена раздражительность, чтобы по вражде бороться со змием, а также к тому служит скромность кроткого, чтобы во любви быть великодушным к брату и вести брань с помыслом. Поэтому кроткий пусть будет и браннолюбивым, не распространяя кротости на обманчивые помыслы и браннолюбия на близких по естеству. Употребления раздражительности не обращай в противоестественное, чтобы, уподобляясь змию, раздражиться на брата и, снисходя к помыслам, вступать в приязнь со змием. Кроткий, если терпит что и бедственное, не оставляет любви, ибо ради любви оказывает великодушие и доброту, все покрывает и терпит. Если дело любви – быть великодушным, то не ее дело – раздраженно вести брань, потому что раздражительность возбуждает печаль и негодование, а любовь уменьшает и раздражительность, и печаль, и негодование. Если твердо шествие твое в любви, то ей паче внимай, а не тому, что оскорбляет тебя. Служи Богу со страхом и любовью: со страхом, как Владыке и Судии, с любовью, как Человеколюбцу и Питателю. Кто приобрел добродетели любви, тот взял в плен негодные страсти. И кто от Святой Троицы имеет сии три добродетели: веру, надежду, любовь, тот будет градом, который обнесен тройною стеною, и как бойницами укреплен сими добродетелями.

Не в том только оказывайся исполненным любви, что не берешь у другого, но пусть об отречении твоём от мира дознают из того, что и свое отдаешь, ничего не жалея. Когда раздаешь вещественное, старайся сеять чистые семена, чтобы вместо пшеницы не взошла у тебя крапива. Когда даешь что-либо, памятуй о Боге, и подающем, и приемлющем, чтобы награды за отречение от мира воздал Он тебе с похвалами.

Глава 11. Нестяжательный беззаботно наслаждается жизнью, а у любостяжательного всегдашняя болезнь – попечение о богатстве. Тогда отведешь в плен толпу помыслов, когда не предашь сердца заботам о вещественном. Тогда и крест понесешь не отвлекаясь, когда отречешься от пожелания иметь собственность. Помысел же о вещественном пророчит тебе и старость, и болезни, чтобы упование твое на Бога разделить с упованием на имущество. Кто намеревается отречься от мира, тот да огородит себя верою, да укрепит любовью, да утвердит надеждою, потому что вера – не оставление, но утверждение Совершеннейшего в уповании терпения и в любви жизни.

Когда отрекаешься от всякого внешнего вещества, тогда обрати внимание на темные помыслы, укоряющие тебя в нищете и скудости, представляющие тебе и унижение, и бесславие. Убийцы сии стараются обманом привести тебя в раскаяние о такой славной добродетели. Посему если разумно обратишь внимание на подвиг, то найдешь скорее, что за сие самое, в чем укоряют тебя, сплетается тебе венец. Ибо, отрекаясь от мира, для тех подвигов и отрекаешься, за которые укоряешь себя. Поэтому не предавайся борьбе внутренних помыслов, потому что не в начале отречения восхваляется конец, но при конце терпения увенчиваются начала и не за телесное только упражнение рукоплещут подвигам, но борьбою помыслов достигается право на венец.

Глава 12. Суди помыслы на судилище сердца, чтобы по истреблении разбойников пришел в страх и начальник их. Ибо строгий исследователь помыслов есть вместе и истинный любитель заповедей.

Поэтому, когда сердцу твоему предстает помысел неудобоизыскемый, тогда наиболее усиленные труды употреби на него, ибо он или убежит, не вынеся твоей горячности, как противной ему, или вытерпит оную, как свойственный пути правому. Иногда бывает, что демоны, внушив сердцу помысел добрый и вскоре потом преобразившись, показывают вид, что противятся оному, чтобы из противления сего заключить тебе, что знают они помышления сердца твоего, даже не только тебе заключить, но и им быть вправе судить совесть твою, как препобеждаемую добром при сопротивлении зла. А иногда также указывают тебе на собственную твою бдительность, чтобы подумал ты сам о себе, что ты мудр. Когда помыслы перенесут на то место, которое, по их предположению, любим, тогда заставляют раскаиваться об этом, чтобы сделать нас во всем непостоянными и бесплодными. Потому не будем простираться с места на место, но предадимся лучше безмолвию и трудам, потому что по лености нашей помыслы берут над нами силу.

Кто изведаль искушение помысла, тот да пребывает на том месте, на которое призван Богом, а не изведавший сего находится еще в борении. Перемена места пусть делается для жития более духовного, а не более спокойного. Терпение, великодушие, любовь в скорбях благодарят, а уныние, легкомыслие, самолюбие любят покой. У человека беспокойного душа борется с видениями чувств, а любитель покоя, охраняя чувства, борется с помыслами.

Глава 13. Поэтому вождь твой поведение чувств да подчинит постановлению закона, чтобы ни зрением, ни слухом не наносить тебе гибельных ударов душе своей. Состоя из двух сущностей, наблюдай, чтобы каждой предоставлен был свой чин и, когда одна берет верх, другая не противоречила. И мучителю не уступай права повелевать, потому что, когда предан он будет огню, воздашь ты и последний кодрант. Когда поборешь причины страстей и обратятся они в бегство, тогда да не возвеличивает тебя лукавый помысел, чтобы тебе, поверив духу лести, не лишиться ума. Но старайся высчитывать недовершенное в том, над чем трудишься, чтобы прибытки преуспеваний не были у тебя похищены внутренними врагами. Иные, быв восхвалены за преуспевание, со временем вознерадели о трудах, и похвала прошла мимо, и труды пропали. Иные, будучи удручены бременем зол, почтены

великими, и совесть души покрылась струпями, а болезнь от похвалы усилилась; помыслы же, отвратив душевный взор от язв, похвалами отняли труды.

Когда самые трудолюбивые обогащаются почестями от людей, тогда демоны уготовляют и наводят бесчестие, чтобы, лишенные почестей, не перенесли бесчестия и не вытерпели оскорблений. Когда приносишь великое покаяние в грехах, тогда демоны, возвеличивая подвиги в трудах, умаляют грехи и нередко прикрывают их забвением или наводят на мысль, что они прощены, чтобы, положившись на труды свои, не почитал ты более нужным горько оплакивать свои падения.

Глава 14. Кто вступает в битву, чтобы отсечь борющиеся с ним страсти, тот вооружит на брань не одни страсти, но великое число воинов. Не забывай своего падения, хотя и покаешься, но напоминанием о грехе твоём к унижению твоёмu да служит плач, чтобы тебе, унижив себя, по необходимости отсечь гордость. Если кто из делавших непозволенное намерен впредь жить хорошо, то худые свои поступки вполне да заменит противоположно соответственными лучшими. Ибо каждому пороку противопоставляющий противоположную деятельность поражает змия стрелами из разумного колчана добродетелей. А самое острое оружие у сего зверя есть тщеславие, подстреливающее труды. Кто предупредил оное тайными воинствованиями дел, тот близок к тому, чтобы сразить главу самому диаволу. Ароматы трудов твоих запечатлей молчанием, чтобы, будучи разрешены языком, не стали окраденными в славе.

Скрывай язык свой в деятельном прохождении подвижничества. Ибо молча свидетелями жизни и трудов своих будешь иметь достоверных сожителей. У кого некому засвидетельствовать о настоящих трудах, тот да не свидетельствует о себе собственным языком. Иные, сложив с себя тяготу трудов, в покров лености выставляют дела прошлого времени, не совсем основательно, за неимением дел настоящих, употребляя их вместо очевидных свидетелей. Как скрываешь от людей грехи свои, так скрывай от них и труды свои, потому что противоборствует тайнам сердца скрытность запинаний, а возобновления брани укрепляют тебя против них. Если же ошибки скрываем с осторожностью, а труды об их исправлении открываем неосторожно, то в обоих случаях делаем противное тому, что надлежало делать. Ты стыдишься открыть срамоту, чтобы того, что полезно для души, не обратить в поношение и унижение? Бойся показывать и труды, чтобы обвинение в человекоугодии не принесло душевной гибели. Но если одному Богу открываешь постыдные падения, то не открывай людям своих противоборствий оным, чтобы не были почтены победными венцами.

Глава 15. От благодати приявшие силы к трудам да не думают, что имеют их по собственной своей крепости. Ибо виною всего доброго в нас есть слово заповедей, как и виною всего худого – внушитель обманчивого⁶¹. Поэтому, какое добро ни сделаешь, принеси благодарение Виновнику добра.

А если тревожит тебя что худое, то повергни это главному виновнику худого. Конец всякого труда – принеси благодарение Совершеннейшему, чтобы, когда приношение твоё принесено законно,

---

⁶¹ По рукописи читается: *ὁ τῶν ἀπατηλῶν ὑποβλεύς*.

посрамлена была тем злоба. Кто к делу присовокупил благодарность, тот будет иметь неокрадываемое сокровище сердца, соорудив двойную стену против греха. Достоин похвалы тот муж, который с деятельностью сочетал вЕдение, чтобы из обоих источников орошалась душевная нива для произрастания добродетели. Ибо вЕдение возносит умную сущность к созерцанию Совершеннейшего, а деятельность умерщвляет *уды, яже на земли: блуд, нечистоту, страсть, злобу, похоть злую* (Кол. 3, 5). Посему оградившие себя всеоружием и деятельности, и вЕдения удобно уже наступают на демонское лукавство. Демоны воюют с душою помыслами, а сильно бывают отражаемы терпением, даже, видя сего мощного предводителя битвы, с робостью вступают уже в борьбу.

Если хочешь вести брань с полчищем демонов, то врата души своей загради безмолвием и ухо свое приложи к словесам отечества, чтобы тогда, точнее дознав, пожечь тебе терния помыслов. Когда внимаешь советам отеческим, будь не судиею дел, но испытателем речений.

Глава 16. У подобных помыслов в обычае внимание твое обращать на деятельность советующего, чтобы тебя, поставив грозным его судиею, отвратить от полезного совета. Когда предлагают тебе совет, хотя ты и сведущ, не отвергай его. Ибо если деятельное отрешено от силы вЕдения, то приводящему в стройность обе добродетели потребна страшная правдивость в суде. Кто не допускает до слуха отеческую заповедь, тот преслушает и заповедь Закона. Не только с наслаждением говори о преуспеваниях отцов, но и от себя требуй быть самым трудолюбивым делателем оных. Кто тщательно разыскивает, какой помысел какому труду противится, тот оказывается искусным в борьбе с заблуждением. Если в целой совокупности духовных твоих трудов будет у тебя какого-либо не доставать, то вместо него вкрадывается похитивший его помысел.

Помни о сем, чтобы сердце соблюдало благоразумие в трудах и чтобы забвение попечения о трудах лучших, окрав его, не предало в плен помыслам, потому что забвение о сем пленении пролагает путь пороку, так что оный, как скоро ум окраден, входит в него беспрепятственно. Ум, в котором похищена мысль о Боге и который далек стал от памятования о Нем, погрешает в равной мере и внешними чувствами. И таковой ум не в состоянии быть руководителем и слуха, и языка, потому что внутри его не стало приверженности к трудам. Когда один любит выслушивать, как другой кого-либо поносит, тогда оба содействуют двум содействующим друг другу духам, потому что выслушивание о ком-либо худого делается содействующим осуждению и на гибель сердцу любят они друг друга.

Глава 17. Заграждай уста свои для пересудов, чтобы не впасть тебе с ними в двоякое беззаконие, и себя приучая к опасной страсти, и других не удерживая от злоязычия. Любящий насмеяться расхищает в душе, что есть в ней лучшего, клеветами подкапывая слабый слух. Кто бегаёт языка, который злословит ближнего, тот и сам избежит порока злословия. Кто с приятностью слушает злословящего, тот ушами всасывает звериный яд. Пусть ухо твое не вкушает этого горького яда, чтобы и тебе не растворить его как-нибудь для другого. Не огорчай слуха своего пересудами, чтобы тебе, когда продан будешь этой

страсти, не стать рабом многострастия, потому что одна страсть, нашедши в тебе место, в ту же ограду вводит и другие страсти.

Владычественный ум делается рабом многих пороков, когда, сопрягшись со страстию, отрешается от трудов. Кто старается разбирать насмешки других, тот не разбирает самым делом поступков своих. Не смейся над кончившим жизнь как над жившим нерадиво, чтобы, по привычке судить живых, не стать злым судьей и мертвого. Не преследуй падших кичливым помыслом, надмевающим тебя, как судию, но себя самого разбирай помыслом трезвенным и оценивающим поступки твои. Падая, воздыхай, а преуспевая, не надмевайся. Не величайся тем, что ты достоин не пренебрежения, чтобы, вместо украшения, не облечься тебе в порок. Иные, не имея возможности сделаться известными по благоговению, постарались приобрести известность пороком. Другие же, преисполнившись завистию, унижают утвердившихся в добродетелях, поражая их вымышленными обвинениями. Иные, прославившись в народе дурным поведением, принимают на себя вид жития честного не для того, чтобы греховные падения свои оплакивать в трудах, но чтобы заглушить укоризненную о них молву.

Но не прикрашивайся для обольщающего тебя и не радуйся тому, что ты обольщен. Ибо если приобретешь одно имя ревностных, то работаешь не Богу, а людям. Не входи в сближение с живущим не в трудах, хотя в этом поставляет он великую для себя славу. Он друг в удобность лицу, но время делается его обвинителем.

Глава 18. Насмешника сделай заботливым другом, чтобы найти тебе в нем покров для своих падений, а что достойно в тебе зависти, то скрывай наипаче от завидующего. Когда друг твой, унижаемый похвалами трудам твоим, предается зависти и даже при посторонних будет труды твои поражать словами тщеславия, чтобы распространяющуюся о тебе славу омрачить насмешками над тобою, тогда не обращай внимания на его зависть и не терзайся этим, чтобы горький яд не влился в душу твою. Ибо дело сатаны – как его воспламенять завистию, так тебя убивать горестию. Лучше же будем смиряться пред таковыми, *честию болша творяще* (Рим. 12, 10) и ублажая за трапезою, чтобы укротить рассвирепевший от ревности дух.

Не укоряй друга в ревности как бы от другого лица, чтобы, укоряя его как бы устами друга, себя самого выставить невинным и возвысить пред ним как неукоризненного. Ибо это – превращение сатаны, который от лица змия хулит Всевышнего, чтобы, как устами другого выразившему ненависть свою к Богу, самому не быть почтену ненавистником. Не покушайся застигнуть брата в падении, с намерением как бы поработить его себе, чтобы тебе самому не соделаться содейственником сатаны. Кто пал, тот да не наблюдает, что говорят или в чем падают другие, чтобы не одному быть падшим во зло (ибо и сие было первым делом диавола по его падении), но пусть раскаивается в неприличных поступках, признавая необходимыми против них слезы скорби, и также да приобретет первенствующий из трудов – безмолвие, являющее ему видение многоочитых добродетелей. Кто безмолвствует языком, тот да мужается против помыслов, потому что мужество души выражается не только в безмолвии уст, но и в

твердости помыслов, в спокойном перенесении оскорблений и обид, так как сим при взаимных встречах отражаются страшные бичи диавола.

Глава 19. Да будут соблюдаемы не уста только, но и сердце, ибо, когда ум в бездействии, тогда и душевное око омрачается оком угодливости. Да будет ум твой слеп для срамного (таковых слепцов умудряет Бог), острозрителен же для хорошего, чтобы слепотствовать для худого. Разумей же, что два отдельные рода блуда бывают совокуплены вместе, блуд телесный и блуд духовный. Когда блудный помысел соединяется с духом твоим, тогда душа твоя сродняется с обольстительным в ней впечатлением.

Демон принимает на себя лицо женское, чтобы привлечь душу к соединению с ним. Бесплотный демон принимает на себя облик образа, чтобы непотребным помыслом ввести в блуд душу. Поэтому не увлекайся не имеющим существенности призраком, чтобы не сделать чего-либо подобного и плотию. Обольщены были духом блуда все таковые, не отразившие крестом внутреннего прелюбодеяния духов. Воздержанием от снедей поражай помыслы, чтобы говорили не о блуде, но о голоде. Молитвенное бдение да источает слезы, чтобы иметь тебе помощь в настоящей брани. Во время блудной брани отказывайся от приглашений на пиршества.

И, услуживая пришедшему страннику, его упокой, а себя, укрыв, огради воздержанием от пищи. Сугубая будет тебе награда за оба дела, если каждому из них уделишь деятельность свою ради добродетели. Не ради чрева вкушай пищу с братом, но ради Христа любовью водвори его с собою. Пресыщение пищею питает помыслы, и упившийся напояет сон мечтою. Приятность наслаждения умерла, как скоро пища прошла чрез гортань, но похотливость чрева оживает в этом гробе. Труды суровой жизни кончаются упокоением, а роскошное поведение кончается воспламенением. Кто приводит в увядание цвет плоти, тот ежедневно во плоти помышляет о своей кончине. Расчетливость сердца да соразмеряется с телом, чтобы, когда тело поражено, не страдать и ему самому. Для плоти довольно сокращать естественные требования; телесное твое упражнение да имеет в виду устроение нравов, чтобы научиться трудиться сердцем и вместе трудиться душою.

Глава 20. Отличающиеся в подвижнической жизни бледностью лица да отвергают от себя людскую похвалу прежде, нежели она приходит, когда помысл еще до встречи с людьми влагает в сердце помышление о ней. Когда проведешь много времени, воздерживаясь от вина, елей и излишеств, тогда помыслы, с похвалою высчитывая время, внушают⁶² тебе мысль ослабить труды ради тела. Поэтому сим злонамеренным вычислителям говори, напротив, все, что может служить к ниспровержению их умысла. Один из братьев, восхваляемый внутренними помыслами за труды свои против демонов, говорил словами псалма: *Да возвратятся абие стыдящиеся глаголющий ми: благоже, благоже* (Пс. 69, 4).

Не терпи в себе помыслов, указывающих тебе на многолетнее пребывание в монашеской жизни, чтобы не прекратили со временем трудов твоих и тебе в пустынном терпении не быть уловлену похвальбою, но в терпении убожества памятовать о себе, что ты *раб неключимый* (ср.: Мф. 25, 30). Одного терпеливого пустынножителя

⁶² По рукописи читается: *πρὸς τὴν ἐπιθυμίαν*, а не *ὀρεῖται*.

старца усиливался некто вывести из пустыни по глубокой его старости. Но старец сказал ему: «Перестань принуждать меня, потому что мне, негодному, нет еще позволения возвратиться из заточения». Когда же домогался я дознать от него слово учения, сказал он: «Трудолюбиво домогайся сперва врожденного страха, и тогда внутри себя найдешь опытное слово, которое научает человека вЕдению». Сей же старец, вопрошенный о страхе, ответил так: «Кто имеет попечение о памяти смертной, тот приводится и в страх Суда». По причине страха соделайся ежедневным собеседником Божественных Писаний. Ибо общением с сими помыслами отгонишь⁶³ беседы.

Кто изучением Божественных Писаний собирает сокровище в сердце, тот легко изгоняет из него помыслы. При ночном чтении на бдениях, слушая Божественные Писания, не будем умерщвлять слуха сном, чтобы не предать душу в плен помыслам, но жалом Писаний будем прободать сердце, чтобы сокрушением попечительности рассечь противоположно соответствующую нерадивость.

Глава 21. Иные для славы, а не ради попечения о душе вступают в дружбу с людьми благоговейными, чтобы себе самим без труда присвоить сие украшение. Но кто воспламенен любовью по причине памятования о Небесном, тот изгоняет из мысли угодливость земному. Свидетельство своей совести не отвергай помыслом презрительным и сладкоречивым в случае падения. Не продолжай беседы с человеком упорным, чтобы, вооружившись страстию против страсти, не понести поражения в добродетели. Не возносись горделивым помыслом, который надмевает противным ветром. Не похвала языку, говорящему бойко, но слава устам, приводимым в движение спокойно! Слушая слово, вопрошай ум свой, и тогда, рассудив, дашь приговор. Не вводи в обман ума своего нерассудительностию слов, чтобы не ринулся стремглав хананейский твой язык.

Да не обольщает тебя многоречивый дух, потому что в нем гнездится хитрая ложь. Кто уязвляется злоречием других и не повергает его диаволу, тот возбуждает против себя толпу своих помыслов и еще более поощряет уготовлять на него стрелы тем самым, что падает душа его, уязвляясь таким злоречием. Когда по делам служения идешь в чужую сторону, не будь готов пользоваться странноприимством всякого, признавая себя недостойным славы, чтобы таким образом избежать помысла злословия, хотя бы и казалось, что говорит он правду⁶⁴, потому что нет любви.

Терпя самое великое злословие или тяжкую обиду, не будь злопамятен, но благословляй, ибо кто памятозлобствует на демонов, тот не злопамятен на людей, но с демонами заключает мир, кто памятозлобствует на брата. Негодование и противление – пожар в сердце, а души злопамятных орошаются духовно. Огненные угли отбрасывают от себя искры – так и злопамятные души извергают лукавые помыслы. Как укус скорпиона производит самую жестокую боль, так и в душе злопамятной заключен самый горький яд.

Глава 22. Памятозлобствуй на духов блуда и тщеславия, сих двух злобных демонов, противных друг другу, ибо один бегаёт лиц, а другой радуется лицам. И демон непотребства, не терпя теплоты огненного

⁶³ Вместо: хо...seij по рукописи читается: xoik...seij.

⁶⁴ По рукописи читается: κάν λέγειν τάληθη νομίζοι.

светоношения трудов, быстро нападает на подвижника во время подвига, внезапно осыпая его нечистотами, и, если от обольстительности удовольствий ослабеет он в воздержании, постепенно наступает на него, беседуя с сердцем его, чтобы оно, воспламенившись пороками, предалось сей беседе, пленилось ею и совершенно отложило ненависть ко греху. Демон же тщеславия, любящий скитаться и снискивать любовь народную, прикровенно предстает душе трудолюбцев, за те самые труды, в которых они упражняются, уловляя им славу. Если кто хочет, с Божиею помощью, преодолеть их, то пусть измождает плоть против блуда и смиряет душу против тщеславия. Ибо таким образом удобно отразим суетную славу одного и благоугодим тем Богу, а также испарим в себе нечистые мечтания другого и соделаем сердце чистым от сластолюбия. Всего опаснее, если сердце погрязло в навыке к удовольствиям; и потребно много трудов, чтобы на сей пажити пороков истребить все до корня. Поэтому не приучай помысла входить в собеседование с удовольствиями, потому что *в сонме пороков разжигается огонь* (ср.: Пс. 105, 18).

Они, разгорячая тебя, доводят до заключения, что трудно продолжать всесождение естества, что долговременна жизнь воздержания и продолжительно терпение⁶⁵, приводят же на память те срамные мечты, какие представляются тебе в видении ночью, образуя в тебе огненные кумиры прелести, и потом, возжигая сильнейший жар в плоти законом греховным, внутренне внушают, что не в силах ты делать насилие естеству и хотя согрешишь сего дня по нужде, но наутро покаешься по заповеди. Ибо закон человеколюбив, прощает грех кающимся. Они представляют тебе в пример, что некоторые после воздержания пали и снова покаялись, чтобы тем придать вероятность обольстительному своему совету и чтобы, сокрушив⁶⁶ душу сим обратным покаянием, храм целомудрия соделать домом блуда. Так сии двуязычные змии насвистывают этот помысл в потрясенной храмине сердца.

Глава 23. А ты, человек воздержания, под предлогом покаяться снова не обольщайся неизвестными надеждами. Ибо многие, пав, немедленно похищены смертию, а другие не в силах были восстать, привычкою к удовольствиям связанные как законом. Почему знаешь ты, человек, будешь ли жив и покаешься ли, что назначаешь себе годы жизни? И, падая здесь, поблажаешь плоти своей, когда надлежит тебе паче предаться памятованию смерти, чтобы в сердце своем живо представлять страшное определение суда и тем угасить распаленное мудрование плоти. Ибо не угасишь иначе страстей, если к плоти своей не примешаешь трудов, сокрушающих страсти. Не угасишь страстей душевных, если не одождишь прежде на сердце плодов любви. Страсти телесные ведут начало свое от естественных потребностей плоти, и против них нужно воздержание. А страсти душевные порождаются от потребностей душевных, и против них потребна любовь. Любовь есть союз бесстрастия, изглаживание же страстей – она приносит долготерпение, охлаждает кипящую раздражительность, внушает смирение, унижает гордыню. Любовь не имеет ничего собственного,

⁶⁵ Сии слова дополнены по рукописи.

⁶⁶ Вместо: ἀνακαλέσαντες по рукописи читается: ἀνακλᾶσαντες.

кроме Бога, потому что Бог есть любовь. Кто недавно присоединился к светлomu собору монахов, тот да отложит помыслы, присвояющие ему добрую славу по родству его, чтобы взыскать ему не похвалы от людей, но убажания от заповедей. Но да вооружится он смелостию против демонов, внушающих боязнь. *Ибо не приясте духа страха паки в боязнь* (ср.: Рим. 8, 15).

Да не устрашает он себя духом боязни, да не трепещет ночного шума, производимого демонами, когда они не имеют уже власти и над свиниями. Посему, выходя из келлии поздно вечером, да не приходит он в ужас и да не устремляется бежать назад, как бы от нападающих демонов, но, преклонив колена на том месте, где пришел в боязнь, да сотворит молитву. Ибо демоны не нападут на тебя, хотя и будут устрашать. А когда восстанешь, ободрись сердцем, утешь себя псалмопением, говоря: *Не убоишися от страха нощнаго, от стрелы летящая во дни, от вещи во тме преходящая, от сряща и беса полуденнаго* (Пс. 90, 5 и 6). Ибо, сделав это один раз или и более, скоро отгонишь от себя духа боязни. Будучи не в состоянии вредить самым делом, демоны страшат душу мечтаниями, чтобы их, немощных и бессильных, люди почли мощными и сильными.

Глава 24. Не наряжайся в красные одежды, чтобы еще явственнее не облечься тебе в демона тщеславия. Ибо не лепотою одежд украшаются добродетели, но лепотою души, как золотом, сияют труды. Страхом же Божиим прикройся от казней суда, чтобы по страху огня облечься тебе в неугасимую горячность и скорее умудриться против злохудожественности помыслов, потому что страх – начало премудрости.

Кто на опыте дает видеть заблуждение помыслов, тот познан будет не всеми, а только теми, которые на себе испытали это, потому что путь к вЕдению в этом есть опыт. Причина того и другого есть жизнь деятельная; ею занявшись с большим трудолюбием, и себя узнаем, и помыслы осудим, и Бога познаем. Кто деятельным переселением и познавательным вселением помыслов безыскусственные помыслы умащает искусством, тому надлежит смотреть, чтобы не напоказ для славы величать вЕдение. Если же помысл, возвеличивая их, поступает хищнически, то подвижник да возьмет себе в помощь пришельца⁶⁷ Иофора, который великому пророку Моисею из милости дал мудрый совет о суде. Силою помыслов твоих да будут дела, потому что более любомудрия в том, что делается, а не в том, что говорится, равно как первое и труднее последнего; при деятельности слова как бы молниеносны, а когда нет дел, слова не блистают силою дел. Укоризна седидам – слово юное и уста многоречивые, искривляемые смехом. Кто и смущает, и смущается напрасно, тот вне тишины и обуревается без бури.

Глава 25. Не заставляй язык безвременно гоняться за словами, чтобы и самому не потерпеть того же от кого не хочешь. Остерегайся запинать язык ближнего, чтобы и самому избежать диавольского запинания. Остерегайся порицать падение брата твоего, чтобы не лишиться тебе сострадания, как иноплеменику.

Кто не имеет доброты и любви к брату, тот может ли быть членом христонсной любви? Когда брат придет к тебе во время непрерывного

---

⁶⁷ По рукописи читается: τὸν νέηλυν Ἰωθὼρ.

твоего поста, не давай места скуке по причине помыслов, внушающих тебе нарушение безмолвия, прекращение поста. Они делают, чтобы ты, взирая на брата твоего, взирал не как на Самого Бога. Частые надзирания братий называть будем не поводом к смущению, а паче споборничеством. Вверимся их ликостоянию против полчища сопротивника. Так соединившись привязанностью любви, отженем от себя порок, и дела рук вносить будем в сокровищницу страннолюбия. Будем принимать к себе братий, не как милость им оказывая, но как платя должную дань, упросим их принять наше угощение, как показал это Лот (см.: Быт. 19, 1-3).

Иные странным достоинством и странно превозносятся; и, когда зовут к себе странника, вовсе не упрашивают его, но самое слово призыва произносят медленно, с кичливостью; и, если странник отказывается, порицают его как обидчика; потому возгорается от сего великое надмение. Ибо помыслы, избодая душевное око, ослепляют, чтобы мы и наилучшими из заповедей пользовались как можно хуже.

Глава 26. Когда помысел удерживает тебя от того, чтобы приневоливать очень брата к трапезе, тогда издевается он над тобою тем самым, что язык твой не приневоливается силою любви. Тебе помысел внушает, может быть, что брат принадлежит к числу бродящих и что, удовольствовавшись хлебом, уйдет, а ему внушает, что вовсе не нашел у тебя страннолюбия; потому что помысел, на одно и то же дело смотря и так, и иначе, в сердце каждого влагает свое, чтобы в одном пресечь страннолюбие, а в другом произрастить злословие. Авраам, сидя пред кущею, если видел кого из проходящих, принимал его самым делом. Живущим в нечестии предлагал трапезу и, принимая варваров, не обманулся в надежде принять Ангелов. Сладость страннолюбия познали все, которые во время странствия находили у кого прибежище, когда и ласковое слово делает трапезу сладостною для сердца. Поэтому с великим тщанием будем держаться страннолюбия, ради собственной пользы, чтобы принять нам у себя не только Ангелов, но и Бога. Ибо Господь говорит: *Понеже сотвористе единому сих братий Моих меньших, Мне сотвористе* (Мф. 25, 40).

Некто из упражнявшихся в добродетели с наибольшим вЕдением дал такой ответ: «Отзывающиеся в сердце демонские мечтания обыкновенно уничтожаются тщательностию страннолюбия и щедрыми услугами, оказываемыми с усердием, если только каким бы то ни было образом освободился кто от вещественного. Если же делается это со смирением и с сокрушенным сердцем, то еще скорее избавляет от мечтаний страждущего ими, потому что демоны весьма боятся смирения, зная, что Владычная это заповедь».

Некто из благоискуснейших, ведя речь о смирении, пересказал и следующее: «Весьма благоискусный отец ударен был по ланите бесноватым, который был в сильном безумии; и отец, немедленно обернувшись, подставил ему другую ланиту с готовностью принять удар. Бесноватый же, как бы пораженный молниею смирения, вскричав, внезапно отскочил от отца».

Глава 27. Вот слова и святого епископа Епифания. «Случилось, – говорит он, – что у одной верной вдовицы сын имел в себе пытливого беса; припадки продолжались много времени, и никакие пособия не помогали; когда же мать его от слез пришла в смирение, ее

благодарение облегчило страдание. Кресту предав душу свою, молитвами исторгла она демона из отрока. Когда юноша блуждал по окрестным местам, а мать стала молиться дома, демон, громко произнеся имя ее, метался в муках. Она же, слыша это, не пошла сама на место действия, борение естества связуя смирением, но, привлеченная другими, приведена была насильно, и после этого демон с неистовством усиливался предаться бегству. Посему она, не отступая и в слезах обняв отрока, благодарением и смирением ограждала его от демона, и, когда, горько возрыдав, принесла моление Христу и наложила на сына крестное знамение, демон тотчас оставил отрока». С ненавистью демоны смотрят на тех, которые просиявают подчинением себя отцу, и скрежещут на них зубами, потому что, живя в подчинении, беззаботно сопрягли они с этим и отречение от мира. Им-то, тщательно отыскивая предлоги, готовят демоны огорчения, при встретившейся причине к гневу вкореняют в них негодование, а потом постепенно приводят в воспаление и ненависть к отцу за то, что будто бы он несправедливо наказывает и лицеприятен; делают же это демоны, чтобы, разными способами поколебав душу, похитить ее из отеческих объятий.

Поэтому, кто пребывает в подчинении у отца, тот да предаст себя на обиды и да побеждает их смирением, да управляется долготерпением и не внимает помыслам, ропщущим на суровость и дерзость братьев.

Глава 28. Наипаче же внушают демоны, что свобода не может быть сопряжена с тяжким рабством, даже простираются и далее этого, чтобы, подвластного сделав непокорным, удобнее погрузить его в вещественное. И одних стараются этим отлучить от отеческого попечения, а других – иными способами, внутренне повторяя им: «Работай, приобретай, принимай странных, чтобы сотворить себе доброе имя».

Ибо с добрыми семенами всевают по частям и худые плевелы и вначале попускают человеку услаждаться тщеславием, трезвиться в постоянном посте, усердно вставать на молитвы и церковные службы, чтобы мог он заключить из сего, что, оставаясь подвластным, не сделался бы таким: потому что там и обиды, и печали, и смущения, а здесь мир, тишина, радость; там строгость отца, страх, оцепенение, а здесь беззаботность, небоязненность, нестесненность. Так демоны, вводя в обман подобными сим помыслами, похищают у человека ум. Внезапно же напав на душу во время чрез меру продолжительного сна, напояют ее страхом, прерывают Божественные службы нерадением и унынием, наводят на мысль, что странноприимство расстраивает человека, употребляют все обаяния порока, чтобы, ввергнув его в уныние, возбудить ненависть и к самой жизни, а таким образом, обнажив от добродетелей, представить на позор Ангелам.

Иногда демоны возвеличивают труды в помыслах, а иногда унижают их как ни к чему не служащие, чтобы в одном случае внушить высокоумие, а в другом посеять отчаяние. В тех же, которых не могут довести до расслабления, возвеличивают труды, чтобы внушить им высокоумие, а тем, которые не соглашаются предаться высокоумию, твердят одно то, что труды ни к чему не служат, чтобы, приведя их в расслабление, всеять в них отчаяние.

Глава 29. Посему, когда помыслы возвеличивают труды, отринув их с презрением, будем уничтожать душу, а также, когда умаляются труды как ни к чему не служащие, сколько есть сил будем возвеличивать Христово милосердие. Ибо, в какой мере более и более удручаешь свое тело, в такой же испытай свою совесть. Познавай себя самого, ощущая тайные расхищения помыслов, чтобы, оставаясь нечувствительным к тайным их грабительствам, не прийти нам в омрачение от мысли, будто бы добродетели пожинаются одною суровостию жизни.

Некоторые, возмечтав это, как пруги, поколебались в уме, потому что демоны производят призраки, обольщают видениями, а иногда расхищают душу боязнию. Одному из братий, бодрствовавшему ночью, демоны представили страшные мечтания, напечатлевая не на внешнем только око, но и во внутреннем зрении. Посему ум, боримый заботою о другой наступающей ночи, приходил в опасность подвергнуться расхищению мыслей, и брань постигала душу многие ночи. Но бедствующий усиливался удержать внутри себя вождя мыслей и, предав душу Подателю души⁶⁸, укоряя сам себя за действительные свои падения, подвизался в том, чтобы углубляться в себя самого; потом, занимая душу помышлениями об огне на Суде, приводил ее в страх, чтобы, страх поражая страхом, отразить от себя боязнь. Сие и произошло, как сказывал претерпевший эту брань.

Ибо, когда демоны всякими способами устрашали душу, страждущий в молитве взывал Бога; те развлекали душу мечтаниями, а он, собрав бремя грехопадений, открывал оное Всеведущему Богу; те снова развлекали молитвенное око, а он, вознагнав сие страхом Суда, уничтожал страх мечтательный и, как один страх преизобиловал пред другим, с Божиею помощью препобеждал он обольщение, потому что душа, смиряемая памятованием грехов и пробуждаемая страхом Суда, извергала из себя демонские страшилища. Все же это: и отогнание демонских страшилищ, и подкрепление падающей души – совершалось благодатию свыше, потому что Господь подкрепляет всех падающих и *возводит вся низверженные* (ср.: Пс. 145, 8).

Глава 30. Иногда усиливаемся сотворить чистую молитву, и между тем не можем; а иногда так же не принуждаем себя, и душа пребывает в чистой молитве: и первое происходит от нашей немощи, а последнее от благодати свыше, призывающей нас войти в душевную чистоту, тем же и другим вместе поучающей нас не себе приписывать, если молимся чисто, но признавать Дарующего сие. *О чем бо помолимся, якоже подобает, не вемы* (Рим. 8, 26). Когда усиливаемся соделать молитву чистою и не можем, но омрачаемся, тогда, омочив ланиты слезами, будем умолять Бога, чтобы рассеял ночь брани и воссиял свет в душе.

Когда живущий вместе с тобою брат отлучится по делам службы, по обычаю молитвенному обновляй о нем память, но не мечтай о нем сверх меры, чтобы демоны, у тебя заимствовав начало к заботливости и поощряя оную, не стали изощрять более и более, живо представляя тебе брата во время псалмопения и лишая в Боге попечения по Богу, чтобы, одним попечением отражая другое, как пленников, отвести нас от наилучшего и от помышления о сказанном: *Возверзи на Господа*

---

⁶⁸ Вместо: τῆς εὐχῆς по рукописи читается: τῆς ψυχῆς.

печаль твою (Пс. 54, 23). Ибо демоны знают, что, вследствие излишней заботливости о брате возмутив владычественное в нас, дадут превратное направление самой печали, еще же извлекут у нас и укорины брату за медленность, будто бы отлучившийся до ревности к делу служения вознерадел о брате, и сие делают, чтобы многозаботливая любовь наша пременилась даже в ненависть.

При заботах наших об отлучившемся демонам обычно делать и то, что в тот самый день, в который, как знают они, прибудет отлучившийся, как в зеркале показывают нам его в сонном видении, чтобы по сбывшемуся сну и при отлучке других заставить нас снова ожидать пророчесственных снов, которых должно паче отвращаться и весьма избегать, чтобы демоны не вводили оными в заблуждение душу и в рассуждении чего-либо другого.

Глава 31. Ибо они ничего не знают наперед, но что видят совершившимся, то показывают и представляют в мечтании. Нередко, когда пребывали мы на безмолвии, демоны, увидев идущего к нам брата, наперед указывали его в помыслах; и им не надобно верить, хотя по видимому говорят правду, потому что с самою правдою вносят ложь, чтобы по сему частному случаю и на подлежащих нам путях определять места засад. Как не бывшее в деле золото, вложенное в плавильную печь, делается чище, так и новопоступивший монах, переплавив нравы свои в обители, отличается терпеливостью. Ибо под распоряжением братий оканчивает он обучение свое послушанию и под десницею наказующего уготовляет природу к долготерпению. Поэтому, когда с радостью будет принимать оскорбления и с самоуничижением возлюбит смирение, тогда, став выше противных страстей, начинает потом подвизаться в том, чтобы преуспевать добродетелями по мере более и более даруемых ему благодатию сил. Как опускающиеся в основания земли вырывают там золото, так нисходящие до златоподобного смирения износят из него добродетели. Тогда ум ощутит упокоение, когда, отсеки причины страстей, займется созерцанием, а до отсечения страстей ощущает он и труд, и окаянство свое, с немощию исходя на борьбу с сопротивными.

Глава 32. Отшельничество, когда в нем соблюдается постепенность, охотно принимают старцы, если только переходит кто к этому, усовершенствовавшись в добродетелях еще в общежитии. И да испытает таковой себя, может ли он преуспевать в отшельничестве. А если, находя сие невозможным, ослабевает в добродетели, то пусть возвратится в общежитие, чтобы иначе, не имея сил противостать ухищрениям помыслов, не лишиться ему рассудка. Как плачущей вдове утешителями служат сыновья, так падшей душе утешение – труды: они рассевают отчаяние помыслов и посевают веру в покаяние, провозглашают Христово милосердие и оглашают содеянные грехи.

Поэтому должны мы не по обычаю только заниматься трудами, но с разумением благодарения, чтобы душа не оказалась лишенною такового любомудрия. Ибо если в каждом деле уразумеваем Дающего конец трудам, то запечатлеваем дело благодарением. Как у младенца хлеб старается унести молодой пес, так разумение у сердца – лукавый помысел. Поэтому не как младенцы будем смотреть на лукавство противных дел, чтобы не предать им душу на расхищение. Как сверкающий сонм звезд красит небо, так осиявающая истина словес

украшает человека. Посему будем носить на языке один образ истины, потому что Господь *вселяет единомысленныя в дом* (Пс. 67, 7).

Как сильные молнии, промчавшись, предвещают гром, так точная речь, будучи произнесена, предвозвещает веру. Посему будем стараться быть верными истине, чтобы приблизиться нам и к престольному граду добродетелей – любви. Как солнце златозарными лучами улыбается всей земле, так любовь светозарными делами приветствует всякую душу. Если приобретем ее, то угасим страсти и просияем до небес. Всякий труд совершим, как скоро улучим святую любовь, потому что без нее нет пользы ни в чем настоящем, и гнев свирепеет, и нравы грубеют, и к трудам по высокоумию примешивается слава. По смирению души Давид постился со слезами; и мы будем смирять душу постом.

Глава 33. Кто подвизается в самых тяжелых телесных трудах, тот пусть трудится не для похвалы и не превозносится славою. Ибо демоны надмевают душу сими трудами и суровость и подвиг тела усиливают славою, увлекают принять на себя еще большие труды, чтобы человек еще более превозносился, ведут с ним внутреннюю беседу, внушая ему посредством помыслов: «Как такой-то подвизался, не щадя себя, и такой-то приобрел себе великое имя, так что о нем говорят и по смерти его, так и ты взойди на самую высоту подвижничества, чтобы стяжать себе славу и чтобы имя твое соделалось великим и по смерти твоей произносилось с особенною похвалою».

Посредством сих-то, в такой мере обольщенных, помыслов не телесными только трудами ведут с тобою брань, но призывают паче в сподобничество, чтобы чрез них коснуться души в чем-либо более опасном, ибо возводят человека до первоседательства, возвышают до права говорить как учителю, чтобы за это молва отдавала ему первенство и в великих трудах, и в вЕдении. Влагают же в него соревнование и зависть к тем, которых преуспевания прославляются, деятельность достойна удивления, а близко к ней и вЕдение. Иногда же усыпляют в нем разжжение плоти, с хитрым намерением не дают во внутренности места нечистым помыслам, чтобы человек подумал, будто бы дух блуда препобежден суровостию его жизни, сердце его близко к светлости святых и взошел он на самый верх святости.

А в рассуждении яств, от которых воздерживался, и постоянных постов определяют ему годы, после которых вправе он похвалиться, как доблестный, и превозноситься пред братством, как чем-то в сравнении с ним низким; и таким образом заставляют его рассказывать о своих подвигах, в которых будто бы преуспел он собственными только силами, потому что сделал то и то, подвизался и злострадал так и так, нимало не позволяя выговорить ему при этом: «Впрочем, подвизался не я, а действовавшая во мне помощь». Ибо не позволяют ему исповедать Бога помощником в том, чем заставляют его хвалиться, чтобы так как собственными силами совершил все в своих подвигах, то и похвал в награду всецело требовал себе и чрез это погряз во глубине хулы, несмысленно величаясь, что сам себе был он помощником.

Глава 34. Посему, когда сердце так сильно бывает оглашаемо славою помыслов и не противится этому, тогда оно не вне тайного оупения смысла, а вождь рассудка в опасности прийти в колебание или от снов, принимаемых с верою, или от превращений,

совершающихся в бодрственном состоянии, или от видимого в преображении света. Ибо так сатана для обольщения нашего преобразуется в Ангела света, иногда показывает, что подает дарования, чтобы ты пал и поклонился ему, или возвещает, что восхитят тебя, как нового Илию, или обещает сделать святым. Иные, приняв это с верою, уклонились от истины и впали в умоповреждение.

Поэтому ты, молитвенник Святой Троицы, зная, над чем с любовью трудишься, со всяким хранением блюди сердце, чтобы, обращая внимание на одни внешние труды, не быть тебе коварно уловленным в трудах внутренних. Итак, мое слово сказано тебе, чадо, изреченное же мною да блюдет сердце твое. Помни охраняющего тебя Христа; не забывай достопоклоняемой и Единосущной Троицы, во славу Отца и Сына и Святаго Духа ныне и всегда и во веки веков⁶⁹. Аминь.

К Елогию монаху. Слово 2

О пороках, противоположных добродетелям

Глава 1. Необходимым почитаю трудолюбию твоему представить вкратце и пороки, противоположные добродетелям. Хотя до сих пор, возделывая разум, на уготовляемой к сеянию ниве исторгали мы терния помыслов, однако же достигли до этого *не от дел, ихже сотворихом* (Тит. 3, 5), но *образ имея здравых словес* (ср.: 2 Тим. 1, 13), какие слышали от отцов; стали в ином сведущи и из жизни деятельной. Все же сие от благодати свыше. Она указывает грешникам козни обольстителей, она предостерегает и говорит: *Что же имаши, егоже неси приял?* (1 Кор. 4, 7). И чтобы, как приявшие, благодарили мы за это Подателя, а не себе самим приписывали, с мнимым самохвальством отрицая даяние, Апостол говорит для сего: *Аще же и приял еси, что хвалишися яко не приемь?* То есть вы, бедные делами, уже *обогатистесь*, вы, начавшие учиться, уже *сыти есте* (ср.: 1 Кор. 4, 7-8).

В такое обольщение впал недавно и я, как в своем предположении, скрывая бедность дел, брать взаим, так и в намерении подавать советы, без всякого порядка излагая науку о том, как должно обучаться. Впрочем, если имеет у вас какую силу извинение, то уделите его и мне, чтобы могли мы представить вкратце противоположно соответственные добродетелям пороки, обозначив, что такое чревоугодие и – вопреки ему – воздержание, что такое блуд и целомудрие, что такое сребролюбие и нестяжательность, печаль и – вопреки ей – радость, что такое гнев и долготерпение, уныние и терпеливость, что такое тщеславие и нетщеславие, зависть и независтливость, гордость и смирение. Сии добродетели и пороки взаимно соответственны, противодейственны и противоположны. Представим их вкратце так:

Глава 2. Чревоугодие есть мать блуда, питательница помыслов, ослабление поста, ограничение подвижничества, страшилище, отклоняющее от цели, живое представление снедей и приправ, неудержимый молодой конь, необузданное неистовство, приемник

---

⁶⁹ Славословие переведено по рукописи.

болезни, противление здравью, завал проводников, стеснение внутренностей, крайний предел насилий природе, таинник блуда, нечистота мыслей, немощь тела, тяжелый сон, печальная смерть. А воздержание есть узда чрева, бич ненасытности, правило соразмерности, обуздание жадности, отречение от упокоения, устав суровой жизни, укрощение помыслов, око бдительности, избавление от воспламенения, пестун тела, столп трудов, стена добрых навыков, умягчение нравов, сокращение страстей, умерщвление членов, оживотворение душ, уподобление Воскресению, постановление освящения.

Блуд есть плод сластолюбия, расслабление сердца, печь разжжения, уневещение идолам, темное⁷⁰ дело, тенью покрытый образ, воображаемое сочетание, во сне мечтаемое ложе, неосязаемое сопребывание, обман очей, бесстыдство взора, постыжение молитвы, срам сердца, путеводитель к неведению. Целомудрие же – риза истины, секира непотребства, возница очей, назиратель помыслов, обрезание мысли, отсечение невоздержания, новое насаждение в естестве, противоборник разжжению, содейственный в делах, сотрудник воздержанию, светильник сердцу, указатель молитвы.

Глава 3. Сребролюбие есть идольская бережливость, прорицание толпы, приговор скупости, вычисление отложенного, богатство порабощения, род неправды, тук болезней, гадатель многолетия, обаятель трудолюбия, советник бдительности, нищета чрева, малоценность снедей, ненасытимое неистовство, многопопечительный порок. Нестязательность есть искоренение сребролюбия, укоренение несребролюбия, плод любви и крест жизни, неболезненное житие, не возбуждающее зависти сокровище, не знающее попечений небо, неподвижное солнце, неизмеримое вещество, необъятное богатство, коса, пожинающая попечения, евангельское дело, нерушимое украшение, скоротечный подвижник.

Печаль есть сожительница утрат, собеседница неудачи, предтеча страннической жизни, память родства, сообщница воздыхания, соученица уныния, жалоба на огорчение, памятник обиды, помрачение души, суровость нравов, опьянение благоразумия, усыпительное противоядие, облако на лице, червь во плоти, падение⁷¹ помыслов, толпа порабощения. Радость – пагуба печали, благодарность в бедствиях, молитвенное видение, радование в трудах, веселие благотворительности, отпрыск отречения от мира, приемник страннолюбия, прибежище надежд, пища подвижников, утешение плачущих, услаждение слез, помощь в скорби, воззвание любви, согласие великодушия.

Гнев – расхищение благоразумия, расстройство состояния, смущение естества, свирепость лица, печь в сердце, изрыгнутый пламень, закон раздражительности, негодование на обиды, матер зверей, безмолвная борьба, рожон в молитве. Долготерпение – оружие благоразумия, судилище гневу, врачевство сердцу, урок дерзким, тишина мятежным, необуреваемая пристань, благодеяние печальным, благодать ко всем; оно, хулимое, благословляет, оскорбляемое, радуется,

---

⁷⁰ Вместо: *ásuggen* по рукописи читается: *ásumfan*.

⁷¹ Вместо: *λύπη* по рукописи читается: *λύμη*.

оно – утешение утесненным, зеркало надеющимся, награда злостраждущим.

Глава 4. Уныние – воздушная приязнь, хождение кругом, ненависть к трудолюбию, борьба с безмолвием, буря во время псалмопения, лень к молитве, расслабление в подвиге, безвременное усыпление, непрестанно возвращающийся сон, тягота одиночества⁷², ненависть к келлии, противоборство трудам, противление терпеливости, узда размышлению, неведение писаний, причастница печали, часы, показывающие голод.

Терпение – отрешение от уныния, отречение помыслов, попечение о смерти, размышление о кресте, пригвожденный страх, выбитое золото, законоположение скорбей, книга благодарения, щит безмолвия, оружие трудов, кипящая деятельность к добру, начертание добродетелей. Тщеславие – мечтание о случайности, притворное трудолюбие, противление истине, первая причина ересей, желание первенства; оно последнее на приветствия, поработщено похвалам, оно – многоличный дух, тысячезубый зверь. Среда тщеславия соплетается с гордостью и завистью, которые одна в другой и одна другой враждебны, и это – триплетеная цепь зол, трехсоставный раствор страстей, тройственный язык еретиков.

Нетщеславие же есть делание смиренномудрия, отступление от угодливости, смежение очей для похвал, созерцание вЕдения, противление миру, здравие душевного чувства, правило бережливости, таибник трудов, нелюбитель прославления, в тленном теле сокровенное сокровище. Зависть – одежда гордости, совлечение смиренномудрия, корень пересудов, слепота к благодущию, лицемерие в дружбе, обманчивая свобода в обращении, вражда к любви, ревность к одобряемым, смятение неколебимых, осмеяние прославляемых, превращение очей. Кто же чист сердцем, кто не укорит себя в том, что отверг или не вполне исполнил заповедь Божию или вознерадел о ней? Но Христос во всяком деле да приведет нас к успешному исполнению воли Его! Ему слава вовеки! Аминь.

О различных лукавых помыслах 27 глав

Глава 1. Из демонов, противников наших в жизни деятельной, первыми восстают на брань заведующие удовольствиями или пожеланиями чревоугодия, также внушающие нам сребролюбие и вызывающие нас на искательство славы у людей. Все же прочие, ходя вслед за ними, берутся за тех, которые уловлены уже первыми. Ибо тому невозможно впасть в руки духу блуда, кто не пал от чревоугодия. Невозможно и гневу возмутить того, кто не борим неразумными вожделениями или яств, или денег, или славы. И невозможно избежать демона печали тому, кто или лишился, или не мог получить всего этого. Человек не избежит гордыни – этого первого диавольского порождения, пока не исторг *корня всем злым – сребролюбия* (ср.: 1 Тим. 6, 10), так как, по слову премудрого Соломона, *нищета мужа смиряет* (Притч. 10, 4).

---

⁷² Вместо: *μαρία* по рукописи читается: *μολία*.

Короче сказать, невозможно человеку впасть в руки демону, если не уязвлен он прежде сказанными выше первого ряда демонами. Почему и Спасителю представлял тогда диавол сии три помысла, советуя сперва камни соделать хлебами, потом, если падет и поклонится, обещая целый мир, а в-третьих, уверяя, что если послушается, то, ничего не потерпев от такого падения, прославится. Господь же наш, став выше всего этого, повелел диаволу идти назад, научая тем и нас, что невозможно прогнать от себя диавола, не пренебрегши сих трех помыслов.

Глава 2. Все демонские помыслы вносят в душу представления чувственных вещей, и ум, приняв в себя их отпечаток, удерживает в себе образы сих вещей, а потом по самой вещи узнает приблизившегося демона. Например, если в мысли у меня явится лицо причинившего мне вред и бесчестие, то обличается сим появившийся помысел памятозlobия. Если также явится припоминание о деньгах или славе, то явно, что по этому самому узнан будет и сокрушающий нас помысел. То же бывает и при других помыслах. По представляющемуся в помысле найдешь, какой демон приступил к тебе и внушил сии мечтания. Не говорю, однако, что все припоминания о таковых вещах бывают от демонов, потому что и сам ум, приводимый в движение человеком, воспроизводит обыкновенно представления того, что было, – но от демонов все те припоминания, которые влекут за собою неестественным образом раздражение или вожделение.

Ибо ум, вследствие возмущения сими двумя силами, мысленно прелюбодействует и бывает ими борим, будучи не в состоянии воспринять в себя представления о положившем ему законы Боге⁷³, и светозарность сия появляется во владычественном уме только во время молитвы, по устранении всех представлений о вещах. Невозможно же человеку отложить страстных воспоминаний, если в рассуждении вожделения и раздражения не приложит попечения, чтобы первое истребить постом, бдением, возлежанием на голой земле, а последнее укротить долготерпением, непамятозlobием, милостынями, потому что от сих двух страстей составляются все почти демонские помыслы, ввергающие ум в пагубу и гибель.

Глава 3. Невозможно человеку преодолеть эти страсти, если не презрит он совершенно и снеди, и деньги, и славу, даже и собственное свое тело, чем страсти часто предпринимают наносить ему удары. Поэтому весьма необходимо подражать бедствующим в море, которые, по причине стремительных ветров и восстающих волн, начинают выбрасывать из корабля все, чем он снабжен. Но при сем должно обращать строгое внимание, чтобы, выбрасывая, чем снабжен корабль, делать это не напоказ людям, потому что, так поступая, *восприемлем мзду свою* (ср.: Мф. 6, 2) и с нами последует иное, опаснейшее первого, крушение от сопротивных дуновений демона тщеславия.

Почему и Господь наш в Евангелии, поучая нашего кормчего – ум, говорит: *Внемлите милостыни вашае не творити пред человеки, да видими будете ими: аще ли же ни, мзды не имате от Отца вашего, Иже есть на Небесех* (Мф. 6, 1). И еще: *Егда молитесь, не будьте якоже лицемери, яко любят в сонмищах и в стогнах путей стояще молитися, яко да явятся человеком. Аминь глаголю вам, яко восприемлют мзду*

---

⁷³ Слово: Θεου дополнено по рукописи.

свою (Мф. 6, 5). И еще скажет: *Егда же поститесь, не будите якоже лицемери сетующе: помрачают бо лица своя, яко да явятся человеком постящися. Аминь глаголю вам, яко восприемлют мзду свою* (Мф. 6, 16).

Напротив того, должно при сем внимательно взирать на Врача душ, как Он раздражительность врачует милостынею, воздержание приводит в бессилие постом и также очищает молитвою ум, и из сего создается новый человек, обновленный *по образу Создавшего его* (Кол. 3, 10), в котором, по причине святого бесстрастия, *несть мужеский пол, ни женский* (Гал. 3, 28), а по причине единой веры и любви, *несть еллин, ни иудей, обрезание и необрезание, варвар и скиф, раб и свободь, но всяческая и во всех Христос* (Кол. 3, 11).

Глава 4. Спрашивается: как демоны в сонных мечтаниях производят отпечатки и образы в нашем владычественном? Подобное сему обыкновенно бывает с умом, когда он или видит глазами, или слышит ушами, или приемлет что каким-либо чувством, или заимствует из памяти, которая производит отпечатки во владычественном не посредством тела, но приводя в движение то самое, что имело оно посредством тела.

Посему и демоны, кажется мне, производят отпечатки во владычественном, приводя в движение память, потому что телесные органы сном содержатся в бездействии. А поэтому снова спрашивается: как же демоны приводят в движение память? Конечно, посредством страстей. И сие явствует из того, что чистые и бесстрастные не терпят ничего подобного. Но возможно простое некое движение памяти⁷⁴, происходящее от нас самих или от святых сил, по которому входим во сие в общение, беседуем и сопиршествуем со святыми. Впрочем, должно принять во внимание, что, какие образы приемлет в себя душа с телом, такие память приводит в движение и без тела. И сие ясно видно из того, что часто испытываем это и во сие, когда тело покоится.

Ибо как можно вспоминать о воде и при жажде, и без жажды, так можно вспоминать о золоте с любостязательностью и без любостязательности. А то же сказать должно и об иных вещах. Но что ум в представлениях находит те или другие отличия, сие служит признаком злоухищрения демонов. А вместе надлежит знать и то, что демоны для произведения мечтаний употребляют и внешние вещи, например: для плывущих – шум волн. Намерению демонов очень способствует наша раздражительность, возбужденная не в естественной мере; и она делается весьма годною для всякого их злоухищрения. Почему ни один из них не отказывается возмущать и ночью и днем сию раздражительность.

А когда демоны видят, что она связана кротостию, тогда, по справедливым предлогам, немедленно дают ей свободу, чтобы, став более стремительною, способствовала к возбуждению зверских их помыслов. Почему необходимо не возбуждать раздражительность ни чем-либо справедливым, ни несправедливым и нападающим демонам не давать опасного меча, что, как знаю, делают часто многие и по маловажным предлогам воспаляются более надлежащего.

Глава 5. Из чего, скажи мне, так скоро приходишь в брение, если пренебрег ты и снеди, и славу, и деньги? На что кормишь пса, дав обет не иметь у себя ничего? А если он лает и нападает на людей, то явно,

---

⁷⁴ Слово *памяти* дополнено по рукописи.

что имеешь у себя что-нибудь и хочешь это сберечь. И я уверен, что таковой далек от чистой молитвы, ибо знаю, что раздражительность губительна для таковой молитвы. А сверх того дивлюсь, что забыты и святые: и Давид, который взывает: *Престани от гнева и остави ярость* (Пс. 36, 8), и Екклесиаст, который предписывает: *Отстави ярость от сердца твоего, и отрини лукавство от плоти твоея* (Еккл. 11, 10), и Апостол, который повелевает воздевать ко Господу *на всяцем месте преподобныя руки без гнева и размышления* (1 Тим. 2, 8). Почему же не извлекаем для себя урока из этого знаменательного и древнего обычая у людей изгонять из дому псов во время молитвы, который дает разуметь, что в молящихся не должно быть раздражения? И еще сказано: *Ярость змиев вино их* (Втор. 32, 33); а от вина воздерживались назореи.

Да и некто из языческих мудрецов утверждал, что желчь и бедро не вкушаются богами, сам не понимая, как думаю, что говорил, ибо полагаю, что желчь есть символ гнева, а бедро – скотского вождения. О том же, что не должно заботиться об одеждах или яствах, излишним почитаю и писать, потому что воспретил сие Сам Спаситель наш в Евангелии, говоря: *Не пещитесь душею вашею, что ясте, или что пиете, или во что облечетесь* (ср.: Мф. 6, 25). Вполне свойственно сие язычникам и неверным, отвергающим Владычный Промысл и отрицающим Создателя, а христианам совершенно чуждо что-либо подобное, как уверенным, что и два воробья, продаваемые за один ассарий, состоят под смотрением святых Ангелов. Между тем в обычае у демонов с нечистыми помыслами влагать и помыслы заботливости, чтобы от столпившихся в обители разума помышлений уклонился Иисус и слово, подавляемое терниями заботливости, осталось без плода (Мф. 13, 22).

Глава 6. Поэтому, отложив помыслы заботливости, возвергнем на Господа печаль (Пс. 54, 23) нашу, *доволни сущими* (Евр. 13, 5), ведя убогую жизнь и прикрываясь убогою ризою, с каждым днем будем совлекаться сих отцов тщеславия. А если кто почитает неприличным носить убогую ризу, то пусть посмотрит на святого Павла, который *в зиме и нагоде* (2 Кор. 11, 27) ожидал себе *венца правды* (ср.: 2 Тим. 4, 8). Но поелику Апостол мир сей наименовал *позором* (ср.: 1 Кор. 4, 9) и *позорищем* (ср.: 1 Кор. 9, 24), то вникнем, возможно ли облекшемуся в помыслы заботливости достигать *почести вышняго звания* (Флп. 3, 14) или исходить на брань *к началом и ко властем (и) к миродержителем тмы века сего* (Еф. 6, 12)?

А я, вразумляемый тем, что познаем чувственно, не знаю, возможно ли это, потому что и борца, конечно, запнет и задержит хитон, а равно и ум запнут помыслы заботливости, так как истинно слово, повелевающее уму пребывать при собственном своем сокровище. Ибо сказано: *Идеже бо есть сокровище твое, ту будет и сердце* (Мф. 6, 21) твое.

Глава 7. Из помыслов одни пресекают, другие пресекаются, и лукавые пресекают благие, а также благими пресекаются лукавые. Поэтому Дух Святый взирает на помысел, первоначально установившийся, и по нему нас осуждает или приемлет. Смысл же сказанного мною таков. Имею некий помысел страннлюбия, и имею его ради Господа, но он пресекается привзошедшим искусительным

помыслом, внушающим быть страннoлюбивым ради славы. И обратно: имею помысел страннoлюбия, чтобы видимым быть от людей, и он пресекается привзошедшим лучшим помыслом, который добродетель нашу направляет паче ко Господу, а не для людей понуждает нас делать.

Посему если в самых уже делах останемся при первых помыслах, хотя и искушают нас вторые, то примем воздаяние только за первоначально установившиеся помыслы, потому что, как человеки и боримые демонами, не имеем сил правый помысел удерживать навсегда неразстленным, а также, приобретя семена добродетели, не изведать когда-либо и лукавого помысла. Впрочем, если какой-либо из пресекающих помыслов замедлит и утвердится в области искушаемого, то по оному уже помыслу будет действовать движимый им человек. Между помыслами ангельскими, человеческими и бывающими от демонов, как дознали мы по многом наблюдении, различие таково: помыслы ангельские прежде всего доведываются о естестве вещей и исследуют духовный их смысл, например: для чего сотворено золото, почему оно рассеяно в виде песка где-то в дольних частях земли и отыскивается с великим усилием и трудом, а когда найдено, промывается водою, ввергается в огонь, а потом передается в руки художников, делающих из него для скинии *святилище* и кадильницу, *чашицы и фиалы* (ср.: 2 Пар. 4, 21), из которых по благодати Спасителя нашего не пьет уже ныне царь вавилонский (см.: Дан. 5, 3), но в которых Клеопа приносит горящее от сих таинств сердце (см.: Лк. 24, 32).

Помысел же демонский не ведает и не сознает сего, но бесстыдно внушает одно приобретение чувственного золота и предсказывает будущее от него наслаждение и славу. А помысел человеческий ни приобретения не ищет, не доведывается и о том, что знаменует золото, но вносит в ум один чистый образ золота, отдельно от страсти любостязания. Тот же закон, по сему правилу таинственно приноровляемый, будет иметь место и в рассуждении других вещей.

Глава 8. Есть демон, называемый скитающимся: он большею частию приходит к братьям под утро и ум отшельника водит из города в город, из веси в весь, из дома в дом, причем ум сначала имеет одни свидания, сходится с кем-либо из знакомых, вступает в долгие разговоры, нарушив для встречающихся свой устав, и мало-помалу делается далеким от боговедения и добродетели, приходит в забвение о своем обете. Посему отшельнику должно наблюдать за сим демоном: с чего он начинает и на чем останавливается, потому что не даром и не как случилось делает он этот длинный круг, но с намерением расстроить состояние отшельника, чтобы ум его, распаленный всем этим и упоенный многими встречами, впал во власть демону блуда, или демону гнева, или демону печали, которые наиболее делают вреда светлости его состояния.

А мы, если только имеем в виду ясно узнать всю хитрость сего демона, не вдруг будем вступать с ним в беседу и объявлять, что с нами делается, как мысленно производит он свидания и как постепенно увлекает ум к смерти, потому что иначе бежит от нас демон, так как не терпит он, чтобы видели, как он делает это, и мы нимало уже не узнаем того, что дознать старались. Напротив того, дозволим ему день или два

продолжать свое дело, чтобы, в точности дознав коварный его замысл, потом, обличив словом, обратить его в бегство.

Глава 9. Но когда во время искушения произойдет, что ум, возмутившись, не видит в точности, что делается, тогда по отшествии демона сделай следующее: оставшись наедине сам с собою, припоминай, что с тобою происходило, чем ты начал, и до чего дошел, и на каком месте уловлен был духом блуда, или гнева, или печали, и как опять случилось все, что с тобою было, – в ясности дознай это и хорошо запомни, чтобы тебе, когда демон придет к тебе, обличить его и указать скрываемое им место и не следовать за ним более.

Если же хочешь довести его и до неистовства, то обличи тотчас, как явится, назови и первое место, где приступил к тебе, и второе, и третье; тогда сильно раздражится демон, не терпя стыда. Доказательством же, что говорил ты с ним благовременно, будет то, что бежит от тебя помысел, ибо невозможно уже устоять ему, когда обличен явно. А за сим побежденным тобою демоном последуют самый тяжелый сон, омертвление с великим охлаждением век, непрестанная зевота, тяжесть и онемение в плечах, но все это, по усиленной молитве, прекратит Дух Святой.

Глава 10. Ненависть к демонам весьма содействует нашему спасению и способствует деланию добродетели. Но сами в себе не в силах мы воспитать ее как некое доброе порождение, потому что искажают ее духи сластолюбия и снова призывают душу к приязни и близости. Сию-то приязнь, лучше же сказать, неисцельную заразу Врач душ врачует оставлением, ибо попускает нам ночь и день терпеть от демонов нечто страшное. И тогда душа снова возвращается к первоначальной ненависти, научаемая говорить ко Господу словами Давида: *Совершенною ненавистию возненавидех я: во враги быша ми* (Пс. 138, 22). Ибо тот совершенною ненавистию ненавидит врагов, кто не согрешает ни в действительности, ни мысленно, что служит признаком первого и самого великого бесстрастия.

Глава 11. О демоне же, который делает душу бесчувственную, должно ли что и говорить? Ибо боюсь писать о нем и о том, как душа выходит из собственного своего состояния, потому что, во время пришествия этого демона, она отлагает и страх Божий, и благоговение, греха не вменяет в грех, беззакония не почитает беззаконием, о мучении же и Суде вечном помнит как о пустых речениях, и посмеивается над сим огненосным подлинно трясением, и хотя исповедует Бога, но, что повелено Им, того не ведает. Ударяешь ты в перси, когда душа стремится ко греху, – и она не чувствует этого; говоришь ей от Писаний – и она в совершенном ослеплении и не слышит; представляешь ей укоризну людей – и она ни во что вменяет людской стыд и вовсе не понимает его, наподобие свиньи, смежившей глаза и пробивающейся сквозь ограду. Но сего демона, от которого, *еще не быша прекратились дние оны, не бы убо спаслася всяка плоть* (Мф. 24, 22), наводят на нас закосневшие в нас помыслы тщеславия.

И хотя помыслы сии редко являются к братьям, однако же демон бывает и в них, чему причина очевидна. Ибо при бедствиях других, или удрученных болезнями, или бедствующими в темнице, или подвергающимся внезапной смерти, в бегство обращается сей демон, потому что душа мало-помалу приходит в сокрушение и сострадание и

отъемлется слепота, происшедшая от демона. Но мы лишены этого, по причине пустыни и по редкости у нас немощных.

Глава 12. Сего наипаче демона обращая в бегство, Господь повелел в Евангелии навещать больных и посещать находящихся в темнице, ибо говорит: *Болен бех, и посетисте Мене: в темнице бех, и приидосте ко Мне* (ср.: Мф. 25, 36). Сверх того, должно знать, что если кто из отшельников впал во власть сему демону и не принял блудных помыслов или не оставил дома от уныния⁷⁵, то он приял нисшедшие с Небес целомудрие и терпение и блажен, сподобившись такового бесстрастия. А те, которые, дав обет жить благочестиво, предпочитают водворяться с мирянами, да остерегаются сего демона. Но я сказать или написать о нем что-либо более стыжусь и людей.

Глава 13. Все демоны учат душу сластолюбю. Один демон печали не берется делать это, даже расстраивает помыслы об удовольствиях, уже привзошедших в душу, пресекая в ней и иссушая печалью всякое наслаждение, так как *мужу же печальну засышут кости* (Притч. 17, 22). Нападая умеренно, демон сей делает отшельника благоискусным, потому что убеждает его не терпеть ничего мирского и избегать всякого удовольствия. Когда же нападает с большим ожесточением, тогда порождает помыслы, которые советуют отшельнику извести душу свою или понуждают его бежать далеко от места. Сие помыслил и потерпел некогда и святой Иов, тревожимый сим демоном, ибо сказал: *Аще бы возможно было, сам бых себе убил, или молил бых иного, дабы ми то сотворил* (Иов. 30, 24). Сего-то демона символом служит ехидна, этот зверь, которого яд, данный в малом приеме, делает недействительными яды других зверей, неумеренно же принятый убивает принявшее его живое существо. Сему демону предал Павел учинившего беззаконие в Коринфе, потому и пишет к коринфянам, говоря: *«Тщательно утвердите к нему любовь, да не како мною скорбию пожерт будет таковой»* (2 Кор. 2, 8, 7).

Но этот мучащий людей дух может сделаться для них и добрым снабдителем покаяния. Почему и Иоанн Креститель уязвляемых сим демоном и прибегающих к Богу называл рождениями ехидны, говоря: *Кто сказа вам бежати от будущего гнева? сотворите убо плод достоин покаяния, и не начинайте глаголати в себе: отца имамы Авраама: глаголю бо вам, яко может Бог от камня сего воздвигнути чада Аврааму* (Мф. 3, 7-9). Впрочем, всякий, кто подражает Аврааму и вышел от земли своей и от рода (Быт. 12, 1), стал сильнее и сего демона.

Глава 14. Если кто преодолел раздражительность, то преодолел он демонов, а если кто поработен сей страсти, то вовсе чужд он монашеской жизни и далек от путей Спасителя нашего, так как скажется, что сам Господь наш научает *кроткия путем Своим* (Пс. 24, 9). Потому и неуловимым делается ум отшельников, прибегающий в юдоль кротости, ибо ни одной добродетели не боятся так демоны, как кротости. Ее приобрел и великий оный Моисей, названный кротким *паче всех человек* (Чис. 12, 3). И святой Давид сказал, что она достойна поминаения Божия, ибо говорит: *Помяни, Господи, Давида и всю кротость его* (Пс. 131, 1). Да и Сам Спаситель повелел нам быть подражателями Его кротости, говоря: *Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим* (Мф. 11, 29). А

⁷⁵ По рукописи читается: τὸν οἶκον ἀπὸ ἀκηδίας οὐ καταλέλοιπεν.

если кто воздерживается от яств и питий, но возбуждает в себе раздражительность лукавыми помыслами, то подобен он кораблю, который переплывает море, имея кормчим демона. Потому сколько есть сил должно обращать внимание на этого нашего пса и обучить его терзать одних волков, но не поедать овец, оказывая *всяку кротость ко всем человеком* (Тит. 3, 2).

Глава 15. Один из других помыслов, помысел тщеславия, многовеществен, объемлет целую почти вселенную, всем демонам отворяет двери, став как бы неким лукавым предателем доброго города. Потому весьма унижает ум отшельника, наполняя его множеством понятий и вещей, делая вред его молитвам, которыми старается он врачевать все язвы души своей. Этот помысел возвращают все побежденные демоны, и снова чрез него получают они доступ в души, делая в подлинном смысле *последняя горша первых* (Лк. 11, 26). От сего-то помысла рождается и помысл надмения, низринувший с Небес на землю *печать уподобления и венец доброты* (Иез. 28, 12). Но беги от сего помысла, не останавливаясь на нем долго, чтобы не предать *жизнот* нашего *иным*, и *жития* нашего *немиловидным* (ср.: Притч. 5, 9).

Обращает же в бегство сего демона усиленная молитва и то, чтобы добровольно не делать и не говорить⁷⁶ ничего такого, что имело бы целию проклятую славу. Когда ум живущих в отшельничестве приобретет несколько бесстрастия, тогда, добыв себе коня тщеславия, немедленно мчится он по городам, упиваясь неумеренною похвалою славы. И тогда-то, по Смотрению Божию, встречает его дух блуда и, заключив в одном из свиных загонов, научает его не оставлять более одра прежде совершенного выздоровления и не подражать тем нетерпеливым больным, которые, имея еще в себе остатки недуга, пускаются в путешествия, отваживаются на безвременные купания и впадают в прежние болезни.

Поэтому, оставаясь лучше на месте, будем внимательны к себе, чтобы, преуспевая в добродетели, соделаться нам неудобоподвижными к пороку, обновляясь же в вЕдении, приобрести множество различных познаний и, снова возвысившись в молитвенном состоянии, яснее узреть свет Спасителя нашего.

Глава 16. Всех коварств демонских описать я не в состоянии и злоухищрения их перечислять стыжусь, боясь простоты будущих моих читателей. Однако же послушай о хитрости духа блуда. Когда приобретет кто бесстрастие вожделевательной части и скверные помыслы станут уже охладевать, тогда вводит он мужчин и женщин, которые обращаются между собою вольно, и делает отшельника зрителем срамных вещей и телодвижений. Но это искушение не из числа продолжительных, потому что прилежная молитва и самый суровый образ жизни, с бдением и упражнением в духовных размышлениях, рассеивают оное, как безводное облако. Но иногда этот вселукавый касается и плоти, доводит ее до неразумного воспламенения, примышляет тысячи и других ухищрений, которые нет нужды делать известными и предавать письменам. Но против таких помыслов весьма действительно и возбужденное против демона воскипение раздражительности; демон наипаче боится сей раздражительности, когда приводится кто в возмущение помыслами и

---

⁷⁶ Сие слово дополнено по рукописи.

расстраивает его умышления. Сие-то и значат слова: *Гневайтесь, и не согрешайте* (Пс. 4, 5).

Полезно врачевство сие, если прилагается к душе в подобных сим искушениях. Сему демон подражает и демон гнева, и он представляет в призраках, будто бы кто-либо: или родители, или друзья, или родные, или домашние – терпят обиды от недостойных, и возбуждает в отшельниках раздражительность, почему мысленно представшим произносят или причиняют они что-либо недоброе. И на таковые призраки нужно не обращать внимания, но скорее отвлекать от них ум, чтобы, долго останавливаясь на них, не сделаться подвижнику, во время молитвы, дымящеюся головою. А искушениям сим подвергаются люди раздражительные, наипаче же от всего воспламеняющиеся гневом; они далеки от чистой молитвы и от вЕдения Спасителя нашего Иисуса Христа.

Глава 17. Помышления века сего Господь, как овец – доброму пастырю, передал человеку; ибо сказано: *Век дал есть в сердце* (Еккл. 3, 11) его, сочетав в помощь ему раздражение и вожделение, чтобы раздражением обращал в бегство умышления волков, а вожделением любил овец, подвергаясь нередко дождям и ветрам. Сверх этого Господь дал ему и закон, как пасти овец, и *место злачное, и воду покойную* (ср.: Пс. 22, 2), и псалтирь, и гусли, и *жезл, и палицу* (ср.: Пс. 22, 4), чтобы от паствы сей и питался, и одевался он, и собирал *сено нагорное* (Притч. 27, 25). Ибо сказано: *Кто пасет стадо, и от млека стада не яст?* (1 Кор. 9, 7).

Посему отшельнику должно день и ночь стеречь это стадо, чтобы какое-либо помышление не было уловлено зверями или не попалось в руки разбойникам, а если бы и случилось что-либо подобное в дебри, немедленно исхищать *из уст* у льва или медведицы (см.: 1 Цар. 17, 34–35). Бывает же уловлено зверем помышление о брате, если оно в нас пасется вместе с ненавистью, помышление о женщине, если питается нами вместе со скверным вожделением, помышление о серебре и золоте, если водворяется вместе с любостыжательностью, даже помышления о святых дарованиях, если пасутся в уме со тщеславием. То же будет и с другими помышлениями, если расхищаются они страстями.

Глава 18. Должно же не днем только наблюдать за помышлениями, но и ночью стеречь их неусыпно. Ибо случается, что воображающий что-либо срамное и лукавое губит свою собственность. Сие-то и означает сказанное святым Иаковом: «*Овцы звероядины не принесох к тебе: аз воздаях тебе от мене самага татбины денная и татбины ноцныя: бых во дни жегомь зноем, и студению в нощи, и отхождаше сон от очию моею* (Быт. 31, 39 и 40)». Если же от утомления придет на нас и какое-либо уныние, то, восшедши несколько на камень вЕдения, займемся псалтирию, ударяя добродетелями в струны вЕдения, и снова будем пасти овец под горою Синайскою, чтобы Бог отцов наших и нам воззвал *из купины* (см.: Исх. 3, 1–4) и даровал слова знамений и чудес. Как разумное естество, умерщвленное грехом, воскрешает Христос созерцанием всех веков, так Отец Его душу, умершую Христовою смертью, восстанавливает вЕдением себя самой.

Сие-то и означает сказанное Павлом: *Аще же умрохом со Христом, веруем, яко и живи будем с Ним* (Рим. 6, 8). Когда ум, совлекшись

ветхого человека, облечется в человека благодатного, тогда состояние свое во время молитвы узрит он подобным сапфиру, или небесному цветку, что Писание именует *и местом Божиим*, какое видели старцы под горою Синаем (см.: Исх. 24, 10).

Глава 19. Когда, наступив на тебя, который-либо из врагов нанесет тебе язву и тебе желательно, по написанному, обратить меч его в сердце его (см.: Пс. 36, 15), тогда поступай, как сказываем. Разбери сам с собою пущенный им помысел: каков он, из чего составился и что в нем особенно поражает ум. Смысл же слов моих таков. Пусть пущен им в тебя помысел сребролюбия. Разбери же его и рассмотри принявший его ум, понятие о золоте, самое золото и страсть сребролюбия.

Потом спроси: что же из этого есть грех? Ум ли? Но как ему быть грехом? Он образ Божий. Не понятие ли о золоте? Но и это скажет ли кто, имеющий ум? Не самое ли золото есть грех? Почему же оно сотворено? За сим остается, что не есть ни самостоятельная по сущности вещь, ни понятие о вещи, а также и не бесплотный ум, напротив же того, есть какое-то человеконенавистное услаждение, порождаемое свободою и принуждающее ум во зло употреблять Божии твари, – услаждение, которое отсечь в нас предоставлено Божиему Закону. И как скоро разберешь ты это, рассеется помысел, разлагаемый в собственном его воззрении, и демон бежит от тебя, как скоро мысль твоя сим вЕдением восхищена будет на высоту.

Глава 20. Если же не хочешь воспользоваться мечом вЕдения, а желаешь прежде покорить его с помощью пращи своей, то брось и ты камень из пастушеского своего *тобольца* (ср.: 1 Цар. 17, 49) и взыщи следующего умозрения: почему Ангелы и демоны соприкасаются с нашим миром, а мы не соприкасаемся с их мирами? Ибо ни Ангелов не можем мы приблизить более к Богу, ни демонов не преднамереваемся сделать более нечистыми. Спроси также, как *спаде денница восходящая завтра* (Ис. 14, 12) на землю и *мнит же море яко мироварницу и тартар бездны якоже пленника: возжизает же бездну, якоже пещь медяну* (ср.: Иов. 41, 22, 23, 22), всех возмущая своею злобою и над всем желая начальствовать?

Умозрение о сих предметах жестоко уязвляет демона и обращает в бегство все его полчище. Но сие бывает только для тех, которые достигли некоторой чистоты и прозирают несколько в законы сотворенного. Нечистые же не знают сего умозрения и если бы, научившись у других, вздумали сообщать кому, то не будут услышаны от множества пыли и сильного шума, во время брани производимого страстями. Ибо, без сомнения, нужно стану иноплеменников успокоиться несколько, чтобы один Голиаф вышел навстречу нашему Давиду. Так и в рассуждении всех нечистых помыслов будем употреблять это различие и этот род брани.

Глава 21. Из нечистых демонов одни искушают человека как человека, а другие приводят человека в смятение как животное бессловесное. И первые, нападая на нас, влагают в нас мысли тщеславия, или гордости, или зависти, или осуждения, которые не касаются ни одного из бессловесных. А другие, приближаясь к нам, возбуждают сверхъестественное раздражение или вожделение, потому что страсти сии общи нам и бессловесным животным, скрываясь в нас под природою разумною.

Потому и Дух Святой тем, которые впадают в человеческие помыслы, вещает: *Аз рех: бози есте, и сынове Вышняго вси: вы же яко человецы умираете, и яко един от князей падаете* (Пс. 81, 6 и 7). Но что говорит тем, которые приходят в движение неразумно? *Не будите яко конь и мек, имже несть разума: броздами и уздою челюсти их востягнеши, не приближающихся к тебе* (Пс. 31, 9). *Душа же согрешающая, та умрет* (Иез. 18, 20). Явно, что люди, умирающие как люди, людьми и погребены будут, а умерщвляемые или падающие как бессловесные, соделаются снедию неясителей и воронов, которых птенцы – одни призывают Господа (см.: Пс. 146, 9), а другие *валяются в крови* (Иов. 39, 30). *Имей ушы слышати да слышит* (Мф. 11, 15).

Глава 22. Когда некоторые из нечистых помыслов скорее других обратятся в бегство, будем доискиваться причины, отчего сие произошло: по редкости ли вещи и по тому, что трудно достать вещество, или по нашему бесстрастию не возымели над нами силы враги? Например: если кому из отшельников, по внушению демона, придет на мысль, что вверяется ему духовное правление в первенствующем городе, то явно, что недолго будет он занят сим помыслом, и причина сему, по сказанному, известна. Если же кто представит себе, что делается правителем какого ни есть города, и рассудит о сем подобно первому, то блажен он за свое бесстрастие. Подобным образом окажется, что такой же способ исследования имеет место и в рассуждении других помыслов. Сие же необходимо знать для нашего усердия и силы, чтобы известно нам стало, переступили ли мы за Иордан и близко ли к *граду Фиников* (ср.: Втор. 34, 3), или находимся в пустыне и бьют нас иноплеменники?

Ибо весьма разнообразным и изобретательным на обольщения кажется мне демон сребролюбия. Он нередко, стеснясь строгим отречением от мира, вдруг притворяется домостроительным и нищелюбивым, радушно принимает неприбывших еще странников, отправляет на служение к другим нуждающимся, посещает темницы в городе, выкупает продаваемых, присоединяется к богатым женщинам, указывает, кому должны сделать добро, а также и иным, у кого кошелек полон, дает совет отречься от мира и, таким образом постепенно обольщая душу, подчиняет ее помыслам сребролюбия и передает демону тщеславия.

Глава 23. И сей-то демон вводит множество прославляющих главного виновника сих распоряжений, и, представив ему, что иные заводят понемногу разговор о священстве, предсказывает потом скорую смерть настоящего иерея, и присовокупляет, что, употребив тысячи средств, не избежать ему избрания. Так бедный ум, связанный сими помыслами, препирается с теми, которые не одобряют выбора, а одобрявших с готовностью осыпает дарами, хвалит их за признательность, а иных, подающих противный голос, предаёт судиям и требует изгнать их из города.

Потом за этими помыслами, вошедшими внутрь его и вращающимися в уме, предстает вдруг и демон гордыни, частыми молниями бороздит воздух в келлии, насылает крылатых змиев и – последнее зло – лишает человека ума. Но мы, пожелав гибели сим помыслам, с благодарением будем жить в нищете. *Ничтоже бо внесохом в мир сей: яве, яко ниже изнести что можем. Имеюще же*

пищу и одеяние, сими доволни будем (1 Тим. 6, 7 и 8), помня, что сказал Павел: *Корень бо всем злым сребролюбие есть* (1 Тим. 6, 10). Все нечистые помыслы, надолго оставаясь в нас по причине страстей, доводят ум до пагубы и гибели. Ибо как мысль о хлебе надолго остается в голодном по причине голода и мысль о воде в жаждущем по причине жажды, так и мысли об имении и деньгах держатся в них долго по причине любостяжательности и мысли об яствах и о скверных помыслах, рождающихся от яств, держатся долго по причине страстей. Подобное сему откроется и в рассуждении помыслов тщеславия, также и других помыслов. Но ум, подавляемый таковыми мыслями, не может предстать Богу и увенчаться венцом правды. Сими-то помыслами низвлекаемый, и оный – упоминаемый в Евангелии – окаянный ум отрекся от вечери вЕдения Христова (см.: Лк. 14, 15, 18–20).

А также и связанный по рукам и ногам, и вверженный *во тму кромешную*, имел из сих же помыслов сотканное одеяние, которое звавший признал недостойным брачного пира (см.: Мф. 22, 11–13). Поэтому брачное одеяние есть бесстрастие разумной души, отвергшейся мирских похотей. Какая же тому причина, что долго остающиеся в нас помышления о вещах чувственных растлевают вЕдение, сказано о сем в главах о молитве.

Глава 24. У демонов, противящихся деятельной жизни, начальствуют три предстоятеля, за которыми следует все полчище сих филистимлян; они-то первые стоят на брани и нечистыми помыслами вызывают душу на грех. Они заведуют пожеланиями чревоугодия, они влагают в нас сребролюбие и они вызывают нас искать человеческой славы. Посему, возделывая чистой молитвы, наблюдай за раздражительностью и, любя целомудрие, владей чревом, не давай утробе своей в сытость хлеба, притесняй ее и в воде. Бодрствуй в молитве и памятозлобие держи от себя далеко. Словеса Духа Святого да не оскудевают у тебя, и в двери Писаний⁷⁷ стучи руками добродетелей.

Тогда воссияет в тебе бесстрастие сердца и звездopodobным узришь в молитве ум. Из мыслей одни в нашем владычественном кладут свой отпечаток и образы, а другие доставляют только вЕдение, не оставляя в уме ни отпечатка, ни образа. Сказанное: *В начале бе Слово, и Слово бе к Богу* (Ин. 1, 1), влагает в сердце некую мысль, но не производит в нем ни образа, ни отпечатка. А сие: *Приемь хлеб* – оставляет в уме образ, и также слово *преломи* (Мк. 14, 22) – производит в уме отпечаток. Сказанное: *Видех Господа сидяща на престоле висоце и превознесенне* (Ис. 6, 1) оставляет в уме отпечаток, исключая слов *видех Господа*, в которых самое изречение оставляет, по-видимому, отпечаток в уме, означаемое же им не оставляет никакого отпечатка. Исаия пророческим оком видел, что естество разумное, возвышенное деятельною жизнью, прияло в себя вЕдение, и именно БоговЕдение.

Ибо сказуется, что Бог восседает там, где познается. Потому и престолом Божиим называется чистый ум. Называется же и престолом бесчестия жена, то есть душа, ненавидящая правду, а бесчестием души – грех и невежество. Поэтому мысль о Боге не из числа оставляющих в уме отпечаток, но принадлежит к мыслям, не оставляющим в уме отпечатка. Посему молящемуся должно всячески отрешиться от всего,

---

⁷⁷ Слово *Писаний* дополнено по рукописи.

оставляющего в уме отпечаток. Спросишь: что имеет место в рассуждении тел и помыслов о них, то имеет ли также место и в рассуждении вещей бестелесных и их понятий, и иначе ли ум приемлет в себя отпечаток, взирая на ум, и иначе, взирая на понятие об уме? Из сего-то и познаем, сколько духовное ведение поставляет ум выше мыслей, оставляющих в нем отпечаток, представляет же его Богу не имеющим на себе отпечатков, потому что помысел о Боге не в числе оставляющих отпечатки. Также из умозрений, не оставляющих в уме отпечатка, одни означают сущность вещей бестелесных, а другие – понятия о них. И в рассуждении вещей бестелесных бывает не то же, что и в рассуждении тел. Ибо мысли о телах одни оставляют отпечаток в уме, а другие не оставляют, здесь же ни одна мысль не оставляет в уме отпечатка.

Глава 25. Когда демон чревоугодия после великих и усиленных борений не возможет растлить напечатленного в душе воздержания, тогда ввергает ум в вожделение высочайшего подвижничества, почему представляет ему на вид скудную Даниилову жизнь и служившие пищею *семена* (Дан. 1, 16), напоминает и о некоторых других отшельниках, целую жизнь так живших или начавших так жить, и понуждает соделаться их подражателем, чтобы, погнавшись за неумеренным воздержанием, не успел человек и в воздержании соразмерном, потому что не способно к тому тело по собственной своей немощи.

Конечно же, демон восхваляет за сие тело и предаёт проклятию сердце. И справедливым признаю для подвижников не слушаться демона сего и не удерживаться вовсе от хлеба, елея и воды. Ибо вот образ жизни, по испытанию братий, самый прекрасный: вкушать и сего не в сытость и однажды в день – для меня было бы удивительно, если бы кто, пресыщаясь хлебом и водою, возмог приять венец бесстрастия. Бесстрастием же называю не сокрушение греха в его действительности (ибо это называется воздержанием), но сокрушение его, пресекающее в уме страстные помыслы, которое святой Павел наименовал духовным обрезанием иудея, *иже в тайне* (Рим. 2, 29). Если же кто теряет бодрость, слыша сказанное, то да приведет себе на память *сосуд избран* (Деян. 9, 15) – Апостола, в гладе и жажде совершившего свое течение.

Но демону чревоугодия подражает и противоборник истины – демон уныния, внушая терпеливому мысль о самом строгом отшельничестве, призывая стать сорекователем Иоанна Крестителя и начатка отшельников – Антония, чтобы, не перенесши долговременного и вышечеловеческого отшельничества, бежал подвижник со стыдом, оставив место, а он мог наконец в похвальбу себе сказать: *Укрепихся на него* (Пс. 12, 5).

Глава 26. Нечистые помыслы к приращению своему приемлют и вещественное и простираются на многое, ибо по великой горячности страсти переплывают мысленно великие моря, не отрекаются совершать дальние путешествия. Очистившиеся же сколько-нибудь помыслы бывают гораздо их теснее и по немощи страсти не простираются на многое. Почему приходят более в противоестественные движения, и, по слову премудрого Соломона, *время некое вне глумятся* (ср.: Притч. 7, 12), и собирают *тростие* для незаконного *плинфodelания* (ср.: Исх. 5, 12, 7), да спасутся *аки серна*

от тенет и яко птица от сети (Притч. 6, 5). Ибо удобнее очистить нечистую душу, нежели очистившуюся и снова уязвленную возвратить опять к здравью, потому что не допускает сего демон печали, но во время молитвы носит всегда пред зеницами кумир греха.

Глава 27. Демоны не знают сердца нашего, как думают некоторые из людей, потому что Сердцеведец один *сведый ум человек* (Иов. 7, 20) и *создавый наедине сердца их* (Пс. 32, 15). Но по произносимому слову и движениям телесным познают демоны многие сердечные движения, о чем намеревался я теперь поговорить яснее, но удержал меня святой иерей, сказав, что подобные вещи не стоят того, чтобы делать их общеизвестными и говорить о них вслух непосвященным. «Так как, – продолжал он, – и бывшие вместе с сидевшим в засаде по закону подлежат ответственности». Впрочем, скажу: поелику демоны по таковым знакам узнают сокровенное в сердце и берут от сего повод действовать против нас, а мы нередко обличали некоторых злоречивых, не питая в себе к ним любви, то посему стали и мы добычею демона памятозлобия и снова возымели против них те лукавые помыслы, которые, как известно нам, составились прежде.

Посему-то справедливо обвиняет нас и Дух Святой: *Седя на брата твоего клеветал еси и на сына матере твоея полагал еси соблазн* (Пс. 49, 20), отворял дверь помыслам памятозлобия, приводил в смятение ум во время молитвы, представляя всегда лицо врага своего и даже боготворя его. Ибо, конечно, на что взирает ум, молясь, то достойно того, чтобы признать сие богом. Но будем, возлюбленные, бегать болезни осуждения, не станем ни о ком никогда воспоминать худо и при воспоминании о ближнем не будем отвращать взоров, потому что всякое наше телодвижение с любопытством наблюдают лукавые демоны и ничего не оставляют в нас не замеченным: ни восклонения на ложе, ни сидения, ни стояния, ни слова, ни выхода, ни взгляда – на все смотрят пристально, все употребляют в дело, *весь день* поучаются на нас *льстивным* (ср.: Пс. 37, 13), чтобы во время молитвы оклеветать смиренный ум и угасить в нем блаженный свет.

Смотри, что и святой Павел говорит Титу: *Во учении целость, слово здоровое, незазорное, да противный посрамится, ничтоже имея глаголати о нас укорно* (Тит. 2, 7–8). А блаженный Давид даже молится, говоря: *Избави мя от клеветы человеческия* (Пс. 118, 134), человеками, по разумности природы, именуя и демонов. Да и Спаситель в Евангелии всевающего в нас плевелы греха назвал *врагом человеком* (ср.: Мф. 13, 28), от которого да избавимся по благодати Христа и Бога нашего. Ему подобает честь и слава вовеки! Аминь.

Слово на евангельское изречение: Иже имать влагалище, да возмет, такожде и мех: а иже не имать, да продаст ризу свою и купит нож (Лк. 22, 36)

Глава 1. Предлагаемое изречение с первого взгляда заключает в себе, кажется, большое противоречие и противно прочим наставлениям Господа, но в смысле возвышенном оно как представляет полезное для поучаемых, так показывает попечительность Поучающего, а именно: что наставления Свои душевным возрастам для преуспевания и

усовершенствования по мере возрастания делает Он сообразными с каждым состоянием. Ибо почему повелевает теперь взять нож тем, которые научены уже подставлять ланиту ударяющим? Почему велит продать ризу и купить нож тем, которые, по принятии ими заповеди не имеют двух одежд, и действительно имели у себя одну, бывшую на них, ризу? Ужели Господу угодно было, чтобы Апостолы ходили нагими, что, по общему признанию, непристойно и несогласно с преданиями Господа? Пекущийся о душевной их свободе и неимением Своей собственности доставлявший им жизнь беспечальную не мог также вознерадеть о благоприличии, повелевая ходить с обнаженным телом.

Ибо как несвойственно любомудрию – простираться за пределы потребного и обременять душу излишними суетными заботами, так безумно и чуждо состоянию целомудрия – отказывать телу в служении ему необходимым. Посему должно приискать решение, сообразное тому и другому повелению, и показать, что прямо следует из обеих заповедей, а именно: что новоначальным прилична первая заповедь, а совершенным – вторая. Ибо если и непристойно иметь обнаженное тело в смысле буквальном, то в смысле созерцательном не только сие благоприлично, но и крайне полезно. Поэтому, кто защищает буквальный смысл сего изречения, тот может представляющееся в нем затруднение устранить так: Апостолам, приступающим еще к богочестию, Господь заповедал нестяжательность, желая, чтобы занимались они только изучением Божественных уроков, но и зная, что для несовершенных только опасно приобретение имущества, преуспевшим и не терпящим уже вреда от имущества позволяет небоязненно пользоваться имением, так как они не пристрастны уже к деньгам, подобно многим другим, и не преодолеваются прелестью сребролюбия, и говорит: *«Егда послах вы без влагалища и без меха, еда чесого лишени бысте?»* (Лк. 22, 35). А теперь говорю вам: *Иже имат влагалище, да возмет, такожде и мех* (Лк. 22, 36)».

Ибо вначале должно им было, не нося ничего при себе, изведать на опыте силу Учителя, которая им каждый день без их забот подавала потребное для тела (и даже не это одно, но и сказанное нами незадолго прежде), чтобы, деятельно обучившись нестяжательности, приобрели неизменяемый к ней навык, постепенно преуспевая в беспристрастии к себе самим, потому что сребролюбие погубило многих – оно низринуло в пропасть предательства и Иуду, который привык к деньгам по причине вверенного ему для служения верным *ковчежца* (ср.: Ин. 12, 6).

Глава 2. Но не знаю уже, чем защитится отстаивающий буквальный смысл в словах: «Кто имеет нож, да возьмет, а кто не имеет, да продаст ризу и купит нож», когда Господь везде требует, чтобы ученики его были мирны и кротки. Посему посмотрим, каким образом это повеление, хотя оно относительно к телу и в смысле буквальном невозможно, в духовном смысле возможно и полезно. Приближаясь уже к страданию и готовясь взойти на Крест, как по злоумышлению иудеев, так и по собственному изволению ради спасительного Домостроительства, говорит сие ученикам Господь, приготавливая к борьбе с противящимися истине, но не к борьбе по маловажным предложениям предприимлемой, где расположением борющихся управляет

раздражение, а к состязанию в подвиге, который внушен Богом по пламенной ревности к богочестию.

Ибо Господь видел уже, что бесстыдные иудеи с неистовством восстают против Божественного учения и спешат положить конец спасительной проповеди, а потому, восставляя учеников своих на сей подвиг с иудеями, повелевает им отложить прежнюю кротость, вооружась же сильным словом идти на обличение покушающихся низложить истину. Хотя христианину прежде всего потребно необходимое одеяние, приличное имени его звания, потому что не менее одежды украшают христианина степенная безмятежность духа и нрав скромный, однако же во время борьбы с противниками потребно ему и оружие слова. «Посему, – говорит Господь, – в то время когда посылал Я вас учителями к Израилю, хорошо вы делали, выказывая мирное состояние духа и таким поведением привлекая непокорных к послушанию, кротостию доводя их до благопокорности, потому что для убеждения действительнее сильного слова правая жизнь, в себе самой представляющая знающему оную убедительный повод признать себя посрамленным.

Но поелику по Моем Вознесении враги истины нападут на нее, то каждый из имеющих попечение о нравственном благоустройстве да отложит тщание о соблюдении мира и да уготовится к состязанию, ибо нет никакой несообразности для важнейшего оставить на время менее важное и, отложив кротость, сделаться воителем».

Глава 3. Сие советует и Пророк, говоря: *Кроткий да будет храбр* (Иоил. 3, 11). И как по пророческому слову: *Раскуют мечы своя на орала и копия своя на серпы* (Ис. 2, 4), то есть по прекращении брани со страстями душевные силы соделают земледельческими орудиями, так и наоборот: когда призовет брань, хорошо сложить с себя подобающее украшение, уготовиться же на борьбу и взять в руки меч за Господни заповеди, совлекишись и ризы нравственных добродетелей, если должно будет сражаться нагому, ибо таковой, может быть, в сражении будет безопаснее обложенного в ризу. Сие дает видеть Пророк, сказав: *И погибнет бегство от скоротекущаго, и крепкий не удержит крепости своея, и храбрый не спасет души своея, и быстрый ногама своима не уцелеет* (Ам. 2, 14–15); присовокупляет он: *Наг побегнет в той день* (Ам. 2, 16).

Господу угодно, чтобы таковым нагим был продающий ризу и покупающий нож, не отрекаясь, по причине истины означаемого, от того, что по буквальному смыслу кажется неблагоприличным. Ибо, желая, чтобы люди сообразовались всегда с тем, что для них полезно, дает нередко и противоположные советы, как сказали мы уже предварительно: иногда научает принимать заушения и не оказывать негодования, иногда же повелевает носить меч, показывая воинственный вид, вызываясь на брань и до вступления в оную устрашая врагов одним видом. И когда один Пророк повелел воинские оружия переделать в земледельческие орудия, вскоре после него другой Пророк дает, напротив, повеление земледельческие орудия переделать в воинские оружия. Один говорит: «*Раскуйте мечы своя на орала и копия своя на серпы* (Ис. 2, 4)», а другой: *Разсеците рала ваша на мечы и серпы ваша на копия* (Иоил. 3, 10). И советы сии хотя противны по букве, но не противны по разумению. Ибо один внушает,

что должно делать начинающим брань со страстями, а другой, что делать обратившим врагов в бегство.

Поэтому до времени хорошо быть облеченным в одежду и потом совлечься одежд, когда потребуется вместо ризы приобрести нож, потому что для безопасности не столько служит риза, сколько нож: в одежде – украшение, а не безопасность, а нож – великое охранение сражающемуся. Поелику же таковая риза полезна только до времени, достигнутому совершенства и восшедшему на кров умозрения воспрещается возвращаться назад. Ибо Господь ясно учит, говоря: *Иже на крове, да не сходит взять риз своих* (Мф. 24, 17-18).

Глава 4. Но есть и кровы превозношения, восходящих на которые порицает пророческое слово, говоря: *Что бысть тебе, яко ныне возлезосте вси на храмины тщетныя?* (Ис. 22, 1). Ибо эта храмина была не высота добродетели, имеющая прочное основание, но надмение пустой гордыни, скользкое для того, кто утверждает свое пребывание на таковой высоте. А кров истины стоит незыблемо, имеет неколебимую добродетель, основанную на умеренном образе мыслей, с него невозможно упасть, потому что самый венец крова безопасен, восшедшего горе, как в раю, хранит нагим и невинным. Если же кто не совлекает с себя таковой ризы по умирении брани со страстями и труда о нравственных добродетелях не заменяет старанием приобрести силу слова, даже не хочет освободить тело от безвременного труда, когда прошел уже мимо досаждающий телу сластолюбием, то подвергается он укоризне как отлагающий, когда уже не должно, продажу ризы и покупку ножа. И сие можно слышать от Приточника, который говорит: *Отими ризу свою, преjde бо досадитель* (Притч. 27, 13).

Ибо не менее строгости в деятельной жизни изнуряет тело рачительность подвига в Божественных словесах, даже еще более способствует трудящемуся о чистоте, потому что мысль не имеет времени возвращаться назад и заниматься страстями, готовыми его потревожить, так как помысел непрестанно устремлен к лучшему. Труд строгого жития, изнуряя тело, дает еще, может быть, время страстям подвигнуть праздную мысль к тому, что составляет собственное вещество страстей. Умозрение же, содержа привлеченным к себе всецелый ум, не дает места, не говоря, страсти, но даже и человеческому помыслу, призывающему, может быть, и к необходимой потребности. Не только страстное сластолюбие препобеждает услаждение умозрением, в котором с полезным срастворено приятное, но и естественную нужду.

Зная сие, и Павел говорит: *Телесное бо обучение в мале есть полезно, а благочестие на все полезно есть* (1 Тим. 4, 8); так свидетельствует о пользе первого при времени, а последнему приписывает всегдашнюю и постоянную пользу, потому что телесный подвиг прекращается в Будущем Веке, а вЕдение приемлет приращение в совершенстве, простираясь от видения уповаемых благ *зерцалом в гадании* к видению *лицем к лицу* (1 Кор. 13, 12).

Глава 5. Поэтому телесного упражнения должно совлечься, как ризы, и – трудов оного как цены за проданное для приобретения меча благочестия, который будет полезен к охранению и приведению в безопасность того, что есть у нас. Этот меч делается и похвалою, – похвалою, то есть не пагубною гордынею кичливого высокоумия, но

благодарным ощущением помощи Божией, как сказано кому-то: *Защитит помощник твой, и мечь хвала твоя: и солжут тебе враги твои, и ты на выю их наступиши* (Втор. 33, 29). Так продается риза, так покупается нож: продается риза, служа к приобретению того, чего не было прежде, и сама оставаясь в способности действовать, хотя, по смотрению, и прекращает свою действенность.

Ибо способность действовать хотя и не приводит в исполнение предстоящего ей делания, однако же, имея крепкую силу, когда захочет, обыкновенно действует беспрепятственно, подобно тому художнику, который полноту своего знания показывает на веществах и при недостатке оных остается праздным, между тем как знание его безмолвствует, а не уничтожается. Почему же совлекшийся таковой ризы и снова, по снисхождению к несовершенным, принужденный употребить ее в дело так говорит: *Совлекохся ризы моея, како облекуся в ню* (Песн. 5, 3), если не оставалась таковая риза, не выказывая своей действенности, однако же, сохраняя силу способности действовать? Почему продавший ризу непременно покупает нож, и первой не уничтожая, и приобретая последний. Да и какой покупает он нож? Тот, о котором говорит Христос: *Не приидох вовреши мир, но мечь* (Мф. 10, 34), мечом называя слово проповеди. Ибо как нож разделяет сросшееся и связное тело рассекает на части, так слово проповеди, вносимое в дом, во всяком из них, соединенных на зло неверием, отсекало друга от друга, отделяя сына от отца, дочь от матери, невестку от свекрови, рассекая самую природу, показывало цель Господня повеления, а именно: что для великой пользы и во благо людям повелел Он Апостолам взять нож.

Глава 6. Посему Петр немедленно отвечает, говоря, что два у них ножа, о которых Господь сказал, что их достаточно для подлежащего подвига. Ножи же сии, как говорит Апостол, суть обличение противопоставляемого и утешение верующих. Ибо в Послании к Титу так вручает их учителям, говоря: *Да силен будет и утешати во здравем учении и противящихся обличати* (Тит. 1, 9), чем и разделяет слово на два вида: ибо иной вид – слово учения к верным и иной – слово истины к врагам; и одно есть обличение лжи, а другое – подтверждение истины. А что мечом называет слово, это явно для всякого, так как на памяти у каждого часто повторяемое изречение Писания: *Живо бо слово Божие и действенно, и острейше паче всякаго меча обоюду остра* (Евр. 4, 12).

Ибо и здесь говорится о двояком действии слова. Но иной может назвать двумя мечами ясность и истину, ибо когда сочетаются они в слове, достаточно их к тому, чтобы покорять противящихся. Посему-то и первосвященник на слове, которое было у него на персях, имел таинственно возложенные *явление и истину* (Исх. 28, 30): явление для уяснения сказуемого и истину для низложения лжи. Потому и Петр, открыто употребив нож, когда урезал ухо рабу первосвященника, оказывается совершившим это вместе и таинственно, и назnamenательно. Ибо Апостолы в начале проповеди исполняли и предписываемое законом, когда к Двери, то есть к Рекшему: *Аз есмь Дверь* (Ин. 10, 7), приводили утверждавших о себе, что возлюбили они владычество Закона, и, взяв *шило* обучения, старались *провертеть* (ср.: Втор. 15, 17) рабский слух в свободу послушания.

Когда же иудеи признали себя недостойными Жизни Вечной и настала нужда обратиться уже к язычникам, тогда Апостолы глаголом Духа совершенно отсекают им слух, как недостойным уже слова свободы за непокорность. Ибо сказать: *Вам бе лепо первее глаголати слово Божие* (Деян. 13, 46) – значило повертеть рабский слух в свободу, а потом присовокупить: *Понеже недостойны творите сами себе Вечному Животу, се, обращаемся во языки* (Деян. 13, 46) – значило совершенно отсечь им слух.

Глава 7. То же самое говорит иудеям и Павел: *Иже законом оправдаетесь, от благодати отпадосте* (Гал. 5, 4). Ибо отпасть от благодати значило то же, что и быть отсеченными от слова свободы. Почему и Господь говорит: *Шедше убо научите вся языки* (Мф. 28, 19), по урезании уха у иудеев отверзая к послушанию ухо язычников. О сем задолго прежде и издревле свидетельствует и ветхозаветное Писание, ясно пророчествуя о том и другом, а именно: что у иудеев урезано будет ухо и что оно приложено будет язычникам. Ибо и Иезекииль говорит иудейскому сонмищу: *Ноздри твоя и уши твои обрежут* (Иез. 23, 25), потому что не прияли благоухания мира Христова, подобно той, которая говорит: *В воню мира твоего течем* (Песн. 1, 3), и по урезании и отъятии у них главных орудий чувств не пожелали, как овцы, слушать гласа Пастыря. А Исаия вводит самую церковь из язычников, которая говорит: *Приложи ми ухо, еже слышати, и наказание Господне отверзает уши мои* (Ис. 50, 4-5). Так языческой церкви Господь приложил ухо и ухо же урезал у церкви иудейской. И сие достаточно сказано о продавших ризу и взявших нож.

Посмотрим же, все ли мы, когда носим таковую ризу, носим ее право? Ибо об иных написано: *Яко всякую одежду собранну лестию и ризу с примирением отдадут* (Ис. 9, 5), а о других: *Ризы своя связующе ужами, завесы творяху держащияся требища* (Ам. 2, 8). Посему не имеют ли у нас лестию собранной одежды те, которые, в ересях подстерегая простодушных, одеваются в ризы нравственных добродетелей, но облакаются в них как в чужие, не в правду, а более для соблюдения доброго о них мнения, и преображаются, принимая на себя вид кроткий и скромный, чем и уловляют в погибель попадающих на сию уду?

Глава 8. Они-то в Будущем Веке *с примирением отдадут* (Ис. 9, 5) таковые ризы, потому что не восприимут наград за труды, но понесут за обман наказание и мучение от Бога, отмщающего *на вся оболченные во одеяния чуждая* (Соф. 1, 8), как говорит Он у Пророка. Ибо все, что делается не ради самого добра, а ради чего-либо иного, не только остается без награды, но и подлежит ответственности, а наипаче когда устроятся этим козни видящим, служа гибельною приманкою для простодушных.

Как тщеславие делает бесполезным труд добродетели и лишает трудившегося вечных наград, само для себя служа малоценною наградою за великие труды, скоропреходящею похвалою за трудные подвиги, скорогибнущею почестию, увядающею прежде, нежели созреет как должно, так образ благочестия, притворно приемлемый для обмана, делает труд не только напрасным, но и опасным, осуждаемым не на лишение только награды, но на продолжительное и крайне мучительное наказание. Так неким, изнурившим себя и понесшим

таковой труд, Апостол сказал: *Толика пострадасте туне? аще точию и туне!* (Гал. 3, 4), словом *туне* означив лишения наград, а словами *аще точию и туне* – достопащевность ожидаемого мучения. *Держащися же требища завесы, ужами связующе ризы* (ср.: Ам. 2, 8) творят, может быть, и некоторые из служителей Церкви, которые лицемерно подражают священнодействующим непорочно под покровом внутри святилища. Ибо иное есть завеса (катаπέτασμα) и иное покров (параπέτασμα), хотя сходство названий скрывает различие вещей.

Завеса вешается, где ни есть, на время по необходимости, чтобы не совершать открыто пред глазами всех, что требует сокровенности, и она с обеих сторон прикрепляется наперекос вязями от правой руки к левой, не имея ничего над собою сверху, а покров спускается на вязях, прикрепленных сверху, как и самое имя, по словопроизводству, показывает падение ткани сверху; и, может быть, означаемся им мы, когда приемлем на себя труд в добродетелях ради Владыки, видящего втайне, укрывая совершаемое от очей человеческих долу, обнаруживаем Единому, зрящему свыше.

Глава 9. И Предложение имеет причину горЕ, завися от благоугождения Богу, подобно и покров свешивается, простираясь сверху. Делая добро, священнодействуем мы под покровом. Но когда, выставляя на вид образ целомудрия или нестяжательности, втайне делаем противное и, распростирая завесу ужами грехов, иной образ отпечатлеваем в себе, а иным прикрываемся сверху, притворною наружностью придавая честный вид скрытному стыду и обманом уловляя взоры людей, чтобы прославиться благочестием и добродетелию, тогда под завесою тайн к укоризне нашей то, что, если откроется, заслужит осуждение.

Ибо как добродетель, совершаемая втайне, имеет похвалу от Бога, а совершаемая явно, громко провозглашается, так и пороку, пока сокрыт, угрожают только наказание и мучение, а когда обличен, готово конечное осуждение. Но хотя здесь не явны таковые развращенные начинания, прикрываясь благочестною наружностью, однако же непременно обнажены будут там, когда отнимется у них мнимая их слава, обнаружится же и сама собою воссияет истина. Ибо о них-то, может быть, говорит Исаия: *Господь откроет срамоту* (τό σῆμα) *их в день он* (ср.: Ис. 3, 17-18). Но упражняющиеся в добре не все таковы, хотя некоторые для уловления славы человеческой звание благочестия проходят нечисто. И по причине обманщиков не должно клеветать и на рачительных. Ибо действительно посвятившие себя добродетели и делами не солгавшие своему обету, но и сокровенное уподобившие видимому, у которых наружность служит истолкованием самой вещи и которые не кажутся только тем, за что выдают себя, но, какими именуются, таковы в действительности или стараются лучше, не во мнении других, но сами в себе, таковыми быть, при помощи все Испытующего, даже и глубины сердечные, и Воздающего каждому по собственным его делам, а не по предзанятому о Нем понятию. А с другой стороны, и из них также некоторые уклоняются от истинной цели, превозносясь и думая, что собственными силами усвоили себе украшение добродетели.

Глава 10. Ибо редкое и крайне трудное дело – понести величие добродетели, не превознесшись мыслию, не надмившись

преуспеваниями, пребыв смиренным и, как говорит некто, бесквасным, потому что бесквасное и вблизи огня не надувается, но пребывает в смиренном виде и скромно о себе думающий не превозносится, упражняясь в добродетели, благоговением удерживаемый от надмения кичливости. Им Законодатель дает совет иметь пред очами страх Божий, приставив его навсегда пестуном неразумного превозношения и святым наставником в целомудрии. Ибо повеление на краях ризы делать кисти из *прядения синяго* (ср.: Чис. 15, 38) и взирающим иметь в этом всегдашнее напоминание о Божественных заповедях, как мне кажется, знаменательно дает разуместь сие самое, потому что как кисть – начало ризы, так начало премудрости – страх Господень.

Посему его-то должно искать на всякой вершине добродетели (потому что вершины скользки, маломысленных совращают в высокоумие), чтобы, непрестанно колеблясь пред очами души, сдерживал он от надмения преуспеваниями и научал доблестного, что хотя и сам он исткал себе ризу, однако же Бог дал ему мудрость для такового исткания; и Виновнику познания, а не делателю подобает приписывать всю силу.

Таким образом и добродетель будет блистательнее, будучи признаваема делом Божиим, и приобретение ее для приобретающего пребудет приводимо в безопасность страхом Божиим, как всегда охраняемое благоговением к Самому Богу нашему. Ему слава и держава веки! Аминь!

Сказания об избииении монахов на горе Синайской и о пленении Феодула, сына Нилова

Сказание первое

Святой Нил после недавней потери Феодула, не внимая утешению собеседников, оплакивает пред ними горе свое

Скитаясь после нашествия варваров, пришел я в Фаран и слышу⁷⁸: некоторые, проходя мимо, славят пустынную жизнь и в разговоре между собою соплетают ей множество похвал, а именно: что она исполнена тишины, свободна от всякого мятежа, дает в безмолвии простор душе любомудрствующей о видимом и, чрез видимое простираясь далее, возводит ее до приближения к БоговЕдению – этому крайнему пределу желаний и окончательному блаженству, по единогласному признанию всех мудрых от века.

Когда же внимательно посмотрел я на них заплаканными глазами и весьма болезненно вздохнул, потому что сидел в сильном смущении от постигших меня горестей и на лице моем явны еще были свидетельства моего бедствия, они, желая, может быть, поговорить со мною, поворотив с прямой дороги, уклоняются ко мне, садятся кругом, заключив меня в середину, и, немного помедлив, когда увидели, что молчу и вздыхаю, неотступно и вместе с участием начинают спрашивать о причине смущения. А я при этом требовании вздохнул еще горестнее, потому что вопрос снова привел в сильное движение успокаившуюся несколько память и понудил помысел представить себе

---

⁷⁸ Из двух чтений: τὴν ἐς ἀκοῦον τέσ (как в рукописи) и τὴν ἐς ἀκοῦον τόс μου (как напечатано) — здесь предпочтено последнее.

дело как бы теперь совершающимся, так как рассказ о происшествии должен был впечатлеть в мысли то самое, что чувством изведено на опыте. «В сказанном ли нами опечалило что тебя, старец, как ложное, – говорили они, – и сидишь ты, оплакивая несправедливость нашего мнения? Или есть у тебя своя какая-нибудь скорбь, близкая к нашему разговору, и сетуешь ты, втайне терзаемый воспоминанием? Что не легко твое страдание, ясно говорит о сем твоя унылость, показывающая внутренне мучащую тебя печаль; признаком ее служат слезы».

Такое обращение мужей сих едва разрешило связанный язык мой. «Что ж мне сказать? – отвечал я. – И для чего дам вам ответ, когда облако печали не позволяет хорошо вникнуть в суждение о том, что истинно? Одного я мнения с вами; зная пользу пустыни, весьма дивлюсь ей; посему, препобежденный любовью к ней, принудил себя оставить все: дом, отечество, родство, друзей, домашних, имение. Но пустыня и погубила, что всего было для меня любезнее, она-то, как видите, оставила меня одного, лишенного всякого утешения; и хвалить ее не позволяет мне болезненное чувство постигшего меня горя, преодолевшего и могущество любви⁷⁹. А когда одна страсть превозмогает другую, тогда вовсе не дает она места побежденной, непременно хочет иметь полное начальство и как чего-то неприязненного избегает того, чтобы призвать кого в общение⁸⁰.

Но вот простота моя! Пускаюсь любомудрствовать, оставив и сетование о сыне, и рассудок мой нашел себе для этого время, хотя доньше боялся и подумать о чем-либо ином, кроме Феодуловой смерти. Ибо вот непрестанно передо мною призрак, так и иначе в разных видах смерти представляющий мне умерщвление сына; вижу, думается, как он от удара, где был, упал вдруг и мечется по земле; слышу, кажется, болезненный его голос и в уме только представляю все это, что лучше было бы видеть собственными глазами своими.

Увы, жалкое чадо мое, хотя жив еще ты, хотя умер! Какое горькое рабство, если избежал ты смерти! Какое и гроба тебе не давшее погребение, если поразил тебя варварский меч! Что буду оплакивать в твоём рабстве? О чем буду проливать слезы в твоей смерти?

Если ты жив еще и в рабстве (но никакая вероятность не позволяет этого и думать, потому что варварская рука когда не готова на убийство, чтобы услужить зверскому гневу, жаждущему всегда человеческой крови?), то каково твое положение? Без сомнения, ежедневные побои, не знающие сострадательности приказы, беспощадные угрозы, жизнь звероподобная и кровожадная; самые тяжелые, выше сил твоих, работы, и помыслить о побеге не дающая стража, безнадежность свободы, ежедневный страх смерти, всегда вблизи меч, потому что им только умеет варвар измерять свое негодование: нет у него наготове ни бича, ни жезла для ударов; и за малый, и за великий проступок известно ему одно наказание – смерть; иногда нет и вины, иногда рассвирепел варвар от упоения или предался неразумной стремительности и, как научен привычкою, не задумавшись, забавляется гибелью других.

---

⁷⁹ Вместо: του πάθους по рукописи читается: του πόθου.

⁸⁰ По рукописи не читается последняя речь, начинающаяся словами *а когда одна страсть*.

А если умер ты, сын, то где и когда тело твое подверглось закланию, откуда излился поток твоей крови? Как трепетал⁸¹ ты, обливаясь с перстия смешанною кровию, и бедные ноги твои на позор видящим бились в предсмертных содроганиях? Как умолял ты убивающего варвара, жалобными телодвижениями думая смягчить его жестокость? Человеческое слово, трогательными звуками изображая прошение, преклоняет на жалость и раздраженную душу, но вы оба не понимали языка друг друга. Где было место твоего падения? Какие звери растерзали члены твои? Какие птицы напитались твоею плотию? Какое из светил при восхождении своим увидело сокровенности чрева твоего, явственно узрело излившиеся внутренности? Что преодолело твердые звериные зубы, или оказалось в остатке по их пресыщении⁸², или стало недоступным их силе, то лежит теперь на солнце под открытым небом и по причине необитаемости места не удостоилось честного погребения.

Если бы кто принес и отдал мне это или привел и поставил меня у этих останков, то, конечно, имел бы я хотя малое утешение в горе, как с живым и чувствующим стал бы беседовать с оставшимися членами, хотя кость или часть плоти и волос была бы пред глазами у меня. Кого не вдруг поражает бедствие, те и в самом несчастии находят много утешения и подлинно вкушают последнюю отраду, когда долго ходят за больными родственниками, много времени насыщаются их лицезрением, сидят при них, когда борются они со смертью, слышат последние слова умирающих, провожают, когда выносят умерших, и смотрят, как кладут последнюю печать на могиле. Все это много немалого утешения доставляет плачущему: проводы, погребение, сострадательность друзей облегчают печаль. А я чем подобным утешу себя в горе? И рода смерти его не знаю, не имею и представления о мертвом, которое бы отпечатлелось в воображении при его кончине. Чьи черты не преданы памяти зрением, тот представляется нам в образах непостоянных и неопределенных, которые, так и иначе отпечатлеваясь в мысли, мучат ее, обманывая превращениями сих мысленных впечатлений.

Какая неизвестность бедствия! Какая неопределенность горя! Не знаю, что и оплакивать, неизвестно мне, о чем и сетовать. Проливать ли слезы о мертвом или о живом, о заключенном в узы или об умерщвленном? О потерпевшем горькое рабство или о подвергшемся болезням смертным? Пленник должен ожидать себе всякого оскорбления; когда бы и не думал, подвергается он наказаниям, воля господина властна сделать о нем всякий приговор.

Доныне все со мною разделял ты, сын, а плен теперь испытал один. Со мною разделял ты дальнейшее путешествие, бедствовал на чужой стороне⁸³, терпел злострадания в пустыне, во всем, что ни предпринимал, подражая Исааку в послушании его отцу. Почему же теперь разлучило тебя со мною последнее бедствие и один ты исчерпываешь горести плена? Для чего оказано мне это человеколюбие и избежал я смерти, не изведав острия меча? Почему и меня разящая рука не присовокупила к прочим мертвецам, но пощажен я для

⁸¹ Вместо *ésparej* по рукописи читается: *éspairej*.

⁸² Вместо: *кóров* по рукописи читается: *кóров*.

⁸³ Сие дополнено по рукописи.

испытания больших бед, по зависти лишен скорого избавления от горя и вдали от тебя проливаю болезненные слезы?»

«Но поелику вижу, – продолжал я, – что состраждете вы мне и те же питаете чувствования, какие имею и сам я, страждущий, чему доказательством служат и напряженное ваше внимание и частые вздыхания, то расскажу вам о себе подробно, не распространяясь в словах: имеете ли только досуг выслушать меня и не призывает ли вас какая необходимость к удовлетворению собственным своим потребностям?⁸⁴ Ибо тяжел бывает рассказ для души развлеченной, когда есть у ней помысел о чем-либо озабочивающем более, нежели то, что слушает».

Но в лице и в голосе дав заметить, что вопрос этот им неприятен, сказали они: «Какое же препровождение времени может быть предпочтено сему: уврачевать скорбное сердце и избавить от печали болезнующую душу? Как облако перестает быть темным, источив из себя дождевые капли, и постепенно теряет свою мрачность, очищаясь от водяного тумана, так и душа облегчает свою горесть, описывая свои бедствия и рассказом о причинах печали истощая в себе неприятное ощущение. Горесть, пока о ней молчишь, обыкновенно мучит, как и мокрота в воспаленной ране, в которой гной⁸⁵ непрестанно требует себе выхода и не имеет пути, чтобы выйти вон и очистить нарыв». Поэтому признали они справедливым, чтобы я рассказывал. И сим-то начинаю мою повесть.

Сказание второе

Святой Нил, рассказав, что привело его с сыном в пустыню, и кратко упомянув о недавнем убиении святых, на возражение собеседников, что избиение сие не согласно с путями Божия Промысла, многими примерами из Священной Истории доказывает противное

«Два родилось у меня сына, друзья: тот, которого, сидя здесь, оплакиваю, и другой, оставшийся при матери. По рождении их оставил я сожителство с супругою, рассудив, что и двоих достаточно – для продолжения ли то рода, для услуг ли под старость. Для всякого же разумного существа признал я приличным не до пресыщения предаваться удовольствиям и дозволением закона не злоупотреблять в оскорбление природы, но, как можно скорее, полагать себе в этом предел, как скоро услужил кто намерению⁸⁶ Сотворшего, который установил брак для размножения рода, а не для удовлетворения страсти. Иначе же, когда впоследствии силы увянут, пожелания угаснут, сама собою наступит старческая тишина, преуспеяние в целомудрии припишется уже не ревности произволения, а необходимости возраста. Ибо не изведавший брани никогда не воздвигнет себе победного памятника, и по окончании борьбы ни один борец не может хвалиться победою и тем, что он не пал, когда некому было уже с ним бороться. Но честь подвижнику, когда во цвете лет в

⁸⁴ По рукописи читается: εἰ σχολήν πρός τήν ἀκρόασιν ἄγετε, καί μὴ τις ὑμᾶς ἀνάγκη πρός οἰκείαν χρεῖαν καλεῖ.

⁸⁵ Вместо: τοῦ πάθους по рукописи читается τοῦ τραύματος, а вместо: τοῦ ποιοῦ — τοῦ πρῶου.

⁸⁶ Вместо: τῷ σκοτῷ по рукописи читается: τῷ σκοπῷ.

жару вожделения, в пылу страстей рассудок его одерживает верх над пожеланиями, сильное влечение к супружескому сожитию, хотя оно и законно, подавляет в себе, свидетельствуя тем, что полномочную власть имеет он над собою.

Но меня влекло какое-то сильное желание к сим местам, в которых теперь потерпел я утрату, весь окрылен был я помыслом о безмолвии: кроме этого не мог ни о чем ином думать, ни на что и посмотреть. Ибо, когда любовь к чему-нибудь овладеет душою, тогда с великою силою отвлекает ее от всего, даже весьма достойного ее внимания, уносит же к тому, что возлюбила, так что не смотрит она на труд и утомление, не принимает во внимание и оскорблений, всем усердно служит, добровольно отдаваясь в полную власть пожеланию, и с приятностию несет на себе иго подчинения, по самопроизвольной и охотно принятой необходимости.

Сия-то любовь предписывала мне идти в путь, и не мог я противоречить повелевавшей так самоуправно – беру детей (а они были еще очень малы), привожу к матери и одного отдаю ей, а другого удерживаю при себе; сказываю ей, на что я решился, и строго подтверждаю, что не переменю намерения. Она же, и прежде не приучившись противоречить, и тогда по лицу моему увидя, что не послушаю просьбы, но и принуждения не вынося, и слез не удерживая, соглашается на мое путешествие, уступив больше необходимости, нежели самым делом одоблив мое произволение. Ибо, видя, что решение мое непременно, и представляя себе скорбь разлуки, не позаботилась о своей печали, но поставила для себя целию угодное мне и пожелала уступить победу в том, в чем не могла одержать победы, если бы и хотела.

Но знаете, какова разлука для тех, которые единожды навсегда по закону соединены союзом брака, по таинственному смотрению Сочетавшего соделались единым телом. Какую боль причиняет меч, рассекающий тело, такую же причиняет и разлука для ставших *единою плотию*. Дивился я тогда силе вожделения, когда видел, что препобеждало оно и природу, и долговременную привязанность. Об этой силе заключил я потому, что разрешала она неразрешимые узы, которые может расторгать одна смерть, делая расторжение сие неболезненным, потому что приводит в бесчувствие. А в живых чувство делает болезнь сию еще невыносимую, напоминая и о привычке, и о расположении друг к другу, если только вожделение высшего блага не притупит вдруг жала прежнего пожелания.

Такое вожделение соделало меня любителем сего безмолвия и путеводило до вожденной пустыни. И пустыня долгое время давала мне возможность проводить жизнь с приятностию, наслаждаясь великою тишиною, при попутном ветре направлять себя к цели, пока (не знаю откуда и как) приблизившаяся буря не воздвигла этого волнения, которое подвергло крушению сии ладии, несшие на себе тысячи святых тел, – подвергло крушению, но не потоплению, разбило их, но не причинило вреда их грузу, потому что все приобретенное куплею кормчие сии взяв с собою, привели ладии из моря к Небу, одни отпадшие доски оставив в добычу разбойникам».

«Какая же причина избиению святых? – сказали собеседники. – Почему неукоризненно служащие Богу преданы на погибель

нечестивым, став игрищем варварской руки? Почему в бездействии оставалась сила Промысла, взирая в молчании на таковое злодеяние, не воспрепятствовала, хотя и могла, сему нашествию, не поразила слепотою приближавшихся злоумышленников, не иссушила незаконные десницы, простертые на святых, что, как повествует Писание, неоднократно бывало для блаженных мужей?

Ибо некогда вавилоняне, несправедливо ополчившиеся на Езекию, возвратились ни с чем. Не в силах были причинить обиду притесняемым, утратили многих из собственного своего воинства, и, когда в целом стане предались все сну, весьма малое число живых оказалось поутру, потому что сто восемьдесят пять тысяч преданы были смерти, и никто не мог сказать, как они убиты и кто их умертвил. Такое безмолвное поражение было делом одного Ангела в одну ночь; ряды вооруженных мертвецов лежали и казались более спящими, нежели умершими, не имели на себе ран от меча, но не имели в себе и жизни, действительно же стали мертвы, хотя и не показывали на себе следов убиения, – чем в великое недоумение приводили своих. Каждый, пробуждаясь, толкал своего соседа, но тот был неподвижен; кликал его, но он оставался безгласен; осматривал его тело, и оно не было язвлено; искал дыхания в ноздрях, и не оказывалось там искомого; наконец, воссиявшее поутру солнце объяснило постигшее бедствие, в цвете лица умерщвленных показав признаки смерти. А также пришедшие к Елисею ассирияне и искавшие святого, чтобы убить его, и содомляне, приступавшие к Лотову дому для поругания Ангелов, поражены были слепотою и преданы в посмеяние тем, кого искали, стали игрищем тех, кому хотели причинить обиду.

Одни в расслаблении ощупью искали двери, другие не знали, куда идут за вождем; хотя подле них был ими искомый, однако же не в силах были к нему приблизиться, наподобие больных и увечных; облечены были в полное оружие, но оно оставалось в бездействии, как у лишенных или силы, или членов для воинских отправок, потому что взор, предводительствующий ими, или совершенно умер, или погружен был в глубокий сон. Поэтому за одним безоружным следовало множество плененных врагов и могло бы легко быть уничтожено на стремнинах и в пропастях, если бы то было в намерении и произволении ведущего, но они спаслись, когда попечительностью Пророка возвращено им зрение, и могли они увидеть путь, ведущий в собственное их отечество.

В другое время, когда нечестивый царь, прогневавшись на Пророка, обличавшего его беззаконие, простер на него вооруженную руку, меченосная рука его осталась простертою в обличение убийственного изволения и, поднятая вверх, была суха, как у статуи, которая не может дать себе иного положения, кроме того, какое получила вначале от вылившего ее художника. И сие было для того, чтобы пророческое тело не потерпело обиды, какую готовила ему незаконная рука, служа несправедливому гневу. Итак, почему же умершие ныне умерли как беспомощные? Воля убийц удобно совершила дело, никто и нигде не противопоставил им препятствия?»

«Должно ли теперь, – сказал я, – вести речь о Промысле? Да и кто в состоянии постигать суды Божии, чтобы при таком разнообразии событий доказать правдивость Божия Домостроительства? Всякий

человеческий рассудок, если внимательно входит в такое исследование, теряется, препобеждаемый трудностью уразумения, не находя благовидной причины, какую можно было бы приложить к событиям. Ибо и древле бывало много подобного, и козни людей лукавых достигали своего конца, а правосудие пока молчало, не наказывая дерзких и медля отмщением, потому что исследование всего этого, без сомнения, предоставляется времени Суда. Почему Авеля, благочестие которого засвидетельствовано Богом, позавидовав, убил Каин и тем опечалил родителей, никогда еще не видевших мертвеца и совершенно не знавших опытно смерти, разгневал Бога тем, что отважился на сие первое убийство, в новой твари уменьшил едва начавший размножаться род, не пожалел брата, с которым разделял общее и рождение, и воспитание, не захотел иметь утешения в уединении, будучи должен жить один на такой широте земли, потому что людей было немного и не утешали они друг друга своею многочисленностью? Почему беззаконная Иезавель велела побить камнями Навуфея, не уступавшего ей во владение виноградника? Почему от одного меча Доикова пало триста шестьдесят три иерея? И еще в Иерусалиме овладевшими им врагами избито бесчисленное множество праведных и предано на съедение зверям и птицам, о которых Песнопевец, оплакивая их, сказал: *Положиша трупия раб Твоих брашно птицам небесным, плоти преподобных Твоих зверем земным: пролияша кровь их яко воду окрест Иерусалима, и не бе погребаяй* (Пс. 78, 2-3).

Почему умирали лики Пророков и Апостолов, по злоумышлению беззаконных претренные пилюю, усеченные мечом, побитые камнями, когда не только не сделали ничего достойного смерти, но еще были всегда благодетелями умертвивших? Не буду говорить о невинном возрасте младенцев, из которых одни при фараоне потопляемы были в речной воде, присужденные на сию смерть из опасения, чтобы не умножилось юношество, а другие при Ироде, чтобы не воспитан был втайне подозреваемый им царь, жалким образом убиты мечом, прежде, нежели вкусили сладостей жизни, испытав болезни смертные.

И при всем этом безмолвствовал Судия, невозбранно попустив своевольствовать дерзости убийц, потому что день Суда назначил для них пределом воздаяния за содеянное и до тех пор оказывает долготерпение, и преступление законов, и ответственность за это соблюдая до оного времени. Но касаться сих учений, как сказал я предварительно, не соответствует ни настоящему времени, ни моим силам. Много нужно времени и искусный потребен язык, чтобы согласить это с правдою Божиею.

Но что теперь побуждает сказать меня горе мое, то скажу: может быть, и для меня будет это легче, когда облегчится несколько нестерпимое мое мучение, потому что не могу перенести воспоминания о том, что видел на самом деле. Не знаю, как перенес я это, когда изведаль на самом опыте, потому что всячески избегаю болезненного о сем воспоминания. Готов я досадовать на глаза мои, которые стали виновниками преследующих меня образов, будучи принужден постоянно видеть их перед собою; непрестанно ощущаю уязвляющее меня горе, – ночью в сновидениях, а днем в помыслах, причиняющих жестокую скорбь, потому что, когда и сплю, не имею беспечального сна, как многие после дневных забот во время сна находят успокоение;

и тогда смущает меня представление совершившегося, в ясных призраках показывает только что убитого и еще трепещущего, как бы новым горем обновляя прежнюю скорбь.

Но для последовательности, дающей удобство слову, нужно сперва описать житие святых в этих местах и сказать о жизни нападших варваров, чтобы целый состав истории имел связную стройность и не было опущено ничего такого, о чем необходимо знать любознательным, потому что умолченное огорчает ревнующих о приобретении сведений, равно как неудача в достижении того, что было желательно, всегда оскорбляет, пока познанное не удовлетворит желанию».

Сказание третье

Нравы и религия аравитян; также добродетели и труды святых пустынных, подвизавшихся при горе Синайской

«Итак, упомянутый выше народ обитает в пустыне, простирающейся от Аравии до Египта между Черным морем и рекою Иорданом, не занимаясь никогда ни искусством, ни торговлею, ни земледелием, но в одном мече находя способ к пропитанию. Варвары сии, питаясь мясом, проводят жизнь, или охотясь за пустынными животными, или грабя встречающихся на дорогах, где устраивают им засады, чем случится удовлетворяют необходимой потребности. Когда же бывает недостаток в том и другом и совершенное оскудение в необходимом для жизни, тогда употребляют в пищу вьючных животных (а это одногорбые верблюды) и ведут жизнь зверскую, питаясь почти сырым мясом. Ибо, когда для целого родства или для живущих в одной куче закаляют верблюда, тогда, в легком жару на огне смягчив жесткость мяса, чтобы без большего только усилия уступало оно терзающим зубам, едят оное, так сказать, как псы.

Не зная Бога, ни умом познаваемого, ни рукотворенного, поклоняются они утренней звезде, при восхождении ее приносят в жертву лучшее из добыч, когда после разбойнического набега бывает у них что-нибудь годное для заколения. Но стараются наипаче приносить в жертву детей, отличающихся красотою и цветущим возрастом, совершая сии жертвенные приношения пред утром на сложенных в кучу камнях.

Сие-то, друзья мои, крайне меня мучит и смущает; боюсь, чтобы и сын, имея вид приятный и привлекательный, сим беззаконным не оказался, по их мнению, пригодным для сего обычного им нечестия и тело чистой души не было принесено в жертву за нечистых убийственным демонам, став искупительным и очистительным, как думают они, приношением за них, приобыкших не щадить таковых человеческих жертв. Ибо не знают они жалости к умерщвляемым детям, хотя бы те стали умолять их жалобным голосом.

А когда нет на жертву детей, белого цветом и не имеющего недостатка верблюда заставив преклонить колена и протянувшись все длиною цепью, троекратно обходят вокруг лежащего животного. Шествие же сие и песнь, сложенную ими в честь звезды, предначинает кто-либо или из царствующих, или из жрецов, почтенных по престарелому возрасту. Он-то после третьего обхождения, когда народ не кончит еще песни и в устах всех слышны заключительные слова песнопения, извлеки меч, сильно поражает верблюда в шею и первый

с поспешностью отведывает крови; так подходят и прочие: одни отрезают ножами по малой части от дара даже с волосами, другие отсекают и похищают, какой случится, кусок мяса, иные же простираются до внутренностей и утробы, ничего из жертвы не оставляя не употребленным в пищу, чтобы ничего не могло увидеть восшедшее солнце, потому что не отказываются ни от костей, ни от мозгов, препообеждая жесткость постоянством и твердость старательностью. Таков-то у варваров закон жизни и богослужения. Так живя в пустыне, переходят они с места на место, располагаются станом там, где есть привольный корм скоту и где можно найти обильную воду.

Но немногие места в этой пустыне, где телесной потребности можно удовлетворить обилием воды, избрали для себя проходящие иноческую жизнь; и одни построили себе хижины, другие живут, поселясь в подземельях и пещерах. Немногие из них, зная приготовление пищи из хлебных зерен, бесплодие этой пустыни прилежанием могут принудить к произращению жита, малым заступом возделывая небольшое количество тощей земли: сколько нужно, чтобы прожить со скудостью. Многие же, возлюбив наскоро уготовляемую и безыскусственную трапезу, употребляют в пищу дикорастущие овощи и древесные плоды и навсегда распростились с хлопотами поваров и хлебопекров, чтобы, потратив много времени на услужение телу, не стать нерадивыми к занятию чем-либо более необходимым, но чистым умом трезвенно служить Богу, не обременяя помысла упоением плоти и запахом варений не лстя сластолюбию чрева.

А ныне так усилилось ненасытное сластолюбие, что и зрение, и обоняние, и вкус заставляет служить прихоти смешиванием соков в различные по запаху, цвету и качеству составы, уразноображивающие то, что служит к воспламенению сластолюбия. Для людей лакомых недостаточно разности во вкусе и различия в запахе съестных припасов, если не будет раздражать позыва к пожеланию пищи разнообразие в цвете варений, чтобы прежде вкушения услаждалось зрение желтым, белым или водянисто-черным цветом. А чтобы услаждалось также и обоняние, надобно примешивать к варениям самые благоуханные благовония, и, чтобы вкушаемое приятно еще было гортани, для услаждения ее должны быть смешиваемы вещи разных качеств: сладкое и пряное нужно срастворять с горьким⁸⁷ и соленым. Но надобно и зрение не лишать наслаждения. Для этого желтяк⁸⁸, сарачинское пшено, шафран, молоко из орехов и другие многие различно окрашивающие вещества живописными смесями приправляют цвет кушанья, чтобы этот господин – чрево – по всему признавал тщательность приуготовления, поверив сказанным чувствам как опытным судиям, умеющим хорошо оценить ощущаемое ими.

Но не таков был образ жизни упомянутых выше пустынников: не за удобствами гнались они; и не только отказывали себе в том, что приятно по качеству, над всем, что сверх потребности, посмеяясь как над напрасным и бесполезным, но и во многом из того, чем изобилуют, ревность к воздержанию простерли на самое количество, принимая пищу в такой только мере, чтобы не умереть вопреки воле Жизнодавца и чрез это не понести утраты в наградах за делание доброго в жизни

---

⁸⁷ Вместо: *οτρυφων* по рукописи читается: *οτρυφων*.

⁸⁸ Растение, называемое иначе *куркума*.

сей. Поэтому одни прикасаются к пище только в день воскресный, продолжение всей седмицы проводя в неядении, другие избрали средний путь, предлагая трапезу дважды в седмицу, иные же вкушают пищу чрез день, показывая своею рачительностью, что желали бы они ни в чем не иметь нужды и жить, не вкушая пищи, но покоряются законам природы, едва склоняемые к тому нуждами телесными, и тогда только снисходят к удовлетворению сей потребности, когда дознают, что жизненная сила совершенно изнемогает и не в состоянии услуживать добродетели в предстоящих трудах. Ибо в каждом такова ревность к ангельскому житию, что свойству Ангелов ни в чем не иметь нужды хочет он подражать тем, чтобы довольствоваться малым, и старается недостаток природы препобеждать избытком усердия.

Не в обращении у них *златица* (ср.: Мф. 22, 19) кесарева, потому что не знают ни купли, ни продажи. Каждый даром доставляет другому нужное и в дар за то получает, чего недостает ему. Овощи, древесные плоды и в редкость хлеб взаимно уделяются друг другу с щедростью, в знак любви даже в избытке употребляющею то, что у кого есть; придает же ей цену не разнообразие вещей, но великодушие в расположении, и в малых дарах весьма ясно показывая богатство усердия.

Напротив того, никогда не имеет там места зависть, обыкновенно всего чаще следующая за преуспеяниями. И кто менее благоискусен в добрых делах, того не побуждает к ненависти превосходство другого, более, нежели он, отличающегося добрыми делами, как и последнего не надмевает гордость к превозношению над первым, внушая высоко думать о своих успехах, потому что преимуществующий высотой добродетели, приписывая все Божией силе, а не своим трудам, добровольно смиряет себя, как не самодегель доброго, но орудие действующей благодати. А менее преуспевший в добродетели, может быть по телесной немощи, поневоле унижает себя, вменяя бессилие не немощи естества, а нерадению воли.

И таким образом один пред другим и все пред всеми смиренны и каждый старается иметь преимущество не в высоком о себе мнении, но в светлости жизни. Для сего-то, бежав обитаемой вселенной, поселились они в пустыне, преуспеяния свои являя единому Богу, от Которого ожидают делающим награды за труды, деяний же своих по Богу не являют людям, которых похвала причиняет обыкновенно утрату и усердия, и наград, ослабляя первое высокоумием, до нерадения, и умаляя последние обольщением славы. Ибо, кто ищет человеческой славы за то, что он делает, тот, получив награду, какой искал, лишается награды истинной, не имея уже права требовать себе иной награды, кроме той, какую приобрел⁸⁹. И как великие труды совершил он, будучи превозмогаем человеческою славою, то лишается славы вечной и истинной.

Живут же они не близко друг к другу, но довольно далеко, помещаясь в келлиях один от другого в расстоянии двадцати и более стадий⁹⁰, не по человеконенавидению или дикости нрава (ибо возможно ли сие в людях, столько благорасположенных друг к другу, как было о сем сказано?), но желая в великом безмолвии приобучить нравы свои,

⁸⁹ По рукописи читается: ἄλλον οὐκέτι ἔχων εὐλόγως ἀπατεῖν, παρόν ἐκαρπώσατο.

⁹⁰ Около 3,5 км.

как благоугождать Богу, и стараясь без развлечения совершать собеседование свое с Богом. Преуспеть же в этом среди многолюдства и народного стечения или трудно, или и невозможно, потому что шум окружающих отвлекает помысл от напряженной внимательности, заставляет останавливаться, над чем не должно, а от того, к чему приобучил кто себя долговременным навыком, отвлекаться более приятным, нежели полезным.

Но в воскресные дни собираются они в одну церковь, сближаясь друг с другом через неделю, чтобы совершенное также разлучение со временем не пресекло единомыслия, постепенно приводя в забвение взаимных обязанностей друг к другу, потому что продолжительное одиночество делает обыкновенно нрав диким, долговременною привычкою отучая от общительности и единения любви. Посему вместе приобщаются они Божественных Таин, услаждают друг друга упражнением в приличных беседах, умащают один другого нравственными советами.

В них-то особенно имеет нужду для своих подвигов доблестная жизнь, для которой необходимо приводить в известность сокровенные козни противников, чтобы не уловлены были ими иные, не знающие хитрого способа сей брани. Ибо, кому недостает самого вещества для приведения чего-либо в дело, в тех и грех не приходит в действенность, и вся брань совершается в мысли. Здесь и смерть постигает скоро и неприметно, даже теми, которые видят одну внешность, не может быть засвидетельствована, как состоящая в согласии только произволения.

Посему упражнявшиеся в подвиге, руководя неопытных и едва начинающих боре, советуют воздержанием противостать страсти чревоугодия, потому что страсть сия нападает на душу, раздражая бешеное неистовство похотливости, испытывая силы едва вступивших на поприще, устоят ли на оном, незыблемо утвердив колена свои, и крепко ли они ополчены, и не могут ли скоро отдаться в руки противникам. Ибо кто предан сластолюбию, тот скоро препобеждается и связуется сладострастием, преодолением себя в меньшем обещая большее падение. И в рассуждении сего-то проходящим еще детские подвиги подают советы старейшие пред ними, и по продолжительности времени, и по долговременной борьбе соделавшиеся опытными в подвижничестве и ясно узнавшие, как разрешаются таковые узы сопротивных.

И сии совершеннейшие как себе самим, так и друг другу воспрещают тщеславие и гордость, советуя остерегаться их, как подводных близ пристани камней, которые, после великих трудов в плавании и после борьбы с волнами, подвергают последней и гибельной опасности не потерпевших крушения среди треволнения страстей и при обуреании нечистыми помыслами. Ибо, застигаемые бурей в морях, по причине одна за другою катящихся волн и бушевания ветров, боясь близких опасностей, принуждены бывают бодрствовать и трезвиться, но иногда около самой пристани, где нет уже волнения, по беспечности ослабев помыслом, сокрушаются о сокрытые мели, при самом устье пристанища теряя вдруг всю куплю, не погубленную среди морских обуреваний.

Так и те, которые не уступали нападениям искушений, но в подвигах и терпении миновали их невредимо, нередко, после победы,

или смело положившись на снисканное искусство в преуспеяниях, или по высокоумию превознесшись несколько над другими, по видимому более нерадивыми, подобно борцам у самых венцов и наград падают таким падением, после которого невозможно восстать и поправиться, или подобно пловцам, по совершении одного дальнего и страшного плавания, теряющим груз, вдруг безвременно губят с усилием мало-помалу добытое богатство и по причине сей утраты подпадают укоризнам за нерадение.

Но как тщеславие справедливо лишает наград за дела и самое делание соделывает бесполезным для трудящихся, так гордость вместе с утратою приносит и великую опасность в самомнении, отвергая, что Бог – Помощник во всем добром, и себе приписывая силу преуспеяния в добре. Посему так говорит о них Пророк: *Собираяй мзды собра во влагалище дираво* (Агг. 1, 6); едва вложенные, они уже выпадают, не оставаясь надолго *во влагалище*, но скоро проходя по оному, потому что отверстие, в которое выпадают, гораздо шире принимающего в себя влагаемое. Таково тщеславие: у него приобретению сопутствует потеря, во время самого дела грубостию расположения уничтожает оно делаемое. О гордых же говорит Приточник: *Господь гордым противится* (Притч. 3, 34), отвергнутого противопоставляя неприязненным врагом отвергающих. Посему отшельники, представляя себе граждан этой пустыни, Моисея и Илию, поучаются их некичливости, признавая справедливым подражать добродетели тех, в чьей обитают стране. Ибо и Моисея не привело в высокомерие величие власти, и Илию не надмило до высокоумия чудо при жертвоприношении, но, всегда сохраняя тот же образ мыслей, не изменялись они с переменою обстоятельств.

В сей пустыне Моисей, избегая египетских козней и пася овец Иофоровых, соделался зрителем чудного видения, дознав тогда, что ветви купины крепче всепожаряющего огня, и виде, как трава зеленеет среди пламени, а впоследствии предводительствуя народом; на сей же горе стал он законодателем, тогда иудейского только, а ныне и всякого народа, потому что благодать по естественному сродству простерлась на весь человеческий род и уставы жития, хотя некогда, до уяснения своего, оставались сокрытыми под спудом буквы, быв поставлены на свещнике, воссияли для всех.

А Илия пришел сюда, спасаясь бегством от Иезавели. И, уснув на этой земле, когда восстал, нашел ячменный хлеб и *чванец воды* (3 Цар. 19, 6). И жил в этой пещере, прикрывая тело милотию, сим древним одеянием предков, и увидел здесь Бога *в хладе тонцем* (ср.: 3 Цар. 19, 12), и услышал глас, возвещающий, чему определено быть.

Но последним и первым признаком твердости и терпения сих пустынников служит то, что проводят они жизнь в той пустыне, в которой израильтяне, проходя только оную, возроптали, питаясь готовою с неба Божественною пищею и жалуясь на сию трапезу, а также не перенесли сорокадневного отсутствия своего вождя и не умели, как должно, управить полномочием свободы, но вскоре отпали и худо воспользовались безначалием, предавшись нечестию. Но сии пустынники, терпя недостаток в необходимом, во всякое время любомудрствуют в пустыне, сами себе служа учителями благочестия».

Сказание четвертое

Внезапное нашествие варваров, избиение нескольких святых иноков, пленение Феодула, сетование святого Нила в уединении и утешение его

«Но между тем как отшельники сии, в таком расположении духа, усердно служат Богу, внезапно, сверх чаяния, подобно буре, нападает на них откуда-то варварская дружина: и в глубокое утро сии незаконные устремляются на богочестивых, едва только окончивших священные песнопения. Случилось, что и я с сыном был там же, сошедши со святой горы посетить живших при купине святых, как привык сие делать издавна. Варвары, подобно бешеным псам ворвавшись и крича что-то непонятное, собирая все, что было заготовлено для пропитания в зиму (ибо монахи сушат и берегут на такую потребность древесные плоды, которые годны в пищу и могут долго сохраняться), и нас самих заставив носить это, выводят из церкви. И тех, которые старее годами, совлекши с них платье, нагих ставят в ряд для убийства, потом, окружив их с яростью и искоса бросая на них огненные взгляды, извлекают мечи.

Сперва приказывают протянуть шею иерею святого места, и стоявшие около него, которых было двое, наносят ему мечами удары, не оба вдруг, но один за другим, с той и с другой стороны, поразив в затылок. Иерей не произнес жалобы на боль, не показал смущения в лице, не обнаружил и следа страдания, но только положил на себе крестное знамение и тихо произнес устами: «Благословен Господь!» Первый удар, от затылка прошедши чрез ухо, достиг до челюсти, а второй от плеча простерся до груди. И таким образом блаженный, тихо восколебавшись, пал в благопристойном виде, умерщвляемый и обнаженный, не показав в себе ничего неприличного: какая-то приятность процветала в его теле и прикрывала неблагообразие наготы.

Сие-то святой только что с вечера пророчески дал знать и делом и словом, когда бывшим за вечернею трапезою с необычною для него ласковостию сказал: «Почем знать, соберет ли всех нас воедино, хотя еще раз до смерти, это пиршество, эта трапеза?» Потом берут и умерщвляют жившего вместе со старцем, дряхлого так же по летам и крайне обветшавшего от подвижнических трудов. Вслед за тем умерщвляют и прислуживавшего обоим отрока, и именно таким образом. Один из варваров велел ему собрать рассыпавшиеся древесные плоды, отрок в угождение приказавшему садится на землю, тщательно набивает пазуху, сгребая руками лежащие перед ним плоды, как было ему велено, всеми мерами показывая старание угодить как способный к услугам и думая, что, оказавшись рачительным, искупит тем жизнь. Но нимало не помогло ему это. Не смягчил он варварской жестокости и не привел в кротость, которая далека была от естественного варварского помысла: другой, стоявший позади, тайно извлек меч из ножен. Отрок, или слыша, как извлекаем был меч, или предчувствуя готовящееся ему убийство, как испуганный шумом, обращает при этом несколько смущенное страхом лицо, но стоящий перед ним еще более устрашает его варварским криком и блуждающими взорами, и тогда варвар с великою силою вонзает в ключицу меч, прошедший прямо от поддерживающей печень связки до

груди, – и отрок, прежде нежели меч извлечен был обратно, лежит уже мертвым; или от страха умер он, или так как удар был смертелен, то, прежде нежели ощутил он смерть, душа немедленно исторглась из телесных сосудов и разрешилась от уз, из которых с трудом исходит, будучи связана с телом крепкими узами.

Остальных же нас, не знаю, по какому побуждению, гонят, давая знак рукою, чтобы мы бежали; в руках же держат еще окровавленные мечи. И иные, поспешая достигнуть горы, побежали ущельями, а на самую гору не всходят, держась той мысли, что стоял на ней некогда Бог и вещал с нее народу.

Но я оставался безмолвным в сильном затруднении, связуемый нежною любовью к сыну, не имел сил удалиться, не думал и о спасении своем, удерживаемый узами естества, пока сын не стал мне делать знаков глазами, побуждая уйти, чем едва и заставил удалиться. Ноги мои шли вперед, за ними, не знаю как, следовало все тело, но сердце не хотело идти, заставляя часто обращать лицо к отроку: не имел я сил остановить взор на себе самом, не продолжением пути занимался, но с жалостию обращал взоры назад. Так, однако же, достиг я до горы, следуя за шедшими впереди, и с высоты смотрел, как уводили бедного сына и как он, не смея глядеть свободно, украдкой от уводивших обращал ко мне⁹¹ скрытные взоры.

Таковы узы естества: не расторгаются они при разлуке телесной, но скрепляются еще сильнее. Когда душа не имеет близ себя любимого, тогда в отсутствии⁹² еще более влечется к нему и всецело им занимает память, не имея при себе того, что могло бы удовлетворить вожделению. А как велика скорбь и как жестоко мучение разлучаемых таким образом, знают изведавшие это опытом; не испытавшие же пусть научатся сему из примера бессловесных, в которых без науки вложено естественное, непреодолимое чувство сострадательности у детей к родившим и у родивших к детям; и оно в родивших к детям при разлучении с ними разными признаками и явными страданиями изобличает⁹³ нежную привязанность.

Так, уводимая корова болезненно и не умолкая мычит, часто оборачиваясь к увлекаемому от нее тельцу, и глазами выражает⁹⁴, как велико ее страдание. Поелику природа для бессловесных не имела другого орудия, которым бы обозначалось ощущаемое ими страдание, то одним глазам присвоила способность служить знаками печали и сделала, что потупленные глаза как бы вопиют о том состоянии, которое сделать известным нет другой возможности. А увлекаемый телец, не даваясь уводящим его насильно, иногда, как к священному убежищу, прибегает к матерним сосцам и поелику не может обнять их руками, то держится за них ртом, а иногда кружится около матери и порывистыми скачками сказывает о своей нужде, потому что лишен дара слова, которое могло бы объяснить страдание жалобами.

Но не знаю как явившись на верху горы, потому что помысел не сопутствовал уводимому телу и занят был только бедствием сына, вот не вижу более и его, сокрытого от взора великим расстоянием, и, не

---

⁹¹ Вместо: ὡς ἐμέ по рукописи читается: εἰς ἐμέ.

⁹² Вместо: ἐπάγουσα по рукописи читается: ἀπουσα.

⁹³ Вместо: ἐλέγχοντα по рукописи читается: ἐλέγχουσα.

⁹⁴ Вместо: βοῶσα по рукописи читается: δείκνυσα.

зная, что с ним делается, обращаю слова свои, как и естественно, к Богу, оплакивая плен сына и сетуя об избивенных святых, и говорю: «Где же теперь труды воздержания вашего, блаженные и треблаженные? Где злострадания терпения? Ужели этот венец прияли вы за великий подвиг? Эта награда уготована была вам за долговременное подвижничество? Ужели напрасно было течение ваше путем правды? Тщетно трудились вы о добродетели?

И когда готовилось вам убиение, беспомощными оставил вас Божественный Промысл, убийцам не воспротивилось правосудие, беззаконная рука возымела силу над преподобными телами и нечестие величается победою над благочестием, кичась, без сомнения, тем, что восторжествовало над истиною! Почему купина не вспылала древним пламенем? Почему не попалила приближавшихся злодеев? Почему не поглотила их, расступившись, земля, как некогда вместе с кущами и со всем родством пожрала весь сонм Кореев? Почему умолкли чудные страхования горы Синая и не поразили беззаконных гласом громов, непроницаемостью мрака и блистаниями молний? Напротив того, в бездействии оставалась отмщающая сила, не наказала обидчиков необычайными громами и пламенниками, не спасла обиженных мощною рукою, чтобы варвары, изведав на опыте чудо, дознали беспримерное могущество непреодолимой силы. При самой купине и горе Законоположения пали сии благочестивые, подобно бессловесным жертвам, и не оказано им помощи.

Где была сила, потопившая некогда египтян и глубину морскую соделавшая для них гробом? Где была сила, каменным градом избившая некогда иноплеменников, которые вступили в войну с израильтянами, и народу своему даровавшая победу без труда и кровопролития? Где была эта сила, которая и в другой еще раз, когда враги вторглись в Святую Землю, ввергла их в умоисступление, так что обратили оружие свое друг против друга, не разумели, что избивают в ослеплении один другого, и в убитых не признавали своих? Куда сокрыла она помощь свою, не укрыв впадших в руки злоумышленных? Но хотя обуздывала прежде свирепую ярость львов и неодолимую силу огня на ввергаемых, уважив досточтимность жития и громогласно провозвестив благочестие отроков, однако же добродетель этих мужей соделала как бы сомнительною, лишив их всякой помощи и наводя тем на мысль, будто бы недостойны были попечения о них».

Но все это говорили горечь и печаль, которые и старающихся сохранить целомудрие ума доводят бедствиями до ропота. И сие извинительно в состоянии мучительного страдания, которое опечаленного и препобеждаемого, может быть, великостию злоключений заставляет говорить многое и против воли.

Божия же помощь нередко оставляет и праведных, предавая их мучителям на претерпение разных истязаний и несправедного убиения, чтобы явным соделалось благоискусное мужество подвижающихся и просияла светоносная сила веры, до смерти не ослабевшая в своем дерзновении, но всецело страданием препобедившая неистовство мучителей. Как оставшиеся не хотят удалиться из пустыни, неблагоустроенной жизни в городах предпочитая лучше смерть, так и скончавшимся лучшим казалось умереть, нежели терпеть пороки, господствующие в обитаемой вселенной. Ибо знали они, что смерть

душевная тяжелее смерти телесной и умереть в грехе опаснее, нежели умереть от меча: одна смерть подвергает малому и кратковременному страданию, а другая продолжительному и непрестанному мучению.

Когда же варвары, и многих других убив и ограбив в пустыне, ушли на довольное расстояние, а наконец и ночь дозволила нам небоязненно выйти из гор, сошли мы и занялись погребением тел. И прочих находим давно уже умершими, а святой старец еще дышал и мог с нуждою говорить. Сев около него и оплакивая постигшее нас, так провели мы целую ночь, и старец увещевал нас не смущаться такими искушениями. «Сатане обычно, – говорил он, – испрашивать у Бога, кого бы подвергнуть искушениям. Ибо скольких умертвил он у Иова, погубив кого огнем, кого мечом, а кого падением дома?» – «Но вас да не приводит в колебание все это, – продолжал старец. – Ибо Подвигоположник знает, по какому суду предаст подвижников противнику, уготовав светлые награды и воздаяния благодушно приемлющим удары. И каковы сии воздаяния, показывает великий Иов, который все, что по видимому утратил, получил в сугубой, лучше же сказать, в гораздо большей и несравненно превосходнейшей мере. Ибо *яже око не виде, ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша* (ср.: 1 Кор. 2, 9) – все это, превышающее и подвиги благочестия, и чувство, и ум, уготовал Бог подвижающимся ради Его.

Так и подобало великодаровитому Богу воздаяниями превзойти труды и венцами препобедить подвиги, даровать подвижникам то, на что не было и надежды, чего и получить не чаяли, чтобы и должную награду воздать, и воздаяние сие, по превосходству одного, соделать даром благодати». Сие говорил он и лобызал окружающих его, пока доставало у него сил говорить и двигать язык. Потом он скончался, и мы со слезами его, и вместе с ним и других, предали земле.

Потом, так как тьма позволяла еще совершать путь скрытно, успел я прийти и к вам. Двое из убиенных именовались Павлом и Иоанном, а пресвитер – Феодулом, скончались же сии почившие в седьмой день по Богоявлении, то есть на четырнадцатый – января месяца. А людям благоговейным, без сомнения, любопытно знать и время, и имена, особливо желающим участвовать в праздновании дня памяти святых. Были же убиты и другие за много лет прежде сего, и их память, по дальности пути и ради множества собирающихся, совершается в этот же день».

Сказание пятое

Юноша, плененный вместе с Феодулом, спасшись бегством, приходит к беседовавшему с друзьями святому Нилу, подробно рассказывает ему о горестном избиении многих святых и извещает, что варвары положили на следующее утро принести Феодула в жертву утренней звезде

Еще продолжали мы разговор этот, как извещают, что спасся некто из варварского стана, и вскоре приходит к нам спасшийся: не исчезли еще на лице его следы страха, не мог еще он успокоить в себе душевного смятения, тяжело дышал, по причине скорой ходьбы и от внутреннего беспокойства, смущаемый мыслию, что преследующие близко и немедленно настигнут. Потом на вопрос, как он убежал, отвечает: «Варвары, разговаривая за ужином, объявили, что меня и

сына твоего наутро принесут в жертву звезде; они соорудили и жертвенник, наложили дров, хотя мы не знали об этом. Мне же о сем тайно сказал один из плененных с нами, который понимает их язык, а я о намерении варваров известил и сына твоего, сказав, что если не спасемся бегством, то наутро солнце неживых уже озарит нас и лучей света его не увидим этими глазами.

Но он, боясь быть пойманным, остался и сказал, что Божией воли, какова бы ни была она, не избежишь, даже и в неприступном скрываясь убежище. Я же во тьме, когда увидел, что все погрузились в глубокий сон (были же они весьма пьяны), сначала пополз, как можно ближе припадая к земле, чтобы, если и пробудится кто, не была ему заметна выдающаяся тень моего тела. Потом, удалившись несколько от стана, пустился бегом, направляясь к здешним местам и быстро несясь на крылах страха, а между тем рассуждая сам с собою, что или спасусь бегством от определенной мне ими однажды смерти, или, будучи пойман, потерплю не более как ту же присужденную⁹⁵ мне смерть.

Притом и неизвестность надежды предпочтительнее дознанной смерти. И если какой опасности невозможно миновать, оставшись, то есть еще вероятность, что избежишь оной, вверив спасение помощи ног; ибо знал я, что многие нередко скорее находили помощь в ногах, нежели в тысячах предстательств, потому что у ног более заботы о собственном своем спасении, нежели у других, и что постигнет целое тело, то ноги признают общим и для себя⁹⁶. Поэтому вот не обманулся я в своем рассуждении, и ногами, которым после Бога вверил себя, спасен, и теперь перед вами, как видите, не потерпев ничего худого.

Но еще перед глазами у меня страшный пример варварской жестокости, и теперь содрогаюсь от незаконных их поступков, и ужаса исполняют меня их дерзости. Ибо господина моего и с ним градоначальника, окончивших дела службы и возвращавшихся домой, варвары, схватив в пустыне, повлекли к себе со всем, что у них было; и градоначальника, оказавшего сопротивление, со всеми его домашними изрубили в куски, а господина моего вместе с сыном, который, как знаете, еще малолетен, увели с собою.

Когда же солнце стало приближаться к горизонту на западе, ставят они шатры, где застиг их вечер. И из взятой у нас добычи устроив великий пир, приглашают к ужину с ними и господина моего с сыном, приказывая быть благодушными и нисколько не бояться ничего, потому что, как говорили варвары, здоровым и невредимым и с сыном возвратится он домой, так как для выкупа двух душ достаточно других.

Чрез несколько времени по видимому стали они исполнять обещание, позволяя идти им домой и для этого запастись водою и взять на дорогу хлебов, чтобы не подозревали они какого-либо ухищрения, потому что снабжение дорожными припасами всего убедительнее обольщало надеждою жизни; и притворство казалось действительною попечительностью, варварская хитрость не возбуждала ни малого подозрения в злоумышлении. Даже посылают для безопасности пути с ними проводниками двух молодых людей; и им-то тайно дают приказ,

---

⁹⁵ По рукописи не читается отрицательная частица οὐ перед словом: βεβουλευμένου.

⁹⁶ По рукописи не читается последняя речь, начинающаяся словами *потому что у ног*.

когда отойдут несколько от стана, умертвить сопровождаемых. Итак, проводники, по сказанному, напав, прежде отца закаляют сына, чтобы и зрелищем убийства, и испытанием смерти усугубить его страдание⁹⁷, а вскоре умерщвляют и отца, нанеся ему многие раны, между тем как он громким голосом жаловался на их неверность и злокозненность. Ибо слышал я, как сын жалобно плакал, отец же вопиял от боли, при каждом ударе болезненно стenal и звуками своего голоса давал возможность измерять мучительность наносимых ран.

Так, обманутый добрыми обещаниями, подвергся он жалкой гибели. Ибо по бедственной участи других должно было ему гадать и о своей. Невозможно уже было избежать смерти, но несносно претерпеть смерть тому, кто прежде был обнадежен. Неожданное зло, постигнув конечно, возмущает, ожидаемое же, нашедши помысел готовым к испытанию, и бедствие делает легчайшим, как неоднократно уже занимавшее собою мысли и не изумляющее своим явлением уготовившегося к нему.

Варвары вечером, во время ужина, за которым так щедро предлагали питья моему господину, желая потешить себя обыною и любимую для них шуткою (убийство и замышленная смерть человека для них забава), посылают чашу с питием одному из слуг его (другого его слугу уже убили); он же едва с принуждением мог принять, потому что пожелание от страха умерло в нем прежде тела, однако же убоявшись, принял и, когда стал пить, обнаружил принуждение, усилием при глотании показывая, что делает это против воли, потому что не безмолвной гортани передавали питье уста, но что наполняло скулы, то через горло, как через негладкий ров, с клокотанием при каждом глотке едва пропускала гортань, как омертвевшая и неспособная уже по обычаю пересылать далее влитое и останавливающееся в ней питье. После этого варвары посылают юношу убить этого слугу, ибо поручают убивать молодым людям, с детства приучая их к жестокости. Этот юноша с неистовством приступает к делу подлинно зверскому, удовольствие свое выражая смехом.

И, напав на лежащего слугу, поражает его сперва в позвоночную кость, по упорству кости делая малую рану, потом, извлекши оттуда меч, пронзает им слугу от одного бока до другого и, снова ударив в прежнюю рану, прискакивая, повертывает в руке меч, потрясая им в воздухе. Пораженный долго бился от боли и, стеная, обливался кровию; наконец согнувшись, приклонив голову к чреву и ноги загнув на голову же как бы с намерением, перевернувшись, встать, перекатился к лежавшей вблизи куче горячих угольев, но, как и естественно, почувствовав боль от огня, по необходимости и ногами и руками начал сильно биться, наподобие рыбы, стараясь приподнять припекаемую огнем часть тела. Но, будучи не в состоянии оказать себе помощь, потому что с истекшею кровию истощились силы, изнемог и умер, терпя сугубое мучение и от меча, и от огня.

---

⁹⁷ Вместо: τῆν τῑωρίαν по рукописи читается: τῆν οβούην. Сверх того, выше после слова *проводники* речь дополняется словами *сии мнимые спасители и защитники, как следовало бы, от других нападающих вдруг сами сверх чаяния делаются убийцами и, напав и прочее.*

На другой день после этого происшествия, продолжая путь, как в пустыне, не по прямой дороге, но как случится, встречающимися препятствиями принуждаемые идти то здесь, то там, обходя горы и утесы, переправляясь чрез непротопанные и неудобопроходимые овраги, видят в дальнем расстоянии место слегка зеленеющее и, по растущей траве заключая, что оно удобно для пристанища, или даже думая, что живет там кто-нибудь из монашествующих, туда обращают путь, как из моря направляясь к пристани, делают его целию для вьючных животных. Пришедши же, находят, что место сие не хуже их предположения и не обмануло надежды обольстительной мечтою. Вода была там в обилии, прежде вкушения увеселяла взор чистотою, а поднесенная к устам, показывала, что услаждение зрения мало в сравнении с приятностию вкуса; росла там и трава, годная в пищу животным. Посему, сняв вьюки с верблюдов, пускают их свободно пастись. Сами бегут к воде, пьют, купаются, моются, не зная даже, на что и употребить такое обилие воды.

Ликуя же при воде и славя источник, видят при подошве горы след малой хижины; и все бегут к ней не переводя дыхания, усиливаясь обогнать друг друга, и, приблизившись, рассыпаются вокруг пещеры. Было же тут построено здание из немногих камней, чтобы широкое отверстие пещеры не доставляло удобного входа зверям. Потом варвары, в небольшом числе, один по одному, входят в пещеру (многих она и не вместила бы) и выводят мужа досточестного по виду и внутреннему состоянию. Влекли его силою, но он не смутился, не побледнел, не показал и не произнес ничего малодушного и унылого⁹⁸. Распростерши его на одном камне, так как с ними мечей не было, убивают камнями⁹⁹, смеясь и распевая песни.

Потом, перейдя небольшое пространство, схватывают другого, юношу, бледного, истомленного, носящего на лице следы своего жития; и его также предают смерти, употребив уже в дело меч, между тем юноша возносит благодарственные гласы и им свидетельствует свою признательность, что изводят его из жизни крепко взявшимся за добродетель. «Ибо, – как говорил он, – немало боялся я неизвестности конца, боялся, чтобы поползновение воли или внешняя какая необходимость не превратили решимости моего произволения, убедив или приневолив оное принять другой образ мыслей, противный тому, какой угоден Богу».

Отсюда отошли они немного – и вот открывается одно покрытое зеленью место: придавала же ему такой вид древесная растительность. И к нему устремляют свой бег варвары, снова состязаясь друг с другом в быстроте ног. Приблизившись, нашли они малую хижину, а в ней юношу, который мужеством и великодушием самих варваров приводит в удивление, потому что не соглашается указать им скрытые монастыри и чрез это спастись, по данному ему обещанию, что оставят его в покое, если укажет; не хочет также выйти из жилища, снять с себя одежду, говоря: «Указать тех, которые могут скрыться, есть предательство и вообще послушаться принуждающих к чему бы то ни было – означает малодушие и недостаток мужества.

---

⁹⁸ Сии слова дополнены по рукописи.

⁹⁹ По рукописи читается *камнями*.

Ибо от подвижников требуется великодушие¹⁰⁰, и непозволительно для них уступать страху, хотя бы угроза по видимому представляла немалую опасность, потому что привычка делается путем к важнейшему и робость, однажды научившись овладевать человеком, повелевает ему пренебрегать и великие блага и научает изменить самому благочестию, как скоро страх бедствий найдет волю покорившемуся уже боязни. Если теперь легко откажусь от самообладания рассудка и от свободы, убоявшись, что скоро предадут меня смерти, то буду ли в силах, при предстоящих поруганиях и угрожающих истязаниях, не вдаться в нечестие, приучив себя неболезненное предпочитать полезному?

Поэтому, отказавшись успеть, в чем надеетесь, немедленно делайте, что угодно вам, а я ни мест, где живут боголюбцы, хотя и знаю, не укажу, и за дверь, по вашему приказанию, не выйду, и одежды с себя не сложу, и никто, пока есть во мне чувство и господин я своего произволения, не увидит меня нагим и не посмотрит на тело, которого доньше не видали и мои даже глаза. По смерти моей с бесчувственным уже телом пусть делает каждый все, что ни будет ему угодно. Это послужит к осуждению жестокости так поступивших¹⁰¹, а не моей воли как уступившей над собою победу. Ибо произвольно страдание бесчувственного, который не может и не обязан противиться, когда рассудок уже в бездействии; неодушевленное, конечно, бесчувственно и непричастно страданию, а что непричастно страданию, то, по общему признанию, свободно и от обвинения в том, что страждет, как равно лишенное власти страдать или не страдать¹⁰².

Поэтому умру внутри моей хижины и в одежде, как решился, – ничего не сделаю вопреки моей воле, заставленный насильно как невольник. На этом поприще, на котором подвизался, и смерть прииму; эта хижина будет мне гробом: она принимала прежде поты трудов добродетели, она и теперь примет кровь доблестного подвига». Не вынесли злодеи такой дерзновенной речи; раздражившись благородством его мыслей и став как бешеные, умерщвляют его, нанеся столько ран, сколько могло поместить на себе тело, потому что каждый, желая излить на него ярость свою, не почитал достаточным отмщением удар предупредивших его, если сам не удовлетворит своему негодованию, собственною своею рукою погрузив в него меч. Так многие, нанеся удар сему великодушному подвижнику, уже мертвому, а не живому, удалялись потом, содрогаюсь от ярости, что для большего мщения недостает уже мучимого тела.

После сего встречаются нам в пустыне три путешественника, и они-то успокоили несколько пламенеющий еще гнев варваров, дав на себе выполнить недостаток неистовства, излитого на прежнем страдальце. Как дикие звери или ловчие псы, когда добыча покажется только и убежит, сею неудачею возбуждаются к большему неистовству и, что встретится вновь, преследуют с большим рвением, чтобы осторожностью во втором случае поправить оплошность¹⁰³ в первом

¹⁰⁰ По рукописи читается: τό μεγαλόψυχον δέον.

¹⁰¹ Сии слова дополнены по рукописи.

¹⁰² По рукописи не читается последняя речь, начинающаяся словами *ибо произвольно*.

¹⁰³ Вместо: σχολήν по рукописи читается: χλευήν.

деле, так и сии убийцы, кинувшись на показавшихся путников и, прежде нежели подошли к ним, извлеки мечи, немедленно умертвили приблизившихся, напав на них с такою жестокостию, с какою приняли бы, встретив снова, раздражившего их.

Не вложив еще мечей в ножны, но держа их в руках обнаженные и обогранные горячею и издающею от себя пар кровью, с того места, на которое пришли, видят два стоящие монастыря, не прямо на дороге, но в стороне по ту и другую руку, в расстоянии один от другого стадий тридцати, а от того места, где мы были, стадий пятнадцати: каждый же от нас, как от средоточия на окружности описанного круга, отстоял в равной мере. Поэтому, разделившись на две половины, пошли в тот и другой монастырь, добычу, какая была собрана, вместе с вьючными животными оставив на месте. И в монастыре, стоящем к югу, что происходило и кто был убит, не мог я узнать. Когда же приближались мы к монастырю на северной стороне и были от него недалеко, один из иноков, услышав во время сильного бега звенящие в колчанах стрелы, предался бегству, но варвары, натянув луки, пронзают его многими стрелами. Потом, настигнув упавшего вниз лицом, не оставляют его умереть от полученных уже ран, хотя и прежних язв достаточно было для этого, но еще дышащего и борющегося со смертью, повернув лицом вверх, рассекают от подбородка до груди. И как он при сем рассечении вздохнул, внутренности и все примыкавшее с обеих сторон к ребрам переворачивают копьями и не прежде уходят, как растерзав все это.

После этого я убежал, как сказал о сем¹⁰⁴ предварительно. Что потерпел сын твой, оставшись, – не знаю, а я оставил его живым, не имеющим доброй надежды, что будет жив, по причине слуха об уготовляемой ему смерти».

Сказание шестое

Святой Нил, опечаленный вестью об опасности Феодула, находит для себя ободрение в примере великодушной жены - матери умерщвленного варварами юноши, мужественная кончина которого описана в предыдущем сказании. Жители Фарана отправляют послов к царю варваров с жалобою на недавний их набег; между тем святой Нил с братиею погребает тела убитых святых, а по возвращении послов сам отправляется отыскивать сына, попадает в плен к варварам, но скоро возвращает себе свободу, наконец, получает известие, что сын жив, и находит его в Елузе

Выслушав это и имея в памяти ночное видение (а во сне читал я письмо, только что врученное мне одним из знакомых, на котором, прежде нежели стал разворачивать, увидел надпись: «По Боге господину и отцу моему блаженный Феодул»), чего не претерпел я душою, если только во мне еще была душа? Сердце разрывалось у меня, терзались внутренности, расслабели силы – одним словом, все члены истаивали, когда услышал я весть, согласную с сновидением и не дававшую более места недоумению или сомнению в догадке о кончине сына, достоверно подтвержденной двумя свидетельствами.

---

¹⁰⁴ По рукописи не читаются слова: τὰς πράξεις.

И, как оглушенный громом внезапно сразившихся туч, не плакал уже я и не сетовал, но неуклонно смотрел на принесшего весть неподвижным взором, потому что внутренняя сила, управляющая веками, оцепенев совершенно, пребывала в бездействии, оставив мертвыми чувствилища, которыми правит с прирожденным ей искусством, и которые такая чрезмерная скорбь делает неподвижными и бесчувственнейшими камней, и слезную влажность сгущает внизу дебелостию дыхания, препятствуя ей входить в глаза¹⁰⁵.

И едва вывела меня из этого оцепенения, по Божию Промыслению, одна женщина, жительница тамошних мест; умерщвленный юноша был ее сын (ибо имевшие возможность скрыться от варваров объявили имена скончавшихся). Как скоро узнала она, что сын ее убит и мужественно подвизался против убийц, самым делом доказала родство свое с ним, явившись подлинно настоящею его матерью. Ибо, одевшись в светлую одежду и приняв вполне веселый вид, воздела руки к небу, в таких словах взывая к Спасителю Богу: «Тебе, Владыка, принесла я в дар сына, и Ты спас его отныне и до века; Тебе вверила я юношу, и подлинно сохранил Ты его целым и невредимым. Ибо не думаю ни о том, что он умер, ни о том, как отрешился от жизни, но имею в виду то, что избег он испытания всякого греха. Помышляю не о том, что изъязвлено тело его и горькую претерпел он кончину, но о том, что чистою и непорочною принес туда душу, неоскверненным предал дух свой в руки Твои. По нанесенным ударам вычисляю награды, по этим язвам измеряю венцы.

О, если бы тело твое, сын мой, вместило на себе еще больше язв, чтобы и награды тебе были БОЛЬШИЕ! Сим воздаешь ты мне за мое чревоношение, сим вознаграждаешь меня за болезни рождения, сим чувствуешь меня за материнские попечения о тебе.

В равной мере разделяешь со мною подвижнические труды, потому что у нас обоих труд общий. Ты боролся, а я несу на себе язвы этой борьбы; ты подвизался, а я соуслаждаюсь твоим подвигом; ты противостоял ярости варваров, а я вела брань с самовластием естества; ты пренебрег смерть, а я пересилила чувства материнской любви; ты терпеливо перенес болезни насильственной смерти, а я с терпением сношу мучение терзаемой внутренности. И мои страдания равны твоим и никак не меньше их.

Ты препобеждаешь меня мучительностью страдания, а я преимуществую продолжительностью времени: крайне болезненна была смерть для тебя, но на один час, а я буду влачить долговременную скорбь. И если, любомудрствуя, переношу ее тихо, то не потому, что не чувствую страдания, но потому, что силою одерживаю верх над болью. Чувствую, как расторгаются узы моей внутренности, терзаются недра утробы, но целомудренным помыслом сдерживаю возбуждающиеся во мне страдания. Да и какая польза в безумном плаче, который не освободит уже от того, что произошло?

Поэтому не подражала я плотским матерям, которые в малодушии возмущаются подобными бедствиями, не сорековала тем, которые,

---

¹⁰⁵ По рукописи последняя речь после слов *двумя свидетельствами* читается так: *Разумею сон и показания спасшегося; почему пропал у меня после этого голос, и не мог я ни плакать, ни сетовать, а только смотрел на вестника.*

родив тело, помышляют об этой одной жизни: они не знают Жизни Будущей, ужасною и тяжкою почитают разлуку с любимым в жизни настоящей. Не раздирала я на себе одежды, не била руками в обнаженную грудь, не рвала волос, не искажала лица ногтями, будучи уверена, что живешь ты у Бога негибнущею жизнью¹⁰⁶, а вскоре и я найду там упокоителя моей старости, когда, так или иначе, сокрушится этот скудельный сосуд и прейду в этот век¹⁰⁷ я, блаженная из матерей, представившая Богу такового подвижника, блаженная и троекратно блаженная, потому что подлинно смею уже похвалиться, когда отошел ты, за которого я боялась, чтобы зависть не учинила тебе чего-либо для меня жестокого, злоумыслив к душевной для тебя опасности. Но иди, сын мой, иди в прекрасный путь, иди!

И патриарху Аврааму, если сравню себя с ним, не уступлю я первенства, не соглашусь занять второе по нем место, потому что с готовностью бесстрастно, по Божью повелению, приносил он в жертву сына, но неизвестно, остался ли бы бесстрастным по всесожжении, потому что и другие многие, при совершении дела сохранившие твердость духа, по совершении предавались печали, сожалением изобличая немощь природы, а я теперь мужаюсь и болезненную унылость пременяю в благодушие. Других протекающее время оказывает уступающими над собою победу страданию, своею продолжительностью истощив понемногу силы терпения, когда память, обновляя скорбное чувство, дает рассудку время свободно взвесить мучительность страдания.

Ибо трудно и крайне неудобно на долгое время сохранять правое суждение нимало неизменяемым, потому что рассудок по свободе своей легко уклоняется в противные прежним мнения. И я оплакивала некогда вдовство свое, как беспомощная, скорбела о том, что лишена попечительности отца твоего. А теперь о чем мне плакать, о чем сетовать, имея в тебе такового предстателя пред Богом, который может оттоле защитить меня в бедствиях и богато препитать мою старость, со властью почерпая из вечных источников милостей и щедро изливая на меня даже в большем обилии, нежели как мог бы, будучи еще жив и обладая царскими сокровищами. В царских сокровищницах полагается все определенной мерою, и, что взято из них, того уже нет, а сокровищницы Небесные, сколько ни дождят, – источаемые дары¹⁰⁸ никогда в них не оскудевают».

После сих слов стыдно мне стало, что так малодушно ослабел я, скорбя о сыне. И поелику оказалось, что женщина превосходит меня мужеством, то стыдился я окружающих, ей дивился, а над собой смеялся, приняв в укоризну себе слова этой доблестной жены и сравнив свое неразумие с ее целомудрием.

---

¹⁰⁶ По рукописи предыдущая речь, начинающаяся словами *и если, любомудрствуя*, читается так: *И перенесу ее тихо, любомудрствуя и твердо зная, что живешь ты у Бога* и прочее.

¹⁰⁷ Слова *прейду в этот век* дополнены по рукописи.

¹⁰⁸ По рукописи не читается последняя часть сей молитвы, заключается же она так: *Я — блаженная из матерей, представившая Богу такового подвижника; и еще скажу — блаженная, потому что смею уже похвалиться, так как ты о Христе разрешился и с Ним будешь, приобщаясь некончаемых утех.*

Ибо, признавая прежде справедливым жаловаться Богу на то, что претерпел, при этом познал свое прегрешение, когда примером жены научен, что всякое несчастье удобоносимо. Совесть, огорченная тем, что, по мнению ее, невыносимо, часто возбуждается к благодушию (трезвенностью претерпевающего что-либо равное) не уступать без борьбы страданию, научившись у одержавшего без труда¹⁰⁹ над ним верх.

Итак, по совету живущих в Фаране, после слышанных известий, рассуждено не молчать о варварских злодействах, но сделать сие известным царю варваров. И посылают двоих, так называемых у них скороходов, с жалобой на нарушение заключенных договоров. Для потреб же этих служат юноши не много старше вышедших из отроческого возраста, у которых недавно стала расти борода; берут они с собою луки, стрелы, копья, огниво и больше ничего, а это бывает для них полезно для поддержания жизни во время пути; и иное служит к тому, чтобы уловить что-нибудь в пищу, а иное, чтобы добыть огня и испечь; дров же и хвороста большее обилие на всяком месте, потому что в пустыне некому рубить себе лес на дрова.

Пока ходили посланные, отправились мы для погребения тел. Пришли и находим, что умерщвленные лежат уже пятый день, но не потерпели ничего такого, чему обыкновенно подвергается многодневный мертвец: не имели ни запаха, ни гнилости, не тронуты плотоядными птицами и хищными зверями, которые обыкновенно искажают мертвые тела. А что столько времени лежали тела, свидетельствовал о сем слуга Магадона – так было имя сенатору, убитому варварами. Найдены же: Прокл в Вифрамве, Ипатий в Гефе, Исаак в обители Салаил¹¹⁰, Макарий и Марк, убитые во внешней пустыне, Вениамин вне Елима, Евсевий в Фоле и Илия в Азе.

Из сих двоих один, как нашли мы, хотя имел много ран, но был еще жив, и его перенесли мы и положили в келлии, а сами возвратились для погребения прочих тел, но, пришедши к нему назад, не застали уже живым, а нашли мертвым и лежащим у водоноса. Конечно, томимый жаждою от воспаления ран, когда напился, упал он на колена, склонясь лицом к земле, – в таком положении скончавшегося оставила его душа. Поэтому и его, как и прочих, предав погребению, пошли узнать, какое известие получено от повелителя¹¹¹ варваров.

И только что входили мы в Фаран, как явились от него посланные с письмами, которыми подтверждался мир и повелевалось идти к нему обиженным, особливо же родственникам тех пленных, которые остались еще в живых. А если кто пожелает и за умерщвленных искать удовлетворения, то повелитель сказал, что готов виновных выдать для наказания, и всю добычу обещал возвратить ограбленным, потому что нежелательно ему, как объявлено, расторгать союз мира, но приятен заключенный с ними договор к обоюдной пользе; потому что немалую приносит выгоду взаимная торговля, когда при скудости необходимого нуждам одних помогает обилие других.

---

¹⁰⁹ По рукописи не читается последняя речь, начинающаяся словами *ибо, признавая прежде*.

¹¹⁰ Слова в *Гефе, Исаак* дополнены по рукописи.

¹¹¹ Вместо: του ἡγουμένου по рукописи читается: του ἐξάρχοντος.

Посему, приготовив дары и назначив послов для возобновления нарушенного мира, на следующий день отправляют и их, и меня, с доброю надеждою отходящего в путь. В восьмой день нашего путешествия (а весь путь совершался двенадцать дней) оказался у нас недостаток в воде и терпели мы великую нужду от жажды; чаяли уже себе смерти, всегда угрожающей во время недостатков. Хорошо знавшие местность говорили, что есть где-то поблизости источник, и это ободряло многих истомленных, ожиданием будущего врачуя настоящее зло, потому что мечтательная надежда подкрепляет не меньше действительности, в совершенном отчаянии питая упавшие силы¹¹² и поддерживая рукою надежды.

Поэтому многие побежали вперед остальной толпы, поспешая прежде найти искомое и желая беспрепятственно насладиться тем, в чем чувствовали нужду. Каждый стремился в ту сторону, куда вела его надежда успеха. Издали, окинув глазами всю местность, напряженным взором производили подробное ее исследование, как бы что-нибудь сокрытое отыскивая при светильнике ока. Медленно шел и я за бегущими вперед; иной, может быть, скажет: потому что, по старческой немощи, не имел возможности достичь более крепких; но я признаюсь: потому что не хотел неблаговидною поступью при скорости бега оскорбить важность моего звания. Сил же было у меня не менее того, сколько требовала нужда, которая может и сверх сил подвигнуть тело, понуждая ускорять стремление даже и против обычая. На дороге у меня перед самым лицом находился источник, но был невидим, закрываемый холмом, возвышавшимся между ним и мною.

Отстав от рассевающихся непрестанно в ту и другую сторону, подвигался я вперед, держась среднего между ними направления и гадая, что, здесь или там¹¹³ сделано будет открытие, не в большем расстоянии буду и я находиться.

Но, поднявшись вверх, когда миновал я хребет холмов, первый увидел и источник, и рассыпавшихся около него во множестве варваров¹¹⁴. Встретив перед собою немилосердных врагов, не был я ни смущен неожиданностью, ни объят сильною боязнью, но, находясь между страхом и радостью, успокаивал себя размышлением о такой встрече и говорил сам себе: «Или найду у них сына и охотно останусь с ним в рабстве, наслаждаясь лицезрением любимого и тяготу рабства облегчая приятностью сего лицезрения, или буду убит и в этом найду конец терзающей меня печали».

Варвары, бросившись кучею, прибежали ко мне и, схватив меня, от задумчивости стоявшего как бы в онемении, повлекли безжалостно. Шедшие же со мною для отыскания воды, увидев врагов, когда сами не были еще ими видимы, тихо воротившись назад, с поспешностью совершали незаметное отступление: приклонясь к земле и ползя, как пресмыкающиеся, прикрыли тем бегство. А я, которого вязали¹¹⁵, рвали, волокли (ибо каких несносных страданий не вытерпел я при этом?), вменял это ни во что и, терзаемый, не чувствовал, что со мною

---

¹¹² По рукописи не читается последняя речь, начинающаяся словами *потому что мечтательная*.

¹¹³ По рукописи читается: της είτε ένθεν, είτεκειθεν εύρέσεως.

¹¹⁴ По рукописи читается: βαρβάρους πολλούς.

¹¹⁵ Сие дополнено по рукописи.

делается, но весь ум мой занят был отыскиванием сына: его старался найти, озирая все очами, которые всякое подобие принимали за самую действительность, часто из тени, по желанию своему, составляли вне себя облики. Ибо что ум представляет в воображении, то мечтательно думает видеть глазами, всему придавая тот облик, который занимает его собою по приверженности к искомому¹¹⁶.

Немного прошло времени, пока сие происходило, и вот прибыли вооруженные из нашего полка и, появившись наверху холма, произвели большее смятение в варварах. Ибо, как скоро дан знак о прибытии их, ни одного из варваров не осталось на месте, но все пространство, незадолго до сего наполненное людьми, вдруг сделалось пустым. Каждый, поспешая спастись, предался бегству, не успев ничего захватить с собою, и торопился бежать, как бы гонимый паническим страхом.

При появлении наших, после прежней небоязненности, напала на них такая робость, что не оборачивали глаз на погоню из опасения быть схваченными, думая, что враги неотступно следуют сзади, извлекли мечи, некоторых бьют, многих умертвили, и шум, какой сами производили, приписывали нашествию противников, пока значительное расстояние, какое перебежали, не позволило им перевести несколько дух и не придало смелости оглянуться и посмотреть на преследующих. Так страх заставляет почитать предметы большими, делает, что представляются они в огромнейшем виде, нежели каковы действительно, потому что боязнь преувеличивает вещи сверх того, что они сами в себе.

Посему варвары бежали одни, оставив все, что было при них; пришедшие на их место из найденного извлекли большую пользу¹¹⁷ и остаток дня пробыли на сем месте. Потом, в следующий день отправясь в путь и четыре еще дня проведя в путешествии, пришли мы в стан, и послы, дав о сем знать, позваны были для представления Амману – так было имя царю варваров. Поднеся ему дары, получили от него благосклонный ответ, заняли шатер близ шатра его и пользовались великим благорасположением, пока, по тщательному дознанию, не приведено было в известность похищенное во время нашествия. И ими сделано это было в короткое время.

А у меня сильно трепетало сердце, при всякой вести приходил я в ужас. Во всяком (от чего бы то ни было) стуке слышал, казалось, тихий говор о том, что занимало меня; и уши приготовлены¹¹⁸ были к звукам известных слов, и ум ждал их как вестников, смотря, что возвестят: жизнь или смерть сына. Ибо, кто имеет нерешительное сведение о том, чем занят, и колеблется сомнением, тот, ни на чем не останавливаясь, приводится в волнение всяким представлением, пока ясное

---

¹¹⁶ По рукописи последняя речь, начинающаяся словами *которые всякое подобие* и прочее, читается так: *Взирая всюду, не увижу ли где возлюбленного*.

¹¹⁷ По рукописи читается: *ἐκεῖνοι μὲν οὖν οὐτέ ἐφευγον, μόνοι πάσαν ὁσπρὴν εἶχον ἀποσκευήν καταλιπόντες, οἱ παραγενόμενοι δὲ πολλήν ἀπὸ των εὐρεθέντων καρποσάμενοι τὴν ὠφέλειαν, τὸ λοιπὸν τῆς ἡμέρας αὐτόσε διηγόν. Εἴτα τὴν ἐξῆς ὁδεύειν ἀρξάμενοι* и прочее.

¹¹⁸ Вместо: *εὐπρεπῇ* по рукописи читается: *εὐτρεπῇ*.

обнаружение истины не положит конца нерешительности недоумения и кружащуюся мысль не приведет в безмолвие¹¹⁹.

Когда же приходили ко мне не совсем со светлыми лицами, поникшие взоры их принимая признаком нерадостного известия, говорил я: «Не имеете нужды и в словах, самый вид ваш извещает¹²⁰ меня о бедствии, прежде языка вопиет о страдании, предвещая наружностью, что будет сказано словом. Не обманут меня обольстительные оговорки, не перехитрят близкие к вероятности рассказы. Вами придуман, может быть, приличный предлог к моему утешению, благовидною ложью прикрыта на время горечь истины¹²¹.

Но я не обращаю внимания на слова, которые могут обманчиво принимать на себя вид вероятности, но в лице вижу душевное страдание, потому что лицо – образ души, ясно выражающий внутреннее ее расположение, а не искусственная личина, которая наружно показывает обыкновенно иные черты, а не сокрытые в глубине души. Слово, при свободном произношении, может, когда хочет, и печальное передать весело, придавая звукам какой угодно образ, подобно безобразной блуднице, которая природный вид искусственно прикрывает изысканными украшениями и действительную наружность преобразует вводящими в обман красками. Но лицо не в состоянии долго скрывать душевные страдания; оно делается неподкупным доносчиком о скрываемом втайне, своими явными изменениями обличая тайное расположение, и не может принужденною улыбкою пересилить печаль, как и зеркалу невозможно веселым и цветущим показать лицо, уныло потупленное, потому что оно отражает в себе обыкновенно то самое, что выражает собою смотрящийся¹²².

Поэтому или непритворно, как прошу, скажите истину, или знайте, что вы, как говорил я теперь, сказали уже это. Что пользы на малое время успокоить печального ложным утешением, а впоследствии огорчить еще больше, когда откроется, что истина действительно печальна?»

Поэтому хотя уверяли меня многими клятвами, что сын не умер, но продан кому-то из живущих в городе Елузе и живет там, советовали самому туда идти и говорили, что найду там сына, однако же и сим не утешивали моей печали, хотя и облегчили ее несколько. Что ж, если и жив, рассуждал я, и этот наибольший страх о смерти его прекращен? Все же он продан, живет в рабстве, не имеет воли проводить время вместе со мною. Необходимость, поставляющая препятствия стремлениям произволения и свободу в своих решениях ограничивающая чужою волею, и самое удовольствие¹²³ делает не вовсе чистым, потому что душе, что и естественно, желательно величаться самовластием; что ей по мысли, наслаждаться тем беспрепятственно,

¹¹⁹ По рукописи не читаются слова *Ибо кто имеет* и прочее.

¹²⁰ Вместо: διηγείται по рукописи читается: ἐπαγγέλλει, а слово: οὐρπώρατι не читается.

¹²¹ По рукописи не читаются слова *вами придуман* и прочее.

¹²² По рукописи последняя речь, начинающаяся словами *а не искусственная личина*, читается так: ...подобно зеркалу, потому что и оно не может показать веселым лицо, уныло потупленное и исполненное грусти.

¹²³ Вместо: τὴν ὀδύνην по рукописи читается: τὴν ἡδονήν.

как ей угодно, и никак не порабощаться¹²⁴, когда приневоливают к тому, что не ею избрано.

Однако же я напоследок отправился в объявленный город с двумя, каких дали мне, путеводителями, и на дороге встретился нам один юноша, следовавший за навьюченными животными. Он видел меня в стане и подробно знал мои обстоятельства. Бывши же в Елузе и узнав, без сомнения, рассказываемое о сыне моем, как был он пленен варварами, сообщил ему известие обо мне и, взяв у него письмо, как благую весть нес от него ко мне. Увидев же меня издали, начал он подходить ко мне улыбаясь, а я смотрел на него не как на человека, о котором ничего не хранилось в памяти и которого черты при первой встрече вовсе неизвестны.

И он, приблизившись ко мне не как незнакомый, заговаривает со мною со светлым лицом; протянув правую руку, загибает ее назад и, ручную кисть оперши на плечо, концами перстов вытаскивает из колчана письмо, подает его мне и сообщает добрую весть, что сын жив, советуя быть мне благодушным и не думать, что для него, как для раба, невозможно и надеяться чего-либо хорошего, потому что купивший его есть священник Божественных Христовых Таин; да и сын, как говорят, посвящен уже в священный чин, и вверена ему пока низшая должность церковнослужителей, но по рачительности подает он великие надежды к скорому повышению, в короткое время показав много опытов добродетели, и всех убедил быть такого о нем мнения, приведя их к тому добротою нравов.

Я, как человек неимущий и бесприютный, наградил вестника словами благожелания и молил Бога подать ему многие блага в жизни, потому что не было у меня чем заплатить ему за добрую услугу, Богу же предоставил устроить все Своим Промыслом и Ему со слезами воздал благодарение за неожиданную радость, как положившему начало прекращению, по человеческим соображениям, непреодолимого бедствия и возвращению нам прежнего благоденствия.

А как скоро пришел я в город, прежде всего взыскал святой храм, как вину благ, и воздал подобающую ему честь, оросив пол его слезами и плачевными воплями наполнив Божие святилище. Оттуда же, когда указали мне дорогу, пошел к дому, где жил сын мой, в предшествовании многих, старавшихся приходить мой предварить добрыми вестями, потому что все, по распространившемуся наперед слуху, знали, что я, возбудивший много о себе толков, отец проданного у них. И не было ни одного, кто наружностью своею не показывал бы признаков радости. Всякий же, смотря на меня, как на родного, которого отчаялся и видеть, веселым лицом и скача показывал, что разделяет со мною радость. Поэтому, когда приближались мы к дверям, многие, вызвав сына и сказав, что я пришел, выводят его ко мне навстречу.

Увидев же друг друга, и я и он нимало не показали удовольствия, но оба плакали, слезами омочив лица, а равно и хитоны на грудях. И он подбежал ко мне, не совсем узнавая меня, потому что по длинным на голове волосам и грязной одежде нелегко мог я быть узнан. Однако же, поверив более известившим его, нежели, как следовало, глазам своим, шел он с распростертыми руками, в полной готовности броситься на грудь мою. А я и в толпе народа узнал его тотчас, потому что черты

---

¹²⁴ По рукописи не читаются слова *потому что душе* и прочее.

лица его были те же и ясно впечатлелись во мне непрерывным о нем памятованием.

Не удержав порывов радости, внезапно утратил я все силы тела и, упав, лежал на земле, не говоря ни слова; многие почли меня мертвым, потому что и прежде в печали своей ничем не отличался я от мертвого, но, кроме зрения и дыхания, был совершенный мертвец. Поэтому сын, обхватив меня крепко и сжав в объятиях, едва мог вывести из бесчувствия и довести до того, что узнал я, кто я, где нахожусь и кого вижу своими глазами. После этого и я, взаимно обхватив и облобызав его, воздавал ему такими же крепкими объятиями, без сытости удовлетворяя давнему желанию.

Потом, когда возвратилась у меня способность говорить, стал я извиняться и уверять, что виновником всех бедствий, какие испытал он, был я, который вывел его из отечества и заставил жить в стране, подверженной непрерывным грабегам. И сказанное мною было справедливо. Ибо испытал ли бы когда что-либо неприятное, живя там, где родился и воспитан, в такой стране, которая отовсюду ограждена миром и ниоткуда не боится подобных козней? Да погибнут думающие, что назначенное судьбою неизбежно, и утверждающие, что какая-то необходимость ведет страждущих к predetermined.

Наконец стал я просить, чтобы сын рассказал, что потерпел во время пребывания у варваров, потому что не горько уже извещать о миновавшем испытании. Как после болезни здоровье, после язв врачевание веселят, а не печалят, так рассказ о горестном событии, по избавлении от него, доставляет немало удовольствия, и, может быть, столько же, сколько испытание сего причиняло болезни.

Сказание седьмое

Феодул рассказывает святому Нилу, почему не был принесен в жертву варварами, как продан ими и перешел в Елузу. Епископ Елузы рукополагает святого Нила во пресвитера, желает его с сыном оставить у себя и, когда собрались они идти в монастырь, снабжает всем на дорогу

Сын, глубоко и тяжело вздохнув и наполнив глаза слезами, сказал: «Какая, родитель, польза от воспоминания горестей? Такое напоминание растравляет обыкновенно язвы страдавшего. Если подобный рассказ пленяет своею занимательностию слух постороннего слушателя, доставляя ему приятность чужими страданиями, то испытывавшего оные не делает свободным от болезненного ощущения минувшей скорби, возбуждая оное почти в равной с прежним мере и как бы производя прикосновением боль в болячке, когда она не совсем еще заживлена. Но поелику знаю, что не перестанешь беспокоиться, пока не узнаешь, что знать тебе желательно, потому что в необычности моего спасения ищешь повода к славословию и приобик песнословить Бога за полученные от Него благодеяния, то слушай с мужественным духом, чтобы тебе, по отеческому сердоболию сострадая о тяжести постигших меня бедствий и оплакивая оные своими жалобными восклицаниями, и меня не растрогать до вопля или не довести до того, что слезы попрепятствуют мне произносить слова, так что от рыданий не будет слышен и голос мой.

Итак, о многом, конечно, известил вас после побега своего служитель Магадонов; и повторять это будет излишним, а вместе, может быть, и тягостным для слуха, которому желательно самое нужное, а что говорится в другой уже раз, скучно, как пустое и незанимательное. Но что случилось после сего бегства, о том сказать необходимо, так как сего ты и требуешь.

У варваров (как сказал он, ибо, конечно, говорил он вам об этом) было решено убить нас, и с вечера все приготовлено для жертвоприношения: жертвенник, нож, возлияние, чаша, ладан; и смерть наша, которой не попустил совершиться Бог, если бы не воспрепятствовал Он, назначена была в глубокое утро. Между тем служитель этот, не скрыв от меня своего побега, ушел. И расстояние пройденного уже им пути, и неудобство предпринять за ним погоню сделали сомнительною возможность его поймать.

Ибо не только время от вечера до утра было достаточно продолжительно для бегущего, но и неизвестность избранного им пути затрудняла погоню за ним. Да и какой искусник в отыскании следов и счастливый угадчик неизвестного мог бы следить за бежавшим на таком пространстве пустыни, не находя никакого знака, оставленного проходившим, так как земля в ней, везде жесткая, изрытая оврагами, не показывает на себе полагаемых на ней следов. А я, пав ниц, лежал на земле, лицом приникши долу, а умом на крылах скорби воспарив горю, всецелый, ничем не развлекаемый помысел погрузил в молитву, потому что предстояла мне смерть.

Ибо при безопасности в нетрезвящихся рассеивается он, занимаясь торговлею, мореплаванием, постройкою домов, разведением садов, сватовством, женитьбою, чадородием, военною службою, запасом продовольствия, судебными делами, судилищами, судейскими местами, высокими чинами, глашатаями, градоправителями, отмщением врагам, свиданиями и всегдашним пребыванием с друзьями, народоправлением, военачальством, правительственными делами, даже мечтами о царском сане. Когда же обстоятельства соберут его воедино страхом опасности, отвлекши от всего, что обыкновенно развлекало его в небоязненном и свободном состоянии, тогда всецело предается тому, что печалит его, и, обращаясь к Богу, умоляет Его единого, как разрешающего все затруднения одним легким мановением¹²⁵.

И я тайне говорил Богу так: «Владыка, Создатель всей видимой и умопостигаемой твари, в Твоей руке сердца созданий Твоих, Ты обращаешь в жалость зверство неразумного гнева, когда хочешь по правдивому суду спасти по приговору власти предаваемых на смерть; Ты укрощал ярость диких зверей, стремящуюся пожирать человеческие тела, Ты удержал разливающуюся силу огня, одним¹²⁶ мановением вложил бездейственность в усилившийся пламень, не пострадавшими

---

¹²⁵ По рукописи последняя речь, начинающаяся словами *потому что предстояла мне смерть* и прочее, читается так: *Воспарив умом и таким образом безмолвно и сам в себе умоляя Бога всяческих (так как ничто житейское не могло привлекать меня и манить какими-либо выгодами, по причине крайности, в какой был я, напротив того, все заставляло трезвиться, бодрствовать, внимать единому Богу и предаться упованию на Него), к Нему обратил я речь, говоря:*

¹²⁶ Вместо: *φίλω* по рукописи читается: *ψίλω*.

сохранил осужденных на гибель, неизреченным и чудным могуществом Твоим соделал, что волосы и кожа оказались неодолимыми для огня; Ты спаси и меня, ниоткуда не имеющего надежды на помощь и, прежде нежели лишен я жизни по суду врагов, по всей видимости уже мертвого, не попусти, чтобы кровь моя послужила возлиянием демонов и чтобы лукавые духи наслаждались туком плоти моей. Меня уготовили в жертву звезде, соименной страсти похотения, – да не соделается же приношением и жертвою демону, одноименному с непотребством, мое тело, до сего дня соблюденное чистым. Напротив того, зверское сердце жестоких преложи в милостивое и кроткое.

Ты, для Есфири пламенеющий гнев и дикую ярость Ассиура, царя мидийского, преложивший и обративший в сострадательное помилование, спаси душу, посвященную на служение Тебе. Отцу – старцу и служителю Твоему – возврати сына, не обучившегося худому и вознамерившегося, сколько от него зависит, пребыть благочестивым. Ибо не из страха опасности теперь в первый раз приношу исповедание сие, так что обещание мое можно было бы почестъ воздаянием за спасение. Свободным помыслом предупредил я вступление на подвиг по необходимости.

Докажи, что для спасения вера сильнее ног и упование на Тебя надежнее бегства. Избежал смерти, кто со мною наутро назначаем был в жертву, и побегом добыл себе спасение, а я остался, ожидая, что Тебе будет угодно, и, понадеявшись на Твою помощь, нахожусь в руках врагов Твоих. Он вверился ногам, а я – Твоему могуществу. Мое ожидание да не будет неможнее надежды на телесные силы. Он спасся, воспользовавшись для побега темнотою, и спасся благополучно. А меня вот застиг свет, даруемый живущим для делания заповедей Твоих».

Так молился я с горькими слезами, и не спящим застало меня утро. Возведя вверх взоры, вижу, что утренняя звезда склонилась к горизонту. Поэтому, встав (а дотоле лежал я падши ниц), сажусь, обняв руками колена, и, склонив на них лицо, наполняю недро слезами, и снова взываю сердцем к Могущему избавить меня всемошною силою Духа, говоря: «Удиви со мною милость Твою, Владыка (см.: Пс. 16, 7), имеющий власть жизни и смерти, как удивлял со святыми, бывшими в нужде и избавленными от всякой скорби, чтобы и нам возыметь дерзновение призывать Тебя и возлагать на Тебя упование, что будем избавлены от зол, в каких бы мы ни были, в сих святых имея для себя образец Твоей помощи. Ты Исаака, возложенного уже на жертвенник, избавил от заклания и отца, готового вонзить меч, отвлек звучным гласом. Ты исхитил Иосифа из убийственной братней десницы, и, подвергшегося наветам, снова избавил от неправедных уз и темницы, и по долговременном плаче возвратил отцу уже царствующим. Ты и отца его, Иакова, избавил от подобной нужды, освободив от страха отцова и спасши от неистовства жестокосердого Исава у Лавана в Междуречии, где сохранил и Моисея, бежавшего от египетского мучительства. Ты двоих умерших отроков, восставив от одра по пророческой молитве, живыми возвратил вдовицам-матерям.

И Сам Ты, Владыка, неизменяем и одною и тою же силою и тогда совершал, и ныне творишь чудеса. И меня, Властитель, возврати отцу, уповающему на милость Твою, Твоею помощью прекрати безутешный

плач, содей, чтобы и не ведущие имени Твоего удивились державе силы Твоей, о препетый Царь всякой силы!»

Пока оставался я в этом положении, варвары встают в смятении, потому что время жертвоприношения прошло, и солнце озарило уже лучами своими землю. И, не найдя со мною другого, спрашивают у меня, что с ним сделалось; получив же ответ, что я вот с ними, а о том, которого не видно, ничего не знаю, успокоились, и угроз мне не делали, и не показали никаких признаков негодования. Тогда ободрился дух мой, и благословил я Бога, не презревшего молитвы смиренного, ощутил наконец в себе твердость и дерзновение (потому что, конечно, Бог даровал мне благодать сию), противился варварам, когда приказывали есть что-либо скверное, не слушался их повелений вмешиваться в игры с женщинами, пока не приблизились мы наконец к местам обитаемым.

Тогда, не знаю что придумав между собою, вводят меня в селение, называемое Субайта¹²⁷, потом жителям оно возвещают о моей продаже. Но после того, как возвратились из селения без успеха, потому что никто не хотел дать за меня более двух золотых монет, приведя наконец и поставив меня перед селением, по обычаю своему кладут мне на шею обнаженный меч, говоря всякому, что, если никто не купит, немедленно отсекут мне голову. А я, делая им знаки обеими руками, умолял пришедших для покупки и просил дать, сколько требовали варвары, и не показывать скупости, платя цену за кровь человеческую, уверял, что в непродолжительное время уплачу эту цену и буду служить купившему, если это ему угодно, и по уплате цены, охотно признавая господином купившего жизнь мою. И едва сжалился некто надо мною, так умоляющим и проливающим слезы, и купил меня.

Оттуда же, как видишь, куплен я сюда; так, не распространяясь много, скажу коротко, ибо вижу, что ты в волнении, едва уже не плачешь и готов радость возмутить слезами. Вот что претерпел я, отец, и, претерпев, при помощи Божией свободен. После сего ты прославь Бога за мое неожиданное и чудное спасение».

«Ты, сын мой, в своем злострадании перенес тысячи опасностей и в ожидании претерпел не одну смерть, хотя, по милости Божией, и не изведal ее на опыте. А чаять себе верной смерти и сознать ее на опыте – одно и то же. Можно же сказать, что первое тяжелее последнего, потому что не столько боли причиняет усечение, сколько предшествующее ему ожидание, которое продолжительным страхом усиливает мучительность печали и делает, что чаемая боль длится более действительной.

А я во время этой скорби отверз уста мои ко Владыке и дал Ему обет работать в строгом воздержании и всяком злострадании, если только возвращен мне будешь живой. И во сне услышал я голос, вещавший: «*Утвердит Господь глагол* (ср.: 3 Цар. 12, 15), исшедший из уст твоих». И не должно, сын мой, преступать исповедания и нарушать данного Христу обета, Божественным ответом подтвержденного, и притом, когда молитва прияла такой конец».

«И я, родитель мой, – сказал он, – охотно приму долю в труде с тобою, буду соучастником в обете, потому что был соучастником в милости и еще больше облагодетельствован. Ты избавился от плача, а я

---

¹²⁷ Так селение наименовано в рукописи.

от вкушения смерти. Если бы и тебе одному в пользу служил дар Божий, то мне, принося благодарение Богу за отца, должно было бы и благодеяние, и воздаяние за него принять на себя, хотя бы за милость сию надлежало потерпеть и что-либо горестное. Ибо если Иефаю, давшему обет за победу на войне, дочь его послужила смертью своею и, чтобы поддержать добрую славу отца, решила стать приношением и жертвою, то чего буду стоить я, если не поспешу, как можно скорее, уплатить отцов долг? И притом, когда долг сей буду воздавать Богу, Который обыкновенно малую уплату вознаграждает опять новою благодатию и воздаваемый долг приемлет не как долг, но вменяет это в данное заимообразно и уплату признает одолжением, в вознаграждение за благопризнательность должника, как за взятое взаем, дает тотчас новый дар, всегда предваряет милостями и всегда дает рукописание в том, что дающим взаем должен воздать благодеяниями, и вообще воздаяние должников признает их щедростию, так что по великодаровитости и щедротолюбию естества и начинает всегда милостями, и оказывает всегда милости, как должник. Поэтому, родитель, имея во мне усердного участника в уплате, начинай сию уплату. Без сомнения же, Бог, ведая силы наши, соразмерно с оными будет взыскивать с нас долг и не посмеет над немощию естества, потребовав трудов, превышающих силу».

К сим словам присоединил и я свой обет и сказал: «Да придут они в исполнение, сын мой, да явится на самом деле, чтобы и обет воспринял добрый конец, и благожелание было действительно, и за трудами последовала награда, потому что таков конец и предел всякого дела, совершаемого по Богу: дела запечатлеваются воздаяниями и о подвиге свидетельствуют венцы. Достоверность в воздаянии обыкновенно служит некоторым доказательством, что дела достойны одобрения, а награды – несомненное свидетельство о подвиге».

Боголюбивый же епископ того места долго прилагал о нас свое попечение, и, восставив нас после предшествовавшего злострадания, немало упрашивал остаться у него, и дружелюбно обещал нам всякое упокоение во всякой нужде. Но чтобы не подать повода к подозрению, будто бы удерживает насильно, по причине внесенной им за сына моего цены, и, как властелин, требует, чтобы мы остались у него, предоставил поступать нам, как угодно по своему усмотрению, и в одном только поступил с нами властительно, а именно: возложил на нас иго священства, чего мы не хотели.

Рассуждая о тяжести священнослужительства, горько мы сетовали, и неудобноносимым казалось нам наложенное на нас бремя, которое по житию, какого оно требует, едва по силам и святым, потому что и им казалось оно тягостным, и они, призываемые к этому сану, признавались, что оно превышает их силы, долго прекословили Богу, ссылаясь на свое недостойнство, отрекались от рукоположения, представляя в предлог свою немощь, хотя всех ныне живущих были способнее к делу и за подвижничество свое в добре и в священнослужении могли иметь большее дерзновение пред Владыкою. Но епископ сказал, что почесть сия прилична трудам и что этот сан, как полагал он, дается им в награду за тяготы подвига.

Посему, когда вознамерились мы отправиться в путь и идти домой, тогда, щедро напутствовав нас на это продолжительное и довольно

долгое путешествие и пожелав, чтобы сопутствовала нам Божия благодать, награждающая наконец миром, отпустил он нас и не только не сделал какого-либо неловкого намека на право господства, как, может быть, поступил бы иной, величаясь полномочием над купленным, но как все, что могло бы показаться неприятным для нас облегчил великим утешением, так и от себя всякий вид кичения отклонил скромным и умеренным образом мыслей.

Там же да прекратится и слово мое, где прекратилось испытание горестного и, по благодати Божией, после долговременного бедствования, положено начало жизни о Христе более радостной, которой да сподобимся все мы и ныне, и в Будущем Веке, по силе и благодати Святой и Единосущной Троицы! Ей подобает честь и поклонение ныне и присно и во веки веков! Аминь¹²⁸.

Похвальное слово Алвиану

Копи так называемых драгоценных камней и золотиносные жилы пусть отыскивают миролюбцы, и они пусть услаждаются, гордясь сими вещами, разнообразием цветов отсвечивающими в лицах что-то привлекательное и приятное для взора. А жития мужей святых, добродетели людей устранившихся и старающихся утаиться от мира и то, в каких преуспевают они доблестях, пусть, для подражания их жительству, исследуют боголюбцы. Ибо подлинно ни с чем не совместно и крайне несмысленно о том, что причиняет людям столько вреда, что едва ли кому удобно выразить это словом, прилагать человеку много попечения и рачительности, чтобы прикрываемое этим природное благообразие делалось приманкою сластолюбия для невоздержных, в которых сим придаточным украшением раздражаются страсти до неистовства, а что может украсить душу, исправить погрешительное в жизни, о том опять иметь столько нерачительности и нерадения, что заслуживающее все наше внимание пренебрегается, как следовало бы пренебрегать что-либо безразличное или, лучше сказать, гибельное.

Ибо какую пользу принесли человеческой жизни дорогие камни, золото и прочие к роскоши служащие вещества? Напротив того, какого вреда и каких неправд не причиняли всем людям, делаясь виною всех зол? От них – любостыжательность, хищения, мучительства, разбои, убийства. От них – грабежи, опустошения, варварские нашествия, междоусобные войны, когда люди пожеланием обогатиться восстают друг против друга и не отказываются терпеть и делать, что бы то ни было, пока избранная цель не будет достигнута каким бы то ни было способом, своею ли собственною смертию или убийством противников. Нередко предположившие привести себя в такое состояние, чтобы не было у них отнято что-либо из обладаемого ими, сами погибали, бедственно умерши душою, в надежде сомнительной

---

¹²⁸ Заключение, начинающееся словами *которой да сподобимся и мы* и прочее, дополнено по рукописи.

выгоды потерпев жалкую кончину и прежде своих противников подвергшись тому самому, чему старались подвергнуть их.

Но слышание сказаний о поживших хорошо и дознание совершенных ими добрых дел весьма полезны для любвеЕдущих, служа светильником, озаряющим сокровенное, к познанию и приведению в действие того, что дотоле было неведомо, хотя всегда оно полезно. Ибо одни поревнуют, конечно, их добродетели, немедленно ощутив к себе любовь к ней, так как по какому-то естественному устремлению душа предается прекрасному, а другие, хотя подражанию воспрепятствует какой-либо худой навык, будут дивиться ей, признавая себя несчастными и оставаясь пока при том сведении, что скудны они в добре.

В отношении же к пользе немаловажно и это – чувствовать худое состояние, в каком человек находится, и не обольщаться чем-либо крайне гнусным, величаясь сим как достоинством, подобно тому как иные бесчувственные, не уязвляемые еще сознанием греха и слепотствующие совестию, не боязненно идут по негладкому и неудобопроходимому пути его, равно как и те, у кого ноги покрыты твердыми мозолями, ступая по терниям и колючкам, не терпят ничего такого, что терпели они прежде, нежели приобучили себя к этому суровостию жизни, и когда ступни их были мягки и нежны, и скоро чувствовали малейшее повреждение. Ибо нет ничего столько трудного для тела и вредного для души, что со временем и по привычке не могло бы сделаться легким и сносным, не производящим уже того неприятного ощущения, какое производило, когда было еще непривычно, и тело утомляло, и совесть печалило, пока не обратилось для души и тела в навык, делающий приятным казавшееся прежде трудным и неприятным.

Итак, поелику признается добрым делом не умалчивать о преуспеваниях ревнителей добродетели и не скрывать того, что, сделавшись явным, приносит великую пользу в жизни, научает житию ангельскому, землю обращает в Небо чистотою и беззаботностию жития, когда все стараются благодетельствовать друг другу и никто не позволяет себе сделать кому-либо обиду, так как убедились наконец, что суетно все здесь остающееся, ревностно же вожделевают того, что может быть взято нами в Век Будущий и надолго быть там полезным, то, рассказав открыто, соделаем известным блаженного мужа, доньше утаенного для многих, потому что, как лань, углубившись в Нитрийскую пустыню, всегда старался он от всех утаиться, боясь житейских напастей, которые, как громовые удары, поражают свыше и еще более оных повреждают душу, когда она не охраняет себя и не уклоняется от обращения с людьми. Соделаем же известным, чтобы от способных воспользоваться не утаивалось все, что благоговейный оный муж старался утаить от людей, не по зависти к тем, которые стали бы подражать ему, и не потому, что один желал украшаться приобретенными добротами, но потому, что избегал всякого случая выставлять себя напоказ, как дела опасного, которое вместо пользы может причинить вред.

Был он родом из земли галатийской и питомцем города Анкиры. Юный же свой возраст так управил к целомудрию, что хотя многие толпились вокруг него, по причине его благообразия, но приведены

были в удивление его стыдливостию и степенностию, и это, паче красоты его лица, воспламеняло большую к нему любовь в тех, на которых не обращал он взоры и которых не удостаивал приветливого слова. Между тем не одно и то же быть целомудренным как тому, в ком никто не раздражает страсти, так и тому, в ком тысячи стараются возбудить страсть; равно как не одно и то же – управлять обуреваемым кораблем и спасти его ничего не потерпевшим от волнения и, сидя на корме в пристани, держаться за кормило. Первое значит представить признаки искусства в нужное время, а второе – без малейшей необходимости показывать наружный вид, оставляющий еще место сомнению, точно ли человек украшен опытностию или при неопытности, не будучи посвящен в науку, обманывает зрителей как приобретший сведения.

Поэтому сего блаженного, хотя был он еще юн и потому не способен к прохождению церковного служения, старались всячески уловить, почитая утратою, если священнический чин не будет украшен свойственною ему лепотою, столько же необходимою для целого тела церковно-начальнического чина, сколько зеница для глаза, а глаз для лица: потому что сиял он житием, для многих и для всех был полезным примером, в юном и цветущем теле показывал старческое и благоустроенное состояние духа. И хотя многие употребляли, по видимому, насилия против одного и возвели его в сан священства правды, однако же он не потерпел насилия, устыдившись имевших над ним преимущество, не решился сделать что-либо против воли, рассудив, что возлагаемое на него дело важно, и, как действительно это было выше его возраста, убегает и общественных мятежей, и церковной должности, опасаясь тяжести возложенного ига.

И хотя имел ревность немедленно удалиться в пустыню, однако же превозмог это стремление правым помыслом, рассудив, что первым подвигам лучше обучиться наперед у наставников и руководителей, у которых образуются начинающие только упражняться в добродетели, нежели, не получив первоначального образования, идти прямо к учителям, которые учат совершеннейшим подвигам, и сим возложить на них труд, принудив вместо преподаваемого мужам преподавать детские уроки и из обычного их состояния снизить до несоответственного им и детского, младенцам приличного, упражнения в делах и словах. Поэтому поступает к подвижающимся у нас за городом на горе, над которыми начальствовал блаженный Леонтий (тогда еще пресвитер, а потом бывший и епископом), муж, украшенный и деянием и вЕдением, даже совершеннейший подвижающихся в пустынях, но умевший снисходить и к младенчеству, приобывший к начинающим еще деятельную жизнь, потому что и таковых, вместе с преуспевшими, имел всегда под начальством своим.

Потом сей блаженный, преуспев скорее, нежели можно было ожидать по времени, превзошедши многих и усовершенствовавсь более, нежели как позволило бы усовершиться время, уходит оттоле и дело подвига переносит в окрестности Иерусалима, чтобы и видеть тамошние места, где пребывал, творил чудеса и напоследок пострадал Господь Иисус, и получить пользу от лицезрения подвижающихся там мужей.

А воспользовавшись от них, не скажу, превзошедши их, в короткое время, удаляется в сказанную пустыню и, тщательно скрывая священный сан, пока мог утаивать сие, приемлет монашескую жизнь как едва только начинающий. Пользовался же он такими учителями добродетели, которые скоро возбудили в нем любовь к Небу и желание его устремили к житию ангельскому; почему возлюбил он во всем умеренность, ибо ни в чем неимение нужд составляет отличие одних естеств бесплотных, а связанным плотию невозможно жить, по необходимой потребности не восполняя пищу ежедневно испаряемого. Итак, пренебрегши все в совокупности сущее на земле, весь всецело предался он горнему любомудрию, рассудив, что не только относящееся к телу, но и самое тело излишни для достижения цели тому, кто прилагает попечение о душе и поспешает представить ее Богу. В такой же мере заботился о плоти, в какой принуждала необходимость, чтобы поддержать только жизнь. А все время употреблял единственно на попечение о том, как всегда угождать Богу, какими мыслями и какими делами должен украшаться сугубый человек, чтобы и уста, в честных и полезных словах объясняя внутреннюю чистоту, призывали слушающих к благочестию, и тело скромными движениями обучало видящих благочинию.

Поэтому и по кончине даже донныне возбуждает он удивление в живущих там и воспевается ими приснопамятная его слава и то, как и языку и слуху воспрещал он всегда рассказ о чем-либо житейском, не терпя ни говорить, ни слышать когда-либо о чем бы то ни было, бывающем в мире, называя безвременным и бесполезным все, что не споспешествует предположенной цели. «Всякое искусство и изыскание, – говорил он, – для занимающихся сим составляют предмет заботливости, чтобы непрестанно с каждым днем и в словах и в мыслях усовершеншалось все, что об этом говорят и думают, потому что размышление во всем приводит к познанию чего-либо большего и упражнение делается благодетельным для непознанного еще.

Почему же мы всего досужного времени не употребляем на попечение о нашем искусстве, в котором, если пожелает кто (так как верх совершенства недостижим) приобрести хотя достаточную опытность, не будет иметь времени обратиться умом к чему-либо иному, потому что и целой жизни едва достанет, чтобы, не говоря, подумать о приуготовлении к будущему, но чтобы охранить себя от напастей в настоящем. Как глаз кормчего со всем вниманием неуклонно смотрит на мятущиеся волны и малая невнимательность может стать причиною крушения, так ум, борющийся с страстями и лукавыми духами, если трезвится, редко бывает ограден, а если вознерадеет несколько о внимательности, весь погружается и утопает».

Поэтому блаженного сего всегда можно было видеть безмолвным и сидящим в задумчивости: самым видом лица показывал он, что действительно имеет попечение о том, о чем говорил, молится ли когда Богу или размышляет о чем полезном. И как ум его предавался горным созерцаниям, упокоеваясь в них или обращая испытующий взор на себя самого, нет ли чего недостающего к благоустройству его, так руки не оставались без дела, добывая тем потребное для тела. Ибо никогда не вкушал телесной пищи в праздности, не терпел иметь ее со стороны и вообще не хотел от кого бы то ни было принять какое-либо утешение,

говоря, что всякому проходящему жизнь сию приличнее давать, нежели принимать, чтобы не ослабить сил к дерзновению, не быть вынужденным сказать иногда нечто и в удовольствие доставляющим утешение и нередко умалчивать правду, если она колка, чтобы не опечалить благодетеля.

Да и велики ли и какие были у него телесные потребности, чтобы много заниматься ими? Простой хлеб, и то не в сытость, служил пищею, вода – питием, холодная в зной и согретая на солнце в холод, одеждую – многолетний, равный годами пребыванию его в пустыне и во все это время ни разу не перемененный плат. Ни сандалии, ни сапога не было у него на ноге, связки пальмовых листьев и кожа серны были для него постелью, когда отходил ко сну, ненадолго от дневных трудов упокоевая тело, изнуренное усиленным деланием, потому что большую часть ночи, равно как и дня, проводил в пении и молитве, рассуждая, что в эти времена беседует он с Богом, и часто повторяя с Давидом: *Да усладится Ему беседа моя* (Пс. 103, 34).

Не знал он кесаревой монеты и того, чья на ней изображена печать. И медь не проходила чрез руки его, чтобы не осквернить их одним прикосновением. Все достояние его составляла Книга, и она служила утешением в унынии, так что чтение было некоторым услаждением после многих трудов, и буквальным смыслом, и умозрением успокаивая встревоженный дух. И сию нищету называл он царством по ее беззаботности, не потому что ничего не приобретал для поддержания жизни наутро, но потому что не имел вожделения ни к чему такому, что возбуждает удивление многих. Ибо не обилие во всем, но неимение ни в чем нужды почитал он богатством души, которая умеет любомудрствовать при каком ни есть довольстве и презирает все как бесполезное, что выходит за пределы оногo.

А что не кучами имения обложить себя, но не желать иметь у себя что-либо нужно для того, чтобы прекратить в себе желание обогащения, сему, как и многие другие с ним, поучал он, чрез меру богатых обличая в скудости, так как они по ненасытной страсти имеют нужду гораздо в большем, нежели что имеют у себя, а богатыми называя тех, которые щедро отлагают что-нибудь из необходимого на потребу как излишнее и не пригодное для любомудрия. Ибо последнее в подлинном смысле есть богатство, и справедливо должно так называться, а первое – бедность и крайняя нищета, потому что одно удерживает от насыщения и чрезмерного обременения себя тем, что есть, а другое возбуждает еще новое и неутолимое желание приобрести и то, чего нет, и приобретение чего сомнительно, между тем как осуждение за любостыжательность несомненно и по приговору Судии подлежит наказанию. Любостыжательностию же будет не только стараться отнять чужое, но и желать иметь у себя нечто большее того, что нужно для довольства.

А как жизнь сия есть ночь и совершающееся в ней – сновидение, как говорил этот блаженный, то какую пользу людям приносит роскошь по миновании этого состояния, когда ночные привидения исчезнут и не оставят даже чувства скорби и упокоения? «С наступлением дня, – говорил он, – сонные грезы для пробудившихся оказываются пустыми; представлявший себя разбогатевшим поутру ничего у себя не имеет; мечтавший, что пьет или ест, находит, что вовсе этого не делал. Кто во

сне достиг начальства, накопил много денег, держал в руках серебро или спрятал его за пазуху, оказывается не имеющим всего этого. Иной во сне подвергался опасностям, а иной напастьм и скорбям, иной терпел наказание, а иной был даже убит; все они встают, одни – радуясь, а другие – печалься о том, что представлявшееся во сне было мечтою, а не действительностью; и радуются, как избегшие испытания зол, печалются же, как не нашедшие у себя того, что их увеселяло.

И никому нет никакого плода от такового мечтания, днем не оказывается имеющим у себя что-либо из того, что, как представлялось, имел у себя ночью, кроме одного воспоминания о радующих или огорчающих призраках, возбуждающего сожаление о наслаждениях, которых лишился, и о веселии, из которого исторгнут. Так после этого позорища, когда сновидение жизни сей, подобно ночной грезе, кончится, теряет наконец цену все здешнее: богатство и нищета, пресыщение и скудость, слава и унижение. Остается же одним веселие, другим – ужас и трепет, и сие восприимлют они как достойное воздаяние за то, что сделано в жизни».

Посему удивления достоин муж сей, и да соревнуют ему все и во всем: кто – взирая на дела его, а кто – руководясь слышанным от него. Тесным шествуя путем, восприял он жизнь; житейские тяготы перенес он терпеливо, как сновидение, ныне же утешается там, где наслаждение постоянно и истинно, за маловременные труды дает пожинать вечное веселие о Христе Иисусе Господе нашем. Ему слава веки! Аминь.

Слово подвижническое

Глава 1. Многие из эллинов и немалое число иудеев предназначали любомудрствовать, но одни ученики Христовы возревновали об истинном любомудрии, потому что они одни имели учителем самую Премудрость, показующую на деле, какой образ жизни приличен такому предназначению. Ибо первые, как бы представляясь действующими на позорище, украшали себя чужою личиною, нося на себе одно имя и будучи лишены¹²⁹ истинного любомудрия. Ветхим плащом, бородою и жезлом выказывали они свое любомудрие, но заботились о теле, служили похотям, как господам, были рабами чрева, допускали грубые удовольствия как дело естественное, покорствовали гневу, любили славу, с жадностью, подобно псам, кидались на роскошные трапезы, не зная того, что любомудрому прежде всего должно быть свободным и паче всего избегать того, чтобы быть рабом страстей или наемником и слугою невольников. Ибо, кто жил как должно, тому нимало не повредило, что был он рабом у людей, а у кого господами страсти, тот, служа удовольствиям, подвергается стыду и возбуждает великий смех.

Глава 2. Иные из них вовсе не радят о деятельной жизни, занимаются же, как думают, любомудрием умозрительным, вдаются в исследования трудные, толкуют о том, чего и доказать нельзя,

---

¹²⁹ По рукописи читается: ἑοττερημένοι.

хвалятся, что знают величину неба, меру солнца и действенность звезд. А иные покушались иногда и богословствовать, хотя в этом и истина неисследима, и догадка опасна; жили же бесчестнее во грязи валяющихся свиней. Если же некоторые вели и деятельную жизнь, то стали хуже первых, подъяв труды для славы и похвалы, ибо не из чего иного, как из желания показать себя и из славолюбия, предназначали многое сии жалкие, дешевую и ничтожную награду прирав за таковое злострадание: потому что всегда молчать, питаться травой, прикрывать тело худыми рубищами и жить, заключившись в бочке, не ожидая за сие никакого воздаяния по смерти, хуже всякого безумия. Это значило настоящею жизнью ограничивать награды за добродетель, налагать на себя подвиги, за которые нет и времени получить венцы, вести непрестанную борьбу без всяких за нее воздаяний, быть в состязаниях, ничего не доставляющих, кроме пролития пота.

Глава 3. Из иудеев же читателями этого образа жизни оказываются потомки Ионадавовы, которые, принимая всякого желающего так жить, подчиняют тому же уставу, сами живя всегда в кущах, воздерживаясь от вина и от всякой роскоши, довольствуясь бедною трапезою, соразмерною с телесною потребностью. Поэтому они как весьма заботятся о нравственном образовании, так и проводят много времени в умозрениях, почему и называются ессеями, так что самое имя дает видеть в них людей мудрых.

Одним словом, по их мнению, цель любомудрия вполне достигается, когда дела нимало не противоречат обету. Но что пользы от подвигов и многотрудного борения для них, отринувших Законоположника Христа? И у них гибнет также мзда за труды, потому что отреклись от Раздаятеля наград истинной жизни, и потому далеки от любомудрия. Ибо любомудрие есть исправление нравов, при истинном ведении Сущего. И далеки от него те и другие, и иудеи, и эллины, отвергнувшие Премудрость, снисшедшую с Небес, и покусившиеся любомудрствовать без Христа, Который один и делом и словом указал истинное любомудрие.

Глава 4. Он первый жизнью Своею проложил путь к сему любомудрию, показав образ чистого жития, возносясь всегда душою выше телесных страстей, а напоследок, когда домостроительствуемое Им спасение людей потребовало смерти, не пощадив и души; и тем научая, что вознамерившемуся право любомудрствовать должно отречься от всего приятного в жизни, трудиться же, пренебрегая телом, господствовать над страстями и не высоко ценить самую душу, но, когда и ее должно положить для показания добродетели, охотно предавать ее. И сей-то заимствовав образ жизни, святые Апостолы подражали оному. Как скоро были призваны, отрешились они от жизни мирской, в ничто вменили отечество, род, имение, немедленно вступили в жизнь суровую и многотрудную, преодолевали все неудобства, *скорбяще, озлоблени* (Евр. 11, 37), подвергаясь гонениям, наготуя, терпя недостаток в самом необходимом, а впоследствии отваживаясь и на смерть. Во всем прекрасно подражали они Учителю и в жизни своей оставили образец наилучшего жития.

Но поелику все христиане, будучи обязаны по сему образцу начертывать жизнь свою, или не восхотели, или не имели сил к подражанию, немногие же возмogli стать выше мирских мятежей,

избежать бурной городской жизни и, таким образом поставив себя вне волнений, возлюбить иноческую жизнь, то одни последние соделали жизнь свою отпечатком апостольской добродетели, стяжанию предпочтя нестяжательность, чтобы ничем не развлекаться, пред пищею изысканною отдавая преимущество наскоро уготованной, чтобы, телесной потребности удовлетворяя снедию, какая случилась, предотвратить тем восстание страстей; возгнушавшись же одеждами пышными и сверх потребности сделанными, как примышлением человеческой роскоши, по нужде тела употребляли они ризу простую и нехитрую, презрев наслаждения, признав нелюбомудренным делом оставить попечение о Небесном, а занимать ум тем, что лежит на земле и само собою достается зверям, не знали они мира, став вне человеческих страстей: не было между ними ни преимуществующего, ни уступающего преимущество, ни судящего, ни судящегося.

Глава 5. Ибо у каждого неподкупным судиею была своя совесть, и не случалось, чтобы один богател, а другой обнищевал, один истаивал голодом, а другой расседался от пресыщения, потому что скудость недостаточных восполнялась щедростью избыточествующих. Были у них равенство и одинаковость прав, а неравность изгонялась добровольным соединением преимуществующих с низшими. Лучше же сказать, не было тогда равенства, потому что и тогда производило неравности усердие старающихся более смириться, как ныне производит их неистовое стремление усиливающихся более прославиться.

Изгнана была у них зависть, не имела места ненависть, бежало от них тщеславие, уничтожена была гордость, истреблено все, что могло стать причиною возмущения, – для сильнейших страстей были они какими-то мертвецами и бесчувственными, даже и во сне не мечтавшими о них, потому что вначале ежедневными подвигами и терпением прекрасно отклонили от себя и памятование о страстях. Одним словом, утвердившись в таком состоянии, стали они как бы светильниками, сияющими во тьме, неблуждающими звездами, озаряющими мрачную ночь жизни, окружающую их неволненностью указуя всем, как удобно укрыться в пристань, безвредно избежав нападения страстей.

Глава 6. Но и это строгое житие, этот Небесный устав жизни, подобно изображению, которое от нерадения по временам списывающих делается постепенно менее похожим, напоследок дошли до несходства и стали совершенно далекими от первообраза. Распавшиеся миру, отрешившиеся от жизни мирской, отрекшиеся от того, чтобы жить, как прочие люди, подвизавшиеся же неизменною бесстрастия преложиться в естество бесплотных Сил, снова обратились назад к житейским занятиям, к постыдным промыслам, помрачая строгое житие проводивших оное прежде прекрасно и своею невнимательностью делая, что хулят тех, которые могли быть восхваляемы и прославляемы за их добродетель. Держимся еще за рукоять рала, храня честную наружность, но стали уже непригодными для Небесного Царствия, потому что возвратились вспять и с великим тщанием держимся того, что обязаны были забыть, стараемся уже не о жизни, не требующей издержек и хлопот: безмолвие не признается у нас потребным к избавлению себя от застаревших нечистот, уважается

же множество дел, требующее заботы, бесполезной для истинной цели, и соревнование о вещественном препобедило спасительные советы.

Господь вовсе освободил нас от попечения о земном и повелел искать одного Небесного Царствия, а мы, как бы стараясь идти противным путем, не обратили на сие внимания, отрекшись от Владычных заповедей и от Господнего о нас попечения, возложили надежду на собственные свои руки. Ибо Господь говорит: *Воззрите на птицы небесныя, яко не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы, и Отец ваш Небесный питает их* (Мф. 6, 26); и еще: *Смотрите крин селных, како растут: не труждаются, ни прядут* (Мф. 6, 28). Он запретил даже иметь суму, мешок и жезл (см.: Лк. 9, 3; 10, 4), повелел же довольствоваться одним нелживым обетованием, которое, посылая учеников Своих благодетельствовать прочим людям, изрек так: *Достоин бо есть делатель мзды своея* (Мф. 10, 10). Ибо знал, что обетование сие в промыслении о потребном для нас тверже нашей действительности.

Глава 7. А мы не отказываемся приобретать, сколько можем, земли, закупаем стада овец, рабочих волов, отличных по виду и по величине, откормленных ослов, чтобы овцы в обилии доставляли нам шерсть для изделий, а волы, служа произведениям земледелия, давали и пищу нам, и корм себе и другим животным; подъяремные же вьючные животные, недостающее в одной стране восполняя привозимым из других стран, снабжали приправами необходимую пищу, увеличивая тем приятность жизни. Да и из искусств те, которые выгоднее и вовсе не оставляют нам времени вспомнить о Боге, похищают же у нас весь наш досуг, предпочитаем мы, осудив, как видно, или Попечителя в немощи, или себя самих за прежнее исповедание; и хотя не признаем сего словом, но обличаем себя в этом делами, восхищаясь жизнью мирян, когда занимаемся тем же, чем и они, и даже, может быть, больше их проводим времени в телесных упражнениях.

Почему многие и благочестие почитают уже средством к приобретению и думают, что сия безмятежная и блаженная древле жизнь занимается не иным чем, как тем, чтобы, под видом притворного богочестия, избежать трудных служений и, приобретши же свободу наслаждаться беспрепятственно, простираť свои стремления к чему угодно, с великим бесстыдством величаясь пред низшими, а иногда и пред теми, которые имеют преимущество, как будто бы добродетельная жизнь почитается поводом к самовластию, а не к смирению и скромности.

Посему и те, которые должны уважать нас, смотрят на нас как на бездельную толпу: люди чиновные и разночинцы смеются над нами больше, чем над толкущимися на рынках, потому что не имеем, как следовало бы, никакого отличия пред прочими, хотим быть известными не по жизни, но по одежде, от трудов для добродетели отказываемся, а славы за оные желаем с неистовством, показывая в себе одну тень прежней истины.

Глава 8. И ныне иной, приняв на себя этот почтенный образ, но не омыв еще душевных нечистот, не изгладив в сердце своем отпечатлевшиеся следы прежних грехов, даже, может быть, еще бесчинно любуясь их представлением и нрава своего не обучив сообразоваться с данным обещанием, не зная, какая цель любомудрия по Богу, подымлет брови по-фарисейски, высоко думая об одном

внешнем образе как о преуспевании в добродетели, и всюду ходит, нося с собою снаряды, которыми действовать не научился, видимою внешностью показывает в себе знание, которого не отведал и краями уст, оказываясь вместо пристани подводною скалою, вместо храма поваленным гробом (см.: Мф. 23, 27), вместо овцы волком – на гибель уловляемых видимостию. Ибо, когда таковые, бежав из монастырей, потому что не перенесли строгости жизни, дают себе свободу в городах, тогда, уже тревожимые потребностями чрева, к обольщению многих приемлют на себя образ благочестия как приманку, будучи готовы делать все, к чему принуждает телесная нужда, потому что всего сильнее понуждения естественной необходимости, которая в затруднительных обстоятельствах искусно измышляет из оных исход.

Особливо же когда присоединяется и умышленная праздность, тогда с большею хитростию находит себе место всякий предлог. Поэтому они так же неотступно, как тунеядцы, стоят при дверях богачей, подобно невольникам, бегают пред ними на площадях, расталкивая подходящих к ним близко, разгоняя встречных, стараются доставить им удобнейший проход и делают это по нужде в трапезе, не научившись удерживать сластолюбия при лакомых яствах и не восхотев, по Моисеевой заповеди, носить за поясом лопатку, чтобы ею при нужде ископать яму (см.: Втор. 23, 13). Ибо употреблявшие оную знали, что предел всякого наслаждения снедами бывает гортань и что случайно восполняющее телесную скудость прикрывает неприличие безвременного пожелания.

Глава 9. Посему-то и имя Божие хулится, и жизнь вожденная соделалась предметом омерзения, и приобретение¹³⁰ людей, живущих истинно добродетельно, почитается обольщением, и города обременяются ходящими туда и сюда без дела, и владельцы домов терпят беспокойство, чувствуют неприятность при самом взгляде, видя, как они просят подавания с бесстыдством, стоя при дверях, а многие, получив себе пристанище в доме, прикрывшись ненадолго притворною набожностью и личиною лицемерия оградившись от подозрения в злонамеренности, впоследствии же ограбив домовладельца, уходят и тем делают, что вообще о монашеской жизни рассеивается худая слава.

Так наконец бывшие некогда наставниками целомудрия изгоняются из городов как губители оного; и не находят себе доступа, как нечистые, наравне с одержимыми проказою. Иной скорее вверится разбойникам и подкапывающим стены, нежели проходящим монашескую жизнь, рассуждая, что удобнее остеречься от злоумышляющего явно, нежели от внушающего доверие с умыслом заманить в сети. И сии-то, не положившие и начала богочестивой жизни, не познавшие, в чем заключается польза безмолвия, и, может быть, какою-нибудь необходимостью побужденные без рассуждения приступить к монашескому житию, и почитающие монашество случаем к купле для приобретения необходимого, вели бы себя, как думаю, благочестнее, если бы не ходили по дверям всякого, но предлогом к стыду – собирать обильные подавания – имели бы и свою одежду, и желающих в дань телу приносить¹³¹ не одно необходимое, а что обрела

---

¹³⁰ Вместо: κτήσις по рукописи читается: κρίσις.

¹³¹ По рукописи читается: βουλομένους εἰσφέρειν.

роскошь прихотливых по неумеренности пожеланий. Но трудно врачевать страждущих такую неизлечимую болезнью.

Глава 10. Может ли кто истолковать пользу здоровья тем, которые никогда не вкушали здоровья, но с самых пелен росли вместе с изнурительною болезнью и по привычке о порче своего естества думают, что в этом нет никакого недостатка против естественного состояния? Всякое слово будет напрасно и не исправит, когда старательность слушающих, уклонясь к худшему, имеет противное расположение к тому, что предлагается как совет, а наипаче, когда надежда выгод питается пожеланием и страсть заграждает слух для всякого совета, так что советы об уцеломудрении не находят никакого доступа, когда сердце устремлено к корыстолюбию, как оно ни гнусно.

Но мы, возлюбленные, которые по любви к добродетели, как думаем, отрешились от мирской жизни, отреклись от мирских похотей и обещались идти вслед за Христом, для чего снова вдаемся в житейскую рассеянность и назло себе созидаем то, что прежде так прекрасно разорили? Для чего принимаем участие в худом умышлении проходящих дело свое, не как было им должно, своим старанием о суетном воспламеняя пожелания немощных, для простодушных соделываемся путем к любостыжанию?

Глава 11. От Господа повелено нам врачевать, а не раздражать поползновенных и прежде нравящегося нам – иметь в виду полезное ближнему, чтобы, следуя безрассудным своим пожеланиям, не довести до преткновения многих из людей простых, став для них поводом к соревнованию о земном. Для чего вещество, которое научены мы пренебрегать, ставим в великое, имея привязанность к деньгам и имуществу, деля ум на многие и бесполезные заботы? Старание о сем как нас отклоняет от тщательного попечения о необходимейшем и приводит к тому, что не радеем о благах душевных, так в глубокую ведет пропасть тех, которые увлекаются житейскою пышностью и наслаждение, доставляемое богатством, почитают высочайшим благополучием, когда видят, что обещавшиеся любомудрствовать и хвалившиеся, что они выше удовольствий, стараются об оных больше их самих. Ничто не ведет так к неизбежному наказанию, как это – многих делать ревнителями худых своих дел: потому что погибель подражателей делается приращением наказания научившему и тем, которые не отказываются от подражания, как дела гнусного, угрожает немалое осуждение, когда бывает у них и учитель худых дел, которых избежали водящиеся целомудренным помыслом, признав учение предосудительным.

Поэтому никто да не оскорбится сказанным, но или да исправит, что погрешительно по равнодушию многих делается к стыду имени, или да откажется и от имени. Ибо если предлежит нам любомудрствовать, то обладать имуществом излишнее дело для любомудрия, которое дает обет для душевной чистоты быть чуждым самого тела. А если для кого вожделенно приобретать имение и наслаждаться житейскими приятностями, то для чего чествуют они любомудрие словом, чуждаясь оно на деле, и, украшая себя досточестными именованиями, совершают дела, противные тому, что обещают.

Глава 12. Потом не будем почитать для себя постыдным, что те, которых признаем низшими и называем мирянами, укоряют нас в

нарушении Законов Спасителя и те, которые должны у нас учиться, учат нас пренебреженным нами заповедям Господним. Ибо, когда ссоримся и скажут они нам: *Рабу же Господню не подобает свариться, но тиху быть ко всем* (2 Тим. 2, 24) и еще когда спросим о деньгах и имуществе и заметят они нам: *Хотящему ризу твою взять, отпусти ему и срачицу* (Мф. 5, 40), тогда иное ли что сделают, как, издеваясь над нами, осмеют и пристыдят нас за противоречие дел данному обету? Ибо нет необходимости ссориться с оспаривающим у нас имение и делать все то, к чему принуждает заботливость о нем.

Один перенес между виноградника и часть присоединил к своему, иной на поле твое пустил скот, другой отвел воду, текущую в сад: ужели должно за это бесноваться, стать хуже неистового, всем таковым готовить мщение, к судилищам пригвоздить ум, который обязан заниматься созерцанием Сущего, и созерцательную силу обратить на делопроизводственную хитрость, чтобы с успехом изобиловать тем, что для нас нисколько не полезно? Для чего оспариваем чужое как свое, уготовляя себе тяжкие оковы вещества, и не слушаем того, кто называет таковых злосчастливыми? Пророк говорит: *Горе умножающему себе не сущая его, и отягчающему узу свою тяжце*, (Авв. 2, 6). Ибо если преследующие нас легки, по слову сказавшего: *Скорейшии (κοιφοί) быша гонящий ны паче орлов небесных* (Плач. 4, 19), а мы обременяем себя мирскими делами, то явно, что, медленнее двигаясь в течении своем, легко будем уловлены врагами, от которых спастись бегством научил Павел, говоря: *«Бегайте блудодеяния (1 Кор. 6, 18) и лихоимства»*. Иногда и со всею готовностью текущие к почести, если несутся не с напряженным усилием, остаются далеко позади, не получив желаемого потому, может быть, что более ускорены шаги преследующих врагов.

Глава 13. Поспешающим к добродетели великим служит препятствием пристрастие к делам мирским, часто причиняющее гибель и душе и телу. Ибо что погубило израильтянина Навуфея? Не завидный ли виноградник соделался причиной его смерти, возбудив к нему зависть¹³² в соседе Ахаве? Что два с половиною колена заставило остаться вне земли обетования? Не множество ли скота? Что и Лота разлучило с Авраамом? Не великое ли число овец, возбудив непрестанные ссоры между пастухами, и самих наконец разделило друг с другом?

Посему если имения завистливых возбуждают к убийству владеющих ими, самих владельцев отклоняют от занятия важнейшим, расторгают узы родства, друзей доводят до вражды, не имеют ничего общего с Жизнью Будущею да и телу не приносят никакой великой пользы, то для чего же, оставляя служение Богу, всецело предаемся суете? Ибо не мы сами промышляем о том, что нужно для нашей жизни. Все домостроительствует Бог: человеческое старание, если нет Божией помощи, по необходимости не достигает конца, Божие же Домостроительство и без человеческого старания доставляет совершенные блага. Какую пользу принес собственный труд тем, которым Бог сказал: *«Сеяйте много, и возьмете мало: отдунух я (Агг. 1, 6, 9) от домов ваших»?*

---

¹³² Вместо: φόβος по рукописи читается: φθόρος.

Живущим же добродетельно разве не доставало чего необходимого? Не совершенно ли не заботились они об этом? Разве израильтяне, сорок лет не пользуясь ничем от земледелия, не питались, не имея недостатка в пище? Но и море творит вновь необычайную пищу, подав от себя перепелов, и непричастный влажности камень, распавшись, доставляет в обилии воду, и небо низводит манну, этот необычайный и небывалый дождь, и одежды и обувь, не ветшая, служат все время. Какую землю возделывая на потоке, питался Илия? Не вороны ли приносили ему пищу? А когда пришел в Сарепту, вдова, нуждающаяся в необходимом, не доставляла ли ему хлеб, похищая его из уст детей своих, чтобы соделалось явным, что добродетель предпочтительнее естества.

Глава 14. Хотя сие и необычайно, однако же справедливо, потому что можно прожить и без пищи, когда угодно то Богу. Ибо как Илия совершил сорокадневный путь *в крепости единой яди* (3 Цар. 19, 8)? Как Моисей, восемьдесят дней беседуя на горе с Богом, пребыл не вкусившим человеческой пищи? Ибо, сошедши по прошествии сорока дней, когда, раздраженный слиянием тельца, разбил скрижали, немедленно снова взошел на гору и, еще столько же дней проведя на горе и потом прияв вторые скрижали, снисшел к народу. Какое же человеческое рассуждение возможет представить достаточное объяснение такого чуда? Как достало текучего естества человеческого, истощаемого столько времени, между тем как ничто не восполняло ежедневно утрачиваемой силы? Но недоумение сие решает Божие слово, когда говорит: *Не о хлебе единым жив будет человек, но о всяком словеси исходящем из уст Божиих* (Втор. 8, 3).

И посему для чего Небесное жительство совлекаем на землю, обременя вещественными бедствованиями? Для чего *питаеми* некогда *на багряницах*, одеваемся *в гной*, как в Плаче сказал о некоторых Иеремия (см.: Плач. 4, 5)? Ибо, когда упокоиваемся на помышлениях светлых и пламенеющих, тогда питаемся *на багряницах*, а когда, вышедши из такового состояния, вмешиваемся в дела земные, тогда одеваемся *в гной*. Почему же, оставив надежду на Бога, мышцу свою делаем опорой плоти, Промышление Владыки приписывая рукам своим? И что, как испытал Иов, вменено ему в великий грех, то есть, положив на уста руку, лобызать ее (см.: Иов. 31, 27), то не боимся мы делать ныне. Ибо у многих в обычае целовать руки и говорить, что от рук у них изобилие.

Их-то давая разуметь под образами, говорит Закон: «Кто ходит на руках, тот не чист, у кого много ног, также не чист и, кто ходит всегда на четырех, не чист» (см.: Лев. 11, 27, 42). Ходит же на руках, кто на них опирается и на них возлагает всю надежду; ходит на четырех, кто, предавшись делам чувственным, ими занимает непрестанно владычественный ум, а многоножен, кто отовсюду окружен телесным. Поэтому премудрый Приточник хочет, чтобы совершенный имел даже не две ноги, но одну и та редко двигалась для дел телесных. *Не учащай*, – говорит он, – *вносить ногу твою ко другу твоему, да не когда насыщся тебе, возненавидит тя* (Притч. 25, 17). Если кто редко приступает ко Христу с прошением о потребности телесной, то возлюблен Им будет, ибо сие служит целию таковых друзей, как

говорит Спаситель ученикам Своим: *Вы друзья Мои есте* (Ин. 15, 14). Если же будет делать это часто, то соделается ненавистным Ему.

Глава 15. Кому же внушит доверенность и не будет мерзок всегда тревожимый сими потребностями и никогда не восставляемый к правой жизни, потому что не имеет голеней выше ног, чтобы на них воспрянуть от земли? Как голени, сгибаясь сначала, принимают на себя всю тяжесть тела, а приблизившись несколько к земле, делают, что немедленно подымается оно вверх, так помысел, различающий дела естественные, вслед за тем, как унижится до потребности тела, быстро подымлет горЕ легкую мысль, не вознося с собою ни одной из порочных нечистот.

Иметь прямые голени свойственно и тем, которые весьма преданы удовольствиям и всегда остаются долу, но свойственно также и Небесным Силам, потому что вовсе не имеют они нужды в телесном¹³³ и не требуют для сего сгибать голени. Это подразумевая, как думаю, сказал великий Иезекииль, что *голени их правы, и пернаты ноги их* (Иез. 1, 7), чем изображается непреклонность воли и скородвижность оного естества в помышлениях. А человеку достаточно иметь сгибающиеся голени, и употреблять для восхождений, иногда телесных, а иногда духовных, возводящих горЕ, и, по сродству души с Горними Силами, часто вместе с ними созерцать Небесное, а по усилию тела, столько озабочиваться землею, сколько принуждает к тому потребность.

Всегда же пресмыкаться в служащем к наслаждению – подлинно нечистое дело и не приличное человеку, получившему в удел разумное вЕдение. Ибо Закон ходящего на четырех назвал нечистым с ограничением, и не просто, но если ходит *на четырех всегда* (Лев. 11, 42), потому что сущим в теле дал время нисходить до потребности тела. И Ионафан, воюя с аммонитянином Наасом, *ползущь* (1 Цар. 14, 13) на четырех, одержал победу, потому что послужил одной только нужде естества. И сражающемся с ползающим на персях змием (так толкуется имя *Наас*) должно было преобразиться несколько до сходства с ним в том, чтобы так же ходить на четырех, и потом, встав и приняв свойственное себе положение, с бОльшим удобством преодолеть его.

Глава 16. Чему научает нас и история Иевосфея? Не тому ли, что не должно крепко заниматься телесным и охранение себя вверять чувству? Иевосфей, царь, почивал в ложнице, а при вратах у себя, как сказано, дозволил стоять женщине¹³⁴. Пришедшие с Рихавом, нашедши, что привратница, очищая пшеницу, вздремала, тайно вошли и умертвили Иевосфея, которого нашли также спящим. Ибо все погружается в сон – и ум, и душа, и сердце, и чувство, когда превозмогает телесное.

То, что привратница очищала пшеницу, показывает, что мысль прилежно занималась телесным и не слегка, но с каким-то тщанием заботилась о чистоте сего. Ибо, что не в виде только истории пересказывает о сем Писание, явствует из следующего. Почему женщина была привратницею у царя, которого должно было окружать

¹³³ По рукописи читается: *διὰ τὸ μηδὲν πρὸς βέεσθαι τῶν σωματικῶν*.

¹³⁴ По славянскому переводу (2 Цар. 4, 6) читается *вратник*, а у Семидесяти: *ἡ θυρωρός*.

множество воинов и оказывать всю честь¹³⁵, подобающую его сану? Или почему царь был столько скуден, что привратница очищала пшеницу? Но к истории нередко примешивается и несообразное по той причине, что означаемое тем истинно. Ибо ум у каждого, как царь, пребывает где-то внутри, придверником чувств имея сердце, и, когда оно вверяет себя телесному (ибо телесное дело очищать пшеницу), тогда злокозненные без труда тайно умерщвляют ум. Поэтому-то великий Авраам не вверяет женщине охранение двери, ибо знает обманчивость чувства: как оно, услаждаясь видением чувственного, разъединяет ум и убеждает вместе с ним приобщиться приятного, а это приобщение очевидно бывает опасно. Напротив того, сам он находится при двери, делая открытым доступ Божественным помышлениям и заключая дверь мирским заботам. Ибо что доставляется нам в жизни суетною попечительностью о сем? Не *весь ли труд человек*, по слову Екклезиаста, *во уста его* (Еккл. 6, 7)?

Пищи же и одеяния, по словам Апостола, достаточно к поддержанию этой жалкой плоти (см.: 1 Тим. 6, 8). Посему для чего же без конца и, как говорит Соломон, *трудимся на ветер* (ср.: Еккл. 5, 15), тщательностью о земном препятствуя душе наслаждаться Божественными благами, любя плоть и покоя ее более чем нужно? Из соседей воспитываем ее во врага¹³⁶ и противника, так что не только борьба между ними делается сомнительною, но, с великим приращением в силах подвизаясь против души, радуется¹³⁷ она, что не попускает душе достигнуть почестей и венцов.

В чем состоит потребность тела, под предлогом которой простирает оно пожелание до бесполезного затруднения? Без сомнения, в хлебе и воде. И разве источники не доставляют в обилии воду? Разве хлеб не приобретается удобно всяким, у кого есть руки? Можем добывать его и другими работами, которыми и потребность телесная удовлетворяется, и мы мало или не вовсе развлекаемся. Но не требует ли великой заботы одежда? Нимало, если будем иметь в виду одну потребность, а не обычную нашу изнеженность. Ибо первый человек носил ли какие как бы из паутинной ткани одежды, или какой виссон, или порфиру, или шелковую ризу? Не из кож ли уготовал ему одеяния Создатель? И не злаками ли повелел питаться? Сии пределы положил Он телесной потребности. Такой дал устав и далеко отстранил распространяющееся ныне неблагоприличие человека.

Не говорю же о том, что живущих хорошо, без сомнения, и ныне препитает Питающий птиц небесных и оденет такую славою Облекающий полевые лилии, не говорю, потому что никак невозможно убедить так много отступивших от сей веры. Но живущему добродетельно кто даже с прошением не предложит потребного ему?

Глава 17. Если вавилоняне, люди-варвары, по праву войны взяв Иерусалим, уважили добродетель Иеремии и щедро оказали ему всякое телесное пособие, дав не только нужное для пропитания, но и сосуды, употребляемые обыкновенно при столе, то не уважают ли добродетельной жизни с детства паче варваров очистившие ум для уразумения прекрасного и ревнители добродетели? Ибо если сами по

¹³⁵ Вместо: σκληρῶν по рукописи читается: τιμῶν.

¹³⁶ Вместо: ἐχθρῶν по рукописи читается: ἐχθρόν.

¹³⁷ Вместо: ἀνίστα по рукописи читается: οὐρανίστα.

немощи естества не могут соделаться подвижниками оной, то чтут добродетель и удивляются ее подвижникам. Кто убедил сонамитянку устроить Елисею горницу, поставить там *трапезу, престол, одр и свещник* (ср.: 4 Цар. 4, 10)? Не добродетель ли сего мужа? Что склонило оную вдовицу, когда всю землю истощил голод, служение Пророку предпочесть собственной нужде? Без сомнения, если бы не изумляло ее любомудрие Илии, то не предложила бы ему и малого утешения в жизни, взяв оное у себя и у детей и из щедрости к пришельцу преждевременно избрав смерть, которую незадолго пред тем живо себе представляла.

Глава 18. Соделали же их таковыми мужество, неутомимость в трудах и небрежение о делах житейских. Ибо, возлюбив умеренность и в том, чтобы не оскудевать, преуспев, так сказать, тем, чтобы иметь мало нужд, приблизились они к бесплотным Силам. Почему, будучи невидны по телу и незнатны, соделались могущественнее заведующих всем, с таким дерзновением беседовали с облеченными в диадему, с каким те не говорят с подданными. Ибо, на какое надеясь оружие или какую имея силу, сказал Илия Ахаву: *Не развращаю аз Израиля, но разве ты и дом отца твоего* (3 Цар. 18, 18)? Как и Моисей с ревностью противостоит фараону, не имея иного напутствия к отважности, кроме добродетели? Как Елисей, когда войско двух царей, израильского и иудейского, соединилось на брань, сказал Ахавову сыну¹³⁸: *Жив Господь сил, Емуже предстою пред Ним в день сей, яко еще бых не лице Иосафата царя Иудина аз приял, то воззрел ли бых на тя, и видел ли бых тя* (4 Цар. 3, 14)?

Не устрасился он подвигшегося воинства, не убоился раздражительности царя, который, вероятно, по случаю войны управлялся неразумным стремлением и у которого помысел был возмущен борьбою. Власть царя земного в состоянии ли сделать что подобное добродетели? Какая порфира разделяла реку, как милоть Илиина? Какая диадема прекращала болезни, как апостольские главоотяжи? Пророк один обличил беззаконного царя, окруженного всем воинством, и поелику обличение возбудило гнев, царь, простерши на Пророка руку, и его не коснулся, и иссохшую руку не мог пригнуть к себе. Произошла пря между добродетелию и царским могуществом, и победа добродетели оказалась сильнейшею: Пророк не боролся и добродетель обратила в бегство противника, подвижник оставался в бездействии, но действовала вера, сподобники царя соделались судиями борьбы и рука стала свидетельницею победы добродетели.

Глава 19. Совершали же они это потому, что рассудили жить единою душою, презирая тело и телесные нужды, и то, что не имели ни в чем потребности, делало их выше всего. Ибо скорее решились бы оставить тело и освободиться от жизни во плоти, нежели изменить добродетели и для телесной потребности польстить кому-либо из живущих в изобилии. А мы, когда имеем в чем надобность, подобно молодым псам, которые, весело махая хвостом, ласкаются к бросающим голую, может быть, кость или крошки, сбегаясь к богатым, называя их благодетелями и попечителями христиан, и, одним словом, приписываем им всякую добродетель, хотя они до крайности порочны,

---

¹³⁸ По рукописи читается: τω Αχχαβ.

только бы успеть нам в желаемом; не любопытствуем узнать, как жили святые, соревновать добродетели которых, конечно, и мы предполагали.

Пришел некогда к Елисею Нееман, сирийский военачальник, принеся с собою многие дары. Что же Пророк? Оказал ли ему услугу? Поспешил ли к нему навстречу? Не чрез отрока ли одного объяснил ему потребность его, за которую пришел, не приняв его даже и на глаза к себе, чтобы не подумал, будто бы ради принесенного дано ему уврачевание? Не для того сие сказано, чтобы научились мы высокомерию, но чтобы ради телесной потребности не льстили заботящимся о том, что дали мы обет пренебрегать.

Посему для чего же мы, оставив цель любомудрия, занимаемся земледелием и торговлею? Что великого приносим Богу своею заботою?¹³⁹ Чтобы явствовало, что попечение о земледелии есть общее дело, человеческое старание рассекает землю, влагает семена, а Бог повременными дождями орошает землю, способствуя посеянному распростирать корни в размягченных недрах земли, изводит солнце, согревающее землю, и, теплотою вызывая растения вверх, посылает веяния ветров, соразмерные возрасту воспитываемых плодов. Вначале нежными дыханиями провеивает покрывающуюся зеленью равнину, чтобы горячими ветрами не пожечь согреваемых солнцем посевов, а сильными порывами ветров приводит в зрелость во влагищах млековидный сок плода, во время молотбы дает потребный жар, а во время веяния – пригодные ветры. Если не будет доставать чего-либо этого, то суетным окажется человеческий труд и ни во что обратится наше старание, незапечатленное Божиими дарами.

Но нередко ни в чем этом не бывает недостатка, чтобы все пришло в совершенство, и сильный дождь, случившийся не вовремя, уносит или требующий еще молотбы колос, или благовременно собранную пшеницу. А иногда в самой житнице губят ее червь и тля, похищая, так сказать, из самых уст готовую трапезу.

Глава 20. Посему в чем и на что нам полезно наше старание, когда Бог правит кормилом и все движет и ведет, как Ему угодно? Скажем ли, что тело в немощах имеет нужду в утешении? Но сколько лучше умереть, нежели сделать что-либо не приличное нашему обету! Конечно же, если угодно Богу, чтобы мы еще жили, то или телу даст крепость, равносильную немощи, чтобы перенести нам трудность недуга и за мужество приять венцы, или примыслит средство к утешению страждущего, и не окажется недостаточным к спасению это примышление в Источнике спасения и премудрости. Посему прекрасное, подлинно прекрасное, возлюбленные, дело – снова войти в первобытное блаженство и взяться за житие древних, потому что, как думаю, удобно это всякому желающему. А если и потребует какой труд, то не будет он бесплоден, достаточное имея для сего облегчение в славе предшествовавших и в исправлении тех, которые будут последовать. Ибо для начавших таковой образ жизни и оставляющих по себе другим образец совершенного жития немалую составит выгоду восприятие оставленного.

Будем избегать пребывания в городах и весях, чтобы живущие в городах и весях притекали к нам; устремимся в пустыню, чтобы привлечь к себе, если кому вполне приятно это, бегущих теперь от нас.

---

¹³⁹ Вместо: ἐπί τῇ по рукописи читается: εἰς τῇ.

Ибо в похвальной песни о некоторых написано, что оставили города, поселились на камнях и стали *яко голубицы скорбяще* (Иез. 7, 16). И Иоанн Креститель пребывал в пустыне, и все города со всеми жителями приходили к нему, чтобы увидеть кожаный пояс, стекались облеченные в шелковые одежды, соглашались беседовать под открытым небом имеющие у себя с позлащенными крышами дома, и упокоения на убранных драгоценными камнями ложах славнее стало возлежание на песке, и все было для них сносно, хотя делалось против обычая, потому что любовь к добродетели мужа отнимала у них ощущение скорбного, а удивление тому, что видели, закрывало трудность суровой жизни.

Глава 21. Столько-то добродетель досточестнее богатства и жизнь безмолвная славнее множества денег! Сколько было в то время богачей, высоко думавших о своей славе? И о них молчат, их предали забвению, а муж неславный доньше воспевается с удивлением, и память пустынножителя для всех возжеленна, потому что добродетели свойственно быть славною и слух о себе посылать вестником доброт своих. Откажемся от скотопитания, чтобы воспрять на себя пастырское звание. Оставим постыдную куплю, чтобы приобрести *многоценный бисер* (ср.: Мф. 13, 46). Бежим от возделывания земли, произрастающей терния и волчцы, чтобы соделаться делателями и хранителями рая. Бросим все и изберем жизнь безмолвную, чтобы пристыдить тех, которые укоряют нас ныне за пристрастие к любостыжательности.

Ибо ничто не посрамляет так нападающих, как сопровождаемое скромностию исправление укоряемых, потому что происшедшая в укоряемых перемена обращается в посрамление укоряющим. Гнусным же почитаю, и действительно гнусно то, за что все справедливо над нами посмеваются. Иной, едва приступив к иноческой жизни, узнав только первые правила подвижничества, немедленно вызывается быть учителем в том, чему и не учился: как молиться, когда и какой наблюдать устав в пище; влечет за собою ряд учеников, когда сам имеет нужду в обучении, и тем в большей мере, чем более удобным почел для себя это дело, не зная, что из всего трудного самое труднейшее – иметь попечение о душах, которые прежде всего нужно очистить от застаревших нечистот, а потом с великою внимательностью довести до того, чтобы напечатлелись в них уроки добродетели.

А кто не представляет себе ничего более, кроме телесного подвижничества, тому как исправить нравы подчиненных? Как переделать тех, над которыми возобладали худая привычка? Как помочь боримым страстями, не зная вовсе, что такое мысленная брань? Или как уврачевать приятые на брани язвы, когда сам еще лежит в язвах и имеет нужду в повязках.

Глава 22. Всякое искусство для успеха в оном требует времени и многого учения. За одно искусство искусств берутся не учась. И за земледелие не отважится приняться неопытный; не посвященный во врачебное искусство не берется также за сие дело. Ибо они изобличат себя: один тем, что не окажет пользы больным, но даже болезнь их сделает больше тяжкою, а другой тем, что и хорошую землю обратит в бесплодную и негодную. На одно только богочестие, как дело удобнейшее, отваживаются необучившиеся, и многими это неудобноисполнимое дело почитается легким. Чего и Павел признает

себя не *достигшим* (ср.: Флп. 3, 13), о том, будто бы в точности познали сие, утверждают не ведущие того самого, что не знают сего. Посему-то монашеская жизнь и соделалась презренною и проходящие ее у всех в посмеянии. Да и кто не посмеется, видя, что вчера носившего воду в корчме сегодня как учителя добродетели с подобострастием окружают ученики или утром удалившийся от общественных дел, по неудаче в них, вечером со множеством учеников, величаясь, ходит по всей площади? Если бы вполне были они убеждены, что великий труд – привести кого-либо к богочестию, и в точности знали, какою опасностью сопровождается дело, то, конечно, отказались бы от оногo как превышающего их силы. Но пока не знают этого и начальствовать над кем-нибудь почитают славою, бросаются в такую пропасть и почитают легким ввергнуться в горящую печь, а сим возбуждают смех в знавших их вчерашнюю жизнь и прогневляют Бога такою опрометчивостию.

Глава 23. Если ни почтенная старость, ни давнее дерзновение, ни священнический сан не отвратили Божия гнева от Илии, вознерадевшего об исправлении детей, то избавятся ли ныне от сего гнева не приобретшие доверия Божия прежними делами, не знающие или свойства греха, или способа к исправлению, но из любви к славе неискусно берущиеся за страшное дело? Посему-то Господь хотя, по видимому осуждая фарисеев, сказал: *Горе вам, книжницы и фарисее, лицемери, яко преходите море и сушу, сотворити единого пришелца: и егда находите, творите его сына геенны сугубейша вас* (Мф. 23, 15), однако же в действительности укоризною им вразумляет тех, которые впоследствии впадут в те же прегрешения, чтобы, слыша сие: *Горе*, удержались от безвременного пожелания, признав, что угрожающее им бедствие страшнее людской славы.

Да убедит их и Иов или подобно ему заботиться о подчиненных, или отказаться от такового начальства, как не умеющих поступать так же, как и он, даже не хотящих прилагать такое же старание о находящихся под их попечением. Ибо если он, желая, чтобы дети его были чисты от мысленных скверн, ежедневно приносил за них жертвы, говоря: *Негли когда сынове мои в мысли своей злая помыслиша против Бога* (Иов. 1, 5), то как же сии, не умея различить и явных грехов, потому что рассудок их помрачает пыль, возметаемая в борьбе со страстями, приступают к начальству над другими и принимают на себя врачевание других, не уврачевав еще своих страстей и не имея сил, вследствие своей победы, и иных так же вести к победе?

Глава 24. Ибо прежде должно побороться со страстями, и со многим трезвением предать памяти, что было во время брани, и потом по испытанному на себе сообщить и другим правила борьбы, и соделать для них победу удобнейшею, сказав наперед способы, как вести брань. Ибо иные и преодолели в себе страсти, может быть, долговременным строгим житием, но не знают способа победы, потому что, как в ночном сражении, не следовали они за ходом всего дела и ум их не познал в точности вражеских злоумышлений. Сие-то, изображая в образах, учинил Иисус Навин, когда войско ночью переходило Иордан, приказав из среды реки взять камни и вне реки сложить из них столп и написать, как перешли Иордан, означая сим, что глубокие помышления страстного жития должно делать явными и во всей ясности предавать

их позору, а не утаивать по зависти сего знания от других, чтобы не один перешедший знал способ переходения, но и намеревающиеся сделать то же удобно совершили сей переход по данному им уроку и опыт одних соделался наставлением для других.

Но не видят сего наши учителя, не слушают, когда говорят другие, смотрят же только на одно свое убеждение, и братьям, как наемникам, предписывают рабские службы, в том поставляя всю славу, чтобы начальствовать над бОльшим числом, и соревнуют в том, чтобы не меньше прочих, во время шествий своих, водить за собою невольников, показывая из себя более торгашей, нежели учителей.

Глава 25. Ибо, когда почитают легким делом приказывать словом, хотя приказываемое и тяжело, а учить делом не соглашаются, тогда ясною для всех делают цель свою, что принимают на себя начальство сие, потому что стараются не пользу доставить приходящим, но исполнить свое удовольствие. Пусть же, если угодно, поучатся у Авимелеха и Гедеона, что не слово, а дело приводит подначальных к подражанию. Авимелех, нарубив беремья дров, понес и сказал: *Еже видите мя творяща, сотворите и вы* (ср.: Суд. 9, 48), а Гедеон, ведя на общее дело, идет сам впереди и говорит: *Мене смотрите, и такожде творите* (Суд. 7, 17). И Апостол, который говорит: *Требованию моему и сущим со мною послужите руце мои сии* (Деян. 20, 34), и Сам Спаситель, Который делает, а потом учит, кого не убедят учение делом почитать убедительнейшим учения словом?

Но они смежают глаза для сих образцов, с высокомерием же предписывают, что должно делать. А когда, по-видимому, и знают нечто такое по слуху, тогда, подобно осуждаемым у Пророка за неопытность пастырям, носят *мечь на мышце*, почему, кроме мышцы, у них и *око десное слепнет* (ср.: Зах. 11, 17), потому что десная деятельность, по неразумию оставляемая в нерадении, вместе с собою угашает и светлость созерцания. Сему подвергаются те, которые строго и бесчеловечно наказывают, как скоро получают в руки власть налагать наказания: в них созерцательные помышления, принадлежащие к числу десных, вскоре угасают, а также деяния, будучи лишены созерцания, увядают, потому что не могут ни делать, ни видеть что-либо те, у кого не по бедре опоясан меч, а *на мышце*. При бедре же прикрепляют меч, которые Божиим словом пользуются против страстей своих. И носят его *на мышце*, у которых в руках власть наказывать чужие грехи.

Глава 26. Так и аммонитянин Наас (что толкуется *змий*) угрожает прозорливому Израилю выколоть у всякого десное око его (см.: 1 Цар. 11, 2), чтобы никакое правое помышление возобладавшему им не руководило к правой деятельности, ибо знал, что сие бывает причиною великого успеха в поступающих от созерцания к деятельности, потому что у таковых содеянное делается невинным, будучи предусмотрено прозорливыми очами вЕдения.

А что принимать начальство над другими свойственно людям легким, для которых у себя дома нет никакой выгоды, – это явствует из опыта, потому что вкусивший безмолвия, начавший сколько-нибудь упражняться в созерцании не согласится связать ум заботами о телесном и, отвлекши его от вЕдения, когда он большею частью парит превыспренно, обращать к делам земным. Но еще более явствует это из

пресловутой оной притчи, которую Иоафам¹⁴⁰ предложил сихемлянам, говоря: *Идуще идоша древа лесные помазати себе царя и рекоша к лозе виноградней: прииди, буди нам царь. И рече им лоза виноградная: еда оставлю плод мой благий, его же прослави Бог и человецы, и пойду владети древами* (Суд. 9, 8-9, 11-13)?

Когда, подобно сему, отказались и смоковница по своей сладости, и маслина по своей тучности, терн, дерево бесплодное и колючее, принял на себя начальство над ними, не имея тучности ни в себе самом, ни в деревьях подчиненных, потому что деревья, требующие над ними настоятельства, притча назвала не садовыми, но лесными. А как виноградная лоза, смоковница и маслина отказались начальствовать над деревьями лесными, увеселяясь более плодом своим, нежели начальническим саном, так усматривающие в себе какой-либо плод добродетели и ощущающие от сего пользу, хотя бы многие принуждали¹⁴¹ к таковому начальству, отклоняют от себя честь, воздаваемую многими, предпочитая тому пользу свою.

Глава 27. Что покушался терн в притче сделать с деревьями, то случается и с людьми, составившими подобные договоры. Ибо или *изыдет*, как сказано, *огнь из терния и пояст* (Суд. 9, 15) деревья лесные, или изыдет огнь из дерев и пояст терние. Когда составляются бесполезные договоры, тогда необходимо последовать опасности как для подчинивших себя неопытному учителю, так и для самих принявших на себя начальство по невнимательности учащихся. Ибо и неопытность учителя губит учащихся, и нерадение учеников вводит в опасность учителя, особливо когда ученики ленятся по недостатку сведений у учителя. Ибо и от учителя не должно быть скрыто что-либо, способствующее исправлению подчиненных, и учащиеся обязаны не оставлять в небрежении ни одного из повелений учителя. И им послушаться, и ему не обратить внимания на погрешающих – опасно и губительно.

Да не почитают дела сего предлогом к покою и наслаждению. Всего многотруднее начальствовать над душами. Надзирающие над бессловесными и скотами не встречают в стадах ни в чем противоречия, и потому нередко надзор над ними бывает благоуспешен. А настоятелям над людьми различие нравов и хитрость разума делают настоятельство весьма трудным, и приступающим к оному должно умастить себя как на многотрудный подвиг, чтобы и недостатки всех переносить со всяким терпением, и великодушно научать их тому, что сокрыто от них по неведению.

Глава 28. Поэтому умывальницу во храме держат на себе волы, а свещник устроен был весь плотно вылитый и выточенный. И как свещник означал, что поставленный просвещать других должен быть во всех частях тверд, не иметь ничего легкого или пустого и что в нем должно быть сглажено все излишнее, что для взирающих не было бы полезно видеть в образце неукоризненного жития, так волы под умывальницею означали, что приступающий к делу подобного рода не должен отказываться от всего, что ни приблизится к нему, но носить и тяготы, и нечистоту низших, пока носить это безопасно. Ибо если будет соделывать чистыми деяния приходящих, то, конечно, необходимо и

¹⁴⁰ Так по рукописи и в славянском переводе.

¹⁴¹ Вместо: *τιμωρίας* по рукописи читается *τιμής*.

самому ему стать причастным некоторой нечистоты. Так и умывальница, очищая руки умывающего их, сама принимает в себя нечистоту его. И тому, кто рассуждает о страстях и в других истребляет подобные скверны, невозможно миновать того, чтобы не оскверниться, потому что самое памятование обыкновенно оскверняет мысль говорящего. И хотя не живыми красками напечатлевает образы срамного, однако же надолго сквернит ум, возмущая потоки слова нечистыми именованиями¹⁴².

Да и настоятелю должно быть столько сведущим, чтобы ни один из замыслов врага не оставался ему неизвестным, и мог он порученным ему до подробности указать тайные ухищрения в борьбе, и, предсказывая злоумышления противника, без труда провозгласить им победу, и увенчанными извести с подвига. Но редко и нелегко сыскивается такой настоятель.

Глава 29. Сие самое свидетельствует великий Павел, говоря: *Не не понимаем бо умыслений его* (2 Кор. 2, 11). А чудный Иов, недоумевая о подобном сему, говорит: *Кто откроет лице облечения его, в согбение же персей его кто вникнет? Двери лица его кто отверзет?* (Иов. 41, 4-5). И сие значит: не видно лица у него, потому что закрывает лукавство многими одеждами, уловляет обманчивую видимость, а втайне коварно устрояет гибель. И чтобы не сопричислить и себя к не знающим свойств врага, Иов сказывает признаки его, как ясно знающий все его странности, и говорит: *Очи же его видение денницы* (Иов. 41, 9); *утроба его щиты медяны* (Иов. 41, 6). И сие говорит, обличая его злоторность, потому что, преобразуясь в образ денницы, ухищряется привлекать к себе взирающих на него, а щитами, которые внутри его, уготовляет смерть приближающимся. Да и притча дает уразуметь опасность дела, говоря: *Разсекаяй дрова беду примет в них: аще спадет сечиво* (Еккл. 10, 9-10). Кто разбирает вещь в слове своем, и в том, что почитается соединенным, расторгает связь, и разделяет, что одно другому было совершенно чуждо, с намерением показать действительно доброе в почитаемом таковым, тот, если не оградит отовсюду слова, *беду приемлет* в слушающих, как скоро спадает сие ограждение со слова, подавая учащимся повод к соблазну.

Глава 30. Так один из учеников Елисея, рубя дерева при Иордане, когда секира упала в реку, видя беду, воззвал к учителю: *О, господине, и сие заемное* (4 Цар. 6, 5). Сему подвергаются те, которые предпринимаят учить понаслышке и не в состоянии бывают достичь цели, потому что говорят не по собственному уразумению. Когда в продолжение беседы уличаются, что сказали нечто противоречащее предположенному, тогда признаются в незнании, подвергаясь беде от употребленного слова. Потому и великий Елисей, ввергнув в глубину древо, сделал, что выплыло железо; и тем мысль, которую утратил ученик и которая почиталась сокровищем во глубине, Пророк уяснил и представил взору слушающих. Вот Иордан означает слово покаяния, ибо там совершалось Иоанном Крещением покаяния.

Но кто слово о покаянии изрек неточно, обнаружением же сокровенной доброты заставил слушателей прийти в небрежение, тот поверг секиру в Иордан. Явно же, что явившееся древо вынесет секиру

---

¹⁴² По рукописи читается: τὰς τοῦ λόγου διεξόδους ὀνόμασιν οὐ καθαροῖς ἐπιθολοῦσα.

из глубины и заставит всплыть. Ибо прежде Креста слово о покаянии было сокрыто, потому и намеревавшийся сказать о нем что-либо был обличен, как отважившийся преждевременно, но после Креста оно для всех стало явным, как в свое время показанное древом.

Глава 31. Говорю же сие, не то внушая, чтобы ни для кого не быть путеуказателем, и не возбраняя кого-либо из юных путеводить к богочестию, но советуя приобрести сперва навык к добродетели, соответственный величию дела, и не поспешно предаваться достижению цели, помышляя только о приятном – об услугах учеников и о доброй славе у внешних, опуская же из виду последующую за сим опасность, и прежде установления мира бранных оружий не переделывать в земледельческие орудия. Когда покорены все страсти, ниоткуда не беспокоят уже враги и оборонительных оружий не нужно употреблять в дело, тогда хорошо возделывать души других. А пока самовластвуют еще страсти, продолжается еще брань с мудрованием плоти, не должно отымать рук от оружия, но непрестанно надлежит иметь их под руками, чтобы злокозненные нашего упокоения не обратили в случай к нападению, не пленили нас без пролития крови.

Ибо как доблестно подвизавшимся за добродетель и по великому смиренномудрию думающим, что еще не одержана победа, слово Писания подает такой совет: *Раскуйте мечы своя на орала и копия своя на серпы* (ср.: Ис. 2, 4), внушая им не нападать уже понапрасну на побежденных врагов, но для пользы многих душевные силы от бранного навыка обратить к возделанию тех, которые обилуют еще плодами порочных дел, так тем, которые, не пришедши в такое состояние, по неопытности или по неразумию принялись за дело, превышающее их силы, советует противное, говоря: *Разсецые рала ваша на мечи и серпы ваша на копия* (Иоил. 3, 10).

Глава 32. Ибо что нам пользы в земледелии, когда страна объята войною, которая препятствует воспользоваться произведениями земледелия, и оно доставит обилие скорее неприятелям, нежели трудившимся? Посему-то, может быть, и израильтянам, боровшимся еще в пустыне с разными народами, не позволяет Бог иметь попечение о земледелии, чтобы не воспрепятствовало сие воинским упражнениям, а после покорения неприятелей советует заняться оным, говоря: *«Егда же внидете в землю обетования, насадите в ней всяко древо»* (Лев. 19, 23) плодовитое, но прежде, нежели внидете, не насаждайте». Ибо в первом повелении подразумевалось и последнее; и сие справедливо, ибо насаждаемое прежде совершенства не бывает прочно, особливо когда желающие насаждать носят еще непостоянным нравом. А порядок и последовательность, если в ином чем, то и в делах богочестия, имеют место и должны быть вводимы в постановления с самого начала. Ибо утратившие из виду то, что составляет начатки, и уловленные обольстительным после по необходимости убеждаются сообразоваться с последовательностью порядка. И как Иаков, увлекшись красотой Рахили, презирал немощ очей Лииных, однако же не бежал от труда по приобретении таковой добродетели, но *исполни седмины сея* (Быт. 29, 28), так и желающему законно устроиться в образе жизни должно не от конца возводиться к началу, но от начала с успехом простираться к совершенству.

Глава 33. Ибо таким образом и сам достигнет желаемого, и подчиненных неукоризненно приведет к концу добродетели. Но многие, не приложив никакого труда, не совершив ни малого, ни большего дела богочестия, без рассуждения гонятся за именем, выказывая страшное омрачение ума, не признавая в этом опасности, и не только не отказываются, когда другие призывают их к делу, но, обходя закоулки, насильно влекут встречающихся, обещая всякую услугу, как составляющие договоры с наемниками о пище и одежде.

А при такой любви к делу, когда хотят с толпою показываться на распутьях, покоиться, опираясь на руки сопровождающих, и вполне выдержать лицо учителя, – как принявшие на себя такое лицедейство, чтобы не оставили их оказывающие им эту услугу, необходимо им и в удовольствие служащих сделать многое, и дать свободу их пожеланиям, подобно вознице, опустившему бразды и дозволившему коням бежать свободно, нестись по стремнинам и пропастям и ударяться обо все, что под ногами, потому что некому остановить и удержать беспорядочных стремлений.

Глава 34. Но таковые да слышат, как блаженный Иезекииль оплакивает сожалеющего о доставляющих пищу наслаждению других и уступчивостию желаниям каждого сокровиществуящих себе горе, ибо говорят: *Горе сшивающим возглавийцы под всякий локоть руки и сотворяющим покрывала над всякую главу всякого возраста, еже развратить души: горсти ради ячмене и ради укруха хлеба* (Иез. 13, 18–19). Так и они, из подаваний собирая себе потребное для тела и довольствуясь как бы из лоскутьев собранными припасами, обязанных молиться или пророчествовать с открытою головою пристыжают покрывалами, мужественное состояние возложением покрывал обращая в женственное и губя души, которым не должно умирать. Им наипаче, покорившись Истинному Учителю Христу, надлежало из всех сил отказываться от попечения о других. Ибо ученикам Своим говорит Он: *Вы же не нарицайтесь учителями* (Мф. 23, 8). Если и Петру, и Иоанну, и всему лику Апостолов советует оставаться вдали от такого дела и почитать себя малыми для сего достоинства, то после сего кто же вообразит о себе, что он выше Апостолов, и себе присудит достоинство, которое возбранено было им? Или, может быть, Сказавший: *Не нарицайтесь учителями* – возбраняет не быть, а называться только учителями?

Глава 35. Если же кто произвольно, потому что принял одного или двоих, принужден бывает начальствовать и над многими, то прежде всего пусть тщательно испытает себя, делом ли, паче нежели словом, способен он научить тому, что делать, представив жизнь свою в образец добродетели учащимся, так что списывающие с сего образца не умалят красоту добродетели безобразием погрешности против подлинника. Потом пусть знает, что о подчиненных не меньше он должен беспокоиться, чем и о себе, потому что как за себя, так и за них даст отчет, как скоро принял на себя спасение их. И для святых особым попечением было – учеников своих оставить не меньшими себя в добродетели и из прежнего состояния привести в состояние лучшее.

Так апостол Павел Онисима из бежавшего раба соделал мучеником; Илия из землепашца приуготовил пророка Елисея; Моисей Иисуса паче всех украсил совершенствами; Илий достиг, что Самуил оказался даже

выше его. Ибо если и старательность самих учеников содействовала им к приобретению добродетели, то главною виною их преуспения послужило то, что они встретили учителей, которые так прекрасно возмогли затлевшую искру усердия возжечь в большей силе, и она соделала их светоносными, отчего стали они устами Божиими, послужили людям сообщением им воли Божией, потому что слышали Сказавшего: *Аще изведеши честное от недостойнаго, яко уста Моя будеши* (Иер. 15, 19).

Глава 36. А к чему способен учитель, внушает Бог Иезекиилю, научая, какими и из каких должен он уготовлять учеников, ибо говорит: *Сыне человекъ, возми себе плинфу и положи ю пред лицом твоим, и да напишеш на ней град Иерусалим* (Иез. 4, 1), означая сим, что учитель делает ученика из брения святым храмом. Прекрасно сказано и сие: *Положи ю пред лицом твоим*. Ибо усовершение в ученике произойдет скорее, если будет он всегда в виду у учителя: частые напоминания о прекрасных образцах начертывают сходные подобию в душах не очень жестоких и упорных. Гиезий и Иуда оттого впали, один в хищение, а другой в предательство, что удалялись от очей учителя, а если бы каждый из них пребывал при уцеломудрившем его, то не согрешили бы они.

А что учителю угрожает опасность от нерадения учеников, сие изобразил Бог в следующих за тем словах, сказав: *И положиши сковраду железну между тобою и между градом, и будет стеною между тобою и между ним* (Иез. 4, 3). Кто не хочет сам разделять наказания с предающимся нерадению, после того как сделал его из плинфы городом, тот должен напоминать ему о наказаниях, забываемых возвращающимися вспять из такового состояния, чтобы наказания сии, став стеною, отделяли невинного от виновного. Сие-то повелевая, Бог Иезекиилю говорит: *Сыне человекъ, во стража дах ты дому Израилеву и, если увидишь мечъ грядущъ, и не засвидетельствуешь им, и возмет от них чью-либо душу, от руки твоея взыщу* (Иез. 33, 7, 3, 6, 8).

Глава 37. Такую стену полагает для себя Моисей, говоря израильтянам: *«Внемли себе, да не взыщеш последовати им, по потреблении их* (Втор. 12, 30) от тебя». Бывает же сие с теми, которые не обращают тщательного внимания на свое сердце: по отсечении страстей, как некие отпрыски начинают возникать в них образы давних представлений, и если даст им кто свободу часто западать во владычественный ум и не возбранит входа, то снова откроет в себе приют страстям, после победы делая жизнь опять небезопасною от борений. Ибо страстям, когда они даже укрощены и, подобно волам, приобучены есть сено, свойственно, по нерадению укротителя, снова делаться дикими и приходить в зверскую свирепость. Посему-то, чтобы не произошло сего, сказано: *«Да не взыщеш последовати им, по потреблении их* (Втор. 12, 30) от тебя», чтобы душа, при взыскании восприяв навык услаждаться такими представлениями, не возвратилась к прежней порочной жизни. Великий Иаков, зная, что бывает это и что подобные вещи, если часто их видеть и часто о них думать, всего более вредят сердцу, самые ясные и открытые образы срамных представлений – богов чуждых – запечатав, сокрывает в *Сикимех* (Быт. 35, 4), потому что сей труд в борьбе со страстями сокрывает и губит их не на краткое какое-либо время, но даже *до днешняго дне* (Быт. 35, 4), то есть на все

время, ибо слово *днесь* спротяжено всему веку, означая всегда настоящее время.

А слово *Сикимы* толкуется: возложение на плечи¹⁴³, что означает труд в борьбе со страстями. Посему Иаков и Иосифу, боровшемуся со страстями, за труд в этой борьбе дает преимущественное достояние – Сикимы.

Глава 38. Ибо и сам Иаков, говоря, что взял Сикимы *мечем и луком* (Быт. 48, 22), показывает, что борьбою и трудом возобладал над страстями, скрыв их в земле сикимской. По видимому же, противное нечто представляется в том, чтобы скрыть богов в Сикиме, и в том, чтобы положить идола в сокровении, ибо первое – скрыть в Сикимех – похвально, а последнее – положить идола в сокровении – укоризненно. Так с клятвою постановил сие Закон, сказав: *Проклят, иже положит идола в сокровении* (Втор. 27, 15), потому что не одно и то же навсегда скрыть в земле и положить в сокровении: сокрытое в земле и не являющееся уже чувству со временем изглаживается и из памяти, а положенное в сокровении, хотя утаивается, может быть, от посторонних, но, часто видимое самим положившим, обновляет воспоминание, втайне носящее в себе кумир.

Ибо всякий срамной помысел, образуемый в мысли, есть сокровенное изваяние. Так, постыдное дело – таковые мысленные представления обнародовать, опасно и полагать изваяние в сокровении, еще же опаснее идти вслед и отыскивать уничтожившиеся уже образы, тогда как сердце удобно склоняется снова к изринутной страсти и на сторону идолов до земли перетягивает чашу весов. Ибо таково свойство добродетели: она весьма чувствительна и, если вознерадим, очень удобно перетягивается на противную сторону.

Глава 39. Сие-то изображает, кажется, Писание под образом, когда говорит: *Земля, на нюже вы входите* предвижна есть в предвижении¹⁴⁴ *людей языческих* (1 Езд. 9, 11). Ибо, как скоро имеющий навык к добродетели подвигся к противному, вместе с сим подвиглась и добродетель, потому что земля предвижна есть¹⁴⁵. А потому надобно вначале не давать доступа к сердцу представлениям, обыкновенно повреждающим помысел, и не позволять ему удаляться в Египет, потому что оттуда насильно отводится к ассириянам. Если сердце ввергается в омрачение нечистых помыслов (ибо так толкуется Египет), то уже насильно и поневоле увлекается к страстному деланию. Посему и Законоположник, заграждая вход сластолюбию и выражая сие в образе, повелел блюсти главу змия, потому что и он блюдет пята (см.: Быт. 3, 15). У него целию такое действие, за которое если не возьмется, то нелегко ему будет влить яд при угрызении, а нам предлежит попечение сокрушать самое нападение сластолюбия, потому что, по сокрушении оно, действие змия слабо.

Может быть, и Самсон не пожег бы нивы иноплеменников, если бы, отвратив головы у лисиц, не связал их хвостами. Ибо, по предварительным действиям в состоянии быв угадать козни ухищренных помыслов, невзирая на начала (потому что помыслы ухищряются сделать их видимо досточестными, чтобы достигнуть

¹⁴³ По рукописи читается: Σίκηρα δέ ὀμίασις ἐρμηνεύεται.

¹⁴⁴ По славянскому переводу: *Нечиста есть, по нечистоте.*

¹⁴⁵ Вместо: κατελογίσθη по рукописи читается: μεταβληθή.

конца) по взаимном сличении крайностей мог он обличить несообразность помыслов, связав хвост с хвостом и между ними поставив свечю обличение.

Глава 40. И чтобы утверждаемое сделать более ясным, раскрою сказанное в приложении к двум помыслам, ибо будет это истинным удостоверением и в рассуждении прочих помыслов. Нередко от тщеславия происходит помысел блуда и, хотя досточтимыми показывает преддверия путей, ведущих в ад, однако же скрывает те гибельные способы, которыми неразумно последующих ему вводит в таибницы ада. Ибо выставляет на вид иногда священство, а иногда совершенную монашескую жизнь, представляет, что многие приходят ради пользы, доводит до мечтания о прославлении за слово и дело и, когда, достаточно упитав его такими мыслями, отведет от естественной трезвенности, тогда, живо изобразив ему встречу с женщиною, конечно, честно, влечет к совершению срамного дела, свободу совести низведя до крайнего стыда. Посему намеревающийся связать хвосты пусть возьмет концы двух помыслов: конец тщеславия – честь и конец блуда – бесчестие – и, когда ясно увидит, что они противоположны, тогда пусть думает, что поступил, как Самсон. И еще помысел чревоугодия концом имеет помысел блуда, а помысел блуда концом имеет помысел печали, потому что печаль и уныние немедленно следуют в побежденном таковыми помыслами, по отрезвлении его.

Поэтому подвизающийся пусть размышляет не о наслаждении снедами и не о приятности удовольствия, но о конце того и другого и, когда найдет, что за обоими помыслами следует печаль, тогда да знает, что связал он хвост с хвостом и нивы филистимлян уничтожил обличением.

Глава 41. Посему если брань со страстями имеет нужду в таком сведении и в такой опытности, то восприимлющие на себя предстояние над другими да знают, сколько потребно им вЕдения, чтобы и подчиненным благоразумно указать путь *к почести вышняго звания* (Флп. 3, 14), с ясностью научить всему, что нужно в борьбе¹⁴⁶, и самому не представлять только образ победы, ударяя руками по воздуху, но вести действительную борьбу с сопротивником, наносить ему смертельные удары и не понапрасну разводить в воздухе руками, но сокрушать самого противоборца. Ибо борьба сия гораздо труднее борьбы телесной: там сгибаются у борцов тела, которые без труда можно выпрямить, а здесь падают души, которые, если однажды ниспровергнуты, едва уже могут быть восстановлены.

Если же кто, борясь еще со страстною жизнью и будучи обагрив кровию, предпримет из разумных душ созидать Божий храм, то он, без сомнения, услышит: *Не ты созиждеши Мне* (2 Цар. 7, 5) храм, *яко муж кровей ты* (2 Цар. 16, 8); чтобы построить храм Богу, нужно мирное состояние. И Моисей, который приемлет скинию и ставит ее вне стана, дает сим видеть, что учителю должно быть как можно далее от бранного шума и, решившись вести жизнь мирную и невоинственную, поселиться вдали от обагрившего кровию воинства. Когда найдутся такие учителя, им нужны ученики столько отрекшиеся от самих себя и своей воли, что ничем не отличают себя от неодушевленного тела или от вещества, данного в руки художнику, чтобы как душа в теле

¹⁴⁶ Вместо: της ἀπάτης по рукописи читается: της πάλης.

производит, что хочет, и тело нимало ей не противодействует и как художник показывает на веществе искусство свое и вещество не препятствует намерению его, так учитель в учениках производил познания добродетели и они были ему послушны и ни в чем не прекословили.

Глава 42. Пожелать с пытливостию изведывать распоряжения учителя и оценивать его приказание значит препятствовать собственному своему преуспеянию. Ибо, конечно, не то в действительности основательно, что кажется основательным и вероятным неопытному. О касающемся до искусства иначе судит художник и иначе не знающий искусства. Одному правилом служит его сведение, а другому – вероятность: вероятное же редко попадает на истину, а чаще уклоняется от правильности, вводясь в обольщение сродностию. По видимому что кажется неразумнее сего, если кормчий, когда корабль несется косвенно к плаванию, называемому у мореходцев прямым, велит, оставив край корабля, поднятый над водою, садиться на край, погруженный в воду, между тем как ветер сильнее давит и погружает тот край, который велел он обременить! И хотя вероятность советует обременить край, поднятый вверх, и не переходить на край, которому угрожает опасность, однако же пловцы слушаются более кормчего, нежели своих примышлений. Необходимость убеждает их поработиться искусству того, кому поручено их спасение, хотя видимое не удостоверяет их в том, что происходит на деле.

Посему вверившие другим собственное свое спасение, оставив вероятное, да уступят искусству сведущего, его сведение признав достовернейшим своих рассуждений. И во-первых, отрекшись от себя, ничего, даже и самой малости, да не оставляют вне, убоявшись примера Анании, который, думая утаить от людей собственность¹⁴⁷, свыше приял осуждение за татьбу.

Глава 43. Но да предадут как самих себя, так и все свое, вполне зная, что оставленное, непрестанно привлекая к себе мысль, сильно будет отвлекать от лучшего, а напоследок и вовсе отторгнет от братства. Посему-то Дух Святой написал жития святых, чтобы каждый из проходящих какой-либо образ жития возводился к истине подобными примерами. Посему для чего Елисей, подчинившись учителю, отрекся от мира? Сказано: *Оряше волами двеманадесятьма супругома волов пред ним, и закла волы, и испече я в сосудех воловных* (3 Цар. 19, 19, 21), а сие дает разуметь горячность усердия; не сказал: «Продам супруги волов и распоряжусь как должно», не стал рассуждать, что проданные волы принесут больше пользы, но, всецело предавшись пожеланию, влекущему его к сопребыванию с учителем, пренебрег видимое и постарался паче освободиться от сего, потому что отвлекало оно от правого преднамерения; знал же он, что замедление часто бывает причиною перемены в намерении.

Посему и Господь, предлагая богатому совершенство жития по Богу, повелел ли бы продать имение и отдать нищим, а себе ничего не оставлять, если бы не знал, что оставляемое, равно как и все имение, делается причиною развлеченія? Думаю же, что и Моисей, когда намеревающимся очиститься в великой молитве повелевает обрить все тело (см.: Лев. 14, 9), предписывает сим совершенное отречение от

¹⁴⁷ По рукописи читается: τὰ ἰδία νοσφίζασθαι.

имущества. А во-вторых, так да забудут сродство и свойство, чтобы вовсе никогда не утруждать себя и напоминанием о них.

Глава 44. Если ковчег сделал, что коровы, впряженные в колесницу его, забыли свое естество и, когда тельцы их заперты были дома и коров никто не понуждал, безошибочно совершили путь, не уклонившись *на десно, ниже на шуе* (1 Цар. 6, 12), даже обращением выи не показав привязанности к детям и мычанием не выразив болезнования о разлуке с рожденными, но, и обремененные тяжестью ковчега, и влекомые назад полновластной силою естества, идя как бы по правилу, никуда не совратились с прямого пути, благоговением к возложенному на них ковчегу препобедив естественную сострадательность, то почему же не делать того же самого намеревающимся подъять мысленный ковчег? И должно сделать даже большее, чтобы в делах необходимых над природою разумною не оказалось превосходства¹⁴⁸ в естестве бессловесных, когда разумный не делает по рассудку того, что бессловесные делают по необходимости.

А может быть, и Иосиф заблудился в пустыне потому, что в сродстве имен искал предела совершенства. Почему человек, с желанием дознать истину спросивший у него о причине скитания, когда узнал, что причиною – пристрастие к своим (Иосиф, если бы не имел ошибочного суждения об искусстве, спросил бы не о том, где братья пасут, но где кормят стада), говорит ему: *Отидоша отсюда: слышах бо их глаголющих: пойдем в Дофаим* (Быт. 37, 17) (а Дофаим толкуется: достаточное оставление), научая сим, что заблуждается привязанный еще к телесному и что невозможно иначе достигнуть совершенства, как достаточно оставив пристрастие к плотскому сродству.

Глава 45. Ибо если кто оставит Харан, что означает чувства (ибо Харан толкуется: пещеры), и выйдет из юдоли Хеврон, то есть низких дел, и из пустыни, по которой скитается ищущий совершенства, но не переселится в достаточное оставление, то не будет ему никакой пользы от долговременного бедствования, как уклонившемуся от совершенства по привязанности к сродству. Да и Господь, исправляя мысль Богородицы Марии, искавшей Его между сродниками (см.: Лк. 2, 49), и признавая недостойным Себя, кто любит отца или мать паче Его, выразительно внушает сим оставление родственных уз. По преуспевании же в этом недавно еще освободившимся от мятежей советовать должно пребывать в безмолвии, и частыми выходами не растравлять ран, наносимых сердцу посредством чувств, и к старым кумирам грехов не привносить новых изображений, но отклонять нападение новых представлений, употреблять же все старание об изглаживании старых.

Трудно безмолвие для отрекшихся недавно от мира, ибо тогда память, воспользовавшись временем, приводит в движение всю хранящуюся в ней нечистоту, не имев досуга делать это прежде по множеству неистощимых дел. Но после трудности доставляет безмолвие и пользу, освобождая со временем ум от смущения скверными помыслами. Ибо если предлежит кому омыwać и очищать¹⁴⁹ душу от всего оскверняющего, то обязаны они удаляться от всех дел, от

¹⁴⁸ Вместо: παρασκευή μετρούμενη по рукописи читается: παρέρημερουμένη.

¹⁴⁹ Вместо: θεραπεύσαι по рукописи читается: καθάρευσαι.

которых умножается нечистота, давать рассудку большую тишину, устраняться от раздражающего, избегать сожителства со сродниками, возлюбив уединение – сию мать любомудрия.

Глава 46. Но легко им снова впасть в сети, от которых почитали себя освободившимися, когда небоязненно стараются быть в сообществе с толпами людей всякого рода. Ибо перешедшему на сторону добродетели нет пользы увеселяться теми же делами, от которых, сам осудив их, бежал. Привычка – сильный поток, почему должно бояться, чтобы в достигнутом с великим тщанием безмолвии не возобновить опять гнусных предначинаний и не привести на память забытых худых дел. Ибо ум едва только уклонившихся от порока подобен телу, начавшему восстанавливаться в силах после долговременного недуга, для которого, как неукрепившегося еще совершенно, и маловажный предлог бывает причиною возвращения болезни. И в этих людях колеблются, слабеют разумные силы, почему должно бояться, чтобы не возвратилась страсть, обыкновенно раздражаемая, когда кружимся в народной толпе. Посему-то и Моисей не хотевшим что-либо потерпеть от погубляющего повелел пребывать внутри затворенных дверей, сказав: *«Да не изыдете кийждо из дверей дому своего (Исх. 12, 22), да не коснется вас погубляющий»*. То же, кажется, повелевает и Иеремия, когда говорит: *Не исходите на нивы и на пути не ходите, понеже мечь вражий обитает окрест (Иер. 6, 25)*.

Мужественным подвижникам свойственно и смело вступать в брань с неприятелями, и невреждо избегать их злоумышления. А если кто не в состоянии еще бороться, то безукоризненно пусть останется дома, в безмолвии находя себе безбедную безопасность. Таков был Иисус Навин, о котором написано: *Слуга же Иисус, юноша не исхождаше из скинии (Исх. 33, 11)*. Ибо, наученный сказанием об Авеле, знал, что выходящие в поле по давнему соперничеству убиваются телесными братьями и друзьями по плоти.

Глава 47. Но не меньше сего и из сказания о Дине в точности можно дознать, что подлинно девическому и женоподобному разуму свойственно приниматься за то, что выше нашего состояния, и обольщаться мыслию, что и для сего достанет моих сил. Если бы Дина не предалась поспешно обозрению того, что у туземцев, конечно предположив, что имеет достаточные к тому силы, и нимало не увлеклась приятностию видимого там, то не растлила бы безвременно душевной рассудительности, уловленной представлением чувств прежде, нежели законно вступила в собеседование с мужеским разумом. Бог, зная, что страсть сия (разумею самомнение) водворилась у людей, и желая с корнем исторгнуть оную из нашего навыка, говорит законодателю Моисею: *Благоговейны сотворите сыны Израилевы (Лев. 15, 31)*, ибо знал, что чуждо благоговению – поспешно приступать к подвигам не по силам. Поэтому не усовершенствовавшись не должно вмешиваться в общественные мятежи, но бежать от них как можно далее, поставив мысль вдали от раздающегося шума.

Ибо немного пользы устранившимся от житейских дел оглашаться молвою о них и, оставившим город, подобно Лоту, сидеть при вратах действований, исполняясь тамошнего смятения. Но, по примеру великого Моисея, должно удалиться вне, чтобы не стало не только дел,

но и гласа о них, как говорит он: *Егда изыду из града, простру руце мои на небо, и громи престанут* (Исх. 9, 29).

Глава 48. Ибо тогда бывает истинная тишина, когда не только действия, но и памятования о них, утихнув, дают душе время прийти в состояние увидеть впечатленные образы, вступить в борьбу с каждым из них и исторгнуть его из сердца. Когда же образы привходят одни за другими, тогда невозможно изгладить прежних отпечатков, потому что рассудок занят новыми образами и труд отсечь с ними страсти по необходимости делается тягостнейшим оттого, что, постепенно возрастая, приобретают они силу и, подобно рекам, при непрестанном течении вновь вливающимися представлениями помрачают душевное зрение.

Как желающие ложе реки увидеть сухим (может быть, ради чего-либо лежащего там и достойного исследования) никакой не получают пользы, исчерпывая воду на том самом месте, на котором, по их мнению, лежит искомое ими, потому что опустевшее место тотчас вновь наполняется притекающею водою (а когда преградят течение вверх, без труда откроется дно, так как оставшаяся вода стечет сама собою и сухою оставит им землю для желаемого исследования), так удобно бывает истощить деятельные образы страстей, когда чувства ничего уже не доставляют извне; когда же, подобно потоку, дают они новые и новые ощущения, тогда не только трудно, но и невозможно совершенно очистить ум от такого прилива. Ибо страсти хотя и не беспокоят, не находя случая к возбуждению в частых свиданиях с людьми, однако же, неприметно возвращаясь, более и более укрепляются, со временем приобретая новые силы.

Глава 49. Как часто попираемая земля, ежели и есть на ней терния, не производит их вновь, потому что попирание ногами препятствует росту (но эти терния, в недрах ее распростирая глубокие, сильные и весьма сочные корни, как скоро дозволит время взойти, дают ростки), так страсти, которым частые свидания с людьми препятствуют выказываться наружу, воспользовавшись безмолвием, делаются более сильными и нападают с великою лютостию, тяжкою и опасною делая брань для тех, которые вначале не радели о борьбе с ними. Посему-то и Пророк повелевает: *Потребите семя от Вавилона* (Иер. 50, 16), советуя истреблять образы, пока они еще во влагалищах чувств, чтобы, пав на землю сердца, не дали ростков и, напоенные обильными и бесполезными дождями последовательного ими занятия, не принесли стократных плодов порока. А другой Пророк и ублажает тех, которые не дожидаются зрелости страстей, но истребляют при самых сосцах, говоря: *Блажен, иже имет и разбьет младенцы твоя о камень* (Пс. 136, 9). А может быть, и великий Иов, любомудрствуя сам с собою, дает разуметь кого-либо подобного, говоря, что в воде растут *рогоз* и *ситник*, а лишившись напоения, *всякое былие изсыхает* (ср.: Иов. 8, 11-12). И сказанное: *Мраволев погибе, занеже не имеяше брашна* (Иов. 4, 11), кажется, означает нечто подобное.

Ибо великий Иов, желая показать злокозненность страсти, изобрел для нее сложное наименование, составив из имен самого отважного льва и ничтожнейшего всех тварей муравья, потому что нападения страстей начинаются маловажными представлениями, неприметно вкрадываясь наподобие муравьев, а последствия делаются весьма

важными для подвергшегося сим нападениям и не меньше опасны, как и нападение льва. Почему подвижнику надлежит тогда бороться со страстями, когда приступают они, как муравей, приманкою предлагая свою ничтожность. Ибо, если успеют достигнуть крепости льва, делаются непреоборимыми и сильно угнетают, если не давать им пищи; пищею же их, как говорено уже было неоднократно, служат посредством чувств входящие образы страстей, потому что образы сии питают страсти, каждый кумир преемственно водружая в душу.

Глава 50. Поэтому и в храме Законодатель устроил *окна решетчатая* (Иез. 41, 16), означая сим, что вознамерившимся сохранить сердце свое чистым, как храм (подобно тому как там решетчатыми окнами сделано, что не могло входить ничто нечистое), должно оградить чувства забрами помыслов – страхом будущего Суда, забрами, которые бы преграждали вход вновь рождающимся и вторгающимся нечистым образам. И посему-то, может быть, *разболелся Охозия*, так как *паде из окна* решетчатого (ср.: 4 Цар. 1, 2), ибо, во время искушений предавшись удовольствиям, оставить без внимания учение о воздаянии значит упасть из окна решетчатого. Что же тяжелее этого недуга?

Ибо болезнь телесная есть противоестественное состояние, когда равновесие стихий преобладанием одной выведено из естественного состояния. Болезнь же душевная есть уклонение от правого помысла, когда душа препобеждена болезнетворными страстями. Таковою решетчатою преградю зрение способного слышать оградил Соломон, говоря: *Очи твои егда узрят чуждую, уста твоя тогда возглаголют стропотная* (Притч. 23, 33), называя *стропотным*, что после греха встретит душу во время воздаяния. Размышление о сем и приведение себя в надлежащее состояние отклоняет всякое опасное зрение очей. Соломон сказал и о том состоянии помысла, какое должно быть в это время: *Возляжеши яко в сердца моря и якоже кормчий во мнозе волнении* (Притч. 23, 34).

Глава 51. Ибо если кто во время борьбы с раздражающим его зрением в состоянии будет угрожающими наказаниями привести себя в такое противоборство, в каком бывает человек, обуреваемый в море, то он без труда одолеет поборающих его, не чувствуя наносимых ударов, так что скажет: *Биша мя, и не поболех, и поругашася ми, аз же не разумех* (Притч. 23, 35), то есть: «Они били меня, думая надругаться, а я не чувствовал ударов, потому что *стрелы младенец быша язвы их* (Пс. 63, 8), не обратил внимания и на обольщение их, не показав и вида, что замечая присутствие их». Так и Давид, презирая таковых сопротивников, сказал: *Уклоняющагося от мене лукаваго не познах* (Пс. 100, 4), то есть не чувствовал, когда пришли и когда удалились.

А кто не знает даже и того самого, что у чувств есть великое общение с чувственным и что от сего общения легко впадаем в обольщение, тот, не подозревая, какой бывает вред от чувств, и неосторожно увлекаясь ими, как и во время обольщения узнает злокозненность, не научившись наперед различать сего? А что у чувств бывает борьба с чувственным и чувственное налагает дани на побежденные чувства, сие явствует из войны ассирийян с содомлянами. Писание исторически излагает сие предприятие четырех царей ассирийского народа против пяти царей содомских, описывая сначала

совещание, союз и мирные жертвы при море Соленом, потом рабство пяти царей в продолжение двенадцати лет, после сего отпадение их в тринадцатый год, а в четырнадцатый войну, в которой четыре царя нападают на пятерых царей и берут их в плен (см.: Быт. 14, 1-11).

Глава 52. И сказание оканчивается этим, а мы из сего сказания научаемся тому, что касается нас самих, и познаем борьбу чувств с чувственным, ибо каждый из нас до двенадцати лет от рождения, не имея еще чистого рассудка, бессознательно подвергается рабству (и чувства выполняют приказания вещей чувственных, как их владык: зрение – вещей видимых, слух – звуков, вкус – соков, обоняние – запахов, осязание – всех чувственных вещей, какими в движение приводится чувство сие) и человек по младенчеству не в состоянии бывает различать и разрешать своих ощущений. А как скоро рассудок станет приходить в зрелость и начнет чувствовать вред, немедленно замышляет отступничество и бегство из такого рабства. И если человек, укрепившись рассудком, утвердится в этом решении, то навсегда останется свободным, спасшись бегством от жестоких владык. Если же решимость его в сем предприятии слаба, то человек чувства свои, побежденные владычеством чувственного, снова предает в плен, и остаются уже они в мучительном рабстве без всякой благой надежды.

Посему-то пять царей, по сказанию, побежденные четырьмя царями, бегут к *кладязем смоляным* (ср.: Быт. 14, 10), научая тем нас, что побежденные чувственным, как бы в пропасти или кладези, в каждое чувство низвергают все чувственное, а именно что ощутимо для каждого из них, не помышляя уже более ни о чем видимом, потому что погрузились пожеланием в земное и наслаждение здешним возлюбили паче наслаждения мысленным.

Глава 53. Так и раб, возлюбивший господина своего, жену и детей, по сродству с телесным отрекаясь от истинной свободы, делается вечным рабом, повертев ухо шилом (см.: Исх. 21, 5-6), чтобы не воспринять когда-либо слова о свободе, услышав естественным отверстием слуха, но, возлюбив настоящее, навсегда пребывать рабом. Посему-то и руку жены, взявшей за *ятра*, когда бьются между собою два мужа, Закон повелел отсечь (см.: Втор. 25, 11-12), потому что во время борьбы помыслов о выборе мирских и Небесных благ, оставив сей выбор, взялась она за служащее к рождению и растлению (Законодатель родотворными членами означил дело рождения). Посему отречься от мирских дел нет пользы для тех, которые не остаются при своей решимости, но снова увлекаются и уступают помыслу, а потому часто возвращаются к оставленному и объявляют тем о пристрастии своем к этому, как и жена Лотова, оглянувшись назад, доньше стала примером для непокорных, превратившись в соляной столп (см.: Быт. 19, 26). Такова и привычка, изображением которой была жена Лотова и которая вознамерившихся удалиться невозвратно возвращает к себе.

Что же говорит и Закон, который повелевает вошедшему в храм, по совершении молитвы, не возвращаться теми же вратами, которыми вошел, но выходить в противоположные врата, совершая путь по прямому направлению и не обращаясь назад (см.: Иез. 46, 9)? Не то ли, что усилия в прямом шествии к добродетели не надобно расслаблять сомнениями? Ибо частые склонения к тому, от чего мы удалились, без сомнения, повлекут вспять от навыка, и, ослабляя стремление вперед,

всецело привлекут к себе, и заставят возвратиться к прежним худым делам.

Глава 54. Ибо привычка сильна на то, чтобы удержать при себе и не позволить снова возвратиться к прежнему навыку добродетели, потому что от привычки происходит навык, а навык обращается в природу; превратить же и изменить природу трудно. Если и поколебать ее несколько насилием, то скоро возвращается сама в себя, но, исторгнутая из своих пределов, не достигает совершенства, если великий труд не даст ей возможности снова возвратиться назад тем же путем, чтобы от приобретенной привычки опять перейти к оставленному навыку. Посмотри на душу, следующую своим привычкам, как она восседает на идолах, пригвоздив себя к не имеющим образа веществам, и отрекается¹⁵⁰ от восхождения к учению, которое готово руководить ее к высшему, и говорит: *Не могу встать пред тобою, яко обычная женская ми суть* (Быт. 31, 35).

И душа, с давнего времени упокоющаяся делами житейскими, восседает на идолах, которые сами по себе не имеют образа, но приемлют образ от человеческого искусства. Ибо богатство, слава и прочее житейское – не что-либо, не имеющее образа, но не имеют они в себе ничего определенного и членораздельного, привлекательным подобием подделываются под истину, ежеминутно превращаясь из одного вида в другой, образ же даем им мы сами, когда о том, что не пригодно ни к чему полезному, человеческим помыслом составляем полезное представление.

Глава 55. Ибо, когда удовлетворение необходимым потребностям тела простираем до огромных издержек, приправляя пищу тысячами сладостей, богато испещряя одежду до роскоши и пышности, а потом, обвиняемые в той суетности, что по-пустому и напрасно величались роскошными издержками на такую потребность, которой можно удовлетворить малым, придумываем оправдание, что поступаем как должно, тогда что иное делаем, как не усиливаемся придать образ не имеющим образа веществам? Справедливо же такую душу назвали мы и восседающею на них, ибо душа, утвердившая в себе таковые суждения о сказанном, пригвождается к здешнему, служа уже идолам, а не истине и не имея сил возвратиться к ней, но привычками, как месячную нечистотою, оскверняя природу всего здешнего. Под словом же *седе* (Быт. 31, 34) Писание разумеет здесь леность к деланию доброго и сластолюбие, – леность, когда говорит: *Седящая во тме и сени смертной, окованная нищетою и железом* (Пс. 106, 10), потому что тьма и оковы служат препятствием к деланию, – сластолюбие же, когда говорит об обратившихся сердцем во Египет и рассуждающих друг с другом: «Вспомнили мы, *егда сядяхом над котлы мясными и ядохом мясо до сытости* (Исх. 16, 3)». Ибо подлинно сидят над котлами те, которые изнеженною и непрекращающеюся горячностью разжигают в себе пожелания. Матерь же сластолюбия – чревоугодие, ибо оно порождает сластолюбие, а может быть, и многие другие страсти; от него, как от корня – отпрыски, возникают прочие страсти и, в скором времени став деревьями, на породившей вырастают в достигающие до небес пороки, потому что сребролюбие, гнев, печаль суть порождения и отростки чревоугодия.

¹⁵⁰ Вместо: *οὐ προσίζομένην* по рукописи читается: *ἀρνεῖται*.

Чревоугоднику прежде всего нужны деньги на удовлетворение пламенеющего всегда вожделения, хотя оно никогда не удовлетворяется, а на препятствующих приобретению денег необходимо возбуждаться гневу; по необходимости также следует печаль, когда гнев по бессилию не перешел в дело. Ибо и ходящий *на персях и чреве* (ср.: Быт. 3, 14), когда есть у него вещества, производящие удовольствие, ходит на чреве, а когда недостает сего, пресмыкается на персях, где кроется гнев, потому что сластолюбцы, лишаясь удовольствий, гnevаются и огорчаются.

Глава 56. Посему великий Моисей на перси иерею возлагает слово, знаменательно сим означая, что стремления страсти гнева должно обуздывать помыслом, потому что слово судное есть разумная сила. И иерей сдерживает страсти разумом, потому что несовершен; совершенный же Моисей всецело отлучает от себя все гневное, потому что не слово носит, но отлучает самую грудь, ибо сказано: *Взем Моисей грудь, отлучи ю возложение пред Господем* (Лев. 8, 29). Иные же как не отсекают всецело гнева, так и разумом не сдерживают страсти, но препобеждают ее трудом; и это суть те, которые отъемлют грудь вместе с *рамом* (ср.: Лев. 9, 21), потому что *рамо* (плечо) есть знак труда и делания.

А подобным образом и сие: *Ходить на чреве* (ср.: Быт. 3, 14) – по самой истине означает удовольствие, потому что чрево есть ближайшая причина удовольствий. Когда оно наполнено, тогда сильны пожелания и других удовольствий, а когда оно в оскудении, пожелания сии остаются более покойными и невозбужденными. И здесь есть разность между преуспевающим и совершенным, ибо Моисей, совершенно отринувший наслаждение снедами, *и утробу и ноги измы водою* (Лев. 8, 20), под утробу давая разуметь удовольствие, а под ногами восхождения и преуспевания. Преуспевающий же измывает то, что в утробе, а не целую утробу. Великая также разность в словах *измы* и *исперут* (Чис. 8, 7), ибо первое добровольно, а последнее делается по приказанию.

Глава 57. Как совершенному должно с самопроизвольным усердием возбуждаться к добродетельным поступкам, так преуспевающему надлежит покоряться наставлению настоятеля и с крайнею заботливостию всю грудь отлучать, а утробу не отлучать, а измывать. Ибо мудрый в силах всецело отринуть и искоренить гнев, но не может отсечь утробы, потому что природа принуждает и самого воздержного употреблять необходимые снеди. Когда же душа не водится правым и твердым законом, но растлена прелюбодейными¹⁵¹ удовольствиями, тогда сожигается за сие утроба, так как вожделение остается ненасыщенным, хотя и переполнены телесные приемники, последует же расторжение утробы, по причине опадения лона (см.: Чис. 5, 22), ибо бессильным делается сердце к рождению доброго.

С воспламенением утробы от многоценности снедей расслабевают и духовные силы, ибо их слово Закона подразумевало под словом *лоно*. Посему сластолюбец ходит на чреве, излившись весь в усладительных удовольствиях. А начинающий добродетельную жизнь отъемлет тук от утробы, отказываясь от снедей, утучняющих тело. И преуспевающий

---

¹⁵¹ Вместо: ψυχικαῖς по рукописи читается: ποικιλικαῖς.

измывает то, что в утробе, а совершенный измывает всю утробу, совершенно отвергая излишнее для необходимой потребности.

Глава 58. Весьма же кстати к словам *на персех твоих и чреве* приложено: *Ходи́ти бу́деши* (Быт. 3, 14), потому что удовольствие возможно не неподвижным и покоящимся, но движущимся и исполненным смятения страстей. Чревоугодию же паче сего сродственно сладострастное движение. И сама природа, желая показать сродство их, орудиям сожития назначила место под чревом, сею близостью означая тесную связь. Ибо если ослабевает сия страсть, то ослабевает от оскудения того, что выше, – чрева, а если усиливается и приходит в движение, то оттуда подается ей сила. Но не сей только страсти питателем и воздоителем бывает чревоугодие: оно истребляет в человеке все доброе. Ибо, как скоро возобладает и возьмет верх, обыкновенно упадают и истребляются добрые качества: воздержание, целомудрие, мужество, терпение и все прочие добродетели. Сие-то приточно изобразил Иеремия, сказав: «*Стену Иерусалимлю окрест разори* (Иер. 52, 14) архимагир (начальник телохранителей) вавилонский», назвав архимагиром страсть чревоугодия. Ибо как архимагир прилагает все старание услужить чреву и придумывает тысячи искусственных способов доставить удовольствие, так и чревоугодие все приводит в движение, служа удовольствию гортани: и разнообразие снедей низлагает, и истребляет твердость добродетелей.

Глава 59. Ибо сладости и приправы и для хорошо уже утвердившейся добродетели делаются осадными и стенобитными орудиями, колеблющими и ниспровергающими ее твердыню и укрепление. Но как роскошь губительна для добродетели, так умеренность обыкновенно разрушает так же укрепления порока. Как стену Иерусалима, то есть души умирной, разорил архимагир вавилонский, поваренным искусством вринув ее в плотские удовольствия, так *валяющееся тесто* израильского хлеба *ячна* ниспровергло *кущи Мадиамли* (ср.: Суд. 7, 13).

Ибо умеренный образ жизни, катясь и преуспевая, по большей части уничтожает блудные страсти. Мадиянитяне служат образом блудных страстей, потому что они приводят к Израилю блудниц и обольщают великое множество юных. Весьма же прилично сказано в Писании, что мадианитяне имеют *кущи*, а Иерусалим *стену*, потому что объемлющее добродетель укреплено и твердо, а содержащее в себе порок есть одна видимость, *куща*, ничем не отличается от призрака.

Глава 60. Посему-то святые убегали городов и отвращались многолюдных встреч, зная, что обращение с людьми развратными гораздо тлетворнее заразной болезни. Посему, ничего не взяв с собою, оставили имущества свои в добычу другим, отказавшись от развлечения ими. Посему-то Илия, оставив Иудею, обитал на пустынной и наполненной зверями горе Кармильской, кроме деревьев, ничего не имея к утешению себя пищею, потому что довольствовался древесными плодами, ими удовлетворяя необходимой потребности. Подобно и Елисей вел такую же жизнь, заимствовав у учителя с другими добрыми качествами и любовь к пустынножитию. И Иоанн, живя в пустыне иорданской, вкушал акриды и дикий мед, показывая многим, как не трудно удовлетворять потребности телесной жизни, и укоряя за обременительное наслаждение. А может быть, что и Моисей,

вообще предвозвещая что-либо подобное, дает израильтянам закон о манне – собирать ее изо дня в день, прикровенно повелевая сим, чтобы содержание человеческое было только однодневное, а не вперед заготовленное, ибо почитал приличным разумной природе довольствоваться тем, что есть, а раздаятелем прочего признавать Христа. Заботящийся же о том, что впереди, показывает тем, что не верит Божией милости, как будто она не всегда источает людям неистощимые дары.

Глава 61. И кратко сказать: посему-то все святые, *ихже не бе достоин мир, оставили обитаемую вселенную, в пустынях скитающиеся и в горах и в вертепах и в пропастях земных, и проидоша в милотех (и) в козиях кожах, лишени, скорбяще, озлоблени* (Евр. 11, 38, 37), бегая человеческих благовидных пороков и странных дел, наполняющих города, чтобы силою их стремления, как потоком, не быть насильно увлеченными в безразличное смешение толпы, радуясь же пребыванию со зверьми и вред от них почитая меньшим вреда от людей, лучше же сказать, бегая от людей, как от злокозненных, и доверяясь зверям как друзьям, потому что они не учат пороку, но дивятся добродетели и чтут ее. Так Даниила погубили, как им думалось, люди, а львы спасли; и они, сохранив осужденного по ненависти несправедливо, дали тем знать, что нет справедливости у людей, провозгласив правдивый суд над осужденным несправедливо; и добродетель мужа соделалась для людей предлогом к зависти и раздору, а для зверей поводом к уважению и чести.

Глава 62. Посему, в ком всеяна любовь к улучшению, поревнуем добродетели святых и, отказавшись от служения повелениям плоти, поищем свободы, пойдем вслед *осла дивияго, отпущенного Создателем в пустыню, не слушающего стужания данническаго и смеющегося многу народу града* (ср.: Иов. 39, 5, 7).

И если доньше готовили мы его к ношению бремени, наложив на него ярмо греховных страстей, то разрешим, по крайней мере, от уз. Если и будут прекословить сему не урожденные господа, но приобретшие владычество по навыку, то, конечно, слыша, если только услышат, что не одним языком и не просто голосом, но внутренним расположением говорим им: *Господь его требует* (Мф. 21, 3), немедленно отпустят его, чтобы, украшенный апостольскими ризами, соделался колесницею Слова или, отпущенный на древнюю пажить Слова, *вслед всякаго злака искал* (ср.: Иов. 39, 8), то есть, последуя исполненным силы изречениям Божественного Писания, путеводился ими в жизнь неукоризненную, приобретая вместе и обильную пищу, и великое наслаждение. Но должно при сем доискаться, как пущенный Богом в пустыню дикий осел *вслед всякаго злака ищет, имея жилищем пустыню и селением сланость* (ср.: Иов. 39, 8, 6), когда солончак и пустыня большею частию не очень способны к произращению травы. Разве скажет кто, что для того, в ком не было страстей, при истреблении в себе питающего страсти достаточно взыскать поучения Божественным словесам.

Глава 63. Оставим дела житейские и обратимся к душевным благам. Долго ли будем оставаться при детских играх, нимало не восприемля мужественного образа мыслей? Долго ли будем в поступках неможнее самых малых младенцев, и их примером не руководствуясь к

преуспеянию в важнейшем? Они с изменением возраста изменяют и расположение к играм и легко оставляют пристрастие к служившему забавой. В детстве служат им забавой, может быть, орехи, кости, шары, и к ним бывают пристрастны, пока не придут в совершенный разум, и почитают для себя достаточным заготовлять это. Но как скоро, преуспев, делается кто мужем, бросает сие и с великим тщанием принимается за дела.

А мы остаемся в младенчестве, дивясь тому, что свойственно детству и достойно осмеяния, не хотим позаботиться о лучшем и подумать о том, что прилично мужам, но, оставив это, забавляемся делами земными, доставляя повод к смеху тем, которые судят о делах сообразно с естественным порядком возрастов. Как срамно глядеть, когда совершенный муж сидит на куче золы и чертит на пепле детские забавы, так срамно, и гораздо срамнее, видеть, что имеющие в виду наслаждение вечными благами роются в прахе земных вещей и несообразностию поступков срамят совершенство обета. А причиною сего у нас, как кажется, то, что не представляем себе ничего важнее видимого, из сравнения малоценности настоящих благ не познаем превосходства благ тамошних, и, озаряемые блеском благ, почитаемых здесь досточестными, останавливаемся на них, и к ним прилепляемся пожеланием. Ибо при отсутствии лучшего всегда высоко ценится худшее, заступая место лучшего. А если бы имели мы более высокое понятие о благах будущих, то не останавливались бы с удивлением на благах здешних.

Глава 64. Поэтому начнем устраняться настоящих благ, пренебрежем и имущество, и деньги, и все, что погружает в себя и потопляет помысел, выбросим груз, чтобы ладия сколько-нибудь поднялась из воды; обуреваемые, выкинем и многие снаряды, чтобы мог спастись кормчий – ум и с плователями – помыслами. Если плывущие морем во время бури небрегут о своих товарах и своими руками бросают груз в море, имущество ставя ниже жизни, чтобы корабль, обременяемый тяжестью груза, не подвергся опасности, зачерпнув в себя воды, облегчают его, бросая в глубину, может быть, и дорогие редкости, то почему же мы для лучшей жизни не пренебрегаем того, что душу влечет в бездну? Почему не столько силен страх Божий, сколько силен страх моря? Те из любви к временной жизни невысоко ценят утрату того, что везут, а мы, говоря о себе, что вождедеваем Вечной Жизни, не пренебрегаем и малости, но решаемся лучше погибнуть вместе с грузом, нежели спастись, лишившись его.

Посему, умоляю, совлечемся всего – противник стоит обнаженный, потому что борцы не вступают в борьбу одетыми: закон борьбы изводит их на поприще обнаженными. В жар ли, в холод ли так они выходят, вне поприща оставляя одежды. Если же кто из них откажется обнажить себя, то должен отказаться и от борьбы. А мы, дав обет подвизаться, когда у нас борьба с сопротивниками, которые гораздо деятельнее борющихся чувственно, не только не совлекаемся одежды, но, тысячи бремен неся на плечах, вступаем в подвиг, доставляя тем противникам множество удобств захватить нас.

Глава 65. Как сражаться с духами злобы помогающемуся имуществу, когда отовсюду удобно наносятся ему удары? Как бороться с духом сребролюбия осыпанному деньгами? Как обогнать обнаженных от

всякого попечения демонов облекшемся в тысячи забот? Божественное Писание говорит: *Наг побегнет в той день* (Ам. 2, 16).

Наг, кто не облечен в многочисленные рубища заботы о делах житейских, наг, кому многосложные помыслы о деньгах и имуществе не препятствуют в скорости бега, потому что нагого трудно и даже невозможно уловить злоумышляющим. Если бы великий Иосиф был наг, то египтянка не нашла бы, за что ухватить его, ибо говорит Божественное слово: *Ухвати его за ризы, глаголющи: лязи со мною* (Быт. 39, 12). Ризы же суть дела телесные, за которые влечет преобладающее сластолюбие; и кто заботится о них, тому необходимо увлекаться, борясь с совлекающими. Так, подвижник целомудрия, как скоро увидел, что и необходимою потребностью тела насильно увлекается к удовольствию общения и единения, познав, что должно было нагим жить при госпоже, которая могла удержать и принудить его, *оставь ризы своя, бежа и изыде вон* (Быт. 39, 13), как в раю, ходя в добродетели нагим в подражание первозданному, который, в преимущественный дар прияв от Бога наготу, хранил ее, пока преслушанием не доведен до потребности одежд. Ибо, пока боролся с сопротивниками, внушавшими нарушить Божию заповедь, как борец на поприще, стоял нагим; побежденный же и оставивший борьбу, как и следовало, был облечен в ризу, с прекращением подвижнического состояния оставив и наготу.

Глава 66. Посему-то Приточник, обращая речь к умащающему, говорит: *Отими ризу его, преjde бо* (Притч. 27, 13). Пока был вне поприща, хорошо пользовался и одеждami неборющихся, облечением в одежды скрывая в себе мужество борца. Но поелику вступил в подвиг, *отими ризу его*, потому что бороться должно нагому, и не только нагому, но даже и умащенному. Обнажение делает, что борца не за что ухватить противнику, а умащение елеем, если и будет схвачен¹⁵², дает возможность ускользнуть из рук схватившего.

Почему противники стараются друг друга осыпать землею, чтобы, пылью придав шероховатость гладкости елея, сделать противника удобоудержимым, когда будет схвачен. Но что там – пыль, то в нашем подвиге дела земные, и что там – елей, то здесь неимение попечений; и как там умащенный удобно разрешает так называемые у них прицепки, а если падет на него пыль, с трудом избегает руки противоборца, так и здесь не пекущийся ни о чем неудоболовим для диавола, а кто заботится и попечениями, как бы пылью какою, придает шероховатость гладкости непопечительного ума, тот с трудом избавляется из руки диавольской.

Глава 67. Не иметь попечений свойственно душе совершенной, а сокрушать себя заботами – душе нечестивой, ибо о совершенной душе сказано, что она *якоже крин в тернии* (Песн. 2, 2), а сие означает душу, которая среди заботящихся о многом живет без попечений. Крин и в Евангелии означает душу, не имеющую попечений, ибо сказано: *Не труждается, ни прядет*, а паче Соломона облекается *славою* (ср.: Мф. 6, 28–29). О тех же, которые имеют много забот о телесном, говорится: *Все житие нечестиваго в попечении* (Иов. 15, 20). И подлинно нечестиво на целую жизнь распростирать попечение о телесном и не оказывать никакого старания о будущем; для тела, хотя оно и не

---

¹⁵² По рукописи не читаются слова: τό δέ ἐλαίον.

требует большего о нем тщания, тратить все время, а для души, у которой такой длинный путь к преуспеянию, что не достанет и целой жизни для довершения оного, не уделить и сколько-нибудь времени. Ибо если и уделяем по видимому несколько, то делаем это лениво и нерадиво, уловляемые блистательностию видимого, подвергаясь тому же самому, что терпят обольщаемые гнусными распутными женщинами, которые, по недостатку красоты природной, примышляют поддельную для обмана зрителей, примышлением притираний поправляя свое безобразие. Ибо, однажды будучи препобеждены суетностию настоящего, не в состоянии мы видеть гнусность вещества, обманываемые пристрастием.

Глава 68. И потому-то не останавливаемся на необходимой потребности, но, поставив для себя целию неумеренное пресыщение жизнью, домогаемся всякого рода приобретений, не примечая того, что мерою приобретения служит телесная потребность и преступающее меру сию есть уже бесчиние, а не потребность. Как соразмерная с телом рубаха составляет и потребность, и украшение, со всех же сторон обвислая, опутывающая ноги и влекущаяся по земле при безобразии делается препятствием во всякой работе, так и имение, превышающее телесную потребность, и для добродетели служит препятствием, и подвергается великому порицанию тех, которые в состоянии исследовать природу вещей.

Посему не должно обращать внимания на тех, которые обольщены чувственным, и безрассудно следовать тем, которые, по невнимательности к мысленному, пристрастились к земному. Это значило бы то же, что для цветов сделать судьями слепых или для мусикийских звуков – глухих, лишенных способностей судить о том, что оценивается, и им поверить, как по разуму избравшим наслаждение настоящими благами. Ибо слепы те, у кого самых необходимых способностей судить лишен рассудок, которому обычно произносить суд о достойном уважения и о безразличном.

Глава 69. Одним из них был Ахар, сын Хармии, признавшийся Иисусу, что в куще жизни скрыл украденное под землею и под этим зарыл серебро. Ибо, кто пестрые и блестящие вещества ценит выше, а разум зарывает под ними, тот естественно обманывается, падая подобно бессловесному и предаваясь представлению понравившегося, потому что рассудок низвел он с правительственного престола и поставил наряду с подчиненными, вернее же сказать, наряду с подсудимыми. Ибо если бы он пребывал в собственном своем достоинстве и ему вверен был суд над видимым, то произнес бы правдивый и верный приговор, не дав воли стремлению к тому, что обманчиво. Посему прекрасно оставаться в пределах потребности и стараться всеми силами не преступать оных. Ибо если кто хотя несколько увлечен пожеланием к приятностям жизни, то никакой разум не остановит уже стремления вперед: тому, что сверх потребности, нет уже предела, но ничем не ограничивающиеся старания и нескончаемая суетность непрестанно будут увеличивать труд над этим, питая пожелание, подобно пламени, которое питается подкладыванием дров.

Глава 70. Когда преступившие однажды пределы естественной необходимости начинают преуспевать в вещественной жизни, тогда

желают они, чтобы к хлебу прилагалась приятная снедь, а к воде – сперва обыкновенно употребляемое, а потом и более дорогое вино, одеждami же обыкновенно употребляемыми не соглашаются довольствоваться, но сперва покупают одеяния из шерсти, и притом более блистательные, подбирая и самый цвет шерсти, потом от сих одежд переходят к приготовляемым вместе из льна и шерсти, после сего делают одежды шелковые, и те сперва простые, а потом испещренные изображениями сражений, зверей и всяких историй; приобретают и сосуды серебряные и позолоченные, не только служащие для пиршеств, но и в излишестве поставляемые для животных и при ложах.

И должно ли больше сего говорить о сей излишней расточительности, когда простирают ее и на самые бесчестные потребности, и сосуды для извержений не почитая приличным делать из иного вещества, если на такое служение не будет употреблено серебро? Так сластолюбие простирается до крайности и самые бесчестные дела чтит драгоценностию вещества. Но это значит вести себя неестественно.

Глава 71. Естественный образ жизни один и тот же определен Создателем и нам, и животным. *Се, дах вам, –* говорит Бог человеку, – *всякую траву в поле, вам и зверем будет в снедь* (Быт. 1, 29–30). Посему, получив общее с бессловесными пропитание и своими примышлениями превратив оное в более роскошное, не по справедливости ли должны мы быть признаны неразумнейшими бессловесных, если звери остаются в пределах естества, не нарушая постановленного Богом, а мы – люди, одаренные рассудком, совершенно отступили от древнего законоположения? Ибо какие лакомства у бессловесных? Какие хлебники и повара тысячью искусств уготовляют услаждение бедному чреву? Не любят ли они древней скудости, питаюсь травой, довольствуясь тем, что случилось, и в питье употребляя воду, и ту иногда редко? Потому и плотским удовольствиям предаются они реже, не воспламеняя пожеланий никакою утучняющею пищею и не всегда зная различие мужеского и женского пола.

Ибо чувство это дает им одно время в году, в которое естественный закон средством к продолжению рода изобрел собирать их для посеяния подобных себе: в другое же время до того они чуждаются друг друга, что совершенно забывают о сем пожелании. А в людях от дорогих яств ненасытимая похоть любодейства всеяла неистовые пожелания, ни в какое время не позволяя утихнуть страсти.

Глава 72. Посему, так как приобретение имущества сопровождается великим вредом и, как нечто болезнетворное, служит поводом ко всем страстям, устраним самую причину, если только промышляем о благосостоянии души. Страсть сребролюбия уврачуем нестяжательностию. Возлюбив уединение, будем бегать сборищ людей бесполезных, потому что пагубно и тлетворно для мирного состояния пребывание с людьми легкомысленными. Как бывшие в заразительном воздухе непременно делаются больными, так и проводящие время с людьми всякого рода приобщаются их пороков. Ибо что общего с миром у отрекшихся от мира? *Никтоже (бо) воин бывая обязуется куплями житейскими, да воеводе угоден будет* (2 Тим. 2, 4). Занятие куплями препятствует воинским упражнениям. А не упражнявшись, как устоим

в борьбе с искусившимися в брани? Лучше же сказать, если уже говорить правду, так лениво и нерадиво боремся, что не можем противиться и поверженному уже врагу, и мы, стоящие, подвергаемся злоумышлениям павшего.

Что терпят во время войны по сребролюбию обирающие мертвых, часто после победы убиваемые лежащими и ради гнусной корысти жалко гибнущие после приобретенных трофеев, то же терпим ныне и мы, приближаясь к низложенному и издыхающему врагу. Как те, по страсти к деньгам, обыскивая мертвых, нередко, подошедши к иному полумертвому и раздевая его, неприметно получали смертный удар и падали, неразумно посрамив славу, приобретенную победой, так и мы, когда целомудрием или воздержанием низлагаем или почитаем себя низложившими варвара, тогда, обольстившись его одеждами, которые у людей признаются дорогими, богатством, властью, здоровьем, честью, приближаемся к нему, желая что-либо взять у него, и таким образом умираем, сами себя предавая на убиение.

Глава 73. Так погибли пять дев, чистотою и воздержанием умертвившие, а жестокосердием, какое порождается сребролюбием, сами себя повергшие на меч, когда враг, как низложенный, не мог умертвить их, твердо стоявших. Посему не пожелаем ничего вражеского, чтобы с принадлежащим ему не погубить и душу. Ибо и ныне приглашает и побуждает к этому всех, особенно если найдет послушных ему. Если и Самого Господа призывал он, говоря: *Сия вся Тебе дам, аще пад поклонишися* (Мф. 4, 9), и тем, что почитается блистательным в свете, покушался обольстить Того, Кто не имеет в сем нужды, то ужели не помыслит обольстить удобоуловимых людей, склонных к наслаждению вещами чувственными? Будем же обучать себя благочестию, если имеет успех и обучение телесное: *телесное бо обучение в мале есть полезно*, уподобляясь урокам, какие преподают детям, а *благочестие на все полезно есть* (1 Тим. 4, 8), уготовляя в душе здоровье желающим победы над противоборными страстями.

Глава 74. Как борцам, обучающимся еще на детских играх, прилично упражнять тело, часто приводить в движение члены, а возмужавшим в искусстве борьбы должно заботиться о подвижнической крепости и умягчать себя на священные подвиги, так начинающим учиться богочестию надлежит тщательно сдерживать деятельные силы: для них важно, если возобладают над страстями, будучи раздражаемы удовольствиями, в которых выросли, и почти невольно вовлекаемы в привычные худые дела, а пришедшие уже в состояние деятельной добродетели и заботящиеся о том, что разумно, обязаны со всем тщанием охранять рассудок, чтобы при беспорядочном движении не увлечься к чему-либо несовершенному, и притом необдуманно.

Одни должны стараться о том, как управлять телесными движениями, а другие о том, как обучать стремления рассудка, стройно направляться к единому любомудренному поведению так, чтобы ни одно мирское представление не отвлекало рассудка от Божественных помышлений. Ибо вождение богочестивого должно быть всецело устремлено к вождеваемому, чтобы вовсе не оставалось времени приводить в действие свои страсти по человеконенавистным помыслам. Если каждая страсть, когда приходит в движение, в обладаемом ею держит рассудок связанным, то почему же и ревности к добродетели не

удержать мысль свободною от прочих страстей? Ибо приемлет ли извне какое ощущение раздраженный, борясь мысленно с представлением оскорбившего? А также жадный до денег, когда, увлеченный мечтанием, пригвождает взор к тому, что доставляет прибыль? Нередко развратный, сидя в обществе с другими, смежает свои чувства и, занявшись любимым лицом, с ним беседует, забывая присутствующих, сидит безгласным столпом, не зная ничего, что делается или говорится на глазах его, но, углубившись внутрь себя, весь занят своим представлением.

Такую, может быть, душу слово Божие именует сидящею, когда она, став вдали¹⁵³ от чувств, останавливает собственную свою деятельность, вовсе не приемля в себя ничего внешнего, по причине занимающего ее скверного представления.

Глава 75. Если же и сие, по причине пристрастия, столько овладевает помыслом и чувства приводит в бездействие, то кольми паче любовь к любомудрию, восхитив ум в превыспреннее и заняв созерцанием мысленного, заставит его отречься от чувственного и от чувств? Как у человека, которого режут или жгут, помысел не пойдет далее ощущаемого страдания по причине преобладающей боли, так и тому, кто помышляет о чем бы то ни было со страстию, невозможно не устремлять всего внимания на ту страсть, которая занимает его сердце и помысел всецело соделала однокачественным с собою, потому что удовольствие не дает места скорби, радость – печали, веселие – унынию, а обратно, преобладающая скорбь не допускает удовольствия, овладевшая печаль не сопрягается с радостью, уныние не срастворяется веселием. Противоположные страсти несоединимы между собою, никогда не сходятся вместе, не вступают в дружеское общение по естественно непримиримой вражде и отчуждению.

Поэтому чистота добродетели да не возмущается мыслями о делах мирских, ясность созерцания да не приводится в смущение телесными заботами, чтобы и образ истинного любомудрия, сияя свойственною ему красотою, не был порицаем дерзновенными устами и по неопытности пишущих оный не соделался предметом осмеяния, но восхваляли его если не люди, то, по крайней мере, Горние Силы или Сам Владыка Христос, от Которого и святые взыскуют похвалы, как великий Давид, поправ человеческую славу и испрашивая похвалы у Бога, говорит: *От Тебе похвала моя* (Пс. 21, 26); и еще: *О Господе похвалится душа моя* (Пс. 33, 3). Люди часто по ненависти чернят и хорошее, а зрелище горнее нелицеприятно судит дела и приговор о сделанном произносит по самой истине. Поэтому сие зрелище, которому необходимо услаждаться усладительностью дел, да будет услаждено. А что касается до людей, которые не могут ни воздать награды жившим хорошо, ни наказать живших иначе, то не великая важность, если, или по зависти, или по пристрастию дела добродетели омрачая именами порока, жизнь, признанную Богом и людьми, чернят вымышленными хулами. Ибо во время воздаяния жившим хорошо, без сомнения не по людскому мнению, но по самой действительности совершенного в жизни, последует воздаяние вечных благ, которые да сподобимся получить и все мы по благодати и человеколюбию Господа

---

¹⁵³ Вместо: *μικράν* по рукописи читается: *μακράν*.

нашего Иисуса Христа, с Которым слава Отцу вместе со Святым Духом, ныне и присно и в беспредельные и нескончаемые веки веков! Аминь.

К досточтимейшей Магне, диаконисе Анкирской, слово нестяжательности

Глава 1. Недавно, при написании слова к проходящим монашескую жизнь, достаточно внушали мы им, сколько отступили они от апостольской точности, доказывая сие их старательностью о суетном, – тем, что привязаны к имуществу и не меньше богатлюбцев вдаются в житейские развлечения. А теперь поелику должно похвалить ревность и в вас, сохранивших правило нестяжательности, как было оно ненарушимо вначале, и в других вам подобных, то необходимо сказать и то, что возлюбивших сообразное с законом житие побуждает к предпочтению одного и приводит к избранию надлежащего. Как осуждение худого, пристыжая преданных тому и заставляя раскаиваться, обращает к лучшему, так похвала хорошего и ленивых возбуждает к присвоению себе этого, уловляя их желанием доброй славы и без принуждения привлекая к себе, прежде, нежели, целомудренным помыслом рассмотрев бесполезность человеческих похвал, усмотрят подлинно полезную славу, какую благочестивых прославляет Бог, награждая за подъятые труды, и ныне соделывая их известными, и паче всякого разумного естества увенчивая их в день Суда, когда каждому правдиво присудит воздаяние, не по здешнему ошибочному предположению, но, как требует справедливость, по самой истине содеянного.

Ибо если тем, которые из сострадательности к единоплеменнику, изнуряемому скудостью, оказали ему милость, говорит: *Приидите, благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие* (Мф. 25, 34), то не изречет ли того же слова тем, которые мало заботились о плоти (именно же, сколько принуждала к сему потребность), чтобы поддержать жизнь, но употребили много времени на занятие душою и прилагали попечение о том, чтобы чистою и не осквернившею себя неприличными мыслями предстала она Тому, Кто будет судить тайны сердечные и исследует помыслы, в каком они сродстве или отчуждении с каждою из тревожащих страстей? Ибо и первые за милосердие к сродственному, и последние за любомудренное обращение с соблазняющим равно достойны одобрения пред Судиею.

Как милостивые не печалются, что богатство умалется ежедневным раздаянием, а паче радуются, иждивая его на нуждающихся, так нестяжательных не сокрушает пожелание настоящих благ, но скакать и восторгаться заставляет то, что пренебрегается ими у других почитаемое драгоценным, что освободились они от занятия суетным, свободным помыслом предаваясь прилежному деланию всего лучшего, почитая опущением дела занятие тем, чему невыгодное и бесполезное служение избрали другие.

Глава 2. Да не подумает кто-либо, что без труда и легко достигается преуспеяние в нестяжательности. Ибо называем теперь нестяжательностью не нищету невольную, которая, приключившись по

необходимости, сокрушает дух и, как произвольная, почитается несносною, но добровольную решимость довольствоваться малым, приобретаемую самовластием помысла, однако же требующую труда, и до того именно времени, пока упражнение, обратившись в навык, не соделает сносным того, что долгое время казалось трудным и нестерпимым. Красивый вид тела и блистательность веществ, составляющих богатство, равно раздражают похоть к вожделению, и в обоих случаях потребна душа мужественная, нужны крепкие мышцы, чтобы не уступить их обольстительности и не возлюбить привлекательной их приманки, которая обыкновенно склоняет к согласию даже такие умы, которые по видимому незыблемо утвердились.

Но достойны похвалы проходящие ныне посредственность нестяжательности, не увлекшиеся, вместе с многостяжательными, непостоянною легкостью помыслов и не связавшие ума пустыми заботами. Ибо в не имеющих твердости как все ненадлежащее производит ревность к подражанию, так особенно – телесная пышность, весьма много способствующая к наслаждению и к людской славе, так как долговременный обычай научил сих суемудренных почитать блаженными живущих в изобилии, за богатство пользующихся славою и обильно наслаждающихся тем, что приобретается богатством. А поистине великими почесть и назвать мужественными надлежит тех, которые, как на поприще, одерживают победу, между тем как помыслы, конечно не без основания, борются и состязаются, как бы убедительными телодвижениями стараясь доказать, что должно согласиться с мнением многих и кажущееся хорошим признать уже действительно хорошим, не отказываться от того, что, по общему мнению, почтено достойным цены, не уклоняться от обладания данным на употребление от Самого Создателя и с кичливостию мнимого любомудрия не обличать напрасно приобретение того, что приведено в бытие с известною целию, а не даром.

Подвижники сии поистине достойны одобрения, как не уступившие места сопротивникам и не сбитые с поприща, потому что не дались в руки врагам. На правом суждении безопасно утвердив свои колена, не склонились они на принятие земных веществ, жизнь неразвлекаемую предпочтя жизни смутной и умеренностию в пище прекрасно приобретши себе безмятежность. Ибо ум, не имея достаточных сил заботиться о многом, не находит досуга коснуться мыслию приличных душе дум; освобожденный же от беспокойных занятий, ясно усматривает, что полезно, небоязненно, при сем удобстве увеселяясь тем, что, сложив с себя многосложные путы житейских уз, свободно совершает признаваемое наилучшим, не воспрещаемый в прекрасном стремлении к сему ни одною из окружающих обыкновенно многодельных забот.

Глава 3. И они крайне достойны удивления, а выше всякой похвалы, выражаемой словом, и их превзошедшие¹⁵⁴ строгостию жизни и вступившие внутрь самых пределов совершенной нестяжательности, потому что и ныне решающихся подражать им привлекают к соревнованию, и самих себя освобождают от высокоумия, когда делают

---

¹⁵⁴ Вместо: εἰ по рукописи читается: οἱ.

доброе, так как стараются идти по следам первых и не могут оставить их позади себя.

Ибо как то, если превзойдешь предшественников добродетелию, произведет¹⁵⁵ в тебе высокомерие и самомнение, так то, если не достигаешь до них, охранит смиренный помысел, болезнующий более¹⁵⁶ о том, в чем он недостаточен, нежели надмевающийся тем, в чем по видимому преуспел. Но никто из нынешних или не достигает пока, или не достигал добродетели древних святых, которые, по описанию, вели жизнь бездомную, бесприютную, не имели на себе одеяния, скитались всегда с места на место, с приятностию питались снедию, какая случалась, находили себе ложе, где ни есть и какое случилось, и имели против себя многих наветников и гонителей, не как в настоящее время имеют многих почитателей и последователей. Их-то описывает Павел, когда говорит: *Камением побиени быша, претрени быша, убийством меча умроша, проидоша в милотех (и) в козиях кожах, лишени, скорбяще, озлоблени: ихже не бе достоин (весь) мир* (Евр. 11, 37–38).

Если бы кто-либо из нынешних возмечтал о равночестии с ними, думая, может быть, что соревнует им и в намерении, и в делах, то в служении добродетели, для которой древние подвергали себя опасностям, будет иметь тот недостаток, что утешением в трудах имеет он сопровождающую его славу, которой совершенно лишены были сии блаженные, напутие к похвале находя для себя поводом к гонениям и тяжким смертям. Не было у них ни крова, ни закрома, ни ложа, ни трапезы, одеждою служили овечьи кожи и волосы, на настоящий день наскоро уготовлялась пища, о дне же завтрашнем не было и попечения, потому что по любомудрию, какое предположили себе, предпочли Господний совет, в котором сказано: *Воззрите на птицы небесныя, яко не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы, и Отец ваш Небесный питает их* (Мф. 6, 26); и еще: *Смотрите крин селных, како растут: ни труждаются, ни прядут* (Мф. 6, 28). Они знали, что необходимое для потребности тела само собою последует, когда будешь благоугождать подающему сие Богу и преимущественно позаботишься о приобретении Небесного Царствия.

Глава 4. А у нас и пища готовится на долгое время, и одежда сообразна с временами года, и дом защищает от стужи и от жара, а равно от всякой непогоды, не оставляется также в небрежении приобретение денег, имущества и всякого излишнего вещества. И как же нашей жизни равняться с жизнью тех, которых не тревожили даже помышления о представлении телесного, но чистое некое возжелание Божественного, непрестанно восхищая их в превыспреннее, убеждало забывать о том, что на земле почитается блистательным?

Они ничего не имели на земле, кроме тела, которое природа удерживала долу, как обыкновенно тяжелое и неудобоподвижное к горнему шествию, потому что и его желали бы иметь с собою там, где пребывали умом, размышляя о Небесных благах и никогда не отвлекаясь от тамошнего наслаждения и тамошней пользы, если бы природа не возвращала их опять к телесной потребности, благоговением к Связавшему душу с телом понуждаемых заботиться и о

---

¹⁵⁵ Вместо: πηγή по рукописи читается: ποιεῖ.

¹⁵⁶ Вместо: ἡ по рукописи читается: πολλόν.

теле, отчуждение от которого по опыту признавали и полезным, и должным.

Ибо всякий рачитель действительно признает утратою и кратковременное занятие служением плотскому, почитая прекрасно проведенным то время, которое употреблено на делание лучшего, зная, что и там не потерянным найдет тот один труд, который прилагал он о преуспейании души, а не тот, который обращал на попечение об услужении телу и который во время потребности удовлетворял нужде, а по миновании оной ни к чему стал не годен, вчера был полезен, а сегодня и незаметен.

Глава 5. Ибо такова потребность телесная: быстро течет и проходит, в прошедшем не имела она промышленности о настоящем и в настоящем не имеет о будущем, врачует настоящее и бесполезное при недостатке в будущем. А труд добродетели есть семя, дающее неоскудевающий плод, и во время самого дела радуется совесть ожиданием наслаждения, и по переселении отсюда оказывается благолепным и споспешествующим вечному веселию; и прошедшее в нем не бесполезно, если только неразумная страсть тщеславия не расточит собранного: даже не приведенное в дело, но твердо предположенное почитается в нем наравне со сделанным, потому что рассудительно предпринятое с доверием приемлется как действительно совершенное по нелживым уже обетам, хотя бы¹⁵⁷ заботливо преднамеренное не имело удобного времени к исполнению и не успело прийти в дело.

Так правдиво судит Истина, чтобы и в угодность людям делаемое признавалось совершенным поступком, который непременно был бы приведен в совершенство, как было к тому усердие, если бы какая-либо необходимость не воспрепятствовала усердию достигнуть конца. И поистине справедливо и достойно было Божия приговора, изрекающего суд о сокровенном, дать произволению ту награду, ради которой предпринято им дело и к которой от начала до конца клонилась цель его, не переходя от одного к другому, потому что нередко пресекается противоположное противоположным и предположенное переходит в противное сему, когда делаемое для людской славы, как бесполезный труд, исправляется здравым помыслом, а предположенное ради самого добра, от привзошедшей любочестивой мысли, не следует более предпринятой цели, пресекается же целью противоположную и всецело к ней направляется. Так помыслы переходят от лучшего к худшему и от худшего к лучшему, иногда спасительно, а иногда пагубно изменяясь из одного в другой, к пользе по тщательности или к ненадлежащему по лениности произволения.

Глава 6. Посему приступающим к деланию доброго Господь предлагает совет: *Егда молишия, вниди в клеть твою, и затворив двери твоя, помолися Отцу твоему, Иже в тайне* (Мф. 6, 6); и еще: *Егда убо твориши милостыню, не воструби пред собою* (Мф. 6, 2), повелевая избегать делаемого напоказ, как вредного. А Пророк, говоря, что *собирай мзды собра во влагище дираво* (Агг. 1, 6), показывает, что развращенною целью безумного славолюбия уничтожается труд, как в разорванном мешке, проходя в сердце, не огражденном скромным образом мыслей.

---

¹⁵⁷ По рукописи читается: *ка̀ν* без совокупления: *у̀ар*.

Ибо оно есть *сокровище* и отовсюду крепко устроенная твердыня, *идеже ни червь, ни тля тлит, и идеже татие не подкопывают, ни крадут* (Мф. 6, 20); под червем же разумеется рождающееся внутри самомнение и уничтожающее, что в людях есть доброго, а под татями – извне привходящие похвалы, и безрассудством, и кичливостью внезапно расхищающие драгоценности, собранные многим трудом добродетели. Как червь поедает вещество, из которого получил бытие, и тати, подкапывая стену, уносят тщательно накопленное, так помысел, подвигнутый добрыми делами к превозношению, уничтожает приобретенное, а похвалы людей всякого сброда подкапывают нетвердый образ мыслей и не допускают внутрь ничего хорошего, законно вносимого извне и отвергаемого отверстием ушей. Но никто да не будет столько преодолеваем страстию и усыпляем славолубием, чтобы потерпеть совершенную утрату трудов своих, но да трезвится, даже когда и подкапывают, и убьет злоумышленных до нанесенного ими ущерба, поразив их во время самого подкапывания мысли, прежде нежели ясно воссияет солнце и мысль соделает действием.

Глава 7. Сие ясно повелевает Закон, говоря: *«Аще же в подкопании обрящется тать, и язвен умрет, несть ему убийство: аще же взыдет солнце над ним* (Исх. 22, 2–3), *вменится убийство»*, давая сим знать, что пристрастие в помысле к худым мыслям находит себе извинение, как бы ночная мечта, потому что всякое увлечение внезапным нападением врагов поистине есть обман и имеет нужду в извинении, но за великою внимательностию грабящего и явным уразумением делающего вред справедливо следует уже наказание, потому что в этом есть падение сердца, произвольное согласие, а не невольный обычай неведения. Соглашающийся на дело явно худое справедливо делается подлежащим суду, по пристрастию уступив как бы пойманному при солнечном свете неприятелю и всеми силами не боровшись с явным врагом, чтобы при самом нападении вредных помыслов, когда начинается подкоп, были они поражены и в битве пали мертвыми. Ибо в таком случае жизнь его не была бы уже подвергаема браням, но исполнена¹⁵⁸ радости и он увеселялся бы, наслаждаясь тем, потерю чего незадолго пред сим готов был горячо оплакивать.

Таков был и Тот, Кто говорит: *«Из самых уст звериных исторг я две голени, и обушие уха* (ср.: Ам. 3, 12), *прежде нежели было сие пожрано, приемля и присвоая Себе»*. Помысел ли вожделения запутался ногами в делах земных и препятствовал пока преуспеянию в лучшем, или слово могло посредством слуха растлить добрый нрав, как зверям, в отверстой пасти держащим похищенные члены, Пророк не позволяет им делать вред, предупреждая гибель мощною рукою и трезвенностию останавливая приближающееся покусение.

Глава 8. Не меньшей находящегося в устах у зверя подвергается опасности и тот, кем начала обладать страсть. Он так же близок к тому, чтобы стать пленником, как и тот – быть пожранным, если, вскоре пробудившись, не избежит угрожающей гибели. Посему и опытные в искусстве пастырства Давид и Иаков, хвалясь многосведущею в оном осторожностию, говорят – один: *я-де брал медведицу за гортань и сокрушал льва* (см.: 1 Цар. 17, 34–35), *то есть поглощенное возвращал к жизни невредимым, а другой: Звероядины не принесох к тебе: аз*

¹⁵⁸ Вместо: *θεορός* по рукописи читается: *μετός*.

воздаях тебе от мене татбины денныя и татбины нощныя (ср.: Быт. 31, 39), то есть не позволял, чтобы приходило что-либо в смертоносную деятельность неразумных и скотских пожеланий.

А если нечто не важное и не представляющее большей опасности парением ума было иногда похищено, например, сказано что-либо ненадлежащее или выслушано от сказавшего другого, то похищенное из дому немедленно я-де возвращал, за ошибку, допущенную по нерадению, вознаграждая усиленным старанием и сим исправлением делая, что то же самое вносимо было в список других доброт, чтобы тело всей добродетели было цело и невредимо, не имело недостатка или искажения ни в одной из частей, служащих к лепоте естественного его благообразия. Предпочтенный же в лице Апостолов и всегда шествовавший впереди их Петр, уловлявший мрежами рыб и сетями благодати людей, показывает и зверя, и неистовство, с каким он пожирает, говоря: *Супостат ваш диавол, яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити* (1 Пет. 5, 8).

Глава 9. В точности дознаем, что иной сперва по лености бывает в устах льва и может как быть поглощенным, так и выйти из уст, но сам делается виною того или другого, вознерадев или приложив о себе старание, силою воли избирая что хочет, произвольно делается принадлежащим к части спасаемых или погибающих. Посему-то, конечно, и великий Павел, ясно рассмотрев помышления врага и не зная его ухищрений на гибель обольщаемых им людей простодушных, повелевает того, кто по великому упадку духа в устах уже у льва, извлекать ободрением и многим утешением, говоря: *Да не како мною скорбию пожерт будет таковий* (2 Кор. 2, 7), когда близок к тому, чтобы выйти из оной, если восприимет смелость, вразумленный внушениями ободряющих унылый дух его, – и чтобы поглощенным быть, если, оставленный без попечения о нем, отчаётся в самом себе.

Итак, поелику путь, ведущий в Царство, имеет столько затруднений, будучи узок и с обеих сторон окружен стремнинами, то какая нужда, обременив себя кучами денег или заслушавшись тех, которые хвалят или порицают, покушаться так идти путем сим, как идти невозможно? Заботы о вещественном, рассевая, сильно влекут долу, и внимательность к славе или бесчестию и здесь и там легким делает падение, так как всякое парение представляет удобные случаи к поползновению, когда глаз не имеет досуга там, где безопасность требует великой заботливости, и притом самой трезвенной. Ибо и в таком случае шествие едва проходит без падений, представляя много затруднений, по причине узкого пути по стремнинам. И если, по Господню слову, узок и тесен путь, *вводяй в живот* (Мф. 7, 14), то шествующему оным, без сомнения, надлежит быть осторожным и бодрственным, не обременять себя тяжестью, не изнемогать во время шествия и не озираться небоязненно туда и сюда, потому что с обеих сторон великая и крайне страшная опасность и малейшее уклонение может на гибель низринуть в зияющую пропасть.

Глава 10. Посему и Господь, и Павел то предписывают нестяжательность, говоря: *Не стяжите злата, ни сребра, ни меди при поясах ваших* (Мф. 10, 9); и: *Не пецытесь убо на утрей* (Мф. 6, 34); и: *Имеюще же пищу и одеяние, сими доволни будем* (1 Тим. 6, 8); и: *Никтоже (бо) воин бывая обязуется куплями житейскими* (2 Тим. 2, 4), –

то советуют не предаваться славолюбию, говоря: *Егда же поститесь, не будите якоже лицемери сетующе: помрачают бо лица своя, яко да явятся человеком постящиеся* (Мф. 6, 16); и: *Егда молитесь, не будите якоже лицемери, яко любят в стогнах путей стояще молиться, яко да явятся человеком* (Мф. 6, 5); и: *Задняя убо забывая, в предняя же простираяся* (Флп. 3, 13).

Кто так расположен, тот не столько превозносится тем, в чем преуспел, сколько смиряется тем, чего не достает к предположенному, прилагая попечение, чтобы довершить неоконченное, и не обращаясь к тому, что окончено, потому что как сделанное нередко надмевает легкомысленных до безрассудства, так требующее делания смиряет мысль неизвестностью, будет ли приведено к концу, и, прежде нежели совершено, причиняет печаль. Посему и Господь, восшедших на высоту добродетели предохраняя от поползновения к самомнению, говорит: *Егда сотворите вся повеленная вам, тогда глаголите, яко раби неключими есмы: яко, еже должны бехом сотворити, сотворихом* (Лк. 17, 10). Хотя не препятствует радоваться, что долг исполнен, однако же не позволяет думать о себе высоко. Ибо говорит, что отдан долг, а не произвольный дар и заплатившему, что принадлежит¹⁵⁹ Христу, неприлично превозноситься как благодетелю, величаясь тем, что с признательностью отдал, что от непризнательного потребовалось бы с истязанием.

Глава 11. Апостол не только повелевает предавать забвению задняя, зная, что памятование о сем легкомысленных вовлекает¹⁶⁰ в высокомерие, но велит тщательно оберегаться нападений с той и с другой стороны, когда говорит: *Оружии правды десными и шуими, славою и безчестием, гаждением и благохвалением: яко лестцы, и истинни* (2 Кор. 6, 7-8). Ибо поспешающему к совершенству не менее надмевающих похвал вредят и порицания, уничижая его образ мыслей и расслабляя усердие унылостью и печалию. Почему надлежит, согласно с намерением, поспешать *к почести вышняго звания* (Флп. 3, 14), и поспешать с достоинством, а вместе без парения мыслей.

Ибо если поступать по словам сказавшего: *Тако тецйте, да постигнете* (1 Кор. 9, 24), то сие приуготовляет хотя к позднему достижению конца в том, о чем прилагается старание, потому что пространство велико и, чтобы достигнуть конца, нужны скорее крылья, нежели ноги. Так сказал убедившийся в этом: *Кто даст ми криле яко голубине? и полещу, и почию* (Пс. 54, 7). Советуется же трезвенно здесь и там избегать сетей, потому что враги протягивают *ужы ногам* (ср.: Пс. 139, 5), стараясь хорошо текущих уловить справа и слева распростертыми силками, поставив в одном месте славу и доброе имя, а в другом – бесчестие, бесславие и презрение света, чтобы по уготовлении с той и другой стороны каких бы то ни было козней, если возьмет силу одна, – или заставить человека совершенно пасть, или хотя задержать его ненадолго в течении и тем воспрепятствовать на время преуспеянию в добре и не допустить до совершенства, о каком он старался.

---

¹⁵⁹ Вместо: κατὰ τοῦ Χριστοῦ по рукописи читается: τὰ τοῦ Χριστοῦ.

¹⁶⁰ Вместо: βλέπειν по рукописи читается: κλέπτειν.

Но почему и ложные клеветы столько печаливают помышление? Или почему возвышающее до чуда веселит его и надмевает до истощения сил?

Глава 12. Если бы утвержденное по здешнему приговору подтверждалось и нелицеприятным Судиею, то хорошо было бы нравиться людям; иной, здешнюю славу приводя во свидетельство к удостоверению в будущем, постарался бы доказать о себе, что не подлежит он ответственности, так как доказано это у здешних судей.

Если же недействительными останутся видимость, одобрение, слава по произносимому о них приговору в настоящей жизни, предстанут обнаженные образы того, что нами сделано и помышлено, соделаются ясными обличениями худых и одобрительных мыслей и поступков и будут судимы не по тому, какими казались многим, но по тому, каковы в самой действительности, то подлинно напрасное и суетное предприятие – желать о том, каковы наши дела, уверить тех, чье удостоверение нимало не поможет нам на Горнем Суде, который взирает на действительное, не поддерживает мнимого, знает происходящее, не согласен на защиту пытающихся убедительно доказать, что ложь есть истина, и силою ухищренных слов мнению слушателей дающих такое направление, какое им угодно, между тем как разны дела сами в себе, и какой-либо иной обманчивый призрак имеет видимость, причем представляемое ныне взору преобразуется так, что представлявшееся вчера явственным ныне делается скрытым и не таким уже оглашается, по новым в похвалу или порицание отзывам толпы, для которой, без сомнения, составляет удовольствие и наслаждение с любопытством доведываться о чужих делах, при удобном случае толковать о сем друг с другом и которая всегда бесполезное сие занятие вменяет себе в дело, потому что праздное время не всеми употребляется на должное.

Глава 13. Но как троякое есть поведение жизни – нестяжательность высшая, средняя и овеществившаяся, многостяжательная (сначала было оно одно, и Создателем узаконенное, и всеми равно принятое, не обремененное заботами и совершенно не привязанное к вещественному; и оное-то впоследствии рассекла на сии различные поведения человеческая воля, разноразделившаяся, смотря по тому, к чему возымела наклонность), то необходимо описать отличительное свойство каждого из сих поведений, показать, какая польза или какой вред последуют от сего избравшим для себя то или другое поведение и какие преимущества им принадлежат и даются узаконившим вначале одно поведение в жизни. Ибо оно, без сомнения, предпочтительнейшим других будет признано и крайне неблагодарными, потому что истина принудит их со стыдом признать достоинство, хотя делами своими выражают они противное, будучи уловлены обольстительностию приятного и не по рассудку делая выбор полезного.

Посему какая жизнь предписана была первозданному? Сказано: «Снеси траву сельную (см.: Быт. 1, 29)». Да не представит кто-либо против сего убедительными кажущихся ныне рассуждений, спрашивая: «Животному разумному прилично ли было пропитание по видимому скотское?» Ибо входить в пытливое о сем исследование препятствует достоинство Повелевшего. Но может быть, пропитание сие было более

полезно для человека и гораздо пригоднее к сохранению в созданных по образу Божию желаемой утонченности, при крайней изнеженности обременяющей мыслительную силу, омрачающей прозорливость и трезвенность рассудка. А что так было прежде, если взойдем в рассмотрение, основательно ли представляющееся нам, то доказательством служит и попечительность Сотворшего, Который имеет в виду всегда пользу сотворенного и самые уклонения наши к худшему по снисхождению направляет к полезному.

Ибо по преступлении и преслушании гордеца, как отверженного, не оставить без попечения о нем, но новым способом исправить первую погрешность, а потомкам, с неистовством впоследствии устремившимся к идолослужению, дозволить жертвоприношения, и по временам для каждого делать те и другие постановления, и неблагоприятные их стремления обращать к должному, подобно тому, кто пагубные пожелания своевольных больных умудряется направлять к их спасению, – есть дело высочайшего Промысла, снисходящего к немощи находящихся под Его смотрением и позволяющего все то, что настоящая сила в состоянии сделать пока на пользу.

Глава 14. Посему в самом начале, когда человеку невыносимо было пресыщение чрезвычайною честью и восторгался он непрекращающимся оным веселием, Сам Бог, по Своему благоизволению, приходил к нему для ежедневного собеседования, как к имевшему нужду в занятии при недостатке того, что могло бы наполнить для него праздное время. Дозволил же ему Бог свободное наслаждение всяким плодом райских растений, повелев воздерживаться только от одного не потому, что вкушение было ненавистно, но чтобы приобучить человека к благопокорности, между тем как не было другого вещества, пригодного для сего законоположения. Приобучить же к сему требовалось, чтобы имеющий власть над всеми прочими животными знал, что и сам он подлежит Закону и имеет заповедь как очевидный знак подчинения своего Давшему оную. Да и изринув его из первоначального состояния наслаждения, не соответственного утратившим в нем вкус, не оставил Бог без Своего о нем попечения, как непокорного, и преступившего заповедь не лишил вовсе Своей помощи, но снова узаконяет для него другой образ жизни, сообразный с его состоянием, не воспользовавшемся покоем, как было бы должно, повелев добывать пищу работою и трудом, потому что не умел постоянно пребывать в служении Богу и в собеседовании с Ним, имея свободное время и оставаясь праздным от телесных трудов.

Бог облакает его и в *кожаные ризы* (ср.: Быт. 3, 21), как прикрывая наготу, которая тогда только (а не прежде, когда человек был хранителем заповеди) оказалась исполненною стыда, так научая делом, хотя умолчал словом, какие должно употреблять одежды, а чрез сие удовлетворяющею нужде ризою сокращая нововведенную впоследствии роскошь одежд и не требующим нужды приготовлением сего одеяния предварительно осуждая водворяющуюся ныне суетность.

Глава 15. Посему какой же образ жизни приличен или полезен был человеку? Тот ли, который предписан ему в Законоположении? Или тот, на который осужден, когда презрел заповедь? Тот ли, когда мог пользоваться и наслаждаться созерцанием в раю и употреблением

различных растений? Или тот, когда, обременяемый трудами земледелия, в поте лица вкушал пищу? Тот ли, когда человек беззаботно брал плоды, какие хотел, и всюду пожинал рукою приятное, для потребного только в снедь утруждая себя, лишь протянув ее, не стоившее труда угощение предлагая пожеланию, удовлетворяя его, по мере хотения, теми яствами, какие возбуждали вожделение, и утоляя пищу, какую приготовила сама природа? Или тот, когда взял он в руки лопату, заступ, серп и плугом бороздит ту землю, которая незадолго до того сама собою произращала нужное, сеет, поливает, жнет, переносит снопы, молотит, растирает, веянием очищает уродившееся и после того, приготовляя из сего пищу, посредством жерновов приводит в движение зерно, мелет, смешивает муку с водою, печет на огне и таким образом добывает многотрудный хлеб?

Тот ли, когда слышал приятные Божии слова и при помощи слуха увеселял душу неизреченными глаголами? Или тот, когда уши его огласились беспокойными звуками мычания, блеяния и рева? Одно служит отличительным знаком нестяжательности, а другое – обильной всем жизни. Одно предписывается Божественными Законами, а другое делается по человеческим пожеланиям. Одно держится надеждою на Бога и всегда имеет от Бога подаваемое довольство, а другое устремляется к суете, колеблется и угрожает великою опасностью и весьма близко к неудаче.

Глава 16. Свидетель сему опыт и то, в чем ежедневно удостоверяется чувство, а именно что и казавшееся верным обманывало часто надежду, но никогда не оставляла без помощи попечительность Всеблагое. Ибо кому неизвестны утраты, сопровождающие земледелие? Кто не знает, сколько невзгод постигает плоды? Часто дожди, питающие их, причиняют также и вред; веяния неблагоприятных ветров или охлаждают, или опаляют сверх меры и тем губят их; сильный град побивает образовавшийся колос и зрелую уже жатву; от неумеренного дождя составившиеся потоки уносят и делают негодным собранный или приготовленный к молотбе урожай. Саранча, ржа, гусеница и многие другие насекомые умеют причинять великий вред. Не буду говорить о тле, зарождающейся в зерне в самых житницах и обращающей в ничто все тяжкие труды земледелия.

Кто же опять не научен временем, как все безопасно под Божиим Промыслом, как богочестивым без их труда подает Он, когда нужно, потребную пищу, между тем как богатые, употребив все средства к обилию яств, изнемогают от недостатка, как возложившим упование на Промысл, откуда угодно Ему, чудно устрояет Он готовую трапезу, иногда подавая из невозделанных облаков несеяный хлеб – манну в пустыне, иногда же изводя от моря перепелов и в другой раз из сухого камня источая жаждущим обильную воду, чтобы удовлетворить настоящей потребности в том и другом питании, и сухом и влажном, и чтобы различными снедями поддержать пожелание пищи, обыкновенно ослабляемое единообразием питания!

Глава 17. Кто настроил воронов во время голода дважды в день приносить пищу Илии? Кто соделал, что горсти муки, умножающейся в водоносе, было достаточно на столько времени? Как Елисей десятью хлебами насытил сто мужей, свидетелями насыщения употребив остатки? Или как еще варение в котле, горькое от ядовитой травы,

изменил в удобоснедное, чтобы удовлетворить тем потребности имевших тогда нужду в пище? У одних не было вола, ни земли для возделывания, ни прочих земледельческих орудий: и почему же всегда без недостатка выполнялась телесная потребность?

У других всегда есть все потребное к возделыванию земли и не оставляется в нерадении ничто из приносимого к произращению плодов человеческим старанием: и почему же остаются нуждающимися во многом всеми силами ухаживающие за посеянными и вовсе не получающие плодов от труда своего? Потому что исполнение надежды на Бога несомненно, а конец человеческого упования лжив; оно полагается на представляющееся основательным и справедливо обманывается в ожидании, необычайное признавая невозможным, а обычное признавая твердым, впоследствии же уверяясь опытом, что сомнительный, и возможный и невозможный¹⁶¹, успех имеет все, что кажется зависящим от нашей тщательности, несомненно же и необходимо обращается в пользу все, что приходит от Божией благодати, потому что токи Приснотекущего Источника – Промысла – обильны и неистощимы. Прекрасно изрек Господь, а согласно с Ним говорит и песнописец Давид. И Господь сказал: *Достоин бо есть делатель пищи своея* (Мф. 10, 10). Давид же говорит: *Богатии обнищаша и взалкаша: взыскающий же Господа не лишится всякого блага* (Пс. 33, 11).

А сим дают видеть, что посвящающие все время на служение Богу имеют готовое подаяние пищи как награду прежде награды высочайшей, прилично соответствующую пока делу и должную на служение телу. Ибо одна награда, соразмерная труду, сохраняется для души в будущем, а другая уделяется в пищу животной нашей части, которая содействует самой добродетели и споспешествует в богочестии, действительно уподобляясь животному подъяремному, несущему на себе тяжесть дела и имеющему нужду в попечении о нем, чтобы доставало у него сил на служение, пока под ярмом работает ту работу, на какую определено Создавшим.

Глава 18. Таковы преимущества первоначальной нестяжательности. Таковы залоги неразвлекаемой жизни. Таково поведение, приличествующее живому разумному существу, – проводить время в служении Богу и должное получать, как из сокровищницы, от Божия Промысла; надеяться на Божию попечительность, во всем пользоваться ее вспомоществованием, презирать земное и землю иметь данницею, приносящею блага свои для соразмерного наслаждения, ничего в мире не приобретать в собственность, а когда должно, со властью употреблять в дело мирские блага, искренно служить Создавшему и на нужды произвольною данью облагать тварь; здесь быть пресельником, а жилище избрать там, где действительно постоянное наше жительство; ничего пребывающего здесь не почитать важным, в великое же ставить то, что имеет отношение к будущему жребию.

Сию жизнь предписал Создатель человеку вначале, и сею жизнью, повинувшись Ему, жили все святые. Не было у них даже и малой какой-либо меры земли, приобретенной в собственность, и со всей земли собирали они дань, как владыки, получая от нее все необходимое, где

---

¹⁶¹ Слово *невозможный* дополнено по рукописи.

что случалось найти. Не были они знамениты у людей по богатству и владениям, но достоинством добродетели и у зверей вынуждали к себе уважение. Не было у них рабов для прислуги, истощающей все искусство – как изнежить тело, но в необходимой нужде услуживали им целые части творения. Не было у них в услужении вьючных животных для перенесения движимого имущества, но переносили сие в Ороны, еще скорее выполняя потребности их.

Глава 19. Чистотою жизни старались они сделаться друзьями Христу и с дерзновением распоряжались тварями Друга, как хотели, приказывали небу доставить пищу нуждающимся, и по сему повелению приносило им манну; в другое время, для вразумления неблагодарных, заключали небо, и оно три года и шесть месяцев удерживало стремящийся обыкновенно книзу¹⁶² дождь, ради повелевших неся с продолжением времени постепенно собравшееся бремя в чреватой бездне. Однажды и огонь одождило небо¹⁶³, получив повеление сжечь нескольких нечестивых, а в другой раз, метко ударяя, как из пращи метало град в других беззаконников и многим из них нанесло смерть, наученное сему мановением оных праведников. Повелели они земле разверзнуть великую пропасть и вместе с кущами и многочисленным стадом скота низвели мятежных в подземные бездны. Глубину морскую соделали твердым удобошественным путем и безводную землю наводнили для обильного пользования бывшею прежде в редкость водою. Переходили реки немокренною ногою, расхаживали в огненной печи и от огня не познали вреда, как с холодною водою, борясь телами с пламенем и удоборазрушимым препобедив разрушительное.

Предаваемы были на снадение ярости зверей и не испытывали их свирепости, – как укрощающими чарами, приводя их в кротость молитвою. Непроницаемую тьму озаряли столпом огненным, умеряли полуденный зной для путешествующих, приосенив облаком чистое небо, горькую воду, бывшую причиною бесплодия земли, делали иною, и удобопиемою для жаждущих, и годною к произращению плодов для получивших в удел страну ту. Бесплодным давали в дар рождение чад и, когда умирали рожденные ими, возвращали им детей живыми. Противостояли мучителям, окруженным великим множеством телохранителей, посмевались рядам ополчившихся, обращали в бегство вооруженные полчища врагов, хитро приготовленные засады злокозненных миновали, ничего не потерпев. Спасались из узилищ в отверстые для них невидимую силою двери, освобождались от уз по чудесном разрешении связующих их оков; угрозы убийством князей и ярость неистовой толпы всегда проходили для них безбедно, и вовсе не изведывали они никогда на опыте никакого вреда.

Глава 20. Все это, и еще большее сего, совершалось с оными праведными, потому что, освободившись от многосложных мирских забот, не преставали, ничем не развлекаясь, служить Богу и дерзновением своим пред Богом соделались столько досточтимыми для всякой твари, что могли повелевать ей. История Писания указывает, кто такие были они, и на своем месте делает известными имена из описания деяний, каждым чудом давая о каждом знать желающим приобрести сие сведение.

¹⁶² По рукописи читается: τὸν συνήθη μαίρασσαντα ἕτερόν.

¹⁶³ Вместо: πυκτός по рукописи читается: οὐρανός.

Теперь продолжительно, и вместе напрасно, было бы перечислять их, как уже известных из слова Божия даже и не весьма ревностным читателям Божественного Писания, но в изучении этом находящим наслаждение, а может быть, и средство к удалению от себя печальных мыслей. Ибо для тех, которые заботливо трудятся над делом, чтение бывает полезно и для умозрения, как занимая ум известными мыслями, то теми, то другими речениями руководя его к уразумению встречающегося, что всегда непосредственно следует за печалию о прошедшем и поддерживает оную, пока не выходит из мысли возбудившее сие, так обогащая любомудрием ежедневно преуспевающую душу и законно ведя ее к той же цели, к которой она стремится.

Глава 21. Но знаете нестяжателей и Нового Завета, Предтечу Христова Иоанна и весь в совокупности лик Апостолов, от которых получила начало монашеская жизнь; знаете, что Предтеча произвольно избрал для жительства пустыню, употребляя в пищу акриды и дикий мед и нося одежду, сделанную из верблюжьей шерсти; Апостолы же, повинуясь Господню совету, довольствовались одним хитом и пищею, какую где при времени находили, вовсе, как были научены этому, не имея у себя ничего, даже что особенно для многого нужно путникам: ни жезла, ни сумы, чтобы, подав как ни есть мысль, будто бы полагаются на них, не ослабить надежды на Бога тем, что, уповая на видимое¹⁶⁴, ни во что вменили Силу, содействующую невидимо, которая не препятствует промыслительной Своей благодати участвовать в том, что согласно с разумом и возможно, но хочет показывать оную обнаженною от всякого покрова и одинаково уделяемую на то, что справедливо и истинно, и при сем человеческую деятельность обращает на Себя и не позволяет увлекаться мыслию, будто бы к ограждению домостроительствуемого Ею содействуют Ей люди.

Но, говоря, что святые непрестанно заняты Божеством, не отверзаем мы двери праздности, как Аделфий Месопотамский и Александр, недавно смутивший царственный Константинополь, мнимое пребывание всегда в молитве обратили в прикрытие лености к делу и юным детям и мужам, находящимся еще в крепости телесных сил, обязанным изнурять оную многими трудами, узаконили, оставаясь в покое, ничего не делать, чем возбуждают в них страсти и помыслу дают волю доставлять им пищу, пока мнимая молитва, не будучи тем, чем называется, вовсе не погибнет.

Глава 22. Тревожное же воспоминание о плотских пожеланиях не только не попускает беседовать с Богом, но даже ум, по видимому молящийся, оскверняет мечтами гнусных помышлений. Хорошо пребывать непрестанно в молитве и ум упражнять в беседовании с Богом, но в такой мере, чтобы время мира не сделать временем брани и превышающею меру продолжительностию времени не дать в себя доступа враждебным страстям, которые имеют обычай нелепым понятиям отдавать в плен помыслы, как бы извлекая их из священного убежища молитвы и самовластно приводя к плотскому мудрованию тех, которые касаются уже помыслами всего, что мудрование сие возобладав принуждает говорить.

---

¹⁶⁴ Слова *упокая на видимое* дополнены по рукописи.

Посему кто из благомыслящих назовет молитвою сию борьбу взаимно противных и препирающихся помыслов, когда один противопоставляет другому, что ему кажется верным, а другой усиливается убедить в том, чего ему хочется, и каждый до явной победы противостоит другому, впрочем, не в рукопашном бою или отважной схватке (о, если бы так еще было! Ибо хорошо стоять и бороться с тем, что тревожит, и не давать себя влечь без противоречия, подобно невольникам)? Часто, отвлекаясь от слов молитвы, следуем за уводящими нас помыслами, не отрекаясь от них и не огорчаясь ими, что было бы признаком несогласия воли с внушающими недолжное. Хотя наружность показывает молитвенный вид, ибо, преклонив колена, смотрящим на нас кажемся молящимися, но мыслию представляем что-либо приятное, благосклонно разговариваем с друзьями, с гневом злословим врагов, пируем с гостями, строим дома родственникам, садим деревья, путешествуем, занимаемся торговлею, насильно бываем привлекаемы в священный сан, с великою осмотрительностью устроаем дела порученных нам церковей и большую часть всего этого перебираем в мыслях, на все, что ни подскажет помысел, соглашаясь так, как угодно страсти расположить к этому сердце наше.

Глава 23. Молитва же требует не сего, а чтобы ум был чист от всякого подобного помышления, не допускал до себя ничего, кроме предположенного, хотя бы то было и весьма досточестное, и не принимал ощущений чего-либо земного, но, как вдохновенный Богом и отрешившийся от обычного и любезного телу, благоговейно совершал собеседование там, где и предполагал занять себя.

И занятие сие пусть имеет такую меру, при какой упражнением снисканный навык может каждого приуготовить к тому, чтобы пребывать в занятии сем не развлекаясь. Посему да не вводят в обольщение простодушных, неопытных в деле молитвы и подвижничества и представлением важнейшего дела да не заставляют удерживаться от дела менее важного. Ибо у них главным образом, как видно, цель та, чтобы, не трудя своих рук, есть приготовленное другими, под досточестным предлогом занятия молитвою благовидно собирать нужное к упитанию тела, а не та, чтобы жить, как требует польза души и тела. Ибо, кто делит время на дело и на молитву, по удобству для того и другого, тот тело укрощает трудом и беспорядочные его стремления доводит до умеренности, а душу, трудящуюся вместе с телом и желающую покоя, к молитве, как делу более легкому, приводит уже готовою и цветущею силами, потому что душа чувствует облегчение, переменяя самое дело и переходя от одного к другому, между тем как теряет охоту к делу, долго занимаясь одним, обременяясь однообразием, рада же бывает разнообразию работы, как бы слагая с себя труд, который по видимому прекращает, и с новыми силами приступает к будущему труду как начинающая только.

Глава 24. А кто любит леность, тот праздностию питает страсти и пожеланиям дает время свободно устремляться к тому, к чему свойственно им, особенно же во время молитвы, когда ум бывает всецело обращен к тому, что беспокоит его, то самое перебирая в помыслах, что вселившаяся страсть, возбуждая постыдные мысли, внушает вместо того, чтобы собеседовать с Богом и просить у Него полезного, так что и слова молитвенные сближает с понятиями

порочными или нечистыми или с понятиями о том, к чему склонна страсть, овладевшая сердцем и сообщившая ему собственные свои качества.

И Павел, зная, что так бывает с подобными людьми, с ревностью нападает на праздность, в порядке представляя порождаемые ею худые следствия. Ибо говорит: *Повелеваем же вам, братие, и молим о имени Господа нашего Иисуса Христа, отлучатися вам от всякого брата безчинно ходяща, а не по преданию, еже прияша от нас: сами бо весте, како лепо есть (вам) подобитися нам: яко не безчинновахом у вас, ниже туне хлеб ядохом у кого, но в труде и подвиже ночь и день делаяще, да не отягчим ни когоже от вас: не яко не имамы власти, но да себе образ дамы вам, во еже уподобитися нам. Ибо егда бехом у вас, сие завещавахом вам, яко аще кто не хочет делати, ниже да яст. Слышим бо некия безчинно ходящия у вас, ничтоже делаящия, но лукавно обходящия: таковым запрещаем и молим о Господе нашем Иисусе Христе, да с безмолвием делаяще, свой хлеб ядят* (2 Сол. 3, 6–12).

Глава 25. Апостол многими указаниями усиливает строгость своего выговора. Ибо тем, что праздность назвал бесчинием, присовокупил к сему: не делающий *ниже да яст*, себя представил в образец и пример трудящегося над делом день и ночь (укоряет же не их одних, но в лице их и других и здравым велит удалиться от них, как от одержимых губительною болезнью), – выразил он великое и нетерпеливое негодование. Да и действительно, праздность для многих служит причиною многого худого, бездействием как умножая обычные уже пороки, так научая тем, которые пока не были еще обычными. Она – нововводительница и имеет великую способность обучать новым порокам.

И прекрасно Павел, и в приведенных словах, и в других многих, изображает ее гнусность, умоляет избегать ее, гневается, скорбит, делает выговоры и употребляет все искусство¹⁶⁵, чтобы, как он выражается, бесчинных убедить *с безмолвием* делать дело и ко внешним ходить *благообразно* (ср.: 1 Сол. 4, 11–12). Ибо знал, что дело есть якорь для мысли, дает ей безопасное направление. И если отовсюду приближаются бури и вихри, порывы ветров угрожают крушением, мысль стоит неуклонно, удерживаемая делом, как якорем, волнуемая несколько подъемлющимися ввысь помыслами, но не увлекаемая в опасность, потому что держащие ее узы крепче гонящих ее ветров.

Глава 26. Так под предлогом, что должно непрестанно пребывать в молитве, отказывающиеся от рукоделий не молятся, потому что мысль не может устремляться к вожделеваемому, не заносясь высоко, но, развлекаемые не в меру собственных сил многим таким, чем не следовало бы, упитывая тело, делают его надменным и неспособным к молитве тем самым, чем думают в праздности доставить душе свободу от забот, запутывая ее в лабиринте неисходных помыслов. Ибо тело, трудящееся над делом, удерживает при себе мысль, которая не меньше глаз должна наблюдать за тем, что делается, и содействовать телу для непогрешительности в действии, а покоящееся тело дает мысли свободу кружиться, потому что во время покоя возбуждаются страсти и при

---

¹⁶⁵ Вместо: *σχήσις* по рукописи читается: *τέχνην*.

каждом похотливом воспоминании увлекают мысль и овладевают ею, как пленницей.

Глава 27. Поэтому если ум, когда наблюдает он за делом, делает производство одного совершенным, а когда не наблюдает, оказывается оно погрешительным и далеко отстоящим от того, чем быть надлежало, то может ли быть усиленно и свободно от парения мыслей молитва, когда совершающий ее развлечен страстями и часто ниспадает из состояния, не говорю, совершенного исступления, но даже и внимательности к молитвенным словам? Ибо есть высшая молитва совершенных – некое восхищение ума, всецелое отрешение его от чувственного, когда неизглаголаннскими воздыханиями духа приближается он к Богу, Который видит расположение сердца, отверстое подобно исписанной книге и в безгласных образах выражающее волю свою. Так до *третьяго неба* восхищен был Павел и не знал, *еще в теле* был он, *еще ли вне тела* (ср.: 2 Кор. 12, 2).

Так в другое время, молясь во храме, он был *в изступлении* и чувством сердца (потому что телесный слух и другие чувства, по причине исступления, оставались в бездействии) слышал Господа, *глаголюща: изыди отсюда скоро, зане не примут свидетельства твоего, еже о Мне* (Деян. 22, 18). Так Петр, *взошедши на горницу помолитися*, увидел видение плащаницы, в которой были все звери, скоты, гады земные и птицы небесные (см.: Деян. 10, 9–12), показывающие собою различие человеческих состояний. Так показанный Богом Иову ястреб стоял, *распростер криле недвижимо, зря на юг* (Иов. 39, 26), давая разуместь наружным видом внимательность молящегося, а именем – священный ум его.

Глава 28. Но после первой есть вторая молитва, когда произносятся слова, а ум с умилением следует за оными и знает, к Кому обращает прошение. Молитва же, прерываемая помыслами и соединяемая с телесными заботами, далека от состояния молящегося. Ибо если сам молящийся не слышит себя, туда и сюда уносясь мыслию и не зная, какие произносит он слова, то будет ли Божественный слух внимать тому, чего по рассеянности не мог внять и сам он? У говоривших: *Вонми молению моему, внуши молитву мою* (Пс. 16, 1) и: *Да будут уши Твои внимлюще гласу моления моего* (Пс. 129, 2) весь ум тщательно был собран там и не разливался, на что обыкновенно разливается и рассеивается не владеющая собою мысль нерадивых.

Глава 29. Такова была нестяжательность святых, как незадолго прежде сего было сказано, и столько доставляла им выгод, указанных в своем месте. Но много имеет полезного и средняя после оной нестяжательность, как сообразная с временем и нуждами тела. Ибо если и невозможно ей состязаться о первенстве и похвалиться равночестием с преимущественным образом жизни, то ей принадлежит вторая степень чести; и не уступит она место третьему и четвертому чину живущих нерадивее, ибо не в такой мере не достигает совершенства, в какой преимуществоует пред другими различными родами жизни. Первые святые жили для одной души и для сотворившего ее Бога, ни во что ставя тело, почему и без попечения о нем при времени имели в благоприличии все потребное, не в житницы предварительно собираемое, но от Божией воли, как из сокровищницы, благовременно получаемое. Последовавшие же за ними святые,

заботясь о необходимом утешении тела и промышляя о том, чтобы оставленная в небрежении животная наша часть не разрушилась против воли Сочетавшего ее с нами, в такой мере употребляли руки свои на дело, в какой, по неизбежной необходимости, требовалось услуживать телу; большую же часть времени проводили в попечении о душе, в молитвах, в чтениях и должных занятиях, имея в виду, как и должно было, преуспевание в добрых делах.

Глава 30. Последние из сих, совершенно став плотию, всецело посвятили себя на служение земному кумиру: возделывают землю, откармливают скот, занимаются торговлею, упражняются во всяком промышленном искусстве, желая иметь уже не только достаточное для плотской жизни, но и то, что показывало бы их не меньшими пред отличающимися изобилием, чтобы и чрез это быть у всех на виду, и, как не приобрели себе славы житием в обществе, думают достигнуть знаменитости роскошью, и тем явно выставляют на позор свое безумие, предосудительное вменяя себе в похвалу и думая тем обратить на себя внимание и заслужить удивление, за что достойны они презрения и осмеяния.

Ибо как сообразное с каждым званием дает основательные поводы к одобрению, так не приличное званию, хотя в другом отношении оно и похвально, весьма предосудительно там, где оно не свойственно. Никто не хвалит мужа, убравшего волосы на голове золотом и драгоценными камнями; никто не одобряет женщину, одетую в плащ с пряжкой. То убранство, какое уделаила каждому природа, будучи заменено новым, делается предлогом к осмеянию.

Глава 31. Посему к которым же ближе средние из сопредельных с ними по ту и другую сторону? Конечно, к тем, к которым более приближаются делом и о сродстве с которыми провозглашают тем, что стараются быть с ними близкими по жизни. Ибо по тому, что составляют средний чин между теми и другими, не склонны уже одинаково к обоим и хотя они позади предшествующих, но, непосредственно за ними следуя и юношескою стопою идя по следам их, столько отстоят от последующих за ними, сколько бегущие постепенно удаляются от идущих шагом или от остающихся на одном месте. Ибо какое общение у имеющих много вещественного с нестяжательными? Какое согласие у мудрствующих плотское с мудрствующими духовное? Какая общая часть у замешанных в житейские дела с служащими беспечно Богу?

Одни апостольски оставляют все, что приобрели, как бы ни было оно мало, – другие приобретают то, чего и не имели. Одни пребывают на безмолвии, внутренне прилагая попечение о скромности и честности, – другие ведут все роды борьбы, сражаясь за деньги и имущество. Одни законно препираются с духами злобы за Небесные блага – другие за блага земные нападают на других владеющих ими, а равно и сами терпят от них нападения. У одних все время тратится на попечение о спасении души – у других целой жизни, употребляемой на многообразные заботы о теле, едва бывает на то достаточно. Одни, живя беззаботно, и взирающих на них располагают к благодарению, а другие делаются для них виновниками хулы, не делая ничего такого, что было бы достойно обета.

Глава 32. Одним говорит Павел: *Являетесь якоже светила в мире* (Флп. 2, 15), сияя, конечно, славою жизни и став для видящих виновниками доброго соревнования, а другим сказано: *Имя Мое вами хулится* (Рим. 2, 24), то есть вами, поступающими противно званию и носящими на себе наружность, противоречащую делам. Почему справедливо одни заслуживают удивление, а другие оплевание; одних ублажают, а других оплакивают; одни по правде любимы, а другие не несправедливою ненавистию ненавидимы. И кто по всей справедливости не возлюбит всецело отрешившегося от внешних мятежей и избравшего жизнь беззаботную и безмолвную? Кто с удивлением не возлюбит человека, который отвращается от поводов к ссорам по общим владениям и, по занятию тем же искусством, при запусении в доме остерегается и сделать, и потерпеть что-либо, преступающее меру, не беспокоит других и сам не беспокоится, никого не обижает, не хочет обижать и сам не может быть обижен, ибо на первое по произволению не решается, хотя и мог бы, а последнее невозможно, потому что не имеет у себя ничего такого, в чем бы мог потерпеть обиду.

Глава 33. Какое же слово не возгнушается тем, кто говорит, что отрекся от житейского, – и предан его развлечениям? Хвалится, что презрел мир, – и до неистовства предан мирским делам? Обещается не обращать и внимания на земное – а делами доказывает лживость обещания? Решился, как говорит, посмеяться тому, что у людей почитается великолепием, – и старается об этом больше других людей? Утверждает, что простился с суетою, – и не расстаётся с нею? Признает, что самоотвержение есть крест и смерть, – и не показывает в себе ни одного признака самоумерщвления? Исшел ты, человек, из Египта: что же после сего общего у тебя с плинфodelанием? Шествуешь пустынею, поспешая к земле обетования: для чего же медлишь, занимаясь суетными работами, став медлительным путником в дальнем странствовании? Великой тщательности требует предлежащий тебе путь – не блуждай по распутиям, чтобы не остаться не достигшим упокоения. Возложил ты руку на рукоять рала: для чего же обращаешься вспять, не соделавшись управляемым в Царство Небесное? Позади себя оставил ты запаление пятиградия, для чего же озираешься, желая увидеть совершающееся там?

Глава 34. Взял ты крест – последуй за Христом, оставив все: отца, корабль, сети и орудия всякого искусства, а с ними и всякую родственную связь и память, потому что Христос, с Которым ты сочетался, желает быть любим более всего этого. С Ним ты умер, с Ним погребен в блаженном гробе бесстрастия: для чего же снова даешь место страстям, свойственным для людей еще живых, прилагая много забот о похотях плоти?

Немногого утешения требует тело – попейся о сем утешении, потому что до времени связан ты с телом, чтобы и его иметь содейственником в делании добродетели и чтобы не встретило препятствия преуспеяние души, желающей в короткое время приобрести все и едва сподобившейся немногого для нужд своих. А кто имеет радение о волах, ежедневно пересчитывает стада овец, непрестанно ухаживает за виноградниками, рощами, нивами и садами, так что и продолжения дня недостаточно ему для сих работ, тот – где и

когда будет иметь время вспомнить о Боге? Когда ему заняться псалмопением? Когда помолиться? Какое время посвятить упражнению себя в нравственном, естественном и богословском умозрении?

А если и найдет возможность изредка делать это между многих дел, то как принесет он Владыке чистое моление, когда мысль его не отрешена от того, о чем имеет он много заботы и попечения? Как последует за движениями страстей, чтобы узнать вчерашнюю и сегодняшнюю разность в перемене на лучшее или худшее? Как отыщет соплетения помыслов, которые многообразно одни другими заменяются и самое наблюдение делают трудным?

Глава 35. Людям гнусного поведения предпочитают честные, сребролюбцам – по видимому сострадательные и милостивые, злопамятным – обещающие исправить возбуждающее в них причины к печали, тщеславным и гордым – дающие обет совершенства добродетели; и вообще пред всеми порочными берут преимущество кажущиеся ведущими себя благоприлично и призраком привлекающего к себе любовь доброго поведения обольщающие неопытных в таком обмане, а впоследствии выдающие себя изменившимися в нечто противоположное, едва уже способными или и вовсе неспособными исправить обольщение, потому что ум, настроенный своими прежними умствованиями, хотя и чувствует заблуждение, но с трудом оставляет оное, увлекаясь более усладительностью приятного, нежели сколько старается он избегать вреда от того, что не полезно. А если сие так и столько потребно тщания, то останется ли уже удобное время сверх должных дел на дела пустые?

Или не примечаешь, как сокрушают тебя днем дела, а ночью памятование о них, самое время отдыха делая временем мучений? Ибо тогда память, приводя на мысль, кто нарушил между, кто причинил вред плодам, кто преградил водотечи для орошения, кто потравил пастбище, кто делает или сделал другую какую-либо обиду, и о каждом, как он упорствует и спорит, приводит тем в неистовство, раздражительную силу души возбуждая к мщению, не дает же времени на сон и покой, а также и на молитву, которая требует великого повсюду безмолвия и долгого свободного времени, доставляющего отчасти и освобождение от всех попечений.

Глава 36. Ибо что говорит Павел? *Хочу же вас безпечальных быти.* И присовокупляет: *Не оженившийся печется о Господних, како угодити Господеви: а оженившийся печется о мирских, како угодити жене* (1 Кор. 7, 32–33). Посему если невозможно служить Богу без печали, то почему не женятся и не берут на себя этого бремени не имеющие попечения о том, как угодить Господу? Ибо ничем не отличаются от женившихся, подобно им заботясь о мирском и не одинаковое с ними порицание заслуживая в этом, но делаясь достойными гораздо большего осуждения. Женившимся хотя несколько извинений уделил Екклесиаст, как принявшим на себя бремя суетных трудов, чтобы доставить хотя малое утешение в жизни детям, которых, может быть, постигнет преждевременное сиротство, и чтобы они, не имея у себя, может быть, и попечителей, и угнетаемые скудостью в необходимом, не терпели отовсюду всякой скорби, во всем притесняемые. А последних обвинил он в явном безумии, сказав: *Есть един, и несть второго, ни сына, ниже брата несть ему* (Еккл. 4, 8). И кому он трудится на ветер? (Еккл. 5, 15).

И весьма справедливо укоряет он такового, потому что, не имея наследников, желание приобретать для которых имеет еще, может быть, благовидное извинение, не пользуется покоем своим, как должно, чтобы время, утрачиваемое многими, сделать для себя полезным, употребив на приобретение благ душевных.

Ужели, слыша: *Не пецытесь душою вашею, что ясте, или что пиете или во что облечетесь* (Мф. 6, 25), колеблется он, по маловерию сомневаясь, будет ли или не будет потребное у служащего Богу? Почему не держится он сего правила: *Имеюще же пищу и одеяние, сими довольни будем* (1 Тим. 6, 8) и тех трудов, какие пекущимися о мире сеются в дела плотские, не сеет на духовных нивах, чтобы пожать в них Вечную Жизнь? Напротив того, весь он предался земному, над земным мучится все время и всеми силами, употребляя на то весь досуг, какой имеет и какого потребует телесная потребность, если обратит внимание на необходимое для тела, а не разольется от роскоши в море удовольствий.

Глава 37. Ибо если, по слову Павлову, *должни есмы не плоти, еже по плоти жити* (Рим. 8, 12), то почему, служа ей чем-либо малым и яствами, какие случатся, отдавая должное, чтобы не тревожила, не живем для души духом, все делая для того, чему необходимо обязаны деланием, и притом единственным, не утрачивающимся вместе с уметами, разлагаемыми во чреве при пищеварении? Прекрасно, осуждая того, кто оставил возделывание души и прилагает великое попечение о земле, говорит Соломон: «Оставил пути виноградаря своего, блуждает же по стезям нивы своей, ходит по безводным местам в пустыне, по земле протяженной в стране жаждущей, собирает руками бесплодие».

Ибо попечение о телесном сверх потребности действительно есть заблуждение и хождение не путем, которое заставляет скитаться по непроходимым пустыням и концом трудов имеет бесплодие, так как труды сии нимало не полезны для Жизни Будущей. И некто из Пророков, оплакивая это, громко взывает, говоря: *Горе умножающему себе не сущая его и отягчающему уз у свою тягце* (Авв. 2, 6), а сим подтверждает, что все не споспешествующее добродетели есть чуждое бремя для трудящегося о том, чтобы отвратить старание от суетного и обратить оное к полезному, чтобы делающий в труде имел свое приобретение, собираемое им на Небесах для продолжительного и нескончаемого наслаждения, и чтобы, когда у суетно трудившихся недостает потребного даже до капли холодной воды, тогда ему веселиться в обилии, с великим торжеством наслаждаясь благами, какие предпослал и принес с собою, быв разумным домостроителем трудов своих. Божественные Законы требуют, чтобы мы были образцами для других людей и неукоризненностию жизни указывали всем непреткновенный путь.

Посему каким образцом стали мы для них, паче их самих прилагая старание о суетном? Как будем для них и непреткновенными, больше их держась того, что научены пренебрегать и с чем по видимому сами соглашаемся, а таким образом полагая им преткновения и тысячи ежедневных соблазнов, ибо рассуждают они, что действительно вожделенно то, о чем мы прилагаем старание, и что соревнование об этом нисколько не вредит богочестию.

Глава 38. Худые дела почитаемых людьми более честными делаются достойными подражания¹⁶⁶ как для всех, так, особенно, для простодушных – без всякого их о том размышления. «Такие люди, – говорят они, – не отважились бы на это, если бы оно было, как другие думают, действительно худо». Посему великий Павел, когда, дав правила для добродетельной жизни и укоряя небрежущих о вреде, причиняемом простодушным, говорит: *Аще бо кто видит тя, имуща разум, в требищи возлежаща, не совесть ли его немощна сущи созиждется идоложертвенная ясти?* (1 Кор. 8, 10), прекрасно одним сим обвинением не дозволяет равнодушия в каком бы то ни было деле и показывает, что делаемое людьми, которые почитаются лучше других знающими полезное, легко приводит к подражанию людей простых, которые признают это созиданием, а не разорением доброго. Сие и дал разуметь Апостол словом *созиждется*, то есть почтет преуспеянием и улучшением подражание тому, что видел.

Ибо, говоря: «*Созидайте кийждо* (1 Сол. 5, 11) друг друга», дает закон о взаимной обязанности друг к другу: каждому, делая доброе, к деланию сего побуждать и другого, став для него примером к усовершению себя в частных обстоятельствах. Каких же *жерновов оселских* и каких *пучин морских* (ср.: Мф. 18, 6) в наказание свое достойны сделавшиеся таковыми виновниками таковых соблазнов для людей простодушных и тех, которые сами склонны более довольствоваться малым, поощряющие к многостязательности своею ссорливостию и с ними, и с избирающими для себя явно бесполезное? Ибо сказано: *Ревность мужа от подруга своего* (Еккл. 4, 4), который в хорошем и в дурном одинаково хочет превзойти ближнего.

Ибо таковая ревность понуждает одерживать победу над состязавшимся в каком бы то ни было деле, признавая не столько опасным несправедливо взять над кем-либо верх, сколько постыдным и укоризненным справедливо быть побежденным. Лучше же сказать, все знают это по опыту, что в рассуждении полезного спора не бывает и ревность слаба, а если кем, или ненамеренно, или с намерением, сделано что-либо бесполезное, то и ревность готова, и подражание неудержимо: всякий почитает для себя оправданием идти по следам предшествовавших и вину приписывает начавшим, а не уловленным их примером.

Глава 39. И на сие самое, может быть, указывает один из Пророков, когда вопрошает древний народ и ответом их подтверждает истину вопроса¹⁶⁷, говоря: *Аще мясо свято коснется ризы или варива, еда освятится? И отвещаша: ни. И рече: аще прикоснется оскверненный душею всякому сих, еда осквернится? И реша: осквернится* (ср.: Агг. 2, 13–14). И сим ответом дал видеть, что зрители скорее отпечатлевают в себе образцы худого, нежели доброго, имеют более склонности подражать первым, нежели последним, худую привычкою научившись вредное предпочитать полезному. И как сии небрежные не убоялись страшных угроз за соблазняемых, неразумно уготовляя себе в будущем сугубое наказание и за то, что лучшему предпочли худшее, и за то, что стали для других поводом к деланию зла, великим пристрастием к

¹⁶⁶ По рукописи не читается союз: οὐ перед словом: ζηλότα.

¹⁶⁷ Вместо: του πταίσματος по рукописи читается: του πύσματος.

суетному в наклонных к тому же воспламеняя ненасытимые пожелания к приобретению большего.

И некоторые из иудеев, хотя Закон не требовал нестяжательности, возлюбили ее произвольно и восхотели беспечно служить Богу, живя в кущах и воздерживаясь от всего, что могло отвлечь ум от лучшего, как говорили сами они спрашивавшим их и желавшим узнать этот новый образ жизни: *Винограда и нивы и дома не бысть нам* (Иер. 35, 9), ибо знали они, что попечение об этом препятствует упражнению в благочестии. Да и немалое число эллинских философов показали такую нестяжательность, что, наподобие псов, жили не под кровлей и пищу принимали, когда случалось и какую только могли найти: так казалось им, что и для пустого умозрения нужно иметь чистое разумение, не тревожа себя какими-либо заботами о житейских делах. И один из них, не имевший у себя ничего, кроме чаши, из которой принимал и пищу и питье, когда увидел, что дети пастухов подносят ко рту воду горстями, бросил чашу и сказал: «Узнал я, дети, что доньше было скрыто от меня, узнал совершенство нестяжательности» – и с благодарностию признался, что детям обязан он тем, чего философия не доставила к его совершенству. Так, может быть, у него было в намерении сложить с себя и тело, если бы это было возможно, а с ним совлечься и всякого житейского попечения и жить обнаженною от всего душою без плотских нечистот, посвятив себя превозделенной и ненасытимой любви к философии.

Глава 40. А мы, которые всегда слышим оглашающих нас о сем и Господа, и Апостолов, поелику доньше не усрамились их Божественных внушений и сами собою не подвиглись на добро, устыдимся, по крайней мере, сих язычников, своею нестяжательностию укоряющих нас в многостяжании, ибо укорять нас прилично тем, которыми должны мы быть уважаемы за досточестность жития. И мы, первенствуя пред ними в догматах, не должны быть вторыми по жизни, чтобы, ведя себя хуже эллинов, не побудить их к хуле имени Господня, на нас призванного, потому что дела наши чужды и противны тому, что повелено нам делать. Знаю, что сказанное поразительно для читателей, но только для тех, на которых не падает укоризна, а не для вас, к которым идет слово.

Ибо уверен я, что и сии обличения не уцеломудрят страждущих неисцельно и если к приведению их в чувство сказать нечто и еще более жесткое, то не исправятся они в своем недостатке, однажды навсегда отложив стыд и не краснея более, когда грешат, потому что и примером муравья, по слову премудрого Соломона, не пристыжен ленивый, чтобы двинуть ему руки и усрамиться предосудительной праздности.

Глава 41. Ибо трудно избавиться от страсти, которую долгое время питаем в себе, и оставить навек, усиленный¹⁶⁸ долговременною привычкою, если не употребит великого старания об исправлении худого нрава, кто держится оно, как связанный неразрешимыми узами (хотя и мог бы освободиться от того), так что иногда, как привязанный, необходимо увлекается назад, удерживаемый воспоминанием о том, где был прежде, и невольно возвращаемый часто к тому, от чего старается бежать. Ибо и ленивому громогласно взывает Соломон: *Иди ко мравью, о, лениве, и поревнуй видеви пути его* (Притч.

¹⁶⁸ Вместо: μακρυνθείσας по рукописи читается: кратυνθείσας.

6, 6). И давшим обет монашеской жизни, но опутанным еще житейскими потребностями говорит Господь: *Воззрите на птицы небесныя, яко не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы, и Отец ваш Небесный питает их* (Мф. 6, 26).

И сии последние не оставили попечения о земле, как повелено им было, и первый не вынул рук из недра, изнурительную скудость предпочитая сытости, требующей кратковременного труда. Так преобладаемый привычным ему неудобопреклонен к необычному, любит лучше оставаться в том состоянии, в каком был (хотя сознает, что это бесполезно), нежели перейти в состояние непривычное, хотя бы польза этого была явна и очевидна.

Глава 42. Но вы, други Христовы и попечительные хранители Христовых Законов, приносите Господу двойной динарий заповедей: к чему обязаны повелением, по произволению делаете к этому щедрое присовокупление, по свободе сердца простираетесь далее предписанного рабам для неотложного делания. Вы вступили в единое житие со Христом, на горе тайноводствованы догматами высокого любомудрия и делами доказываете несомненность преподанного вам. Вы следуете по стопам апостольским, работаете, чтобы не обременить кого-либо, но столько занимаетесь работою, чтобы времени, потребного на нужнейшее делание, не истратить на менее важное: прекрасно делите время на частную потребность тела и на великое попечение о душе. Ибо раздел этот поистине приличен правде: уделять не всем в равной мере, но каждому по достоинству; и служанке подавать должное соразмерно, а госпоже, как действительной владетельнице, которая должна пользоваться великою честью, предоставлять все. Вы мужественно и великодушно воинствуете со Христом, не обязуясь *куплями житейскими* для угождения *воеводе* (2 Тим. 2, 4).

Вы законно подвизаетесь и, как умашенные, угладив себя нестяжательностию, не даетесь в руки сопротивникам, потому что не имеете у себя ничего, за что ухватив, причинили бы они вам вред¹⁶⁹ или низложили на поприще, овладев вами с помощью страсти любостязательности, как египтянка, ухватившаяся за ризу Иосифа, чего не могла бы она сделать, если бы Иосиф был так обнажен, как борец, действительно готовый к подвигу. Но и в этом случае, хотя взялась за ризу, не достигла она желаемого, потому что борец совлек с себя то, за что удерживаемый привлекаем был насильно, и после опыта дознал, что живущему вместе со страстями должно с самого начала быть обнаженным и борющемся с ними первоначально вступать в борьбу таким, каким бежал он впоследствии, то есть отрешившимся от заботы и попечения о всем чувственном, ибо ими побеждаются намеревающиеся противиться страстям и лишаемые бодрости печалию, привязанные к деньгам и имуществам и неудовольствиями, какие встречаются при сем, пользующиеся не как должно.

Глава 43. Но вы свободны от таковых уз, подобно упоминаемому у Иова дикому ослу, пущенному в пустыню, который смеется *многу народу, стужания же даннического* (Иов. 39, 7) не слышит. Вы избавлены и от заботы об имуществе и от доуки собирателей дани, *ничтоже имуще* в обладании и *вся содержаще* (2 Кор. 6, 10) во власти. Вы, по слову Господню, не имеете у себя и другой ризы (см.: Мф. 10,

¹⁶⁹ По рукописи читается: λυπήσουσι ζημίᾱ.

10), а облеклись во Христа, Который не допускает до вас никакого извне происходящего вреда.

Вы по нужде тела ходите по земле, а мыслию живете на Небе. Вы усердно поспешаете *к почести звания* и со скоростью птиц совершаете течение благочестия. Всю тяжесть мирской попечительности стряхнули вы с душевных рамен, проворно перескочили чрез соблазны, препятствующие преуспеянию, и тот образ жизни, какой наследовали от предшественников, если изменили, то на более ревностный (чтобы и вам, как трудившимся вместе с предшественниками, иметь некую похвалу за строгость жития), но не на беспечнейший. Вы как по добродетели признаетесь истинными чадами отцов, так и по различию дел не почитаетесь подложными.

Ибо немалое бесчестие потомкам, когда хвалятся родством с предками и не удостоверяют в этой близости нравами. Как черты лица и другие телесные признаки сходством своим показывают, кто чей сын или отец, так образ жизни дает видеть, кто чей ученик или знакомый, объясняя словом, кто учил умозрению, а делами – кто деятельности. Но к чему представляем в пример отношения перстные для тех, которые выше телесных примеров, желая весьма малым означить чрезвычайно великое, и одушевленные образы приравниваем к очертаниям, которых нельзя назвать и изображениями, потому что не уяснены они красками? Вы ученики Христовы и сыны Вечного Отца. Ибо так Господь называет вас братьями, говоря: *Иже бо аще сотворит волю Отца Моего, Иже есть на Небесех, той брат Мой, и сестра, и мати есть* (Мф. 12, 50), именует и сынами Отца Своего, когда говорит: *Не пецытесь, что ясте, или что пиете: вестъ бо Отец ваш Небесный, яко требуете сих всех* (Мф. 6, 25, 32).

И как составляется родство сие и совершается присвоение, научает Господь, подавая способы желающим достигнуть одного благородства и решающимся из рабства перейти в сыноположение, когда говорит: *Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем* (Мф. 11, 29); и еще: *Будите убо милосерди, якоже и Отец ваш Небесный* (ср.: Лк. 6, 36); и: «Будьте благоутробны, как Отец ваш, и во всем *будите убо вы совершени, якоже Отец ваш Небесный совершен есть* (Мф. 5, 48)».

Глава 44. Посему, так как для уподобления предлагается естество Божие, какая необходимость смотреть на человеческие усилия и любопытствовать, кто, как и сколько преуспел в добре и как другие, будучи уловлены мирскими приятностями, погрязают в суетных развлечениях, а не то одно иметь в виду, как можно во всем уподобляться Богу и как пребывать в оном совершенстве, какими трудами возратить первобытное достоинство природы, соделавшись свыше данным отпечатком первообразного лика и упражнением в добродетели приобретенный навык соделав, как природу, недоступным изменению в противное? Поэтому какого времени достаточно нам будет для уподобления естеству Божию, какая сила послужит к тому, чтобы приуготовить образы Божия подобия? Как и когда будем всем тем, что есть Божие? Ибо, конечно, уподобление возможно, потому что заповедал сие Тот, Кто знает силу каждого.

Но едва и тот, кто начал с детства и во все возрасты до последней старости употреблял неослабное попечение, отпечатлеет в себе первообразную добродетель: какое же усилие потребно нерадевавшему о

сем в прошедшие годы? Какое нужно усердие, чтобы в короткое время успеть в том, в чем с трудом приобретается успех в продолжение целой жизни? Конечно, трудность дела не делает его невозможным и позднее начатие не предполагает, что совершение для начинающего сомнительно или безнадежно, потому что решимость воли для приведения к окончанию преднамеренного имеет и сокращенный путь, скорее совершая предположенное, когда ускоряется усердием, и дело, требующее продолжительного времени, оканчивает в несоразмерный ему срок. Ручающимися в этом свидетелями – делатели виноградника, которые пришли в одиннадцатый час, и сделали то же, что и палимые зноем от утра до вечера, и краткий срок не был для них препятствием к тому, чтобы сравняться с предварившими. Ибо такова нерадивость и такова попечительность. Первая при большей свободе совершает малое и недостойное внимания, а последняя и в короткое время успевает сделать великое, тщательностию оставляя позади медлительность нерадивых.

Глава 45. Для того и сотворены мы по образу Божию, чтобы сохранять черты оных свойств и отличным житием взирающим на нас представлять в себе ясные признаки богоподобия. «Я, – говорит Бог, – щедр и милостив, долготерпелив и многомилостив (ср.: Иоил. 2, 13) и соблюдаю правду». Такими красками описывается образ богоподобия; вот черты бесплотного лика; по оным познается душа как сродственная с Божеством, по любви к Нему ревнующая о полноте совершенной чистоты, но воспрещаемая в том узами, связующими ее с телом; впрочем, и при малом недостатке вопиющая, что желает не иметь ни в чем недостатка, на что и представляет ясное доказательство, в том, что пока достижимо для нее, давая видеть, как вожделеет недостижимого, и тем, что желает освободиться от естественных нужд, показывая, с каким вожделением и с каким желанием преуспевала она в возможном для нее: в благодати, долготерпении, доброте и человеколюбии, тщательно приобретши все, чем отличается естество Божественное; и, где не было никакого препятствия, там охотно пользовалась властью и с великим удобством простиралась ко всему, до чего только могли довести данные ей силы.

Почему, как почтенная Божиим образом, по Давидову слову, *малым чим* умалена от Ангел (Пс. 8, 6), потому что, как сопряженная с перстным телом, хотя ненадолго принуждена бывает, по неизбежной потребности, тратить время на удовлетворение нужд телесных, однако же всегда и всецело желает заботиться о лучшем и там жить умозрением, где имеет чистое веселие, не возмущаемое памятованием чего-либо неприятного. Ибо, кто убегает народных мятежей и отказывается тревожить себя обременительными делами, уклоняется от сообщества с людьми легкомысленными и необстоятельными, а дома большую часть времени проводит безмолвно в молитвах и изучении словес Божиих, при редких же выходах из дома виден степенным, скромным, невозмутимым, сострадательным, братолюбивым, такого кто не назовет подлинно Божиим ревнителем, образом и подобием, озаряющим Божественными лучами Божией благодати и осиявающим свое уподобление добродетелями, как бы привлекательными какими цветами?

Глава 46. Сей-то образ обновляя Господь и к сему уподоблению призывая учеников Своих, научая также, как чрез уподобление можно соделаться Богом, сказал, как упомянуто выше: *Будите убо милосерди, якоже и Отец ваш Небесный милосерд есть* (ср.: Лк. 6, 36), независтно обещая равночестие желающим возвыситься до таковой чести, потому что Божество действительно чисто от зависти, как и от всякой другой страсти, любит помогающих одной с Ним славы. Поелику не умаляется общением оной с другими, то не имеет ненависти к соделывающимся по своей тщательности тем же, чем Оно есть по естеству, всегда пребывая непреложным и неизменяемым и желая, чтобы все пришли в непреложность, снискав ее навыком. Люди, имея и соответственную и несоответственную им честь, не без причины завидуют благоуспешности других, подозревая, что в том самом, чем славятся, будут превзойдены другими, и боясь успеха тех, которые из низкого состояния приближаются к равной чести с ними, чтобы не оказаться низшими их, завидуют им, справедливо, как думают, желая быть во всем всех лучшими и по славолوبию совершенно не терпя, чтобы кто-нибудь был выше их.

Но Бог, имея собственно Ему принадлежащую Славу, небоязненно сообщает ее всем, не терпя от этого ничего для Себя оскорбительного. Прилежное обучение никогда не берет преимущества над природою, хотя обращается в навык при многом упражнении, не лишает природу первенства, хотя по видимому отличается на втором месте, и собственное свое преуспевание дает видеть, и не превозносится пред имеющим преимущество, удерживает за собою уступленную ему честь и не присвоит себе чести превосходящей. Так и Павел, последуя словам Господним, в тех же отличительных чертах представляя в каждом образ Божий, определяет оный неизменяемостью подобия.

Ибо говорит: *Бывайте убо подражатели Богу* (Еф. 5, 1) – и показывает способ, как преуспеть в этом, говоря: *Бывайте же друг ко другу блази, милосерди, прощающе друг другу* (Еф. 4, 32), *аще кто на кого имать поречение: якоже и Христос простил есть нам* (ср.: Кол. 3, 13); еще: *Облецытесь убо якоже избранныи Божии, святы и возлюбленни, во утробы щедрот, благодать, смиренномудрие, кротость (и) долготерпение* (Кол. 3, 12). Так желает Апостол, чтобы украшались мы сими преимуществами, какими, как человеколюбивый, сияет Божий Образ (см.: Флп. 2, 6).

Глава 47. Вот отличительные черты Бога и человека ревнующего об уподоблении Богу: скромность, незлобие, негневливость, независтливость, благотворительность, сострадательность, непамятозлобие, добротолубие, доброта, равночестие, соблюдение пользы других, общительность, попечительность, негорделивость – короче сказать, все, в чем обилие благодати являет Бог, Который *сияет солнце на злыя и благия и дождит на праведныя и неправедныя* (ср.: Мф. 5, 45).

По сим чертам познается старающийся быть подражателем Богу, в благотворении пребывает он для всех равен, и для друзей, и для расположенных неприязненно: терпит ли зло, воздаст за зло добром и обижающих пристыжает не только тем, что великодушно переносит дерзости, но и тем, что всякое добро, какое только может, оказывает им от полноты сердца. Ибо невозможно человеку от долгого пребывания во

зле сделаться столько во всем чуждым и далеким от природы человеческой, чтобы не устыдиться того, кто за претерпенное им мог воздать равным и воспользовался своею силою на добро, и чтобы, не краснея за сделанные обиды, принимать от обиженного милости, как от одолженного, и не порицать себя по всей справедливости за злобу свою, и также не удивляться с полным убеждением любомудрию того, кто примером своим обязывает его оставить злобу и обратиться к познанному опытом добру, а к злоумышляющим против него самому, конечно, сделаться таковым же, каковым был к нему подвергавшийся его козням и благодеяниями злобу его побудивший к примирению.

И хотя Павлу достаточно было сего, чтобы благопокорных научить целомудренной жизни, однако же зная, что иные с трудом приводятся к тому, многими другими внушениями покусается он искусно отвлечь нас от суеты, приводя к соблюдению Закона похвальными именованиями: то говорит: *Храм Божий есте* (1 Кор. 3, 16); то: *Якоже чада света ходите* (Еф. 5, 8); и еще: *Достойне благовествованию Христову жителствуйте* (Флп. 1, 27); и также: *Телеса ваша удове Христовы суть* (1 Кор. 6, 15); в одном месте называет нас *святыми и непорочными* (ср.: Еф. 1, 4), а в другом *неповинными и целыми чадами Божиими и непорочными* (ср.: Флп. 2, 15), как об имеющемся в нас свидетельствуя о том, чего нет еще в нас и что должны мы приобрести, чтобы не обратились нам в укоризну ложные похвалы, но чтобы радоваться нам, когда именуют таковыми, каковы мы по делам, сознавая в совести, что это истинное свидетельство, а не осмеяние. Апостол вслед за сим, много заботясь и прилагая попечение о нашем преуспевании, чтобы всеми мерами привести нас *в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова* (Еф. 4, 13), повсюду приводит в движение все способы, не оставляя ничего, к сему споспешествующего.

Глава 48. И во-первых, требует, чтобы мы умерли и распялись для мира, нимало не ощущая ни наслаждений, ни скорбей мирских, так как, по словам его, *преходит бо образ мира сего* (1 Кор. 7, 31) и, как образ, мало печалит, а также мимоходом мало и ненадолго веселит, по краткой продолжительности не производит ощущения того и другого, приходит с самым быстрым стремлением и по скорости не оставляет в душе даже следа памяти. Посему говорит Апостол: *Умросте миру, и живот ваш сокровен есть со Христом в Бозе* (ср.: Кол. 3, 3), зная, что после сказанной им смерти есть другая жизнь, которою живут совосстающие со Христом, горнее взыскующие и горняя мудрствующие, умершие *от стихий мира*, а не живущие еще по оным, подобно тем, которых Павел упрекает, говоря: *Аще убо умросте от стихий мира, почто аки живуще в мире стяжаетесь? Не коснися, ниже вкуси, ниже осяжи, ибо вся во истление употреблением* (Кол. 2, 20–22) в тех, в ком смертью прекращено стремление к сему пожеланию. «Но представляйте себе, – говорит он, – *Богви яко от мертвых живых* (Рим. 6, 13)», желая отчасти, чтобы мы умерли именно тому, чем в действие приводятся страсти плоти, похотствующей на духа, отчасти же повелевая жить тому, чем совершаются дела добродетели в благоугождение Богу.

Посему-то и жертвою живою именует умертвивших *уды, яже на земли* (ср.: Кол. 3, 5) и ходящих *во обновлении жизни* (Рим. 6, 4), не к худому движимых, по жертвенном умерщвлении бывшей на то силы, и

не праздными пребывающих для добрых дел, потому что, будучи жертвою живою, не утратили в себе силы делать полезное с силою делать ненадлежащее, но как цветущею и юною пользуются ею против враждебного издавна мудрования плоти, не увлекаемые уже сими неразумными пожеланиями, так как совершенно перешли из телесной жизни в духовную и живут не плотию, но духом.

Глава 49. Им-то, вероятно, и сказал Апостол: *Несте во плоти, но в душе* (Рим. 8, 9), им, которые были обложены телесным бременем, но нимало не были уже им тревожимы, потому что не царствовал грех в мертвенном теле их и не понуждал уже насильственно слушаться собственных повелений того, кто противовоюет закону ума, живет в членах немощного, чтобы пленить их законом греха, но сам пленяется в послушание заповедям Христовым и рабски уступает лучшим законам, которыми велит Павел соуслаждаться по внутреннему человеку, *в готовности имуще отмстити всяко преслушание* (2 Кор. 10, 6); и, в чем, некогда обольщенный, пал, в том обещая с рачительностью впоследствии возобновить борьбу, трудами, подъятыми ради добродетели, соделав с телом то, что, уловленный приятным, потерпел от него.

Какое же это отмщение и как совершается, Апостол учит сему в Послании к римлянам, где говорит: *Якоже бо представите уды ваша рабы нечистоте и беззаконию в беззаконие, тако ныне представите уды ваша рабы правде во святыню* (Рим. 6, 19). Какой же это труд и как велик, знают те, которые, будучи преобладаемы привычкою, принуждены бывают худой навик преобразовать в добрый. В чем из желаемого, по мнению их, при неутомимых усилиях преуспевают они, в том легко отступают, потому что привычка, как узами, скоро увлекает их назад и делает нередко великий труд бесполезным, пока, после многократных отступлений и многократных устремлений вперед, не возмогут понемногу отступить от пороков, каким были преданы, и расположение свое совершенно обратить от худшего к лучшему, чтобы все члены употребить в дело против враждебных страстей, соделав их из орудий неправды орудиями правды и законно подчинив в том, в чем прежде служивали противозаконно на пагубу владеющих ими.

Глава 50. Ибо глаз, видя блага у ближнего, когда возбуждает ум к пожеланию или зависти, делается оружием неправды, а когда располагает к тому, чтобы возблагодарить Давшего блага, обращается в оружие правды.

И язык, служа к произнесению обвинений и клевет, и рука, содействуя любостыжательным хищениям, и сердце, порождая лукавые помыслы, – которыми каждое из чувств приводится к тому, чтобы достигнуть конца, какой был предположен, справедливо получают нечестное название, совершая же дело¹⁷⁰ правое и полезное, приемлют название, достойное дела, как действующие законно, чествуются достославными названиями. Посему так как вы – *жертва живая в словесное служение благоугодны Богови* (ср.: Рим. 12, 1) – умерли со Христом, спогребшись с Ним в умерщвлении себя для мира, то с Ним и совоштели, чтобы *мудрствовать горняя, идеже есть Христос о десную Бога сидя* (ср.: Кол. 3, 2, 1), и прежде воскресения имеете житие на Небеси, подобно Ангелам живя тою беспечальною жизнью, какая будет

---

¹⁷⁰ Вместо: τὰξιν по рукописи читается: πράξιν.

по воскресении и о которой, возможность ее предполагая, Павел говорит: *Аще како достигнем в воскресение из мертвых* (ср.: Флп. 3, 11), достигнув сего временною жизнью, приличною оному, хотя и не достигшим еще пока того, чего уже достиг, именовал себя, по смиренному¹⁷¹ образу мыслей скрывая достоинство добродетели.

Вы *свет и соль мира*, строгостию жизни укрепляете нравы, от небрежения нетвердые и недалекие от загниения, сияя же славою жития и видящих ваши добрые дела, по слову Господню, возбуждая к прославлению *Отца вашего, Иже на Небесех* (Мф. 5, 16), пребываете в добре или и паче преуспеваете в нем, став для ленивых побуждением к приобретению того же, в чем сами преимуществуете, и тем убедившись, что примете от Владыки сугубую, или даже трегубую, похвалу.

Ибо кто, проходя такую же жизнь, как и вы, благоустраивает себя в том, что служит к полноте совершенства, тот имеет одну награду за самое дело, а другую за то, что убеждает к подражанию соревнующих, и третью за то, что доставляет пользу и чуждым богочестия, неукоризненным житием заставляя признавать веру нашу богочестивою, в подлинном смысле единственно достойною Бога, украшаемою такими делами, какими прилично украшаться признающим вождем своим Бога и живущим, как благоугодно правде Военачальствующего, которая желает, чтобы давшие обет жить в свойстве с нею украшались особенными преимуществами, и заблаговременно внушает им: *Аще не избудет правда ваша паче книжник и фарисей, не внидете в Царствие Небесное* (Мф. 5, 20).

Глава 51. Что для Апостолов были тогда фарисеи, явно им противоположные в любви к правде, то в настоящее время для вас те, которые думают о себе, что проходят общее с вами звание, и отрицаются от общения с вами по многовещественности жизни, с вами сперва начали путь по обету и не достигли конца его, потому что, подобно сынам Рувима и Гада и половине колена Манассиина, задержала их земля, удобная для скотоводства, требующая многих попечений, и сделала напрасным совершенный путь, потому что предшествовавший труд¹⁷² по недостаточности не простерся, до чего было должно, и не достиг той цели, какая предположена была вначале. Но, по верному рассуждению, напрасен и действительно бесполезен всякий труд, не достигающий того, что имелось в виду при начале, прерываемый прежде окончания и останавливающийся там, где невозможно получить ни одного из предположенных плодов.

Посему, возлюбленные, поспешая к намеренному, *к почести вышняго звания* (Флп. 3, 14), и будучи недалеки от венцов, не ослабляйте доброго усердия, но и последующим за вами передайте оное в той же силе, в какой прияли от предшественников. О тех же, которые услаждаются пока суетою и труды, которые надлежало посвятить добродетели, тратят на труды земные, пожалейте как о трудящихся напрасно и сеющих *в плоть*, от которой можно пожать *истление* (Гал. 6, 8).

Глава 52. Не слишком упорно препирайтесь с ними как с погрешающими в том, что прилично жизни апостольской. Ибо, кого не убедило дело, тех не усрамит слово, как способных более не стыдиться

¹⁷¹ Вместо: οὐ ταπεινῶ по рукописи читается: ταπεινῶ.

¹⁷² Вместо: χρόνιον по рукописи читается: πόνον.

увещаний, чтобы не показать, будто бы они явно уличены и обличения всем обнаруживают их безуспешность, и, если примете их благосклонно, чтобы не подать такой о себе мысли, будто бы они побеждены молчанием. Если бы склонны они были к исправлению, то прежде человеческих увещаний уважили бы паче поучительные слова Господа, которые изрек Он, обращая речь к многостязательному: *Аще хочещи совершен быти, иди, продаждь имение твое и даждь нищим, возьми крест и гряди вслед Мене* (Мф. 19, 21).

Сам Господь, чтобы удобно было идти ему *путем узким и тесным*, снимает с него то бремя, которое, как оно ни тяжело и ни трудно, любят они, делая тем для себя затруднительным и даже совершенно невозможным вход в Царство, Самою Истиною уподобленный игольным ушам (см.: Мф. 19, 24) и едва приемлющий душу, обнаженную от житейских забот и свободную от тревог, и притом когда она, может быть, отстраняет от себя это и усиливается пройти боком¹⁷³ по тесноте и неудобопроходимости врат, которые сдавливают и боком входящие тела, даже не обремененные грузом тяжелых нош. Как же те, которые, как о вещах драгоценных, заботятся о соре и о том, что еще хуже сора, скажут: «Вот мы оставили все и пошли вослед Тебя», не оставив даже и того, что еще и не приобретено ими, иноческую жизнь соделав как бы поводом к купле, а не к любомудрию? Она и действительно есть повод к величайшей купле, но – будущих благ, а не настоящих пышностей и нищетою, скудостью и всем оным, что кажется ныне суровым, доставляет там наслаждение всеми приятностями, человеку неизвестному и неславному дает дерзновение пред Богом и вечную славу.

И вы, при сознании содеянного имея твердую в этом надежду, еще и еще старайтесь пренебречь, что, рассудив прекрасно, по справедливости пренебрегли как действительно достойное пренебрежения и отринутое трезвенными, хотя и казалось оно достойным внимания и вожделенным для несмысленных, которые по обманчивому представлению привязаны к крайне гнусному как к чему-то благовидному и возлюбили вещество, как подлинно благообразную женщину, между тем как она не такова, но прикрашена видимою только цветностью, увлекающею к наслаждению тех, кому приятно нравится больше полезного и кто предпочтительно пред полезным избирает вызывающее к пожеланию лакомою приманкою.

Глава 53. Прилагайте попечение о движениях мысли, наблюдая, как производит она воспоминания о вещах, пристрастно или беспристрастно принимая в себя представления сих вещей. Многие движения, устремляясь беспорядочно, обыкновенно бывают вредны, легко уступают страстям, в помыслах больше, нежели в действиях, невидимо с ними соглашаются, а во внешнем не представляют никакого признака сознания, часто уступают над собою победу и падают и до приведения своего в действие скрывают пока падение от необыкших прозирать внутрь.

Иной по спокойной наружности кажется для предстоящих человеком беспечным, сам только зная сокровенную гнусность, краснея от того, в чем невидимое противоположно видимому, потому что истина противоречит почтенной наружности и заставляет совесть справедливо

---

¹⁷³ Вместо: *δόξη* по рукописи читается: *λόξη*.

устыдиться, ибо помышления сердца не согласны с тем о них понятием, по какому прославляются зрителями, но подобно повапленному гробу высокомерие мысли, исполненной, как настоящая могила, мертвых костей и всякой нечистоты. Ибо чем она отличается от гробницы, когда рассуждает о том, о чем не должно, будучи нечиста, подобно гробам, и даже больше самых гробов? Могила недолго заключает в себе зловоние, пока в теле остаются еще влаги, но, как скоро соки истекают из костей, освобождается уже она от зловония, потому что состав плоти разрешится в землю и в тонкий прах, из чего слагался он в цветущем своем состоянии, будучи не иное что, как персть, окрашенная кровию и мокротою, из которых одна убеляет, а другая придает красноватый цвет; и сими-то красками придается блистательный вид привлекательным качествам, делающимся видимыми на поверхности тела. Но сердце, исполненное неприличных помышлений, всегда внушает омерзение, будучи зловоннее гниющего тела, и само только наслаждается собственною своею срамотою.

Глава 54. Обращающие внимание на видимый кумир нимало не знают, что замышляется втайне, а иногда бывает и то, что даже дивятся усматриваемой и представляющейся им степенности, потому что тихий нрав, строгий взгляд, неулыбающееся лицо не об ином чем возвещают, как о великом в глубине сердца постоянстве заботы, по сказанному выше, о лучшем. И сие не знающих, какие мысли поселяются внутри, приводит к догадке заключать, что с наружностью согласно и внутреннее расположение.

Сие, по крайней мере, по весьма основательной причине да убедит вас с внешним соглашать внутреннее и согласно с мнением о вас других устроить и внутреннее состояние, чтобы, какими признают нас люди, такими же и в помышлениях оказываться нам пред Богом, так рассуждать, как рассуждающими почитают нас многие. И как сами вы знаете, имея в этом опытность, не слишком трудно сие для решившихся поступать при этом разумным образом, если, разыскав причины, устранить их, без труда прекратив происходящие от них беспокойства. Как удовольствие и печаль следуют за пожеланием, а пожеланием сопровождается ощущение, то не предавшийся ощущению не дает места и первым, как сокрушивший голову змею, ущемленную во входе, за дверью оставил весь влекущийся с головою хвост, который, без сомнения, вошел бы свободно в дверь, если бы выставившаяся вперед голова нашла себе удобный вход. И образ сей имеет великое сродство с тем, что им изображается, потому что, подобно идущим вперед, падают с ними сопровождающие их.

Ощущение напечатлевает в уме виденные образы, и оно же возбуждает пожелание того, что приятно, каждый раз обновляя в памяти представления виденного прежде и внося в душу явственные облики этого, пока или неудачи, произведя печаль, или удача, доставив удовольствие, не научат ясным опытом, какой бывает вред для останавливающихся на этом долго.

Глава 55. Ибо возделемое худо одинаково вредно в том и другом случае, бывает ли оно достигнуто или не достигнуто, и радость производит бесполезную и неподобающую печаль, потому что печаль эта не *печаль по Бозе*, которая, по словам Павла, *покаяние нераскаянно во спасение соделовает* (2 Кор. 7, 10); и радость сия не о Господе

составляется, как рассуждает тот же Павел, потому что веселящимся с доброю совестью повелевает, говоря: *Радуйтесь всегда о Господе* (Флп. 4, 4). Напротив того, радость сия есть какое-то душевное пристрастие, демоном внушаемое, зависящее не от какого-либо вечного блага, но от вещества тленного и обличающего, что вожделение бесполезно. Ибо что скажут иные? Не оставалось у нас должных забот, и потому занимали мы сердце пустыми помыслами, мечтая о богатстве, о власти, о славе и о том, в чем многие поставляют благоденствие.

Нравы у нас исправлены, страсти покорены, чувство ничего не делает погрешительно, до удобства уравнен путь к преуспеянию, подвиг обратился для нас в навык, сердце пребывает в глубоком мире, прекратились у нас брани, кончена борьба с началами и со властями, мирный договор с духом заключила неприязненно расположенная к нему плоть, не ополчается уже она против духа, побеждена всецело и, служа пленницею, признает над собою победу. И вы расковали *мечы своя на орала и копия своя на серпы* (Ис. 2, 4), по причине великого мира нужное для военного дела обратив в земледельческие снаряды. Почием, по Божию обетованию, *кийждо под лозою своею и кийждо под смоковницею своею* (Мих. 4, 4), веселясь делами рук своих и *радуясь на ложах своих* (ср.: Пс. 149, 5), потому что ничто ниоткуда не тревожит, ни страсть, ни дух сопротивной силы, воспламеняющий в нас похотение к тому, что нисколько нам не прилично.

Но если и достигли до такого, как сказано, бесстрастия, утихло у нас все, что обыкновенно возмущает ум, и, подобно древним святым, стали мы выше всякого мирского пожелания, то к чему же полезна нам забота о суетном – это пустое развлечение, не совершающее того, о чем старается? Ибо, что и от нашей зависит воли, не по нашему делается рачению, хотя бы и с усердием старались мы о приобретении сего, но есть дар домостроительствующего о нас Промысла, а не дело человеческой рачительности.

Глава 56. И потому умеющим хорошо слышать Господь говорит: *Кто же от вас пекийся может приложить возрасту своему лакоть един?* (Мф. 6, 27). И бесполезностию сего попечения доказывает, что великое попечение, которое не от нашей рачительности приемлет конец, суетно и действительно бесполезно, приводит только в парение помысел и отвлекает от истинной заботы, но не может кому-либо доставить что-нибудь из мечтаемого им, видит веселые сны, а действительность изобличает в нем пустую надежду на призраки, всегда благоуспешную в суетных помышлениях и никогда не усматривающую сих помышлений на деле, согласно с притчею Исаии, в которой говорит он: *Якоже во сне жаждай аки пияй, воспрянув же еще жаждет, душа же его вотще надеяся* (Ис. 29, 8).

Так надежда на суетное есть какое-то наслаждение ночным пиршеством, веселящее в ночном обольщении и никогда не дающее изведать на опыте этого мнимого веселия. Посему: для чего же как о нашем печемся всегда о том, что не наше, и о чужом стараемся как о своем собственном, на пустые помышления тратя время, нужное для размышления о необходимом? Если, как думаем, страсти утихли и отступили злокозненные духи злобы, то непрестанным памятованием в молитвах должно нам благодарить Владыку Христа, приведшего нас в такое состояние. И едва достаточно нам будет всего времени, которое

так скудно для этого и так кратко для воздаяния за все, какими пользовались и пользуемся ежедневно, благодетель Соделавшего нас победителями тех, которые утесняют многих.

И если тот и другой предел продолжения времени, разумею день и ночь, Давид советует нам проводить в поучении Закону (см.: Пс. 1, 2), и Законодатель требует, чтобы делали мы то же самое, говоря: «Поучайся в нем *седя в доме и идый путем, и лежа и востая* (Втор. 6, 7)», и не оставляет нам ни малого времени для праздности, а другой предписывает благословлять *Господа на всякое время* (ср.: Тов. 4, 19), и Павел повелевает *непрестанно молиться* (ср.: 1 Сол. 5, 17), то какое же останется у нас время для позволительного размышления о не касающемся до нас, когда каждая предписываемая нам обязанность требует всего нашего времени и ничего не оставляет на другие дела?

Глава 57. Как будет непрестанно молиться, кто не поучается в Законе Господнем день и ночь? Как будет всегда благословлять Бога, кто делает одно что-либо из сказанного, когда едва достает времени содействовать в точности чему бы то ни было, совершаемому добродетельно? Посему-то Писание, зная нерадение многих, стеснило нас предписаниями, даже превышающими силы, чтобы как усилить рачительность к возможному, так и пресечь повод к отговоркам немощию: когда делающий добро более смиряется тем, что не в силах сделать сего, как повелено, нежели надмевается, что исполнил часть заповедей, ожидая, что не столько будет похвален за то, в чем, как думает, преуспел, сколько похулен за то, чего не довершил как вознерадевший.

Ибо ни одно недовышенное дело не дает дерзновения делавшему, но приводит в стыд как не потрудившегося дойти до конца в том, что предназначал. И хотя иные из художественных дел имеют предел и конец, какой в виду у начинающих дело, и каждое из сих дел, как производимое над веществом, успешно совершается в непродолжительное время, и есть у него определенный конец, и ожидающий решающего дело, но добродетель имеет обширное и, может быть, беспредельное протяжение, истощающее самую силу приступающего к делу и все еще далеко им не перейденное: она раздражает желание тем, что конец по видимому близок, но оный в той мере убегает от приближающихся, в какой истощает усердие, как близкое уже к достижению конца, и скрадывает труд преуспевающего тем, что конец постепенно неприметным образом отдалается.

И таково, кажется, значение прекрасно сказанного о патриархе Аврааме, а именно: *Прииде на место, еже рече ему Бог, и воззрев Авраам очима своими, виде место издаличе* (ср.: Быт. 22, 3-4): по видимому достиг места в утешение за неудобноносимый труд, а из того, что далек пока был от него, познал, что еще не на месте, чтобы не ослабело усердие от того, что предположенное совершено, но всегда к большему рачению усиливается было надеждою в непродолжительном времени быть там, куда поспешал.

Глава 58. Вот отличительные черты того способа, каким добродетель приверженного к ней умудряет идти к возможному преуспеянию. Преуспеяние представляется не очень отдаленным, чтобы не показалось, будто бы добродетель хочет устрашать великим отдалением, но не стоит оно неподвижно, чтобы могло быть уловлено

преследующим, и сие для того, чтобы он до смерти не прекращал своего усердия, но во всю жизнь усиливал рачительность, распростирая ее на все. Хотя конец добродетели недостижим, но тем, что непрестанно кажется близким, побуждает он к тому, что достижимо, вызывает на преуспевание, какое делает возможным человеческая природа, и после многих трудов остается далеко не постигнутым. Ибо кто так успел в добродетели, чтобы ему ничего не доставало к совершенству? Кто, и употребив все старание, не остался еще далеким от ее пределов? И чтобы доказать это очевидным образом, следует сказать об отличительных свойствах самой истинной любви, потому что она и есть полнота Закона и справедливо называется так в Божественном Писании, как объемлющая собою все части совершенств Законоположения, научающая благодетельствовать единоплеменнику, не позволяющая обижать его или делать ему что-либо противное и требующая добровольно прощать ему худое. Посему: кто возлюбил так ближнего, чтобы во всем почитать его другим собою?

Кто преуспеваниями брата в добре увеселяется как своими собственными, и не уязвляется ими неразумно, и не побуждается к зависти, рассуждая, что для него самого бесславно, если в чем ближний превосходит его славою? Кто чести другого (в чем бы то ни было) не признает уроном собственной своей чести? Кто при предпочтении, за что бы то ни было, мужей благоискусных не впадает в уныние, полагая, что быть вторым – бесчестная доля? Кого похвалы проходящему одно с ним дело не угрызают, как будто бы это – порицания ему самому? Кто при чьей-либо ошибке печалился, как бы почитая это собственной своею ошибкою? Кто о не получившем успеха сострадал как о себе? Кто не смеялся бесславию кого бы то ни было? Кто не радовался падению другого и не превозносился, высоко о себе думая, потому что устоял, когда тот запнулся и упал? Кто краснел с краснеющим от обличения в погрешности, а не почитал посрамления его правом для себя к дерзновению на большее, думая, что, как скоро умаляется слава другого, возвышается его собственная? И короче сказать: кто, по слову Павлову, радуется *с радующимися* и плачет *с плачущими* (Рим. 12, 15), приводя себя с каждым в такое же расположение, в каком бывает сам – испытывая что-либо радостное или скорбное?

Глава 59. Ибо таково отличительное преимущество любви: расположение всех сделать единым, чтобы каждый и радовался подобно другому, а также и печалился, чтобы, наподобие членов одного тела, все были между собою связаны и по сочувствию согласно страдания свои и передавали друг другу, и принимали друг от друга.

Посему если и времени целой жизни недостаточно для попечения о добродетели и подвизающимся, по причине противоборствующих членов, потребна великая трезвенность, то как нам, при рассеянии и перемене мыслей, или совершать путь столько трудный и дальний, или охранять себя от козней противников, которые многочисленны и невидимы и в оружие против нас употребляют наши страсти и чувства, низлагают нас тем самым, чем природа вооружила нас в защиту от них? Им услуживает часто глаз при возбуждении в нас пожелания того, что видим, производя любовь ко всякому блестящему веществу. Слух

обыкновенно возбуждает печаль известиями грустными и удовольствие – приятными¹⁷⁴.

Раздражительность воспламеняется от всякого предлога, приводя все тело в кипение и сотрясение, а помысел в смятение и возмущая чистоту последнего, как светлую воду в источнике, чтобы не были ясно видимы отпечатления мыслей. Тщеславие принуждает расслаблять дело, желая угождать более людям, нежели Богу, и в ничто обращая труды, потому что не сопровождается наградою делаемое погрешительно, когда в виду одна цель – не благоугождение Тому, Кто может вознаградить, но похвала зрителей. Гордость надмевает мысли до напыщенности, научает пренебрегать всякого человека и с презрением смотреть на всякого единоплеменника как на нечто ничтожное, до безумия доводит высокопарный помысел, внушает мечтать о равнобожии, не признает Промысла и попечительности Всесовершеннейшего, рассуждает, что как должное за дела получает все милости, какими пользуется, не хочет видеть Божия содействия в том, что делает и в чем успевает, почитает себя достаточною на всякое доброе дело, по самомнению думает, что на все имеет силы, будучи вовсе бессильною.

Она водяной пузырь, надутый суетным о себе мнением: если только дунуть, обращается в ничтожество. Лукавые духи – одни, став на дороге, полагают соблазны, тем, что по видимому основательно, отводя от истины, а другие, как птицам, расprostирают сети на воздухе, пытаясь возвысившихся несколько над земными путами уловить в высокомерие чем-либо превышающим.

Глава 60. Другие же, заняв места поднебесные (и, как говорит о них Павел, *духи злобы поднебесные* [ср.: Еф. 6, 12]), и имеющих *житие на Небесех* (Флп. 3, 20) покушаются даже там захватить в сети гордости, а какую страстию обезумевший первоначально диавол низринут на землю, тою же стараются низлагать с вершины бдительности восходящих на высоту жизни. А сколько сих духов ведут с ними брань, вступают в бой, состязуются, ведут все возможные роды битвы, борются, бегут вместе с бегущими (не для того чтобы вместе с ними достигнуть *почести звания*, но чтобы воспрепятствовать им, запнув в течении), то, поелику их, как говорит Павел, так много, что наше слово могут сделать продолжительным, трудно и неудобно перечислить всех и борющиеся с ними никак не имеют свободного времени занять мысль свою другим, потому что всякое уклонение от сей борьбы бывает причиною для них – поражения, а для врагов – победы. Посему необходимо быть к сему внимательными и не увлекаться тем, что противникам нашим споспешествует против нас.

Ибо кто не поймет, что не содействующее к упражнению в нашем подвиге служит в пользу противникам, которые перехватывают нас и сбрасывают с поприща, и что поколебаться в твердости и от того, о чем должно заботиться, перекинуться к тому, что никак не должно составлять предмет попечений, означает если не падение, то поражение, потому что, по суду Истины, как в вещественном – действие, так в намерениях ненадлежащий помысел есть поражение и падение? Посему-то *мысли праведных судьбы: управляют же нечестивии лести* (Притч. 12, 5). Одни рассудительно преуспевают в добре, другие

---

¹⁷⁴ По рукописи читается: ἐπί τοῖς καταθυρίοις.

же без труда приводятся к злу тем, кто разными способами направляет их к предположенной лести, то туда, то сюда непрестанно обращая помышления их, подобно тому как оборотами ветрил ход корабля направляется к предположенным при выходе в море пристаням. Посему-то один говорит: «Сердце мужа да признает справедливым, чтобы Богом исправляемы были стопы его» (см.: Притч. 20, 24), а другой: *Аще кая добродетель и аще кая похвала, сия помышляйте* (Флп. 4, 8).

Глава 61. А сим научают, какими помыслами должны водиться намеревающиеся дать правильный ход своим мыслям. Так Давид в одном месте сказал: *Поучение сердца моего разум* (Пс. 48, 4); а в другом: *«Во оправданиях Твоих поучуся* (Пс. 118, 16) *всегда»; и еще: Поучуся во всех делах Твоих, и в начинаниях Твоих поглумлюся* (Пс. 76, 13), позволяя себе это глумление, чтобы вечно движимый ум не имел времени уноситься к ненадлежащему, но неотступно занимался тем, над чем глумление доставляет наслаждение и великую пользу, увеселяя чувство зрением, а душу умосозерцаниями.

Так, например, действительно можно проводить всю жизнь в размышлении о делах Божиих и иногда возводить взор к небу, наблюдая днем солнце, а ночью звезды, иногда же низводить его к земле, рассматривая произрастание всякого рода плодов и многочисленные различия животных. И еще, усматривая в воздухе и в море тысячи родов живущих в них птиц и рыб и изучая их, прежде нежели узнает человек пользу каждого, дивится он пока премудрости Создателя, и прославляет Бога за многообразие тварей. А когда придет он в состояние заняться видимым уже ученым образом, тогда всевозможное веселие обьет ум, насыщающийся естественным ведением земнородных тварей. Ибо в существующем нет ничего, что не научало бы нас неприметно какому-либо нравственному и богословскому умозрению. Но поелику угасили мы силу ума сладострастием и ум не напоминает уже нам о том, что полезно нам делать, то собственными усилиями посредством внешнего будем приводить себе на память, как должно жить и действовать, чтобы соделаться благоугодными Сотворшему.

Глава 62. Посему промыслительная благодать то муравья, то и пчелу поставляет учителями, которые не словом произносимым, но делом убеждают к подражанию, и говорит: *Иди ко муравью, о, лениве, и поревнуй путем его* (ср.: Притч. 6, 6) – он, во время жатвы отлагая пищу на зиму, вразумляет, как с пользою собирать напутствие для Будущего Века; или: *Иди ко пчеле и увеждь, коль делателница есть* (Притч. 6, 8) – она пожинает цветы с растений и премудро делает из них медовые соты, а сим обучает сведению, как, собирая преизбытки добрых мужей, заготавливать себе самому сладости для приятного пребывания в уповаемой жизни.

Иногда же повелевает непокорным соревновать горлице и ласточке, говоря: *Горлица и ластовица селная, вrabие сохраниша времена входов своих: людие же Мои не познаша судеб Господних* (Иер. 8, 7), и присовокупляет: *Како речете, яко мы мудри есмы и закон Господень с нами есть?* (Иер. 8, 8). Так и естественною познавательною силою, и пестуном нравов – Законом урекает Пророк одаренных разумом, что они в познании воли Творца бесчувственнее бессловесных. А также и

тем, которые не полагают меры своей власти и безрассудно обижают соплеменника. Пророк, чтобы усмирить их надменное высокомерие, представляет в пример в глубинах волнующееся море, когда говорит: *Мене ли не убоитесь; рече Господь: или от лица Моего не устыдитесь? иже положих песок предел морю, заповедь вечну, и не превзойдет его, людям же сим бысть сердце непослушно и непокориво* (ср.: Иер. 5, 22–23).

Тем, что неодушевленная стихия боится повеления, внушает им благоговение к хранению заповедей, чтобы как морская волна, гонимая из глубины порывом ветра, которая, постепенно воздымаясь, состязуется в огромности с горами, когда приблизится к песчаному берегу, отражаемая, возвращается снова назад к своему пределу, боясь Связавшего ее, так и одаренные разумом удерживали в себе всякое неправильное стремление и, получив повеление останавливать разумом всякое незаконное помышление, особенно же смягчать неразумно надмевающуюся кичливость, по крайней мере, из подражания вещам бесчувственным делали то, что обязаны делать и без Законоположения, признавая это справедливым по свободному рассуждению, служащему доказательством свободного образа мыслей, самоопределяемую решимостью подвигнутого к тому же, к чему привела бы необходимость Закона.

Глава 63. И каждое видимое светило научает чему-либо полезному. Солнце сиянием своим приводит к уразумению Совечного Отцу Сына, и свидетелем в этом представляю Павла, который говорит: *Иже сый сияние славы и образ ипостаси Его* (Евр. 1, 3). Ибо Апостол, что видел, то и уразумел, как научила природа видимого распознавать зорким оком души тот сокровенный в устройении солнца закон, который вложил Создатель, символически возводя ум взирающих к тому отношению, какое имеет к Нему Собоизначальный Его Сын. А луна, возрастая и убывая, дает видеть удобопременяемость наших дел и возвратными изменениями своего вида научает тому, что не должно и благоденствию радоваться как постоянному, и дни неблагополучия почитать прискорбными как продолжительные, потому что скоро заменяются одни дни другими, так что при скорости минования не производят и ощущения своего присутствия, между тем как один день заступает место другого и предшествующий заменяет собою непрерывно за ним последующий, подобно непрерывным видоизменениям луны, которые в такой же мере уступают одно другому, в какой совершаются обыкновенные перевороты и в жизни, и в приращении света, и перемены в них с трудом бывают приметны, потому что постепенное прибавление или убавление естественным образом утаивается от чувства.

Так и многое, подобным образом возрастающее и умаляющееся, имеет ежедневные не явные (в чем бы то ни было) перемены, и никто не бывает в состоянии удобно узнавать, насколько каждый день прибавляется возраст возрастающих, во всем преуспевающий и не обнаруживающий меры преуспеяния, пока время не даст заметить того, что незаметно при непрерывном наблюдении совершающегося.

Глава 64. Посему никто никогда не познавал с продолжением времени, в частности, совершающегося возрастания в растениях, в травах, в животных и в детях, но, не видев несколько времени

растущего и потом вдруг взглянув на сие, узнавал, какое приращение совершилось понемногу во весь промежуток времени, и, чего не знал, когда совершалось, дознавал это по совершении. Так иной, увидев на камне от непрестанно падающих капель образовавшуюся со временем глубокую впадину, удостоверяется, что каждая капля произвела некоторую часть сего углубления, но не знает, какую именно, потому что зрение различает только более грубое в чувственном (да и в том нередко ошибается), а что тоньше, на то не может простираться, будучи как-то недеятельно и слабо к восприятию впечатлений от таковых тел.

А если кто, будучи неизвестен и незнатен, вздумает подражать едва заметным или и более светлым звездам, то не позавидует тем, которые превосходят его достоинством и богатством; так же и тот, кто славится этим, не подымет бровей пред людьми незначительными как перед отребием, видя, что звезды привязаны к собственному своему чину и любят оставаться в том жребии, какой им назначен и в каком угодно было поставить их Богу, для каждой звезды определившему свою меру света. И Господь, желая, чтобы мы были *мудри яко змия, и цели яко голубие* (Мф. 10, 16), всех частей твари делает учениками нас, не сохранивших благородства, данного нам при сотворении, и, справедливо, – тех, которые были некогда нашими рабами, получивших себе в пестуны к приведению в благоустройство нашего состояния¹⁷⁵, чтобы мы, взяв во внимание преподаваемый ими урок, возбудили в себе познание, с каким были сотворены, имея силы жить неукоризненно, сами собою избирая доброе, а не собирая это извне, подобно нищим.

Но вы, блаженнейшие, кроме всех прочих доброт, и вашего согласия, и вашей опытности в том, что свойственно каждому состоянию, достойны удивления и за то, что, подобно благозвучному псалтырю, разными гласами возглашаете единую песнь благочестия, и хотя проходите, один – тот, а другой – иной какой-либо его вид, но никто из вас ни в чем не разногласит, по взаимному одного другому послушанию, которое разъединенных телесно обыкновенно сочетает единомыслием произволений для единой цели дела, подобно тому как музыкант и высокий, и низкий тон, свойственный каждой струне, срастворяет в стройное сладкопение. Ибо видимое разногласие каждой струны, происходящее не от одинакового их напряжения, всего более и производит согласие, различными переливами содействуя музыкальному ладу песни при переменных переходах звуков от плавных к резким.

Глава 65. Но каким также образом новоприсоединенные, только еще успевающие и входящие в пристань совершенства, умеют у вас соблюдать чин свой, превозмогая кто чревоугодие, кто тщеславие, а кто гордость и, отвращаясь от них, как от пагубных страстей, рачительно упражняться в воздержании, в том, чтобы не иметь в виду человеческой славы, и в некичливости? Ибо наполнение чрева увлажняет и то, что ниже его, а сие, как из горьких источников, напоая тем, что вследствие пресыщения вливается туда через края переполненными потоками, производит сильные похотливые возбуждения и своими щекотаниями подвиг целомудрия делает затруднительным. Зная также, что тщеславие есть бесполезный призрак, справедливо убегают оно как убеждающего трудиться для добродетели и обращающего труды сии в

¹⁷⁵ Вместо: *της ἀφροσύνης* по рукописи читается: *της καταστάσεως*.

ничто, потому что оно не Богу хочет показать их, явно воздающему за тайные дела, но желает делаемое обнародовать людям, которые в награду за сие не могут воздать ничем, кроме похвалы, и лишают тем вечной и великой почести.

Ибо приемлющий на себя какой бы то ни было труд для того, чтобы дивились ему люди, ничем не отличается от чудодеяющего на зрелище, довольствуясь платою забавляемых им и не имея права просить другой награды у Бога, как предположивший вначале получить награду не от Бога, но от людей. Но и неразумная страсть гордости справедливо внушает омерзение, ибо кто имеет какой-либо благовидный предлог к высокомерию пред кем-либо, чтобы превозноситься перед ближними и в сравнении с ним высоко думать о себе? Успевае ли он в чем-либо больше других и пред прочими много переизбыточествует в добрых делах? Без сомнения, сам он прилагал о сем старание, сам и получит награды за старательность. Не радит ли кто другой и не прилагает попечения о добродетели? Сам он терпит вред и не уменьшает наград первого.

Глава 66. Итак, почему надмевается высокомерный и негодует как подвизающийся за других и располагающий стать как бы общим спасителем рода? Не знает разве, что менее вредно нерадение, нежели сколько вредит обыкновенно самомнение, препятствуя усердию преуспевать в остальном тою мыслию, будто бы исполнено уже предположенное, и презрением к падшим уготовляя себе великое наказание? Но смирение никогда не давало места ни зависти, ни кичливости в вас, хорошо подражающих в общительности телесным членам, и славу каждого присвояющим себе как славу одного тела, потому что совершенный пред успевающим еще не превозносится как имеющий преимущество, зная, что и сам был таким, когда успевал; а также, будучи убежден, что не по долгом времени и сам придет в ту же меру совершенства, не завидует совершенному отстающий пока от него в достоинстве добродетели, ревнуя о том, чтобы сравняться с ним по жизни, не снедается ревностью, что соделался он таковым.

И одним словом, у вас в большей мере смиреннее других тот, кто намеревается преуспевать житием и сим отличительным образом мыслей. Иной, рассматривая у вас имеющих великую рачительность к делам, найдет, может быть, что наиболее рачительный скромнее других по нраву, как можно находить у других, что, по водворяющемуся в свете славолобию, каждый перед каждым хочет казаться более предпочтенным. Вы же как познали Христа, так и живете во Христе, у Него научившись послушанию друг другу, как Он послушлив был Отцу даже до смерти, смерти же крестная (Флп. 2, 8); узаконив меру послушания даже до таковой опасности, вы со всяким рачением проходите и другие добродетели, потому что Христос, творя их и научая им, стал достоверным для всех человеков Учителем, Сам первый на деле показуя ученикам возможность делать то, что заповедал.

Так имеете вы великое и все превосходящее благорасположение друг к другу, дознав, что Христос сие самое наименовал признаком учеников Его, когда говорил: О сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою (Ин. 13, 35); искренний *мир* имейте (Мк. 9, 50) со всеми; *мир Мой оставляю вам* (ср.: Ин. 14, 27);

любите ненавидящих вас, *молитесь за гонящих вас и творящих вам напасть* (Мф. 5, 44).

Глава 67. Сам Христос заповедал сие, в скорбях упражняя нас как подвижников терпения; послушайте, что говорит Он: *«Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем* (Мф. 11, 29); на деле покажите, что подражаете Мне, когда ударяют *в десную ланиту, обращайтесь и другую, когда берут ризу, отдавайте и срачицу* (ср.: Мф. 5, 39–40), перенося лучше обиду и ущерб, нежели легкомысленно устремляясь к отмщению». Но вы паче других преуспеваете в том, чтобы не приобретать того, стяжание чего запретил Господь, зная, что сей образ жизни приличен воинам и подвижникам. Ни один из вас не оставил в небрежении Господних блаженств, но все и навсегда стали в ваших руках и с теми воздаяниями, какие сопряжены с ними; соделались вы и нищими духом, и кроткими, и миротворцами, и милостивыми, и чистыми сердцем, но ваше и Царствие Небесное, которого, помолитесь, да сподобимся и мы, став ревнителями ваших дел, наградою за которые, как и всем вместе с вами достойным, будет обещанное наслаждение Царствием о Христе Иисусе, Господе нашем. Ему слава вовеки! Аминь.

О том, что пребывающие на безмолвии в пустынях преимуществуют пред живущими в городах, хотя многие из неопытных противного сему мнения

Глава 1. О произведениях всякого искусства, если судят неопытные, естественным образом весьма погрешают в суждении. И непосвященные в словесное искусство, когда дают суд о словах, произносят о них погрешительное суждение, не зная точного употребления каждого слова, потому что знание для них не обратилось в навык от частных разного рода упражнений. Посему не должно удивляться, что монахов, пребывающих на безмолвии в горах и вертепах, осуждают не дознавшие опытом, как можно преуспевать в добродетели, и говорят, что имеющие обращение с людьми и живущие в городах гораздо более достойны уважения, нежели отшельники, и в такой именно мере, в какой ведущие с противниками рукопашный бой доблестнее борцов, сражающихся с тенью.

Ибо, не зная поводов к падению (и сколько маловажных случаев, которые доводят до поражения!), признают они падениями одни самым делом учиненные грехи, ни во что не вменяя мысленно совершающихся поражений и побед. Даже и зрение их не привыкло усматривать¹⁷⁶ оных, как тайных и ведомых только Подвигоположнику и совести подвизающегося. А им и нужно наипаче сие вЕдение: одному, как подвизающемуся ради почестей и венцов, а Другому, как Мздовоздаятелю, Который будет разделять награды по достоинству трудов. Мне кажется, что таковые судии всего менее восхваляют душу, украшаемую сокровенными добротами, удивляются же телу, сияющему красотой вида, и испещренную одежду славят более, нежели благосостояние облеченного в оную, потому что обманывают чувства видимым и не хотят обращать мысли на сущность вещей.

---

¹⁷⁶ Вместо: *ὁταν* по рукописи читается: *ὁραν*.

Глава 2. Как то, что в чаше, для услаждения пьющего должно быть непременно чистым, так и сердце преимущественно пред телом надобно иметь неоскверненным, чтобы благоугодить Богу, Который хочет таковым его видеть, потому что за чистотою сердца последует и чистота телесная, душевное же расположение не необходимо соответствует состоянию телесной храмины. Иному, как говорит Господь Иисус, можно быть гробом повапленным, полным *костей мертвых и всякия нечистоты* (Мф. 23, 27), не имея внутренней действительности, согласной с видимым. Но не сего призывает слово наше в сравнение с теми, о ком у нас речь, а равного им в деятельной жизни и подобно им упражняющегося в нравственных добродетелях.

Ибо найдем, что даже и таковой на большее расстояние ниже их и от поведения, на разумных началах утвержденного, столько же далек, сколько от искусного врачевания отстоит лечение, производимое только наглядно и которое не знает причины болезней, а также и страданий, не входит в исследование, от чего происходят разности, останавливается же на том, что страждет, и врачует то, что вскоре снова может возвратиться, потому что не уничтожена причина, от которой началась болезнь. Ибо напряжения и воспаления внутренностей, дурные растворения соков порождают тысячи по именам и по свойствам различных лихорадок, ежедневных, недельных, двухнедельных, непродолжительных или продолжительных, изнурительных и целодневных, составляющихся то при желтой, то при черной желчи, иногда при гнилых мокротах, а иногда от полнокровия, то тихо и неприметно нападающих, то задолго предвещающих свое появление и дающих знать о болезни расслаблением, сухостию и часто прерывающимся сном.

Глава 3. Так беспорядочное стремление чувства обыкновенно производит страстный помысел, а помысел¹⁷⁷ – постыдное вожделение; вожделение же – наслаждение и еще одобрение, а за ним следует на деле совершаемый грех, который, как скоро начинается, должно прекращать в первой причине, отвращая взор, возбуждающий по порядку все, что выше сказано, прежде нежели будет устремлен он и сделает отступление трудным. Ибо что не впечатлелось посредством зрения, то, может быть, не даст занятия мысли и не приведет к худому о сем размышлению, а над чем не остановилась мысль, то не переходит и в дело и не имеет возможности обнаружиться¹⁷⁸ каким-либо признаком. Язык не подвигнется к злоречию, когда внутри усыплена раздражительность. Не видит блудный глаз, когда управляет им рассудок, и запрещает смотреть, на что не должно. Не приемлет срамного слова слух, когда ум охраняет чувство сие. Ни один член не действует погрешительно, когда трезвится внутри правящий помышлениями и крепко удерживает преграду, из-за которой рвутся страсти. Трезвится же и бодрствует он, когда отрекся от внешнего, смотрит на это холодно и ничто не омрачает чистых его дум.

Глава 4. Итак, почему же не падающий самым делом предпочтительнее непогрешающего мыслию? Потому, говорят, что он, и раздражаемый, не увлекается вещами и более достоин одобрения, нежели тот, в ком видимое не возбуждает вожделевательной силы к

¹⁷⁷ По рукописи читается так.

¹⁷⁸ Вместо: ἐξωσθηναί по рукописи читается: ἐξω γυνωσθηναί.

пожеланию. Если человек сей не познал ничего такого, что есть в мире, то нет в нем и борьбы с этим.

А если зрение этого соединено было с познанием, то имеет он память, которая доставляет ему ту же пищу, как и видимые вещи. И в нем происходит непрерывная борьба, потому что страсти на безмолвии имеют свободу больше зрения тревожить мысль, как уже не развлекаемую ничем внешним. Один видится и обращается с людьми – у него и взор, вдруг имея пред собою многие лица, равнодушнее к соблазнительному, и помысла едва хватает, чтобы ночью перебрать дневные встречи; другой непрестанно борется с одним только образом или понравившегося некогда лица, или опечалившего облика, между тем как первый распаляет еще похоть, а последний воспламеняет раздражительность, и он употребляет все старание отогнать от себя мысль о том, что беспокоит, и уничтожить в себе памятование о том, что приводит в движение страсти.

Конечно же, со временем одержит он верх, с каждым днем умаляя силу с ним борющегося и увеличивая свою собственную, так что последняя от упражнений ежедневно преуспевает в зрелости и навыкает одолевать противников. Так привычка переходит в навык, а навык обращается в природу и приобретение соблюдает непреложным для приобретшего. Но неопытным в искусстве возможным кажется и крайне невозможное. Как невозможно в потоке, пока течет, видеть лежащий на дне песок (необходимо же остановить воду, текущую сверху), так точно, когда взор наводняет мысль новыми и новыми¹⁷⁹ образами, невозможно тогда вступить в борьбу с определенным лицом или с определенной страстью и когда-либо соделать помысел чистым, потому что входящее извне уничтожает прежние черты и понемногу начертывает собственные свои образы, которые сглаживаются также привходящими новыми; и при этой осаде происходит во внутренности непрерывное смятение, по причине взаимно заменяемых друг другом представлений не позволяющее даже дознать, что именно беспокоит.

Ибо едва овладевает помыслом недавно представившееся ему, как вскоре заменяется это настоящим; и что прежде его занимало, то всегда уступает место последующему; и рассудок терпит достаточный вред от суетности помышлений, когда по видимому не терпит ничего такого, к чему располагает производящее страстные представления о вещах и уклоняющее от помыслов более необходимых и полезных.

Глава 5. А если кто рассмотрит вред, происходящий извне, когда глаза видят непозволенное, слух поражается отовсюду срамными словами, сверх того, возмущается раздражительность, уловляется какою-либо приманкою похоть, возбуждается сластолюбие, приводится в колебание слава, приключается печаль, то, без сомнения, найдет, что он походит на избитого и покрытого ранами в кулачном бою; и тогда назовет блаженными тех, которые, пребывая на безмолвии, ничего этого не видят и не терпят.

Ибо какая польза самым испытанием вещей возбуждать страсти к борьбе и сею борьбою давать им возможность не иначе быть подавленными, как с большим затруднением, когда безмолвие (каким бы то ни было способом) обыкновенно приводит их в невозмущаемое состояние и бездействие мало-помалу уменьшает силу каждой страсти

---

¹⁷⁹ По рукописи читается: ἄλλαις καί ἄλλαις.

в той же мере, в какой борьба с нею придает ей большую и большую силу? Ибо и раздражительность, оставаясь в покое, бывает умереннее, и похоть, безмолвствуя, навывает быть менее стремительною – одним словом, всякая страсть, если не возбуждать ее, с каждым днем приходит в большую умеренность и впоследствии совершенно прекращается, забывая со временем деятельность свою. И когда страстное расположение минует, остаются наконец одни голые воспоминания о вещах.

Глава 6. И как пожелания яств и напитков самых приятных ни зрение, ни память не возбуждают в том, кто их не хочет, так и ничто чувственное, ни видимое, ни слышимое, ни приходящее на мысль, – не уловляет в страсть того, кто страстную в себе силу приучил к покою, потому что навык не позволяет уже приходить в движение тому, что долговременным безмолвием отучено от движения. Поэтому можно ли сказать, что без опытности и с опасностью для себя совершающий свой подвиг достоин большего одобрения, нежели подвизающийся по правилам и безопасно? Кто скорее успеет на войне и легче победит врагов: тот ли, кто с неистовством кидается в ряды противников и лицом к лицу борется с вражескою дружиною, или тот, кто нападает на них по правилам военного искусства, без труда низлагает их в засадах при нападениях внезапных, одерживает благоразумием победу, или с великим кровопролитием противостоит борющимся упорно? Кто кажется целомудренным, и действительно целомудрен умом: тот ли, кто бросается на ярых зверей, в раскаленную печь и в волнуемое неистово море, или тот, кто остерегается вреда, ими причиняемого, и стоит вне опасностей?

Глава 7. Как тело, подвергаясь сему, необходимо терпит свойственное телу, так чувство, кружась среди чувственного, дает страстям способы к тому, чтобы не менее сказанного повредить душе. А для борьбы достаточно сил и у природы, если и ничего не придадим ей извне в помощь против себя самих, потому что у похоти есть свой огонь, пусть не будет еще сухих дров и не увеличивают они пламени. Может быть, на это и намекает слово законное. Сказано: *Аще же изшед огонь обрящет терние и запалит гумно, да отдаст, иже возже огонь* (Исх. 22, 6); и гумном называются страсти, огнем – естественные стремления, тернием – подлежащее чувствам. Пусть не служит оно посредством, и огонь не возможет коснуться гумна, не находя вещества, которое бы ему можно было воспламенить и по оному дойти до гумна.

Ибо, без сомнения, или совершенно погаснет по недостатку сгораемого и кончится, оставив по себе пепел, означающий крайнюю немощь прежнего владычества страсти, или будет таиться в искре, которая нимало не вредит, но научает взирающего, что может иногда повредить, возгоревшись пламенем, если будет в обилии вещество, пригодное для оставшейся в нем силы. Ибо не вдруг объемлет собою дрова искра и зажигает подложенные щепы, но имеет нужду в соломе, сухих стеблях и сене, чтобы превозмочь и более твердое горючее вещество. И все сие приводит нас к такому дознанию, что малые и ничего не значащие грехи доводят нас до больших грехов и равнодушие к грехам малым пролагает путь грехам тягчайшим.

Глава 8. И должно не давать им повода входить в привычку, не позволять вести себя бесстыдно, но в самом начале останавливать

будущую их дерзость – стирать главу змия, приходящую только в движение, прежде нежели коснется он пяты (см.: Быт. 3, 15), истреблять *семя от Вавилона* (Иер. 50, 16) и младенцев его разбивать о камень (πρός τήν πέτραν), который един, как показывает прибавление члена к слову *камень*. Ибо за вкравшеюся головою вторгнется все пресмыкающееся; и семя плевел, укоренившись, препятствует обыкновенно возрастанию плодовых насаждений, и младенцы, пришедши в мужеский возраст, имеют обычай вести если не несносную, то упорную и опасную борьбу, а ими означаются страсти, так как они вначале преодолимы, но, поддерживаемые привычкою, приходят в полную силу и с тем вместе, что делаются неудободолимыми в борьбе, причиняют много труда, обличая нас в легкомыслии и страшном неразумии, потому что сами против себя возрастили врагов, которых легко было нам истребить, когда были они слабы.

Ибо тогда уму, по сокрушении противников пребывая в мире, было бы время обратиться к созерцанию и возделать собственные свои силы. А сие и говорит некто из Пророков: *Раскуют мечи своя на рала и копия на серпы* (ср.: Мих. 4, 3), означая тем прекращение военного времени и состояние, благоприятное для дел мира.

Глава 9. Другой Пророк говорит: *Очи твои узрят прельщающих тя, и ушеса твоя услышат словеса созади тебе прельщающих* (Ис. 30, 20–21), внушая сим, по прекращении рукопашной битвы, смотреть и в ясности узнавать хитрости и предначинания врагов. И великий Моисей во Второй книге тщательно напоминает израильтянам, что было с ними по исходе из Египта в пустыне, прошедшие битвы и сражения, советуя упражнять сим память и необычайные победы обращать для себя в повод к величайшей благодарности. Сего не знает, да не имеет и досуга когда-либо узнать, живущий в городах¹⁸⁰ и думающий о себе, что оказывает помощь другим. Ибо занимается он хорошим и для многих полезным делом, но в сравнении с тем, кто прилагает попечение о собственном своем состоянии и исправляет свое внутреннее, едва ли удержит второе место, подавая телесную помощь имеющим в ней нужду, а душу свою оставляя вовсе без попечения о ней. Знаю, что и земледельцы во всякое время занимаются своим земледелием, и пловцы оснащают всегда свой корабль, а путешественники, и купцы, и ремесленники, и наемники стараются о том, что, по их мнению, служит к их пользе, и никто не согласится признать, что чужое дело предпочтительнее своего или даже равноценно своему.

И пловец, пускаясь в море, направляет ладью свою, куда ему нужно плыть, и земледелец производит сообразные с временем работы, прилагая попечение о своем земледелии, и занимающийся каким-либо искусством упражняется в нем для своей выгоды – одним словом, всякий, почитая напрасным и суетным делом иметь попечение о том, что делают другие занимающиеся тем же, много заботится и печется, как лучше устроить собственные свои дела.

Глава 10. И почему иные пред теми, которые в добродетели полезны для себя, почитают наиболее достойными предпочтения тех, которые полезны для других? Мне кажется, что они непременно похвалят того, у кого горит дом и все имущество в доме объято

---

¹⁸⁰ Вместо: ἐν πόλεσις по рукописи читается: ἐν πόλει.

пламенем, а он, послушавшись убеждения друзей, идет с ними на сговор или еще для сватовства, потому что потребность друзей признал более достойною предпочтения, нежели прекращение пожара в доме; и в таком случае окажут уважение тому, кого рассуждающим здраво должно заподозрить в умоповреждении и безумии. Но хуже пожара, что потерпит ум от каждого из чувств, если не преградит сих входов, которыми вносятся вещества, питательные для горящего огня, и, подобно сухим дровам, складываются в кучу, чтобы распалить ими естественный пламень, причем память, как мехами, раздувает его внимательным размышлением и делает более неудержимым и неугасимым, нежели огонь на пожаре.

И сие-то, кажется негодую на некоторых, произнес Бог Пророку; и с гневом говорит: *Еда не видиши, что сии творят во градах Иудиных и вне Иерусалима? Сынове их собирают дрова, и отцы их зажигают огонь, и жены их месят муку, да сотворят опресноки воинству небесному* (Иер. 7, 17-18), выражая сим, что зрение, как сухие дрова, собирает раздражающие образы, похоть возжигает в них сильный огонь и память непрестанно раздробляет и умягчает это. Так зрение, пролагая себе путь чрез это, переходит в действительный грех, совершаясь общим содействием всего сказанного. А *собирати тростие на плевые* (Исх. 5, 12) есть дело трудящихся над плинфоделанием в Египте, а не пребывающих на безмолвии.

Глава 11. Поневоле собирает тот, кто входит в общение с толпою: из вещества, производящего грех, и необделанного брения страсти образует он плинфу, которая сама по себе не имеет вида, но принимает ясный отпечаток тех кумиров, какие при помощи чувства начертаны внимательным размышлением. Ибо страсть может приводить в движение одно только естественное стремление, и то слабо, если не содействуют ей внешние вещества. Но когда примет она в себя привлекательные и обольстительные образы, тогда определенными чертами чувственного удерживает помысел в оковах. Например, раздражительность и похоть, удовольствие и печаль – силы покоящиеся и не имеющие вида, пока нет в обилии вещества, возбуждающего их к возрастающей деятельности. Но если к раздражению опечаленного, и к похотению наслаждавшегося, и у других к другой какой страсти чувство привнесет соответствующий образ, то страсти сии дают дело чувствам и постоянное занятие мысли при воззрении на отпечатления того, что раздражает и производит страстное и крайне тягостное напоминание.

Посему-то и прекрасно безмолвие, ибо не видит вредного, а что не было видимо, того не приемлет в себя мысль; и чего не было в мысли, то не приводит в действие память представлением сего, а что не приводит в действие память, то не раздражает страсти; когда же страсть не возбуждена, тогда внутренность в глубокой тишине и в мире. Посему-то премудрый Моисей, хотя на нем лежали забота и попечение о народе иудейском, однако же кущу свою поставил вне стана, вдали от многолюдства, избегая, сколько можно было, неподобающего беспокойства и доставляя покой помыслу, чтобы усматривать и узнавать, что полезно душе.

Глава 12. Посему-то Иисус Навин не выходил из кущи, отклоняя от себя безвременные оскорбления чувству зрения. Посему Илия и

Елисей, оставив Иудею, жили на Кармиле, а Иоанн, избегнув Иерусалима, пребывал в пустыне иорданской. Иеремия же, удерживаемый необходимостью пророческого звания, и не терпя пребывания среди беззаконного народа, сетуя о сем, сказал: *Кто даст мне в пустыни виталище последнее; и оставлю люди сия и отиду от них* (ср.: Иер. 9, 2). Так предпочитал он лучше жить со зверями, которые не вредят душе, нежели самому сделаться вредным от сообщения с единоплеменными. И что важнее всего, посему же и Господь Иисус, превысший всякого вреда, удаляясь от многолюдства, если только находил когда к тому возможность, пребывал в пустынях, самым делом давая видеть пользу безмолвия способным усмотреть сие, чтобы отовсюду явствовало и соделалось неоспоримым, что пред избравшими жизнь общественную или ни общественную, ни уединенную, какою бы степенностью ни отличались они, предпочтительнее избравшие жизнь монашескую и отшельническую, потому что безмолвием усыпляют страсти, которые у первых непрерывным зрением доведены до ожесточения, так что они не чувствуют уже вреда, потому что время постепенно сделало оный привычным для них, как изнурительная лихорадка боли не производит, а неприметно изнуряет силы.

Так иной изнеженный человек если босой пойдет по земле, то сперва не выносит без боли и малейшей негладкости, а когда ноги покроются мозолями, не чувствует боли, хотя будут встречаться терния, спицы и острые гвозди, потому что не доходят они до живой плоти, а плоть отвердевшая потеряла чувствительность наравне почти с мертвою.

Глава 13. Итак, почему же думают, что не делается обиды тем, которые, по долговременной привычке быть обиженными, не чувствуют вреда от обижающих? Ибо уму, когда зрение совершенно развлекает его видимым, достанет ли времени узнать, что причиняет ему скорбь, когда для рассуждения об этом потребно много свободных минут? Едва приняв в себя одни образы, вскоре приемлет он другие, и потом еще новые, и вслед за тем еще иные, какие встретятся; и, услаждаясь всеми или большею их частью, наслаждение которым из них признает вредом? И займется ли тем, чтобы произведенное сим осквернение сгладить, не имея возможности когда-либо увидеть даже то, что им осквернено?

Развлекаемый сообществом с людьми в продолжение дня, не забывает ли и опечаленный своей печали и больной своей скорби и боли? Оставшись же ночью один, не приходит ли каждый в чувство своего страдания, когда безмолвие даст время болезням возбудиться и сделает то, что не беспокоившее дотоле начинает беспокоить? И как у прожорливого, который непрерывно ест, позыв к пище, при всем пресыщении и наполнении чрева, не знает сытости в том, чтобы снова возбуждаться к пожеланию, так по видимому бывают страсти несколько недейтельными, по причине занятий чувств предметами чувственными будучи удерживаемы от собственного своего стремления; но дай им свободу от внешнего беспокойства – как и по насыщении недостаток пищи производит вновь голод, так и страсти, как скоро напряжение чувств кончится, восстают на упокоившегося во всей своей силе и возбуждают в нем великий мятеж, обратившись в привычку, вооружают

к борьбе с ним те образы, которые думал он безвредно окинуть взором, не имея времени вспомнить о вреде их.

И тогда только начинает он чувствовать вред, когда имеет досуг узнать и изведать могущество его, пленяемый нелепыми мыслями и принуждаемый останавливаться на помыслах, исполненных стыда. И тогда уже открыто сознается, что прошедшая жизнь его – заблуждение, ублажает тех, которые не познали очами своими того, что познал он, и не без причины сожалеет о себе самом, что сам на себя дал врагам оружие, и справедливо терпит нападения, по великому неразумию дав силу врагам.

Глава 14. Ибо тогда, что в виде семени запало посредством зрения, слуха или других чувств, начинает возрастать наподобие терний и, постепенно созревая, болезненно язвит своими иглами или, лучше сказать, наравне с баснословною у народных певцов гидрою подымлет одни на место других головы, тысячами угрызений причиняя боль несчастному. Ибо предстает ему светлым виденное лицо, дорогой убор, разливающийся смех, обольстительная наружность, умильность и нежность, изысканно употребляемые для уловления, беглое движение глаз, хитрый взгляд, трепетное движение, стройность голоса, мягкость выговора, даже и не это только, но и непритворный нрав – одним словом, степенность и простодушие, трогательная речь, сострадательный вздох, слезы души болезнующей вызывают на великий, решительный подвиг; и воспоминание, может быть, о самой, возбудившей сострадание и воспользовавшейся попечительностью, готовит опасность, когда просительница, находящаяся в нужде и борющаяся с нею, напоследок возбудила сожаление о нужде ее и милосердие и воспламеняет любовь.

Посему что лучше: себя ли пожалеть и избежать соблазнов или тем, что пожалеешь других, запутаться в неразрешимых сетях и впасть в неизреченные бедствия¹⁸¹, оттого что пожелал помочь другим? Хорошо подать руку падающему со стремнины, если можно самому не погибнуть с подвергающимся опасности. Если же за предполагаемым состраданием следует страдание, то позаботиться должно о пользе своей души, потому что другой к другому не столько близок, сколько каждый к себе.

Глава 15. Посему, когда пятиградие попяляемо было молниеносным огнем, Ангел сказал праведному и попечительному о странноприимстве Лоту: *Спасая спасай твою душу: в горѣ спасайся, да не когда купно ят будеши* (Быт. 19, 17): не о гибнущих, но о своем паче спасении заботься. Ибо, сказав: *Не озирайся вспять* (Быт. 19, 17), научил не обращать никакого внимания на гибнущих, потому что, без сомнения, не было бы справедливо желать погибнуть с гибнущими, и даже желать о других прилагать попечение, равное попечению о себе, когда сострадание, не принося никакой пользы наказываемым, причиняет величайший вред состраждающим, вредя самому спасению, вождеваемому всеми людьми в совокупности.

Ибо, хотя человеколюбие боголюбезно и нам прилично и каждый должен другому подавать полезный совет, стараться о нем и желать ему добра, потому что такое расположение подлинно похвально, однако же в крайних случаях стараться о себе меньше, нежели о других, не

---

¹⁸¹ Сия речь дополнена по рукописи.

только не одобрительно, но даже достойно великого осуждения. Посему, кто прилагает великое попечение о своем состоянии, в безмолвии обучает нрав свой благочинию и свободно о многом беседует с Богом, тому, как ведущему более трезвую жизнь, почему же не быть наипаче способным благоугождать Богу в сравнении с тем, кто не имеет вовсе времени наблюдать за своими помыслами или за скрытными и при занятии внешним непознаваемыми страстями?

Глава 16. Или не скажем, что Мария лучше Марфы? Предпочтя ее за неразвлекаемость той, которая развлекалась и заботилась о служившем к успокоению плоти, Господь говорит не Марии, но полагающей, будто бы делает нечто великое, и потому имеющей нужду в совете и исправляет ошибочное ее предположение, сказав: *Марфо, Марфо, печешься и молвиши о мнозе, едино же есть на потребу. Мария же благу часть избра, яже не отимется от нея* (Лк. 10, 41–42). Хотя беспокойство Марфы происходило от рачения услужить Ему, но не похвалена она за сие усердие, а заслужила упрек за то, что, оставив быть, подобно Марии, внимательною к слову и пользе своей души, печется о том, чтобы не было у ней недостатка в чем-либо, потребном для дорогого угощения, и была предложена трапеза, отличающаяся обычным щедрым страннолюбием. А что Господь, намереваясь осудить неуместную рачительность, двукратно произнес имя и сказал: *Марфо, Марфо*, может быть, сие было действием изъявляющего сожаление и кивающего головою при виде беспокойства напрасного, почитаемого необходимым, ибо знал Господь, что оставляемое Марфою в нерадении к преуспеянию в благочестии полезнее того, о чем она старалась.

Глава 17. Так и левиты предпочтены были всему народу, как свободные от всякого житейского занятия, по неразвлекаемости чистым помыслом служившие Богу и совершавшие по Закону великую молитву, чтобы внимательностию и чистотою освятить себя Богу; отказавшиеся от внешних беспокойств, внутри оград святого тогда храма упражнялись они в том, что служило к чистоте, о которой старались, будучи уверены, что безмолвие делает для них хранение чистоты сей нетрудным. Свидетелями же вреда от внешнего служат сын первозданного Авель и дочь патриарха Иакова Дина – один, коварно убитый Каином на поле, а другая (когда безвременно вышла видеть туземных жен), растленная Еммором. Чего не потерпели бы они, если бы в покое пребывали дома, возлюбив безмолвие, безбедное для всех, даже и для совершенных, а наипаче для несовершенных, потому что в одних непоколебимым сохраняет оно навык, приобретенный упражнением, а других упражнением сим возводит к преуспеянию!

И Иеремия, советуя не выходить в поле, *понеже меч вражий обитает окрест* (Иер. 6, 25), и Петр, взывая: *Супостат наш диавол ходит* (1 Пет. 5, 8), свидетельствуют о всем вреде от внешнего. А советующий укрыться от погубляющего, когда говорит: *Затвори двери своя, укройся мало елико елико, дондеже мимоидет гнев Господень* (ср.: Ис. 26, 20), и *живый в дому* (Быт. 25, 27) Иакова, и повелевающий пришедшего сына убийцы стиснуть *во дверех* (4 Цар. 6, 32) провозглашают безопасность внутреннего, ясно показывая, что жизнь одних по общему признанию легко подвергается вреду, а жизнь других несомненно безбедна.

Глава 18. Так, а не иначе угодно истине. Ведущим жизнь отшельническую нужно упражняться в единоборстве и вступать в брань

с врагом безоружным, потому что оружия страстей – дела. А у живущих в городе среди многолюдства много отовсюду и всегда нападающих, которые все ограждены всякого рода воинским оружием и, как скоро могут уязвить, наносят смертельные раны. И неразумно со всем усилием уготовлять себе жизнь, исполненную страхов и опасностей, когда есть возможность вести ее без робости и страха и дозволяемую безопасность соделать необходимою. Ибо, кто уклонился от злоумышленников и поставил себя вдали от общения с ними, тот не приобретает ли наконец смелости, не делается ли беспечален, не предполагая уже никакого ниоткуда вреда? А кто живет вместе с ними, тот не бывает ли в непрестанном страхе, всегда и отовсюду ожидая злоумышления, потому что все и во всякое время готовы со всем тщанием злоумышлять как неприязненные против неприязненного?

Посему: ужели жизни мирной и безмятежной лучше жизнь среди обидчиков? И ужели путь, на котором разбойники и варвары, казался и кажется кому заслуживающим предпочтение пред путем, которым можно идти небоязненно? На одном пути есть убийцы и хищники, и на нем, конечно, можно или быть убитым, или по крайней мере лишенным одежды, а другой путь свободен от всякого подобного подозрения, безвреден для путешественников и путешествие делает беспечальным, потому что путники и имение свое сохраняют неразграбленным, и сами совершают путь приятно и весело.

Глава 19. Другие, уклоняясь от негладких и неудобопроходимых стезей, хотя они и кратки, отыскивают стези гладкие и проходимые многими, хотя они длиннее и, чтобы пройти ими, потребно больше времени. И почему путь крутой, затруднительный, длинный, опасный, на котором звери нападают, разбойники промышляют себе хлеб и много силков, сетей, засад, случаев потерпеть вред, признается лучшим пути удобного, краткого, ровного? Там привлекает женское лицо, возбуждают соревнование, богатство, властолюбие, иное уязвляет раздражительность, иное возжигает похоть, одно доводит до восхищения, другое – до уничижения, одно производит уныние и замешательство, другое – радость и благодушие, одно причиняет удовольствие, а другое – неприятность; и как же после сего страстям, надмеваемым и волнуемым ежедневно видимым и слышимым, не превратиться когда-либо в чистый, высоко несущийся пламень, при непрерывном упражнении не сделаться неискоренимым навыком и не дойти до того, что перемена жизни будет трудна или, может быть, и вовсе невозможна?

Ибо привычка, связующая не слабее уз, не позволяет отступления, уступает несколько порыву, но тотчас снова влечет к себе покушающегося отстать. А удалившийся от дел житейских, отвращающий чувства от всего чувственного и упокоивающийся в себе самом если и имеет страстные воспоминания, то скоро уничтожит их, потому что время, с которым все ветшает, и их мало-помалу приведет в забвение. И если не допускал он в себя этих кумиров, воздвигающих брань, то борьба у него – с простыми, естественными припоминаниями, которые нетрудно преодолеть и победить, потому что мысль легко их сменяет и без труда отвращается от них, когда враг не может уловить ни одну из внешних приманок.

Глава 20. Сим обыкновенно враг умащает страсти и для подвизающихся делает борения мучительными и трудными. Ибо похоть не имеет такой силы, когда нет у нее пищи, какую приобретает, когда есть питающее похоть; также и раздражение не так одолевает, когда нет ничего раздражающего. И сластолюбие тогда возбуждается, когда нравящееся видом своим раздражает желание. Бессильны и слабы движения страстей, когда не тревожит воображение, пробуждающее как бы усыпленную мысль, и не удерживает при себе помысла бодрственным и неподвижным. Так, например, лицо, нравящееся своею привлекательностию, удерживает на себе внимание плотолюбивого глаза, никуда не позволяя обращать его, не давая и мысли свободы перенестись на что-либо другое, даже если бы что готовилось подавить тебя, наслаждением препобеждает усилие принуждающего отвратить око.

Но для тревожимого одними воспоминаниями освобождение удобно и устранение крайне легко. Ибо поучением и упражнением в словесах духовных и усиленною молитвою ум устраняется от неблагоугодного Богу и обращается к требующему рачительности по Богу, преуспевая в сем последнем и предавая забвению первое. Но невозможно совершенно смежить глаза для видимого, заткнуть уши для слышимого, отклонить производимый ими вред и даже трезвенному всегда помыслу, ибо много повсюду сетей, от которых и остеречься трудно. И ступившему в грязь невозможно не замарать ступни, и живущему в заразительном месте – не пострадать от болезни, к какой располагает окружающий воздух. Так, невозможно не примешаться сколько-нибудь к житейским нечистотам живущему среди них, хотя и не чувствует он вреда, со временем привыкнув наконец к вредоносному.

Глава 21. Ибо иные, отведав и яда в малом приеме, сначала не терпят вреда, потому что количество приема не соответствует смертоносному свойству, постепенным же прибавлением сделав привычным для своего сложения, впоследствии тлетворную силу этого яда обращают в пищу, потому что природа научается со временем усвоить себе и вредное. Кто не знает из Божественного Писания, какую во всем точность соблюдал блаженный Давид! Кому неизвестны по слуху его доблестные дела! И, хвалясь ими, не из хвастовства, но из любви к ближним, чтобы и другие научились делать то же, что делал он, описывает он добрые свои качества, говоря иногда: *Аз незлобою моею ходих* (Пс. 25, 1), иногда же: *Аще воздах воздающим ми зла* (Пс. 7, 5); а иногда: *Без беззакония текох и исправих* (Пс. 58, 5); в другое же время: *Нестъ льсти в языке моем* (Пс. 138, 4); и еще: *Благоугодих во истине Твоей* (Пс. 25, 3); и, после того как и еще большее сего сказал о себе святой, говорит наконец: *Господи, не вознесеса сердце мое, ниже вознесостеса очи мои* (Пс. 130, 1).

Столько надеялся он на свой навык в добродетелях, в которых упражнялся! Но в одно время вознерадел о внимательности к себе¹⁸², дозволив вдруг оку носиться всюду свободно, и им привлечен был он к красоте чужой жены, а в сердце принял стрелу – пламенеющий взор, который, распалив его до неистовства, довел до прелюбодеяния, прелюбодеяние же понудило отважиться на убийство, и притом убийство несправедливое; и зло, начавшись взглядом, прошло чрез ряд

¹⁸² Вместо: τῆς προσευχῆς по рукописи читается: τῆς προσοχῆς.

зол и кончилось так пагубно. Так грех, возрастая от малой причины, доводит до самого крайнего предела гибели. Ибо если, по словам премудрого Приточника, не должно быть другом *мужу гневливу* (Притч. 22, 24), чтобы не стать, конечно от сего общения, причастным страсти, которая, как обычно, от одержимых ею нечувствительно переходит на живущих с ними, то избегать страждущих более важными и трудными болезнями не паче ли необходимо и полезно тем, которые намерены остерегаться от подражания?

Глава 22. Ибо обращение с таковыми людьми делает человека подражателем, когда сам он того не знает, уподобляя злым и не желавшим дотоле быть таковыми, и мало-помалу делающихся тем, чем старались они не сделаться. И Олоферна, мужа воинственного, опустошившего Иудею, сандалия пришедшей жены уловила в неистовую любовь и удержала в плену.

Ибо история говорит, что *сандалия* Иудифи *похити око* (Иудифь. 16, 9) Олоферна и похищение ока имело концом смерть, потому что Иудифь, нашедши, что он препобежден страстию, обольщая различными способами, долгое время томила домогавшегося супружеского общения, пока не нашла удобного времени обезглавить сего несчастного, и вожделению неудовлетворившего, и погибшего бедственной и жалкою смертью. Сближающиеся с порочными, хотя сами не знают, терпят много подобного, потому что и плодящееся наслаждение часто забавляет их, и блеск богатства располагает к приятным чувствам, и честь окрыляет, и бесчестие печалит, благовонное испарение услаждает обоняние и приправленные снеди, может быть, тем самым, что неощутимо качество их, возбуждают вкус их к пожеланию. И такая борьба как может быть полезна неразумным, опрометчиво решающимся идти навстречу опасностям, воспламеняющим в себе страсти, которые могли бы оставаться безмолвными, так, что не бывает уже они в покое и не дают им свободы с пользою занять чем-либо ум?

Глава 23. Ибо ум, по природе пребывающий в непрестанном движении, когда не занят заботою о суетном, попечительность свою обращает на полезное, рассуждает, о чем должно, всецело предается свойственной ему рачительности, беседует в молитве с Богом, увеселяется чтением Божественных словес, размышляет о твари и прославляет Творца за разнообразие создания, видит, что страсти в нем укрощены, примечает, что нравы благоустроены, усматривает в себе ежедневное преуспеяние в лучшем, находит состояние свое во всем упорядоченным и непрестанно благодарит за это Дарующего сию благодать и жизнь, исполненную веселия и довольства.

И не имеет равной с ним цены, кто даже не знает о состоянии своем, каково оно, и не дает рассудку времени всмотреться и узнать, как приходят в движение страсти, вчера ли паче или сегодня в лучшем или в худшем он расположении, потому что много потребно досужного времени к уразумению разнообразных движений в страстях и ежедневная бывает разность в том, как они вкрадываются, умаляясь отчасти, снова возрастая, по рачительности или по лениости приходя в такое или иное расположение, усиливаются и слабеют, покоятся и восстают, едят сено, подобно волам, и вожделеют мяса. Ибо первым

означается, что они стали кротки, а последним, что они ожесточились и свирепеют.

Глава 24. Как из пресмыкающихся ядовитые в зимнее время года бывают покойны и неподвижны и не причиняют вреда, оцепенев от стужи, так и страсти, оставаясь в бездействии при развлечениях, хотя не прекращаются, однако бывают на время покойны, только тогда приходя в движение, когда найдут и свободу, и досуг показать в мыслях, на что они способны, подобно зверям, при солнечной теплоте выползающим и выходящим из нор. Поэтому, как рассказывают, некто из преследующих свои помыслы, долгое время проведя на безмолвии в пустыне и намереваясь опытом дознать ежедневный успех, набрав в пустынном песке камней, держал их у себя за пазухой, и один камень из всей кучи, если помысел подвигнут был на мысль добрую, клал по правую себя сторону, а если – на мысль срамную, то – по левую, и делал это обыкновенно до вечера, по одному камню прикладывая там и здесь, как требовали того приходившие на ум мысли. Потом, по наступлении вечера, пересчитывал он те и другие камни и таким образом узнавал, какой ежедневно у него, если только бывал, успех в добре. И ему свобода времени доставляла досуг делать это.

Но у кого недостает времени на ежедневные тревоги, потому что их больше всего дневного продолжения и своим множеством превосходят они время, тот узнает ли когда что-либо из требующего такой рачительности? Ибо ум, когда подлежит рассмотрению и что-либо необходимое, не хочет иметь другой заботы и не привык к этому, хотя бы и желал поразмыслить о чем другом, кроме того, чем озабочен; подобно глазу, смотрит на что-либо одно и по природе своей не может зрительную силу разделять вдруг на многие предметы.

Глава 25. Итак, почему же этот, живущий в опасностях, лучше живущего безопасно? Ибо, хотя по видимому идут они одним путем добродетели, однако же не одинаково совершают оный. Один в безмолвии, как днем, внимательно обозрев и узнав все, что на пути есть трудного и удобного, безопасно проходит им, уклоняясь от утесов и обходя стремнины. Другой во мраке развлечений, как ночью, падает в ямы, бьется о камни и, подобно слепому, претыкается при всяком препятствии. И похвала смотрящих на дело его расслабляет его, и слава успешно совершенных дел надмевает до безрассудства, и пренебрежение неудивляющихся добродетели печалит его, как бесчувственность, и кажущееся пред другими преимущество в добре доводит его до высокомерия. И ему необходимо, иногда предаваясь кичливости, веселиться без меры, а иногда упадая духом и стесняясь, приходить в уныние.

А живущий в отшельничестве не меняет сих расположений, не знает ни хвалящих, ни порицающих, пребывает один с единым венчающим труд Богом – сам знает свое дело, но и от себя старается многое скрыть, ибо человеку можно иногда сделаться хвалителем себя самого, надмившись детским суемудрием, и чрез это от себя самого потерпеть вред, какой, возбудив к себе удивление, потерпел бы от других.

Глава 26. *Блажащий вас льстят вы* (Ис. 3, 12) – прекрасно сказано в Божественном Писании о делающих доброе напоказ другим. Кто же будет ублажать человека, которого не видит, и кто ублажением

обольстит до самомнения добровольно бежавшего от людей, чтобы чьими-либо похвалами не умалить награды своей от Бога, и, по Господнему слову, скрывающего от шуйцы всякое дело десницы (см.: Мф. 6, 3), чтобы знать о деле, что оно сделано, а не знать, чем оно выставляется, самого себя скрывая от той половины, в которой зарождается хвастливость? Шуйца же узнает дело десницы, когда раздает что по славолюбию, и скрываемое десницею старается разглашать для уловления славы.

Посему дававшие имена в древности подвизающихся в городах удачно именовали голубицами, а жительствующих в пустынях и местах непроходимых – горлицами, потому что первые упражняются в добродетели пред глазами зрителей и произвольно или невольно чернят себя человекоугодием, или увлекаясь похвалами многих, или же часто и намеренно стремясь к тому, чтобы прославиться, конечно имея в виду пользу видящих, что не есть еще человекоугодие, однако же очерняет, без сомнения, добродетель и по мере сего умалает награду за труд, почему и действительно уподобляются они голубице, которая выводит птенцов и отдает их на заклание людям. Последние же все делаемое ими без ущерба и всецело воздают Богу неповрежденным, подобно горлицам, которые отпускают из гнезда птенцов живыми на воздух. Таково совершаемое сокровенно в благоугождение Богу, оно живет и крепнет и составляет непреложное достояние потрудившегося. А что желает иметь свидетелями людские взоры, то подобно одежде, и зарождает тлю тщеславия, и повреждается ею.

Глава 27. Положим, что вполне любящий людей, лучше же сказать, всегда обращающийся с людьми и не потерпит ничего такого, что терпеть необходимо, и не понесет никакого вреда от причиняющих обыкновенно вред, как это сказано, – пусть уступлено будет слову, чего не уступает сама истина, – но что беззаконно делают высшие с низшими, как обижают и терпят обиды, как самовластвуют и страждут от самовластия, как грабят и подвергаются грабительству – сие, без сомнения, видит он и состраждет к страждущим, делаясь в расположении к тем и другим, негодуя на притесняющих и сожалея притесняемых, исполняясь гнева и преклоняясь на милость, раздражаясь и уязвляясь внутренне, иногда даже порицая долготерпение безмолвно взирающего на сие Бога. Сему подвергшись некогда, пророк Аввакум показывает это и другим подвергающимся тому же, чему подвергся он: *Вскую мне показал еси труды и болезни, яко нечестивый преобидит праведнаго* (Авв. 1, 3-4); и *человеки сотвори яко рыбы морския* (ср.: Авв. 1, 14) пожирающими себя самих. Так Пророк с пламенной ревностью и дерзновенно жалуется Богу на сие терпение и попущение как на безначалие. И какая необходимость принуждает вступаться в бедствия других того, кто ничем не может помочь и при том грешит, хотя и не великое еще дело, – оттого что другие поступают худо, – приходиться в смятение уму, который должен пребывать в мире? Так погрешают живущие в многолюдном обществе, хотя не погрешали бы, отделившись от многолюдства, и притом терпят ущерб в наградах за труды ради славы человеческой.

Ибо, хотя удивляющиеся им более, нежели пребывающим на безмолвии, тысячекратно будут утверждать, что дивятся за пребывание их среди многолюдства, однако же очевидно то, что они связаны сими

узами и тем самым, что избрали для жительства места, причиняющие вред, и без обвинителя громко сами против себя вопиют, тогда как, с другой стороны, удалившиеся от хвалящих самым делом ясно свидетельствуют также, что попрали они славу, которой удивляются многие: и пост для них не пропадает, и бодрствование не гибнет, и молитва не подвергается крушению, и терпение не окрадывается, и всякая иная добродетель не расхищается, потому что нет похвал, которые могли бы разграбить труды. Их видит един Бог, им присущий, и усердие умащающий для больших подвигов и наград, и ныне оказующий содействие, и по отшествии дающий Вечную Жизнь Господом нашим Иисусом Христом. Ему слава и держава во веки веков! Аминь.

Разные главы или мысли

Имей страх Божий и любовь Божию и поступай со всеми по чистому свидетельству совести.

Веруй, что при каждом твоём деле присутствует Сам Бог.

Похвал бегай, но стыдись и укоризн.

Радуйся добродетели, когда поступаешь добродетельно, но не превозносишь её, чтобы не случилось крушения в пристани.

Сколько преуспеваешь в законе, столько же признавай себя далеким¹⁸³ от совершенства.

Исследуй конец всякого поступка прежде его начала.

Ночью и днем взирай на последний день. И никакая любовь к настоящей жизни да не привлекает тебя к земле¹⁸⁴.

Не вступай в общение с тем, кем, как видишь, гнушаются¹⁸⁵ добрые.

Делаешь ли что, или говоришь, или любомудрствуешь, старайся никому не быть во вред.

Не увеселяйся цветами жизни; это – цвет травный, как скоро прикоснешься, увядает.

В скорбях благодари, и облегчится греховное иго.

В искушениях веди себя осторожно, потому что они обличили многих, которые были выше тебя.

Не порицай Божия долготерпения, ибо оно – общее врачевство.

Возненавидь житейские несообразности, но не клевети в этом на Бога.

Будем внимательны к себе и не станем осмеивать других, ибо в нас самих много такого, за что смеемся над другими.

Молитвенный псалом да будет в устах твоих, ибо произнесение Божия имени обращает в бегство демонов.

Молитва да будет с трезвением, чтобы не просить нам у Бога того, что не благоугодно Ему.

Памятуй всегда о Боге, и ум твой сделается Небом.

Обуздывай око, потому что и сам не знаешь, где оно блуждает.

---

¹⁸³ По рукописи читается: τοσοῦτον ὑβρίζε.

¹⁸⁴ Последняя мысль дополнена по рукописи.

¹⁸⁵ Вместо: λοιβορούμενον по рукописи читается: βδελυσσόμενον.

Щади язык; он часто произносит то, что лучше было бы утаить.

Возделывай ум поучением Закону, потому что поучающийся непрестанно искореняет в себе лукавые помыслы.

Добродетели скрывай, но старайся иметь многих свидетелей жизни своей.

Возненавидь плотские удовольствия, потому что вместе с телом нечистою делают и душу.

Давай плоти то, что ей нужно, а не что хочет она получить.

Не люби роскоши, потому что внушает приверженность к настоящей жизни, а тою и другою порождается вражда на Бога.

Отвращайся от житейских радостей, ибо доводят они до поползновений и преткновений на жизненном пути.

Богатство, если имеешь, расточай, а если не имеешь, не собирай.

Пост почитай оружием, молитвы – стеною, слезы – банею.

В чем ни согрешишь, о всем этом воспоминай с воздыханием: от сего происходит в душе сокрушение.

Снабжай бедных; они умилоостивят к нам Судию.

Принимай участие в нуждах святых, потому что чрез них придешь в общение с Богом.

В церковь ходи, как на Небо, и в ней не говори и не помышляй ни о чем земном.

Иметь в довольстве потребное для жизни признавай необходимым, а попечение о том предоставь Богу.

Изнауряй плоть добрыми трудами, но позаботься не приводить ее в совершенный упадок.

Пей вина как можно меньше; насколько убавляется его мера, настолько же оно и благотельно пьющим.

Сдерживай в себе раздражительность, потому что, выходя из меры, делается она матерью неистовства.

В болезнях прежде врачей и лекарств пользуйся молитвою.

Иереев всех почитай, к добрым же прибегай.

Люби Божий дом, но и себя устрояй в дом Божий.

Часто ходи в церковь, потому что избавляет нас от смятений и внешней бури.

Что на земле временно, то, разлучаясь с тобой, да не печалит тебя ныне.

Когда зарождается в тебе помысел сладострастия, противопоставь ему стыд от людей и оскорбление Богу.

Ограждай слух и очи, потому что чрез них входят все стрелы злобы.

Когда молишься, возведи помысел к Богу; и, если, развлекшись, не удержится на сей высоте, возведи его снова.

Ум не перестает порождать помыслы¹⁸⁶, а ты худые искореняй, а добрые возделывай.

Люби смирение: от него великая высота, которая и пасть не может.

Столько подвизайся, сколько нужно, чтобы ослабить плотские восстания; а если изнеможешь, врачуй тело для здравия, а не для роскошной жизни.

Лукавые помыслы исторгай иными помыслами.

---

¹⁸⁶ Слово *помыслы* дополнено по рукописи.

Помышляй о благолепии Небесных благ, и не войдет в тебя никакая любовь¹⁸⁷ к земле и к земным наслаждениям.

Когда приходится тебе помыслить что о Боге¹⁸⁸, если это низко, возвышай, а если возвышенно, умеряй, не Бога, но себя, потому что небезопасно все то, что преступает меру, какая для нас востановима.

Верь, что худые помыслы – диавольский посев; сим они прекращаются, а сеятель постыжается.

Берегись излишнего смеха: он расслабляет душу, а душа, расслабев, легко свергает с себя узду Закона.

Душевные силы уделять должно на дела и молитвы; тогда не много входов найдет к нам диавол.

Чтение Закона признавай делом, когда ум, желая пожинаать что-либо полезное, и языком трудится над книгами.

Если простираешь руку к работе, то пусть язык поет, а ум молится, потому что Бог требует от нас, чтобы всегда мы памятовали о Нем.

Молитвою запечатлевай всякое свое дело, а наипаче то, при котором видишь помысел колеблющимся.

Если хочешь, чтобы дела рук твоих были Божественны, а не перстны, то приобретенное ими пусть будет у тебя общим с нуждающимся.

Радуйся встрече со святыми, потому что чрез них является Бог.

Истинно святых отличай по делам, потому что всякое древо познается по плодам.

Старайся всегда воспользоваться чем-нибудь от лицезрения святых; наблюдай их взгляд и наружность, потому что весьма полезно то и другое.

Сердцем упражняйся в незлобии, а телом в чистоте; то и другое соделывает тебя храмом Божиим.

Так сохраняй храм свой¹⁸⁹, как храм Создавшего, Имеющего судить и Устраивающего, чтобы ты – образ Его – был чист.

Беседы с людьми мирскими отлучают помысел от Бога, поэтому и не разговаривай с ними и от разговаривающих уклоняйся.

Когда злословят тебя, смотри, не сделано ли тобою что-либо достойное злословия. А если не сделано, то злословие почитай улетающим дымом.

Без сокрушенного сердца невозможно освободиться от порока, а сердце приводится в сокрушение трояким воздержанием; разумею воздержание от сна, от пищи и от телесного покоя¹⁹⁰.

Если чем обижен, прибегай к терпению, и вред перейдет на обидевших.

Когда видишь богатство, или славу, или мирское владычество, размысли о том, что в них есть тленного, и избежишь приманки.

Терпи скорби, потому что в них, как розы в тернах, растут и воспитываются добродетели.

Ничего не почитай по достоинству равным добродетели, потому что она – образ Божий, как Сам Бог, непреложна.

---

¹⁸⁷ Вместо: πάθος по рукописи читается: πόθος.

¹⁸⁸ Слова *если это низко* и прочее дополнены по рукописи.

¹⁸⁹ Вместо: οὐν по рукописи читается: οὐ.

¹⁹⁰ Сия мысль дополнена по рукописи.

Плачь о грешнике, когда все ему удастся, потому что простирается на него меч правосудия.

Матерью пороков признавай леность, потому что блага, какие имеешь, расхищает, а каких не имеешь, не допускает приобрести.

Когда поступающий худо не стыдится сего, тогда язва делается тяжкою и падение доходит до отчаяния.

Как скоро упадешь духом, размысли, сколько благ уготовано верным, и удобно приобретется тобою духовный плод.

Верному надлежит смиряться пред всеми, ибо смиряться только пред некоторыми значит иметь смирение ложное¹⁹¹.

Ничего не предпочитай любви к ближнему, кроме того случая, когда вследствие ее презирается любовь к Богу.

Ни к чему не прилепляйся и не пристращайся вопреки Божью Закону, ибо сие недостойным Бога делает предпочитающего Ему кого-либо.

Не будь защитником худых людей, потому что их поощряешь на худое, а сам оскверняешься общением в деле.

Вразуми согрешающего, но не осуждай падающего, ибо последнее есть дело злоречивого, а первое – желающего исправить.

Старайся всегда слышать и говорить о том, что свойственно святым, потому что сие возбуждает душу к доброму соревнованию.

Если ум у каждого из нас есть домашняя церковь, то и церковные уставы обязаны мы совершать в нем.

Если в церкви совершается служба, будь при оной, а если не совершается, прочтя апостольское благовестие, иди домой.

Славу добродетелей рассматривай во святых, потому что слава их и по смерти бывает бессмертна.

Тогда возненавидишь порок, когда рассудишь, что это – демонский блещущий над нами меч.

Если вразумляешь падшего, то слова свои срастворяй состраданием, тогда и слух его смягчится, и просветится сердце.

Когда говоришь со святыми, вопрошай о духовном, а когда – не со святыми, не говори об этом.

В добрых делах всегда поспешай, чтобы, оставив их почему-либо недоконченными, и самому не отойти отсюда не довершенным.

Тако теците, да постигнете (1 Кор. 9, 24), то есть иди без отдыха, потому что вслед добродетели идти должно, пока не сойдем с поприща жизни.

Не будь нерадивым в делании заповедей, потому что у нерадивых к одному труду прилагается другой бесполезный труд.

В терпении упражняйся и прежде нужды, чтобы в нужде всеоружие его найти готовым.

Препирайся с лукавыми помыслами и говори им, что сказано в Законе.

С великим старанием отводи око от жизни сей, потому что восходящий от нее вредный дым делает душу мутною.

Если овладела тобою худая какая привычка, отсекай ее понемногу, и без большого труда терние это извлечешь из души.

Бога, как чистого, люби чисто; и как Он есть Сый над всеми, то все почитай низшим Его.

---

¹⁹¹ По рукописи не читаются следующие за сим мысли.

Если желаешь быть храмом Божиим, то приноси Богу непрестанную жертву – непрерывную молитву.

Живущего нерадиво не бери в советники, потому что, любя худое, не может он вместе и ненавидеть добро, и присоветовать оное.

Воздерживайся от всякого растления и каждый день причащайся Таинственной вечери: таким образом тело наше делается Телом Христовым.

Когда терпишь наказание от Бога, не ропщи, потому что Он хотя и наказывает, но – как Отец, и достоин благодарения, как Благодетель.

Когда обесчестят тебя, радуйся, ибо если несправедливо, то велика тебе награда, а если справедливо, то, как скоро уцеломудришься, избавишься от наказания.

Тени и колесу уподобляй житейские скорби и радости, потому что непостоянны, как тень, и вертятся, как колесо.

Старайся всегда преуспевать по Богу, ибо прилагающий малое к малому в короткое время собирает прекрасное богатство, которого все домогаются.

Если желаешь избежать тяжести мучения, никогда не злословь, ибо сие прогневляет Бога.

Если желаешь от дома своего отвратить всякое наказание, не говори худо о человеке соплеменном, ибо Создавший его справедливо на сие гневается.

Если хочешь быть выше всякого греха, то не старайся дознавать чужие дела; и в тебе много того же, в чем подозреваешь другого.

Бегай гордости, человек, хотя ты и богат, чтобы со временем не иметь тебе противником своим Бога.

Возлюби смиренномудрие, хотя ты и велик, чтобы возвыситься в день Суда.

Не насмехайся над человеком, и во всю свою жизнь не потерпишь насмешки.

Когда ты в церкви, не пари умом, ибо стоящие пред Царем не смеются и не предаются рассеянности.

Не пренебрегай своею жизнью и не поступай, ни на что не смотря, вопреки Закону, чтобы не погибнуть беззаконно.

Со всею несомненностью памятуй сказанное, чтобы соделало тебя сие славным по жизни.

Ревнуй о досточестной жизни, чтобы иметь тебе дерзновение исправлять согрешающих.

Огради себя от высокомерия, ни с кем не входи в ссору, чтобы не быть осужденным за высокоумие.

Не смейся над падением другого, чтобы не быть осмеянным.

Сохрани советы сии, чтобы доставили тебе венец славы.

Будь исполнителем сих заповедей, чтобы они соделали тебя славным перед людьми и благоугодным Богу, ибо сие благоприятно Богу и такими преуспеваниями совершается Ему служение.

Старайся преуспевать всегда в добрых делах¹⁹².

И воин, если не будет прежде обучен долговременным упражнением и испытан в трудах и в битвах, показав на опыте, что одерживает победу над врагами, не прославляется.

---

¹⁹² Следующие за сим мысли дополнены по рукописи.

Тем паче у Небесного и истинного Царя никто не удостаивается приять Небесные дары Святаго Духа, если не будет предварительно упражняться в изучении святых заповедей, а таким образом не примет Небесного оружия самой благодати и не вступит в борьбу с духами злобы.

В какой мере преуспевает он в духовном подвиге, в такой восходит на высоту таин Духа и утаенных сокровищ Премудрости.

И в какой мере обогащается благодатию, в такой преуспевает в познании умышлений злобы, при помощи Владыки.

Ему слава и держава вовеки! Аминь.

Мысли, которые могут человека отводить от тленного и прилепляют к нетленному

Вот лучший и краткий путь к добродетели: бегство от мира.

Вожделевающему нетленного надлежит ни во что вменять тленное.

Если желаешь Истинной Жизни, ожидай всегда человеческой смерти.

Возненавидь настоящую жизнь, ибо, смотри, колесо ее вертится без порядка.

Не вожделевай благ, которых употребление минуется и обладание которыми утрачивается.

Смейся над теми, которые во всем благоуспешны, а сострадай к тем, которым во всем неудача, ибо первое ведет к награде, а последнее – к любомудрию.

Упражняйся в терпении, в каком, как знаешь, подвизались мученики (μάρτυρες), потому что и от нас требуется свидетельство (μάρτύριον) совести.

Всему предпочитай душу, и путь добродетели совершится тогда без труда. Все тленно, а душа бессмертна, потому тленному надлежит предпочитать бессмертное.

Будь готов к скорбям, и приобретешь большую пользу.

Проси у Бога не приятного, но одного полезного. Если попросишь первого, Бог не даст, а если и получишь, оно пропадет.

Не порицай нищеты, потому что соделывает подвижника неразвлекаемым в исполнении Закона.

Не веселись при богатстве, потому что заботы о нем, всего чаще и против воли, отлучают человека от Бога.

Близок конец, да готовится ленивый к понесению наказания.

Недалеко до жатвы, поэтому душевную ниву очистим от терния.

Ничто не сокрыто от Судии, поэтому напрасно стараемся грешить скрытно.

Прежде людей стыдись Ангелов, потому что при нас их много, и устраняй себя от всякого постыдного поступка.

Заботливо помышляй о весах Судии и выбрось из себя всякую, какая есть в тебе, примесь житейских покушений.

Праздность и покой почитай для себя вредом и спеши сделать что-либо такое, что потребуется от нас.

Помышляй всегда о непостоянстве настоящей жизни, и ничто в ней не в состоянии будет развлечь тебя.

Да не услаждают тебя земные веселости, которые временны, это – уда, как рыбу, приманивающая и уловляющая душу.

Старайся не впадать в искушения, а если впал, покажи мужество.

Никогда не презирай проливающего слезы бедняка, чтобы не презрены были слезы твоей молитвы.

Любомудрие, сие самое преимущественное достояние людей, хочет одно пребывать и с одним приобретшим его.

Добродетель – Божий хитон; научись исткать ее, и будешь облачающим Облачающего тварь.

Что на земле, то похищается татями. Ты делай Небесное, ибо сие недоступно перстам похитителей.

Должно отказаться от роскоши, потому что вовлекает в дела, от которых после трезвения бывают воздыхания.

Всего лучше гнушаться плотелюбивых помыслов, потому что и тело растлевают, и душу оскверняют.

И земные блага не без трудов достаются, почему же уклоняемся от благ Небесных по причине трудов?

Хочешь ли без труда творить добродетель? Рассуждай о труде, что он временный, а о награде, что она вечная.

Все истаивающие от желания удовольствий неприличных пусть рассуждают о кратковременности наслаждения и о продолжительности наказания.

В какой мере нечиста жизнь, в такой же и душа делается скотскою; и плакать должны дошедшие до этого, как повредившие разумную силу, и притом сами от себя.

Все почитай тленным, и добродетель только – нетленною.

Пренебреги всем прочим, что делает человека скотоподобным, и делай то одно, что может соделать тебя Небесным.

Прилагай попечение о добродетели, потому что она любомудрием обновляет Адама.

Владеешь чревом? Владей и языком, чтобы, когда остаешься рабом одного, и освобождение от другого не было бесполезным.

Люби Бога, не будь же паче сего пристрастен к своим, чтобы тебе не оказаться, по слову Его, хотя бы и не желал ты, недостойным Его.

Будь терпелив в скорбях, потому что венцы подвижающимся в них.

Терпеть зло – блаженное дело, а делать – преокаянное, ибо кто терпит, тот наследник Христов, а кто делает, тот наследник диаволов.

Прекрасен хлеб поста, потому что нет в нем кваса удовольствий.

Свят жертвенник молитвы, потому что привлекает к нам Святого святых.

Не почитай справедливость неважным добавлением добродетели, потому что без нее всякое дело нечисто.

Если сеешь в нищих, то сей свое, ибо чужое и плевелы превосходит горечью.

Слеп милостивый, если он несправедлив: возделывает поле, с которого не может собрать жатвы.

Всегда ожидай, но не бойся смерти; то и другое – истинные черты любомудрия.

Носи на себе образ добродетели, но не для того, чтобы обмануть видящих тебя, а чтобы принести им пользу.

Говорить надлежит о хорошем и тому, кто не делает хорошего, чтобы, устыдясь слов, начать и дела.

Если возделеваешь Неба, то у тебя ничего нет общего с землею, потому что земля не позволяет воспарять на Небо.

Не желай разбогатеть по нищелюбию, потому что Бог узаконяет праведнику подавать милостыню от *праведных трудов* (Притч. 3, 9).

Если чаша студеной веды оправдывает милосердного, то какая награда ожидает расточающего все на нищих?

Чистота и сострадательность – матери добродетелей, поэтому без той или другой невозможно быть Христовыми воинами.

Не оставляй в пренебрежении сострадательность: она Благого Владыку низвела с Неба.

Не пренебрегай чистоты: чрез нее Соделавшаяся орудием Воплощения даровала людям ради нас Воплотившегося.

Не говори: «Отмщу врагу!» Есть у нас Праведный Судия на Небе.

Не желай ни жить роскошно, ни разбогатеть, ни прославиться, потому что это – житейский тлен, а мы созданы не на истление.

Не плачь над умершим: это – общий путь. И кто достиг конца, тот блажен.

Плачь о грешнике, а не о нищем, ибо последний увенчивается, а первый терпит наказание.

Смейся над колесом жизни, которое вертится без порядка, но остерегайся бездны, в которую низвергает оно засыпающих на нем.

С Богом беседуй много, а с людьми мало; поучением себя в Законе преуспеешь в том и другом.

Прекрасная баня для души – слезы во время молитвы, но после молитвы помни, о чем ты плакал.

Не ублажай сильных мира, потому что *сильнии же сильнее истязани будут* (Прем. 6, 6); почему и Судия будет к ним строже.

Адаму должно трудиться, а мы, трудясь в Законе, приобретем награду.

Наследникам Евы необходимо скорбеть, но, когда переносим скорби с благодарением, для нас клятва обращается в благословение.

Вместо светильника, при рассмотрении поступков своих, употребляй совесть; она показывает тебе, какие поступки в жизни твоей добры и какие – худы.

Будем осуждать самих себя, и Судия умиловится; ибо, как Благий, радуется Он, видя, что грешник расточает бремя свое.

Если сделано нами что-либо нечистое, омоем это покаянием, потому что образ Божий должны мы представить в себе чистым.

Прежде, нежели обнажены будут душевные струпы, уврачуем их, чтобы сими врачевствами и наказания обратить нам в свою пользу.

Как связанным трудно ходить, так и прилепившиеся к житейскому течение добродетели совершают нечисто.

Надлежит возненавидеть грех; в таком случае, если и поползнется кто на грех, скорее может выйти из сетей его.

Кто не возненавидел греха, тот, если и не делает греха, причисляется к грешникам.

Воздохни о согрешающем ближнем, чтобы вместе с тем воздохнуть и о себе, ибо все мы повинны во грехах и подлежим наказанию.

Согрешающему другу напхни о Судии, и заживишь свою язву, потому что сие врачевство совета, как общее, пригодно и ему, и тебе.

Намереваясь что-нибудь сказать или сделать, позаботься об оправдании, которое вскоре от тебя потребуется, – и, исправляем страхом, уцеломудришься.

Наказания за грех бойся, а стыда ужасайся, потому что безмерна тяжесть того и другого.

Лепота и множество будущих благ беспредельны, а настоящее – тень, дым, водяной пузырь.

Не сей худого, потому что жатва близко и насадителя терний ожидает огонь.

Лицемеры, любостяжатели, сластолюбцы – розы мира сего, но потерпи немного, и увидишь, что трава эта потоптана.

Всякий худой поступок вооружает диавола, но вооруженный жестоко обходится с вооружившимися.

Хочешь ли привести в изнеможение врага? Отсеки грех, и над ним, лишенным сих крыльев, можно издеваться, как над воробьем.

Горе нечестивому, потому что, когда все просвещаются, тогда он омрачается.

Горе хульнику, потому что у него связан язык и не в состоянии он сколько-нибудь оправдаться пред Судиею.

Горе беззаконнику, потому что пойдет к строгому Судии и правдивому Законоположнику.

Горе любостяжательному! Богатство от него бежит, ожидает же его огонь.

Горе ленивому! Взыщет того времени, которое употребил худо.

Горе высокомерному! Когда сойдет во гроб, узнает, кто он.

Горе блуднику, оскверняющему брачную ризу! Со стыдом изгоняется из брачного царского чертога.

Горе ругателю и вместе с ним пьянице! В один ряд поставляются они с убийцами и наказываются вместе с прелюбодеями.

Горе роскошествующему! Недолго ему утучняться, как тельцу, уготовляемому на заклание.

Горе лицемеру! Пастырь от него отрекается, и овен¹⁹³ оказывается волком.

Блажен, кто идет путем тесным, потому что венценосцем восходит на Небо.

Блажен, кто попирает земные удовольствия: борьбы с ним трепещут демоны.

Блажен, кто чист в добродетели и не лицемерен в душе: будет он судить мир, а не судим вместе с миром.

Блажен, кто неусыпен в молитвах, чтении и добрых делах: таковой просветится, чтобы не уснуть ему в смерть.

Блажен, кто высок по жизни и смирен по образу мыслей: он подражает Христу и с Ним совоссядет.

Блажен, у кого Закон не сходит с языка: Бог не оставляет кушу его.

Блажен, кто многим делает добро: на Суде найдет он многих защитников.

---

¹⁹³ Т.е. идущий впереди стада.

Блажен, у кого в добродетели нет худой подмеси, потому что лопата Судии не вводится им в обман.

Блажен, кто украшает дела свои прежде, нежели явит их огонь, которым все искушается.

Блажен, кто поспешает к Будущей Жизни, потому что настоящее издает запах тления и влечется к смерти.

Блажен, кто расточает, что собрал, и чистым предстает чистому Судии.

А главное в слове: не неради о душе, потому что скоро станешь пред весами на Страшном Судилище Христа, Бога нашего.